DOI: 10.21209/1996-7853
DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3

ISSN 1996-7853 (Print)
ISSN 2542-0038 (Online)

ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕКТОР

Humanitarian Vector

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Забайкальский
государственный университет»

672039, Россия, Забайкальский край,
г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30

АДРЕС РЕДАКЦИИ

672007, Россия, г. Чита,
ул. Бабушкина, 129, каб. 126
Телефон: 8 (3022) 35-24-79
Факс: 8 (3022) 41-64-44

FOUNDER AND PUBLISHER

FSBEI HE
“Transbaikal State University”

30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita,
Transbaikal Territory, Russia, 672039

EDITORIAL OFFICE ADDRESS

Office no. 126, 129 Babushkina st.,
Chita, Russia, 672007
Phone: 8 (3022) 35-24-79
Fax: 8 (3022) 41-64-44

E-mail: zab-nauka@mail.ru

<http://www.zabvektor.com>

Том 16, № 3
2021

Vol. 16, No. 3
2021

Журнал зарегистрирован

Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС 77-71267 от 10.10.2017

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук:

07.00.02 – Отечественная история (исторические науки);
07.00.03 – Всеобщая история (соответствующего периода) (исторические науки);
07.00.06 – Археология (исторические науки);
07.00.07 – Этнография, этнология и антропология (исторические науки);
07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки);
09.00.11 – Социальная философия (философские науки);
09.00.13 – Философская антропология, философия культуры (философские науки);
10.01.01 – Русская литература (филологические науки);
10.01.10 – Журналистика (филологические науки)

Направление номера журнала

Исторические науки

Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях; высказываемые взгляды могут не отражать точку зрения редакции

Языки издания: русский, английский, китайский

Редакция журнала руководствуется положением Гражданского кодекса РФ по авторскому праву, международным стандартом редакционной этики, лицензией Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0 Всемирная

Подписной индекс журнала

в «Пресса России» **42407**

Редакционная коллегия

Главный редактор

Ерофеева Ирина Викторовна, доктор филологических наук, доцент, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия)

Выпускающий редактор

Константинов Александр Васильевич, доктор исторических наук, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);

Ванчикова Цымжит Пурбуевна, доктор исторических наук, профессор, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ, Россия);

Гончаров Юрий Михайлович, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Ответственный секретарь

Седина Елена Витальевна, кандидат культурологии (Чита, Россия)

Размещение и индексация журнала

Научная электронная библиотека, CrossRef, DOAJ, Index Copernicus, Ulrich's Periodicals Directory, Citefactor, JIFACTOR, Journal Factor, Google Scholar, WordCat, Co-ционет, Знаниум, БиблиоРоссика, Арбикон, ИВИС, КиберЛенинка, Университетская библиотека онлайн, IPRbooks.

Тематика журнала связана с ключевыми смыслами, ценностями и артефактами культуры.

Проблематика смысла обнаруживается в вопросах экзистенциального плана, места и роли человека в современном мире, культуре и обществе, трансформации идентичности и эволюции социокультурных средств самосознания человека, кризиса культуры и её ценностных оснований. В рамках актуального культурно-семантического подхода любое явление культуры и общества рассматривается в качестве культурного текста, обладающего соответствующей ценностью и кодирующего культурные смыслы с помощью различных знаковых систем.

В данном номере журнала идейная канва редакционной политики становится основанием для осмысления социокультурных проблем в рамках всемирной, отечественной и региональной истории. Также в журнале представлены статьи по востоковедению, освещающие проблемы материальной и духовной культуры стран Востока.

Материалы выпуска будут интересны широкой научной общественности, преподавателям вузов, аспирантам, студентам, деятелям культуры и образования

© Забайкальский государственный университет, 2021

Редактор О. Ю. Гапченко, редактор перевода В. М. Ерёмина,
вёрстка Г. А. Зенковой

Подписано в печать 22.06.2021. Дата выхода в свет 25.06.2021.

Формат 60×84 1/8. Бумага ксерографическая. Гарнитура "Arial".

Способ печати оперативный. Заказ № 21080.

Усл. печ. л. 24,3. Уч.-изд. л. 21,2. Тираж 1000 экз. (1-й з-д 1–100 экз.).

Цена свободная

ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
672039, Россия, г. Чита, ул. Александровская, 30

The journal is registered

by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor)

Registration certificate

ПИ № ФС 77-71267 of 10.10.2017

The journal

is in the list of the leading refereed scientific journals and editions which publish the main results of dissertations for academic degrees of doctors and candidates of sciences:

- 07.00.02 – National history (historical sciences);
- 07.00.03 – Universal history (of the corresponding period) (historical sciences);
- 07.00.06 – Archeology (historical sciences);
- 07.00.07 – Ethnography, ethnology and anthropology (historical sciences);
- 07.00.09 – Historiography, source study and methods of historical research (historical sciences);
- 09.00.11 – Social philosophy (philosophical sciences);
- 09.00.13 – Philosophical anthropology, philosophy of culture (philosophical sciences);
- 10.01.01 – Russian literature (philological sciences);
- 10.01.10 – Journalism (philological sciences)

Journal Issue direction

Historical Sciences

The authors are fully responsible for the selection and presentation of the facts contained in their articles; the views expressed by them may not necessarily reflect the views of the editorial board

Publication languages:

Russian, English, Chinese

The editorial board is guided by the provisions of the Civil Code of the Russian Federation on Copyright, International Editorial Ethics Standards, Creative Commons license "Attribution"

("Attribution") 4.0 Universal

Subscription index of the journal
in "Press of Russia" **42407**

Editorial Board

Editor-in-chief

Erofeeva, Irina V., Doctor of Philology, Associate Professor,
Transbaikal State University (Chita, Russia)

Main Handling Editors

Konstantinov, Aleksandr V., Doctor of History, Professor,
Transbaikal State University (Chita, Russia);

Vanchikova, Tsymzhit P., Doctor of History, Professor, Institute
for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian
Branch, Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude,
Russia);

Goncharov, Yuri M., Doctor of History, Professor, Altai State
University (Barnaul, Russia)

Executive Secretary of the Editorial Board

Sedina, Elena V., Candidate of Culturology (Chita, Russia)

Journal placement and indexing

E-library, Crossref, DOAJ, Index Copernicus, Ulrich's Periodicals
Directory, Citefactor, JIFACTOR, Journal Factor, Google Scholar,
WordCat, Socionet, Znanium, BiblioRossica, ArbiCon, IVIS,
KiberLeninka, University library online, IPRbooks.

The dominant subject matter of the journal is *connected with key meanings, values and artifacts of culture*.

The problem of meaning is found in existential issues, questions of place and role of the person in the modern world, culture and society, transformation of identity and evolution of sociocultural means of person's consciousness, crisis of culture and its value foundations. Within the framework of a relevant cultural and semantic approach, any phenomenon of culture and society is considered as a cultural text possessing an appropriate value and coding cultural meanings through different semiotic systems.

This ideological outline of the journal's content becomes the basis for understanding of a wide range of sociocultural problems within world, national and regional history. The issue also presents papers on oriental studies covering the issues of material and intellectual culture of Oriental countries.

Materials will be interesting to the wide scientific community, university lecturers, postgraduate students, students, workers in culture and education.

© Transbaikal State University, 2021

Editor O. Yu. Gapchenko, Editor of the English Translation V. M. Eremina,
Make-up G. A. Zenkova

Signed to print 22.06.2021. Date of publication 25.06.2021.

Format 60×84 1/8. Xerographic paper. Headset "Arial".

Operative printing. Order No. 21080.

Conv. quires 24,3. Ed.-print quires 21,2. Circulation 1000 copies. (First impression 1–100 copies).

Free price

FSBEI HE "Transbaikal State University"
30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, Russia, 672039

Члены редколлегии

- Алеврас Наталия Николаевна**, доктор исторических наук, профессор, Челябинский государственный университет (Челябинск, Россия);
- Афанасьева Эльмира Маратовна**, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина (Москва, Россия);
- Базаров Борис Ванданович**, доктор исторических наук, профессор, академик РАН, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия);
- Батмаз Вейзель**, доктор наук, профессор, Стамбульский университет, заведующий отделом методов исследования, факультет коммуникаций, кафедра связей с общественностью и рекламы (Стамбул, Турция);
- Бернюкевич Татьяна Владимировна**, доктор философских наук, доцент, Московский государственный строительный университет (национальный исследовательский университет) (Москва, Россия);
- Буржо Андре**, доктор социальных наук, академик, Национальный центр научных исследований Франции (Париж, Франция);
- Воронченко Татьяна Викторовна**, доктор филологических наук, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Геруля Мариан**, доктор филологических наук, профессор, Институт политических наук и журналистики Силезского Университета в Катовице (Катовица, Польша);
- Гомбоева Маргарита Ивановна**, доктор культурологии, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Граля Хероним**, доктор исторических наук, Варшавский университет (Варшава, Польша);
- Дербишева Замира Касымбековна**, доктор филологических наук, профессор, Кыргызско-Турецкий университет Манас (Бишкек, Киргизия);
- Диев Владимир Серафимович**, доктор философских наук, профессор, Институт философии и права НГУ (Новосибирск, Россия);
- Жуковская Наталья Львовна**, доктор исторических наук, Центр азиатских и тихоокеанских исследований Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия);
- Захарова Елена Юрьевна**, доктор философских наук, доцент, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Зубарева Вера Климовна**, доктор филологических наук, профессор, Пенсильванский университет (Филадельфия, США);
- Изухо Масами**, доцент, Токийский столичный университет (Токио, Япония);
- Иизука Фуми**, доктор антропологии, Калифорнийский государственный университет (Калифорния, США);
- Камалова Алла Алексеевна**, доктор филологических наук, профессор, Варминско-Мазурский университет в Ольштыне (Ольштын, Польша);
- Карасик Владимир Ильич**, доктор филологических наук, профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия);
- Келли Бэрон**, доктор наук, профессор факультета театральных искусств университета Луисвилля (штат Кентукки, США);
- Ковтун Наталья Вадимовна**, доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева (Красноярск, Россия);
- Константинов Михаил Васильевич**, доктор исторических наук, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Костырченко Геннадий Васильевич**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН (Москва, Россия);
- Куликова Елена Юрьевна**, доктор филологических наук, доцент, сектор литературоведения ИФЛ СО РАН (Новосибирск, Россия);
- Лига Марина Борисовна**, доктор социологических наук, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Маслова Валентина Авраамовна**, доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет (Витебск, Беларусь);
- Мисонжников Борис Яковлевич**, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия);
- Новиков Александр Николаевич**, доктор географических наук, доцент, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Петров Александр Юрьевич**, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН (Москва, Россия);
- Пименова Марина Владимировна**, доктор филологических наук, профессор, Институт иностранных языков (Санкт-Петербург, Россия);
- Розов Николай Сергеевич**, доктор философских наук, профессор (Новосибирск, Россия);
- Романова Екатерина Назаровна**, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирское отделение РАН (Якутск, Россия);
- Саймонс Грег**, доцент, Центр российских и евразийских исследований (Уппсала, Швеция);
- Сонг Чжон Су**, профессор, университет Чжунг-Анг, Институт зарубежной филологии (Сеул, Корея);
- Стровский Дмитрий Леонидович**, доктор политических наук, доцент (Ариэль, Израиль);
- Субботина Надежда Дмитриевна**, доктор философских наук, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Сяобин Чжао**, доктор литературы, доцент, Хэбэйский университет (Баодин, КНР);
- Цэцэгма Жамбалын**, доктор исторических наук, профессор, Международный университет Их Засаг (Монголия);
- Черникова Ирина Васильевна**, доктор философских наук, профессор, Томский государственный университет (Томск, Россия);
- Шапошник Вячеслав Валентинович**, доктор исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории (Санкт-Петербург, Россия);
- Шевцов Вячеслав Вениаминович**, доктор исторических наук, Томский государственный университет (Томск, Россия)

Editorial Board

- Alevras, Natalya N.**, Doctor of History, Professor, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia);
- Afanas'eva, El'mira M.**, Doctor of Philology, Chief researcher, the Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russia);
- Bazarov, Boris V.**, Doctor of History, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia);
- Veysel, Batmaz**, Istanbul University, Faculty of Communications, Head of Research Methods Branch, Public Relations and Advertising Department (Istanbul, Turkey);
- Bernyukevich, Tatiana V.**, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Moscow State University of Civil Engineering (National Research University) (Moscow, Russia);
- Bourget, Andre**, Doctor of Sociology, Academician, French National Center for Scientific Research (Paris, France);
- Voronchenko, Tatiana V.**, Doctor of Philology, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Gierala, Marian**, Doctor of Philology, Professor, Head of the Journalism Chair at the Institute of Political Science and Journalism of Silesia in Katowice (Katowice, Poland);
- Gomboeva, Margarita I.**, Doctor of Culturology, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Grala, Hieronim**, Doctor of History, Warsaw University (Warsaw, Poland);
- Derbisheva, Zamira K.**, Doctor of Philology, Professor, Kyrgyz Turkish Manas University (Bishkek, Kyrgyz Republic);
- Diev, Vladimir S.**, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia);
- Zhukovskaya, Natalya L.**, Doctor of History, Head of the Center for Asian and Pacific Studies, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
- Zakharova, Elena Yu.**, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Zubareva, Vera K.**, Doctor of Philology, Professor, University of Pennsylvania (Philadelphia, PA, USA);
- Izuho Masami**, Associate Professor, Tokyo Metropolitan University (Tokyo, Japan);
- Iizuka Fumie**, Doctor of Anthropology, California State University (California, USA);
- Kamalova, Alla A.**, Doctor of Philology, Professor, University of Warmia and Mazury in Olsztyn (Olsztyn, Poland);
- Karasik, Vladimir I.**, Doctor of Philology, Professor, Volgograd State Social and Pedagogical University (Volgograd, Russia);
- Kelly Baron**, Doctor of Sciences, Associate Professor, University of Louisville (Kentucky, USA);
- Kovtun, Nataliya V.**, Doctor of Philology, Professor, Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University (Krasnoyarsk, Russia);
- Konstantinov, Mikhail V.**, Doctor of History, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Kostyrchenko, Gennady V.**, Doctor of History, Chief researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
- Kulikova, Elena Yu.**, Doctor of Philology, Institute of Philology, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia);
- Liga, Marina B.**, Doctor of Sociology, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Maslova, Valentina A.**, Doctor of Philology, Professor, Vitebsk State University (Vitebsk, Belarus);
- Misonzhnikov, Boris Ya.**, Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia);
- Novikov, Aleksandr N.**, Doctor of Geography, Associate Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Petrov, Aleksandr Yu.**, Doctor of History, Chief researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
- Pimenova, Marina V.**, Doctor of Philology, Professor, Institute of Foreign Languages (St. Petersburg, Russia);
- Rozov, Nikolai S.**, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia);
- Romanova, Ekaterina N.**, Doctor of History, Ethnography of the North-Eastern Russia's Peoples Department, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russia);
- Simons Greg**, Associate Professor at Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies Box (Uppsala, Sweden);
- Song Chon Su**, Professor, Chung-Ang University, Foreign Philology Institute (Seoul, Korea);
- Strovsky, Dmitry L.**, Doctor of Political Science, Associate Professor, Ariel University (Ariel, Israel);
- Subbotina, Nadezhda D.**, Doctor of Philosophy, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Xiaobing Zhao**, Doctor of Literature, Associate Professor, Hebei University (Baoding, People's Republic of China);
- Tsetsegma Zhambalyn**, Doctor of History, Professor, 1st Vice Rector, Ikh Zasag International University (Mongolia);
- Chernikova, Irina V.**, Doctor of Philosophy, Professor, Tomsk State University (Tomsk, Russia);
- Shaposhnik, Vyacheslav V.**, Doctor of History, Associate Professor, Department of History, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia);
- Shevtsov, Vyacheslav V.**, Doctor of History, Tomsk State University (Tomsk, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ СОЦИУМА

Андреев А. Е. Тверское земство и губернатор А. Н. Сомов: особенности взаимодействия	8
Васильев А. Д. Проект якутского областного начальника Н. И. Мякова по обустройству Удского края (1820-е гг.)	15
Маджаров А. С. Клерикально-охранительное направление в отечественной историографии старообрядчества 50-х годов XIX века: структура исторического исследования	24
Мамкина И. Н. Формы правовых узаконений в Российской империи	34

БАЙКАЛЬСКИЙ РЕГИОН В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ И ГУМАНИТАРНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Жадан А. В. Органы НКВД Дальнего Востока в борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью (1941–1945)	44
Семёнов Е. В. Художественное творчество польских ссыльных на территории Забайкалья во второй половине XIX века	54
Санжиева Т. Е. Проблема землевладения и землепользования забайкальских бурят и её решение национальными органами управления	62

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ: СОБЫТИЯ И СУДЬБЫ

Бершадская С. В. Путешествие из Красноярска в Москву в 1923 году	71
Блинов А. В. Профессиональный фактор в повседневности чиновников Западно-Сибирского учебного округа (1885–1917)	79
Литвинова О. А. Повседневная жизнь школьного сообщества Барнаула в условиях Первой мировой войны	90
Саввинов П. О. Выборы в городское самоуправление Якутска в годы Первой мировой войны	100
Степанова Л. Б. Болезни индигенного населения Якутии в фотопроектах конца XIX – первой трети XX века	108

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Березин А. А. Особенности периодизации в современной отечественной историографии подводной археологии	120
Викуллова Н. О. Многослойный памятник Усть-Менза-6 (Груздевая): предварительные результаты изучения культурных слоёв 3 и 4	128
Денисов С. А. Прусские ленники в государстве Тевтонского ордена в период Великого восстания (1242–1283)	141
Ляскович В. И. Погребения с вооружением и конской уздой Юлдашевского могильника в лесостепи Южного Приуралья	152
Федченко О. В. Очаг в сакральной топографии римского дома и ритуальной практике <i>familia</i>	167

АРХЕОГРАФИЯ: КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ АЗИИ

Каженова Г. Т., Добровольский Л. С. Скифские захоронения: проблема локализации царских курганов	176
Аюшеева М. В. Концепция Чахар-гэбши о благочестивом монахе	184
Базаров А. А., Тушинов Б. Л. Сочинение Чахар-геше «Большое жизнеописание Чже Цонкапы»: развитие буддизма на Северо-Западе Китая в XIV веке	191

НАУКА И ЖИЗНЬ

Батура А. И., Васильева Т. Г. Историк и педагог: к 70-летию Людмилы Георгиевны Романовой	200
--	-----

CONTENTS

HISTORY OF THE SOCIETY

Andreev A. E. Tver Zemstvo and Governor A. N. Somov: Features of Interaction	8
Vasiliev A. D. The Project of the Yakut Regional Head N. I. Myagkov on the Arrangement of the Udskey Territory (the 1820s)	15
Madzharov A. S. Clerical-Protective Direction in the Russian Historiography of the Old Believers of the 1850s: the Structure of Historical Research	24
Mamkina I. N. Forms of Legitimization in the Russian Empire	34

THE BAIKAL REGION IN THE GEOPOLITICAL AND HUMANITARIAN DIMENSION

Zhadan A. V. The NKVD of the Far East in the Fight Against Child Homelessness and Neglect (1941–1945)	44
Semenov E. V. Artistic Work of Polish Exiles in the Trans-Baikal Region of Russia in the Second Half of the 19th Century	54
Sanzhieva T. E. Problems of Land Tenure and Land Use of the Trans-Baikal Buryats and its Solution by the National Authorities	62

HISTORY OF EVERYDAY LIFE: EVENTS AND DESTINIES

Bershadskaya S. V. Journey from Krasnoyarsk to Moscow in 1923	71
Blinov A. V. Professional Factor in the Everyday Life of Civil Servant of the West-Siberian Educational District (1885–1917)	79
Litvinova O. A. Everyday Life of School Community in Barnaul During the First World War	90
Savvinov P. O. Yakutsk Self-Government Elections During the First World War	100
Stepanova L. B. Diseases of the Indigenous Peoples of Yakutia in Photo Projects of the Late XIX – First Third of the XX Centuries	108

ARCHAEOLOGICAL CULTURE

Berezin A. A. Peculiarities of Periodization in the Modern National Historiography of Underwater Archeology	120
Vikulova N. O. Multilayer Site Ust-Menza 6 (Gruzdevaya): Preliminary Results of the Study of Cultural Layers 3 and 4	128
Denisov S. A. Prussian lieges in the State of Teutonic Order in the Period of Great Uprising (1242–1283)	141
Lyasovich V. I. Burials with Weapons and Horse Bridle of Yuldashevsky Burial Ground in the South Ural Region	152
Fedchenko O. V. Hearth in the Sacral Topography of a Roman House and Ritual Practice of Familia	167

ARCHEOGRAPHY: CULTURAL CODES OF ASIA

Kazhenova G. T., Dobrovolskiy L. S. Scythian Burials: The Problem of Localization of the Royal Mounds	176
Ayusheeva M. V. Chakhar-Gebshi 's Concept of a Pious Monk	184
Bazarov A. A., Tushinov B. L. "The Great Biography of Je Tsongkhapa" by Chahar Geshe: The Development of Buddhism in Northwest China in the 14th Century	191

SCIENCE AND LIFE

Batura A. I., Vasilieva T. G. Historian and Teacher: to the 70th Anniversary of Lyudmila G. Romanova	200
--	-----

ИСТОРИЯ СОЦИУМА

HISTORY OF THE SOCIETY

УДК 94(47)

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-8-14

Алексей Евгеньевич Андреев,
Тверской государственный университет
(г. Тверь, Россия),
e-mail: aae@list.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9529-7537>

Тверское земство и губернатор А. Н. Сомов: особенности взаимодействия

В статье анализируется взаимодействие тверского губернатора А. Н. Сомова с земскими учреждениями в конце XIX в. Вопрос взаимодействия органов власти и местного самоуправления в настоящее время представляет интерес, поскольку органы самоуправления независимы в соответствии с действующей Конституцией Российской Федерации. Целью исследования является определение особенностей взаимодействия тверского земства и высшего должностного лица губернии в конце XIX в. Методологические подходы автора традиционно определяются принципами научной объективности, историзма и исторического детерминизма. В исследовании были использованы как универсальные научные методы, так и специальные методы исторического исследования, определяемые спецификой поставленной проблемы и источникового материала, а именно: проблемно-хронологический метод, метод сравнительного анализа, системный метод. Источниковая база исследования вполне репрезентативна и включила несколько групп исторических источников: законодательство, делопроизводственную документацию, официальные справочники, периодическую печать. В ходе исследования выявлено, что в губернском земском статистическом комитете работал служащий, высланный из столицы за противоправительственную деятельность. С его помощью земцы предоставили губернатору, а он в свою очередь – в Министерство внутренних дел – недостоверную информацию с целью сокращения полицейского аппарата. Другим примером благожелательного отношения губернатора к противоправительственно настроенному земству является направление в Министерство внутренних дел особого мнения губернского земского собрания о недостатках государственной власти и необходимости реформы государственного аппарата. Приведённые в статье факты реагирования тверского губернатора А. Н. Сомова на действия тверского земства подтверждают мнение о противоправительственной деятельности земцев, которая более 20 лет не пресекалась своевременно этим губернатором, несмотря на наличие у последнего значительных полномочий.

Ключевые слова: земства, губернатор А. Н. Сомов, губернские учреждения, противоправительственная работа

Aleksei E. Andreev,
Tver State University
(Tver, Russia),
e-mail: aae@list.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9529-7537>

Tver Zemstvo and Governor A. N. Somov: Features of Interaction

The article analyzes the interaction of the Tver governor A. N. Somov with zemstvo institutions at the end of the 19th century. The issue of interaction between authorities and local self-government, independent from each other in accordance with the current legislation, is relevant for the work of both representative and executive authorities in the Russian Federation. The aim of the study is to determine the features of the interaction of the Tver zemstvo and the highest official of the province at the end of the 19th century. The author's methodological approaches are traditionally determined by the principles of scientific objectivity, historicism

© Андреев А. Е., 2021

and historical determinism. The study used both universal scientific methods and special methods of historical research, determined by the specifics of the problem posed and source material, namely: problem-chronological method, comparative analysis method, systemic method. The source base of the research is quite representative and included several groups of historical sources: legislation, office documentation, official directories, periodicals. In the course of the study, it was revealed that an employee exiled from the capital for anti-government activities worked in the provincial zemstvo statistical committee. With his help, the Zemstvo people provided the governor, and he, in turn, with the Ministry of Internal Affairs, inaccurate information in order to reduce the police apparatus. Another example of the governor's benevolent attitude towards the anti-government-minded zemstvo is the submission to the Ministry of Internal Affairs of the dissenting opinion of the provincial zemstvo assembly on the shortcomings of state power and the need to reform the state apparatus. The facts of the reaction of the Governor of Tver A. N. Somov on the actions of the Tver zemstvo confirm the opinion about the anti-government activities of the zemstvo, which for more than 20 years was not suppressed in a timely manner by this governor, despite the latter's significant powers.

Keywords: zemstvo, governor A. N. Somov, provincial institutions, anti-government work

Введение. Вопрос взаимодействия органов власти и местного самоуправления, независимых друг от друга в соответствии с действующим в настоящее время законодательством, актуален для работы как представительной, так и исполнительной власти в Российской Федерации. В дореволюционный период этими вопросами занимался В. М. Гессен, опубликовавший работу «Вопросы местного управления» [1]. В советский период историографии можно выделить работы М. М. Шумилова, который анализировал взаимоотношения губернаторов и местного общественного управления [2; 3]. В постсоветский период опубликованы несколько монографий, в которых рассматриваются полномочия губернаторов по отношению к местному самоуправлению, среди прочих вопросов уделяется внимание особенностям их реализации [4–6]. Зарубежные исследователи также заинтересованы в изучении опыта российской власти, поскольку в рассматриваемый период земские учреждения были сформированы и представляли собой влиятельный общественный институт. Среди многочисленных обобщающих трудов [7–10] выделяются полнотой исследования Д. Мандела, Т. Пирсона и В. Мосса [11–13]. Вместе с тем в Тверской губернии существовали определённые особенности взаимодействия губернских и земских учреждений, ещё не изученные в работах по истории местного земства. Единственная работа на данную тему не касается вопросов взаимодействия земства и губернских должностных лиц и учреждений [16]. Целью исследования является изучение этих особенностей в конце XIX в. Познание истории взаимодействия местной власти имеет важное теоретическое значение, результаты исследования могут быть использованы в ходе преподавания курсов истории государственного управления и истории Тверского региона в целом для студентов учреждений

высшего и среднего профессионального образования. Статья может быть полезна всем, кто интересуется развитием местного самоуправления. Кроме того, на основе выявленных закономерностей может корректироваться современная система взаимодействия между региональными органами исполнительной власти и местного самоуправления Тверской области, что свидетельствует о возможности её практического применения.

Методология и методы исследования. Методологические подходы автора традиционно определяются принципами научной объективности, историзма и исторического детерминизма. В исследовании были использованы как универсальные научные методы, так и специальные методы исторического исследования, определяемые спецификой поставленной проблемы и источникового материала, а именно: проблемно-хронологический метод, метод сравнительного анализа, системный метод. Источниковая база исследования вполне репрезентативна и включила несколько групп исторических источников: законодательство, делопроизводственную документацию, официальные справочники, периодическую печать.

Результаты исследования и их обсуждение. Губернии и уезды Российской империи в конце XIX в. были унифицированными элементами структуры административно-территориального деления, основой формирования которых являлась численность населения [14, с. 184]. Первоначально губернаторы назначались лично императором, затем по представлению МВД и формально руководили системой губернских учреждений. Ряд вопросов предлагали решить в каждом проекте реформ, например, обсуждалось расширение полномочий губернатора на местные учреждения всех ведомств.

После отмены крепостного права и формирования земских и городских органов самоуправления практически во всех центральных губерниях они получили определённые законодательством хозяйственные полномочия. Делегирование второстепенных задач снижало нагрузку на административные учреждения, но создавало им конкуренцию во влиянии на губернию. Законодательно за губернатором закрепили контрольные функции с правом протеста и приостановки решений органов местного самоуправления, но возникали вопросы применения этих норм, следствием которых можно считать конфликтные ситуации, снижавшие качество работы как правительственных, так и общественных учреждений. Кроме того, осуществление контрольных функций было трудноисполнимо с учётом многочисленных обязанностей губернатора.

В конце XIX в. Александр III изменил направление внутренней политики. Так, в 1881 г. вступило в силу «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия»¹, в соответствии с которым местная власть получила право издания обязательных постановлений, высылки за пределы губернии «нежелательных лиц», закрытия предприятий, передачи дел в военный суд. Губернская администрация имела возможность приостанавливать работу периодических изданий и закрывать учебные заведения. Первоначально срок действия положения был ограничен тремя годами, но продлевался до 1917 г. Были утверждены «Положение о губернских и уездных земских учреждениях»² от 12 июня 1890 г. и «Городовое положение»³ от 11 июня 1892 г., укрепившие власть руководителей губерний по отношению к органам местного самоуправления.

В «Положении о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия»⁴ от 14 августа 1881 г. говорится, что губернаторам местностей, объявленных на положении усиленной или чрезвычайной охраны, были предоставлены особые полномочия. В таком случае руководитель губернии имел право проводить ревизии губернских учреждений всех ведомств и вызывать для доклада их служащих, издавать обязательные постановления, вмешиваться в деятельность земских

учреждений, в том числе через утверждение состава земских управ.

Вместе с тем некоторые губернаторы не только не пользовались данным им законом правом влиять на земские учреждения, но и сами поддавались их влиянию. Например, вследствие безграничного доверия к земству А. Н. Сомов ходатайствовал перед Министерством внутренних дел о сокращении полицейских должностей в уездах губернии. Это произошло после того как должность полицейского урядника ввели в каждом стане губернии после 9 июня 1878 г.⁵ Каждый стан Тверской губернии был разделён на 3–5 уряднических участков, в каждый из которых входили от 1 до 4 волостей. Население участков могло сильно отличаться, например в 10-м участке 3-го стана Осташковского уезда проживали 4 630 чел., в 11-м участке 3-го стана Бежецкого уезда количество населения достигало 28 930 чел. В среднем население среднестатистического стана в Тверской губернии составляло 13 385 чел. [15, с. 31].

В 1884 г. Тверская губернская земская управа ходатайствовала о ликвидации должностей урядников в связи с сохранением уровня преступности на местах. Поскольку вопрос относился к ведению центральной власти, то земцы предлагали губернатору написать соответствующее прошение. Они утверждали, что «безопасность населения не выиграла от урядников», «кражи и другие преступления часто остаются неоткрытыми», «урядники производят произвол и поборы, от которых страдают обыватели», «урядники запрещали праздновать свадьбы, разгоняли хороводы, преследовали за песни, вообще вторгались тем или другим способом в такие отношения, где появление полицейской власти, по меньшей мере, неуместно». Приводились следующие аргументы: «являясь, следовательно, не только бесполезным, но даже вредным, учреждение это в то же время требует весьма значительных денежных трат, которые, конечно, можно употребить на другие действительные потребности», «состав урядников, вмещающий в себе в настоящее время все отбросы оседлого населения, делает это учреждение, снабжённое властью, крайне вредным для мирных интересов всего населения». Земцы считали, что даже в случае изменения функций сохранение названия должности урядника вызвало бы недоверие к ним⁶.

¹ Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗРИ). – Собр. 3-е. – Т. 1, № 350.

² Там же. – Т. 10, № 6922.

³ Там же. – Т. 12, № 8708.

⁴ Там же. – Т. 1, № 350.

⁵ Там же. – Собр. 2-е. – Т. 53. – Отд. 1. – № 58610.

⁶ Государственный архив Тверской области (ГАТО). – Ф. 56. – Оп. 1. – Д. 8767. – Л. 1–4.

По мнению губернатора, институт урядников был недавно сформирован, и из канцелярии губернатора не поступала информация, что «означенные должностные лица допускали указываемые земством злоупотребления, и если и были единичные случаи неправильных и незаконных действий со стороны урядников, то виновные лица по жалобам или усмотрению ближайшего начальства подвергались взысканиям, а за наиболее серьёзные проступки удалялись со службы».

Несмотря на это заявление, губернатор А. Н. Сомов, поддерживавший тверское земство, перенаправил обращение в МВД. В ответ Департаментом полиции был направлен запрос о количестве правонарушений в 1877 и 1880 гг. (до и после введения должности урядника), определении преступников за эти же годы, а также количестве допущенных урядниками нарушений.

Губернатор запросил информацию от губернского земского статистического комитета и уездных исправников. Предоставленная информация подтверждала сведения, поступившие от земства. Так, в записке сообщали об увеличении оскорблений нижних полицейских чинов (в том числе урядников), сохранении раскрываемости преступлений после введения института урядников, незначительном повышении количества раскрытых преступлений от общего количества подсудимых (с 43 до 46 %)¹.

Определяющее значение в ответе земского статистического комитета имеет подпись его автора – секретаря губернского земского статистического комитета В. И. Покровского. Этот служащий, как и многие тверские земцы, был неблагонадежным в политическом отношении и находился под негласным надзором полиции. Принимал участие в организации покушения на императора Александра II в 1866 г. В этом же году В. И. Покровского арестовали в Москве и отправили в Петербург, где он стал заключённым Петропавловской крепости. В то время у него были определены признаки душевного расстройства, после обследования комиссией В. И. Покровского освободили и направили в Тверскую губернию под полицейский надзор. В ноябре 1869 г. он стал служащим Ржевского окружного суда, а в апреле 1871 г. был освобождён от надзора. Имел тесную связь с лицами, привлечёнными в 1873 г. к делу о «пропаганде революционных идей». После

¹ Государственный архив Тверской области (ГАТО). – Ф. 56. – Оп. 1. – Д. 8767. – Л. 75 об.

выхода первого тома «Капитала» на русском языке опубликовал статью в журнале «Отечественные записки»².

Можно предположить, что ответ земского статистика, дискредитирующий институт урядников, был подготовлен вследствие эффективной работы урядников по противодействию противоправительственным действиям земцев в сельской местности. Факты борьбы урядников с противоправительственной агитацией отражены в докладах уездных полицейских исправников³. Так, зубцовский уездный исправник сообщал, что урядники достойно исполняют свои полномочия и не нарушают действующего законодательства. Ржевский уездный исправник назвал немыслимым вмешательство урядников в выборы старшин. Кроме того, он определил, для кого было бы полезно упразднение института исправников: «Таким образом, уничтожение урядников, по моему разумению, будет полезно только тем исправникам, которые не хотят наблюдать за ними, а затем разным проходимцам, нигилистам и социалистам, лишённым возможности при наблюдении урядников ходить в народ с пропагандой. Конечно, воры вообще и конокрады в особенности с уничтожением урядников воспрянут и вновь возьмутся за своё ремесло, брошенное многими по неудобству производства при урядниках». Исправник предупредил о последствиях подобного решения: «Если урядники будут уничтожены без замены другими помощниками Пристава, то всё дело придёт в полнейший застой, так как одному становому приставу немыслимо сделать все то, что делает при помощи четырёх грамотных и знающих полицейскую службу чинов, и народ будет испытывать важные неудобства и потерю, а уездная полиция будет окончательно обессилена»⁴.

Из изложенного ранее следует, что хатайство тверских земцев и их попытка искажения статистических данных свидетельствовали о высоком качестве исполнения обязанностей урядниками, пресекавшими противоправительственную пропаганду. Дальнейшая переписка по данному вопросу была прекращена со стороны МВД. Вместе с тем показательное отношение к делу

² Деятели революционного движения в России: библиографический словарь: От предшественников декабристов до падения царизма / сост. В. Виленский-Сибиряков [и др.]. – М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политических каторжан и ссыльно-поселенцев, 1928. – Т. 1, ч. 1. – С. 323–324.

³ Там же.

⁴ Там же. – Л. 14–14 об.

А. Н. Сомова и губернского правления, неспособных выявить факты необъективной оценки земством деятельности урядников и подтасовки статистической информации. Губернские административные учреждения и должностные лица проявили себя как промежуточное звено, неспособное анализировать информацию и принимать решения.

Подобное отношение тверского губернатора А. Н. Сомова и тверского земства не было случайностью. За три года до описанных событий, 22 декабря 1880 г., Земский отдел Министерства внутренних дел направил губернаторам просьбу передать губернскому земскому собранию вопросы и предложения об изменении положения 27 июня 1874 г.¹ В Тверской губернии из состава гласных собрания была сформирована соответствующая комиссия для разработки ответа.

Тверской губернатор 26 июня 1881 г. сообщал министру внутренних дел, что губернское чрезвычайное земское собрание на заседании 23 июня постановило «ходатайствовать перед Правительством о созыве представителей Русской земли в особое совещательное учреждение, при содействии которого только и могут быть успешно выработаны и проведены в жизнь необходимые законодательные меры»².

Такое решение собрания не входило в компетенцию земства. Понимая необходимость признания постановления недействительным, но учитывая, что земское собрание обращалось к правительству, губернатор не выразил протест и передал решение министру внутренних дел, «так как оно не ограничивается пределами нужд вверенной мне губернии»³.

К сообщению были приложены протоколы заседания губернского земского собрания и доклады членов комиссии по разработке предложений, среди которых выделяется предложение гласного С. Д. Квашнина-Самарина⁴ об объединении всех учреждений на соответствующем уровне. По его мнению, губернское правление должно было объединить функции губернского правления, губернских по крестьянским, по воинской повинности и по городским делам присутствий. В состав нового губернского

правления под председательством губернатора предлагалось включить вице-губернатора, советников («как главную рабочую силу»), губернского предводителя дворянства, председателя губернской земской управы и других руководителей структурных подразделений системы губернского управления. Некоторым членам губернского правления предполагалось предоставить возможность голосования по всем делам, другим, например губернскому воинскому начальнику и губернскому врачебному инспектору, – только по профильным вопросам. По мнению С. Д. Квашнина-Самарина, прокурор окружного суда должен был исполнять функции прокурора, а не члена правления, давать заключения на проекты разрабатываемых документов и направления противозаконных решений коллегиального органа на рассмотрение Правительствующего Сената⁵.

Переписка по вопросу постановления земского собрания содержит другие представляющие интерес мнения тверских земцев о государственном строе. Так, комиссия по разработке предложений «всё более и более убеждалась в тесной связи всех реформ в области самоуправления друг с другом и с общим состоянием государственного строя».

Члены комиссии докладывали, что «недостатки современного положения вещей заключаются в значительной зависимости земства от администрации и в отсутствии органической связи между отдельными земствами, представляющими живое целое». Гласный Кисловский констатировал: «Последние события на юге доказывают, что нам необходимо самоуправление с низа до верха», «предстоят серьёзные опасности, если реформы не будут увенчаны»⁶. Гласный Родичев⁷ утверждал, что «в 1881 году русский народ и его труды, вопреки великодушной мысли покойного Государя, ещё не пользуются свободой. Мешает этому бюрократия, которая искажает реформы Высшей Власти. Совесть заставляет заявить это правительству, иначе бюрократия вечно будет стоять между властью и народом. Необходимо обратиться с ходатайством о созыве Земской Думы или Собора, который бы являлся пред правительством прямым выразителем нужд общества»⁸.

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1282. – Оп. 2. – Д. 10. – Л. 1.

² Там же. – Л. 13.

³ Там же. – Л. 1.

⁴ Квашнин-Самарин Степан Дмитриевич (1838–1908) – земский деятель Тверской губернии; член Зубцовского уездного земского собрания в 1866–1891 гг.; председатель Тверской губернской земской управы в 1884–1892 гг.

⁵ РГИА. – Ф. 1282. – Оп. 2. – Д. 10. – Л. 66.

⁶ Там же. – Л. 134–134 об.

⁷ Родичев Фёдор Измайлович (1854–1933) – предводитель дворянства Весьегонского уезда в 1879–1891 гг.; член Государственной Думы I, II, III и IV созывов.

⁸ РГИА. – Ф. 1282. – Оп. 2. – Д. 10. – Л. 136 об.

Губернатору Министерством внутренних дел было предложено оставить без последствий ходатайство земского собрания на основании действующего законодательства². Вместе с тем сообщения в прессе и личные связи земских деятелей способствовали поддержке обращения к Правительству в других местностях. Министр внутренних дел направил всем губернаторам телеграммы с просьбой запретить печатать сообщения о противозаконных заявлениях в Твери, указывая на необходимость пресекать подобные земские заявления³. Принятые меры были одобрены лично императором.

Тверской губернатор предупредил комиссию по разработке предложений о недопустимости принятия решений вне компетенции земства и запретил печатать постановление об обращении к Правительству в «Тверском вестнике». Все земские собрания губернии были предупреждены «о недопущении на собраниях подобных заявлений и постановлений как противозаконных»⁴.

Заключение. В результате проведённого исследования мы установили, что тверское земство активно боролось с эффективной работой полицейского аппарата, в том числе с помощью лояльного губернатора, поддерживавшего их инициативы. Действующая власть была неспособна определить факты необъективной

оценки земством деятельности урядников и подтасовки статистической информации. Губернские административные учреждения и должностные лица проявили себя как промежуточное звено, неспособное анализировать информацию и принимать решения.

Одновременно с этим в ответ на предложение выразить мнение о возможном проведении реформы учреждений по крестьянским делам тверское земство сделало вывод о недостатках государственной власти и необходимости реформы государственного аппарата. Гласным С. Д. Квашинным-Самариным было предложено объединение учреждений на губернском уровне под руководством губернского правления.

Приведённые в статье факты реагирования тверского губернатора А. Н. Сомова на действия тверского земства подтверждают мнение о противоправительственной деятельности земцев, которая более 20 лет не пресекалась своевременно этим губернатором, несмотря на наличие у последнего значительных полномочий. Таким образом, основной особенностью взаимодействия тверского земства и высшего должностного лица губернии в рассматриваемый период является удовлетворение всех ходатайств земцев, в том числе способствовавших ослаблению контроля губернатора над деятельностью земских организаций.

Список литературы

1. Гессен В. М. Вопросы местного управления. СПб.: Типо-литография А. Е. Ландау, 1904. 239 с.
2. Шумилов М. М. Местное управление и центральная власть в России в 50-х – начале 80-х гг. XIX в. М.: Прометей, 1991. 218 с.
3. Шумилов М. М. Губернская администрация и органы центрального управления России во второй половине XIX века. Л.: Изд-во ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1988. 293 с.
4. Лысенко Л. М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII – начало XX века). М.: Изд-во МГПГУ, 2001. 358 с.
5. Гарбуз Г. В. Место губернатора в бюрократическом аппарате позднеимперской России // Вестник Пензенского государственного университета. 2014. № 2. С. 9–13.
6. Гарбуз Г. В. Административные полномочия российского губернатора в начале XX века // Наука. Общество. Государство. 2016. № 1. С. 17–24.
7. Rogger H. Russia in the Age of Modernization and Revolution, 1881–1917. London: Longman, 1987. 323 p.
8. Seton-Watson H. The Russian Empire, 1801–1917. Oxford: Tye Clarendon Press, 1967. 813 p.
9. Hamburg G. M. The politics of the Russian Nobility, 1881. New Brunswick: Rutgers University Press, 1984. 299 p.
10. Wcislo F. W. Reforming rural Russia: State, local society, and national politics, 1855–1914. Princeton: Princeton University Press, 2014. 376 p.
11. Mandel J. I. Paternalistic Authority in the Russian Countryside, 1856–1906. New York: Columbia University, 1978. 312 p.
12. Pearson T. S. Russian officialdom in crisis: Autocracy and local self-government, 1861–1900. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 304 p.

¹ РГИА. – Ф. 1282. – Оп. 2. – Д. 10. – Л. 137 об.

² Там же. – Л. 138.

³ Там же. – Л. 149–150.

13. Mosse W. E. Russian Provincial Governors at the end of the Nineteenth century // The Historical journal. 1984. № 1. P. 225–239.
14. Корелин А. П. Проблемы местного управления в России на рубеже XIX–XX вв. // Судьба двух империй. Российская и Австро-Венгерская монархии от расцвета до крушения. М.: ИРИ РАН, 2006. С.180–205.
15. Любина Т. И., Смирнов С. Н. Чиновничество в системе местного управления Тверской губернии в конце XIX – начале XX века: правовой статус и социокультурная характеристика. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2008. 248 с.
16. Новикова Н. С. Тверское земство в 1865–1890 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Тверь, 1984. 224 с.

Статья поступила в редакцию 16.02.2021; принята к публикации 18.03.2021

Сведения об авторе

Андреев Алексей Евгеньевич, кандидат исторических наук, Тверской государственный университет; 170100, Россия, г. Тверь, ул. Желябова, 33; e-mail: aae@list.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9529-7537>.

Библиографическое описание статьи

Андреев А. Е. Тверское земство и губернатор А. Н. Сомов: особенности взаимодействия // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 3. С. 8–14. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-8-14.

References

1. Gessen, V. M. Local governance issues. SPb: Typo-lithography A. E. Landau, 1904. (In Rus.)
2. Shumilov, M. M. Local government and central government in Russia in the 50s – early 80s. XIX century. M: Prometheus, 1991. (In Rus.)
3. Shumilov, M. M. Provincial administration and central government bodies of Russia in the second half of the XIX century. L: Publishing house of the Leningrad State Pedagogical Institute. A. I. Herzen, 1988. (In Rus.)
4. Lysenko, L. M. Governors and General Governors of the Russian Empire (XVIII – early XX century). M.: Publishing house of Moscow State Pedagogical University, 2001. (In Rus.)
5. Garbuz, G. V. The place of the governor in the bureaucratic apparatus of late imperial Russia. Bulletin of the Penza State University, no. 2, pp. 9–13, 2014. (In Rus.)
6. Garbuz, G. V. Administrative powers of the Russian governor at the beginning of the 20th century. The science. Society. State, no. 1, pp. 17–24, 2016. (In Rus.)
7. Rogger, H. Russia in the Age of Modernization and Revolution, 1881–1917. London: Longman, 1987. (In Engl.)
8. Seton-Watson, H. The Russian Empire, 1801–1917. Oxford: Tye Clarendon Press, 1967. (In Engl.)
9. Hamburg, G. M. The politics of the Russian Nobility, 1881. New Brunswick: Rutgers University Press, 1984. (In Engl.)
10. Wcislo, F. W. Reforming rural Russia: State, local society, and national politics, 1855–1914. Princeton: Princeton University Press, 2014. (In Engl.)
11. Mandel, J. I. Paternalistic Authority in the Russian Countryside, 1856–1906. New York: Columbia University, 1978. (In Engl.)
12. Pearson, T. S. Russian officialdom in crisis: Autocracy and local self-government, 1861–1900. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. (In Engl.)
13. Mosse, W. E. Russian Provincial Governors at the end of the Nineteenth century. The Historical journal, no. 1, pp. 225–239, 1984. (In Engl.)
14. Korelin, A. P. Problems of local government in Russia at the turn of the XIX–XX centuries. The fate of two empires. Russian and Austro-Hungarian monarchies from heyday to collapse. M: IRI RAN, 2006: 180–205. (In Rus.)
15. Lyubina, T. I., Smirnov S. N. Officialdom in the system of local government of the Tver province in the late 19th – early 20th centuries: legal status and sociocultural characteristics. M: UNITI-DANA: Law and Law, 2008. (In Rus.)
16. Novikova, N. S. Tver Zemstvo in 1865–1890. Cand. sci. diss. Tver, 1984. (In Rus.)

Received: February 16, 2021; accepted for publication March 18, 2021

Information about author

Andreev Aleksei E., Candidate of History, Tver State University; 33 Zhelyabova st., Tver, 170100, Russia; e-mail: aae@list.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9529-7537>.

Reference to the article

Andreev A. E. Tver Zemstvo and Governor A. N. Somov: Features of Interaction // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 3. PP. 8–14. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-8-14.

УДК 94(571.56)“18”

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-15-23

Айсен Данилович Васильев,*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН**(г. Якутск, Россия),**e-mail: aysen_vasilev@mail.ru**<https://orcid.org/0000-0002-4428-4856>*

Проект якутского областного начальника Н. И. Мягова по обустройству Удского края (1820-е гг.)

В статье впервые в отечественной истории на основе архивных документов рассматриваются предложения областного начальника Николая Ивановича Мягова по обустройству трансграничного региона на востоке Российской империи – Удского края Якутской области (1827), которая была сопредельной с китайскими владениями. Приграничное положение территории придавало особый статус, регион характеризовался специфической общностью. Актуальность темы обусловлена современными вопросами реформирования органов местного управления, проблемами трансграничной регионализации и в целом слабой степенью изученности истории Удского региона дореволюционного периода. Исследование основано на принципах историзма и научной объективности, а также историко-системном и историко-сравнительном методах. Анализируются предпосылки и проблемы реформирования края, отмечается роль Н. И. Мягова и чиновника по особым поручениям А. Я. Уваровского в составлении проекта. Рассматриваются ранее представленные предложения иркутских властей (1825) по обустройству Удского края и проект якутского управленца (1827) в сравнительном аспекте. Отмечается, что проект последнего характеризовался подробным вниманием в особенности и проблемы удаленного края. Освещается механизм многоуровневого обсуждения проекта, что связано со сложностью структуры управления Якутской областью. Автор отмечает, что преобразование региона происходило в контексте реализации сибирских реформ 1822 г. М. М. Сперанского, в частности, с целью увеличения государственных доходов, где основное внимание уделялось ограничению злоупотреблений местных служителей и политике в отношении аборигенного населения. В условиях особого положения региона важнее значение в проекте придавалось российско-маньчжурским торгово-экономическим отношениям. Сибирский комитет занимался регулированием за реализацией принципов реформы 1822 г. Усиление личного надзора рассматривалось как один из основных способов областного начальника при решении проблем местного края. Как результат определены перспективы дальнейшего изучения представленной темы.

Ключевые слова: областной начальник, Н. И. Мягов, проект, обустройство, Удский острог, окраина Российской империи, Якутская область

Aisen D. Vasiliev,*Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North,**Siberian Branch, Russian Academy of Sciences**(Yakutsk, Russia),**e-mail: aysen_vasilev@mail.ru**<https://orcid.org/0000-0002-4428-4856>*

The Project of the Yakut Regional Head N. I. Myagkov on the Arrangement of the Udskey Territory (the 1820s)

For the first time in Russian history, on the basis of archival documents, the article examines the proposals of the regional chief Nikolai Ivanovich Myagkov on the arrangement of the transboundary region in the east of the Russian Empire – the Udskey Territory of the Yakutsk Oblast (1827), which was adjacent to the Chinese possessions. The border position of the territory gave a special status, the region was characterized by a specific community. The relevance of the topic is due to modern issues of cross-border regionalization and, in general, a poor degree of knowledge of the history of the Udskey region of the pre-revolutionary period. The research is based on the principles of historicism and scientific objectivity, as well as historical-systemic and historical-comparative methods. The prerequisites and problems of reforming the region are analyzed, the role of N. I. Myagkov and an official for special assignments A. Y. Uvarovsky in the preparation of the project. The earlier submitted proposals of the Irkutsk authorities (1825) on the development of the Udskey region and the project of the Yakut manager (1827) in a comparative aspect are considered. We note that the project of the latter was characterized by a detailed understanding of the particular problems of the remote region. The mechanism of multilevel discussion of the project is highlighted, which is associated with the complexity of the management structure of the Yakutsk region. The author notes that the transformation of the region took place in the context of the implementation of M. M. Speransky's Siberian reforms of 1822, in particular with the aim

© Васильев А. Д., 2021

of increasing government revenues, where the main focus was on limiting the abuse of local ministers and policies towards the aboriginal population. Given the special situation in the region, the project attached great importance to Russian-Manchu trade and economic relations. The Siberian Committee was engaged in strict regulation of the observance of the principles of the reform of 1822, in particular, the provisions of the "Charter on the management of indigenous peoples". Strengthening personal supervision is seen as one of the main methods of the regional chief in solving problems of the local region. In conclusion, the prospects for further study of the presented topic are determined.

Keywords: regional chief, N. I. Myagkov, project, arrangement, Udskey Ostrog, outskirts of the Russian Empire, Yakutsk Oblast

Введение. В современной отечественной историографии не ослабевает интерес к вопросам местного управления в Российской империи, в частности, наблюдается рост внимания исследователей к проблемам трансграничных территорий государства. Одним из таких регионов на протяжении длительного времени оставался Удский край, занимавший важное геополитическое значение в правительственной политике на востоке Российского государства. К сожалению, до настоящего времени история приграничного региона остаётся незаслуженно и недостаточно изученной.

В течение многих лет Удский острог являлся форпостом дальнейшего продвижения страны на юг Дальнего Востока. Временем основания острога считается 1679 г. Местный край преимущественно заселяли казаки, служилые и промышленные люди [1, с. 187]. В 1735 г. около Удского острога «по рассуждению доброты земли и теплоты климата» были поселены крестьяне для развития земледелия, в результате которого была образована д. Подпашенная [2, с. 36; 3, с. 73, 78–79; 4, с. 131]¹.

На Охотском побережье русские крестьяне проживали в Удском крае и в окрестностях Охотска. Они являлись потомками переведённых крестьян XVIII в. Численность их сокращалась: в начале XIX в. – около 500 чел., в середине XIX в. – около 250 чел. [5, с. 371].

В 1788 г. контр-адмирал Фомин отмечал, что в Удском остроге имеется «на 40 саженьях восьмиугольное укрепление высотой в 1 сажень, толщиной между брёвен (с засыпкой землёй) 2 аршина, на углах – 8 отверстий для пушек, бойницы в два ряда, для ружей вокруг вала – рогатины» [1, с. 187–188].

Якутская область во второй четверти XIX в. состояла из пяти округов: Якутского, Вилюйского, Олёкминского, Среднеколымского и Верхоянского. Удский край входил в состав Якутского округа и являлся самым

отдалённым его пунктом. Регион граничил с китайскими владениями, Нерчинском, Охотским морем и Охотским приморским управлением. Расстояние от г. Якутска до Удска составляло более 1000 км [6, с. 3] или, как писал чиновник областной администрации А. Я. Уваровский, – «100 кёсов» (кёс – якутская мера длины, 1 кёс равен 10 км – А. В.), а ширина территории «приблизительно 500 кёсов». Удск характеризовался своей «богатой охотой» и «широкими пространствами» [7, с. 40].

В Удский острог зачастую направлялись чиновники и исследователи для изучения местности края. Так, в 1829 г. Российско-американская компания командировала поручика П. Т. Козьмина для поиска на дальневосточном побережье места для строительства нового порта вместо Охотского [8, с. 120]. В 1844 г. Академия наук предоставила возможность А. Ф. Миддендорфу выбрать маршрут экспедиции: либо между устьем Лены, либо между окрестностями Охотска или Удска. В отношении последнего отмечалось: «...она также расположена в восточном крае древнего континента, но в то же время находится на границе неизвестной в естественно-историческом отношении... Азии» [9, с. 87]. В последующем в Удском крае работала экспедиция Миддендорфа, где был организован научный стационар. В течение года производились регулярные метеорологические наблюдения, пополнялись ботаническая и зоологическая коллекции.

Приграничный регион до 1857 г. входил в состав Якутии и лишь с 1739 по 1773 г. находился в административном подчинении Охотскому приморскому управлению. В конце XVIII – начале XIX в. в гарнизоне Удского края ввели усиленный режим, что было обусловлено защитой границ от маньчжуров. В это время здесь находилась рота солдат из 144 чел. Однако уже в 1812 г. из неё вывели воинскую команду, а острог стал терять значение крепости [1, с. 188]. Несмотря на это регион продолжал оставаться геополитически важной единицей,

¹ Описание Удского острога // Московский телеграф. – 1825. – № 4. – С. 321–329.

которая находилась в трансграничном пространстве России и Китая.

В связи с многочисленными беспорядками в управлении Удского региона российское правительство и местная власть начали принимать меры по обустройству отдалённого от Якутска региона. В ходе сибирской ревизии М. М. Сперанского 1819–1820 гг. было выявлено, что правила для управления «инородцами» Удского края являлись «крайне стеснительными, ни к чему не служили, кроме личной выгоды чиновников, дав им способ утвердить свою торговую монополию»¹. Это стало причиной предстоящей реформы региона.

Целью нашего исследования является анализ проекта областного начальника Н. И. Мягкова по обустройству Удского острога в начале второй четверти XIX в., что до настоящего времени не было предметом специального изучения историков. Стоит отметить работу А. Л. Дьяконова, где в контексте исследования традиционного хозяйства коренных народов Якутии рассматриваются выработанные после командировки в Удск предложения чиновника для особых поручений А. Я. Уваровского в составлении проекта [10].

Методология и методы исследования. Методологической базой исследования послужили принципы научной объективности и историзма, которые позволили, используя историко-системный и историко-сравнительный методы, провести анализ положений проекта областного начальника Н. И. Мягкова по обустройству Удского края.

Результаты исследования и их обсуждение. 14 мая 1825 г. иркутской губернской властью было заключено: «Дабы с большим основанием и точности сделать устройство Удскому краю и единожды навсегда положить преграду допускаемым там беспорядкам...»² поручить обратить особое внимание вновь определяемому в г. Якутск областному начальнику и составить проект по обустройству данного региона.

Представители иркутской губернской власти предлагали, во-первых, определить для управления Удского казачьего пятидесятника, который бы заведовал местными казаками и в целом её жителями. Во-вторых, предлагалось открыть в местах Чумякан, Галлам и Кысайкан магазины. Для них стоило выделять из удских

магазинов 100 пудов провианта, 10 пудов соли, 30 фунтов пороха, 1 пуд и 20 фунтов свинца и 30 фунтов конопли для изготовления сетей. В-третьих, построить у оз. Бокон богадельню для бедной части тунгусского населения. В-четвёртых, «назначить из приговариваемых на поселение за преступления»³ и направить 10 лиц женского пола для замужества с местными крестьянами с целью улучшения демографической ситуации крестьянского населения. В тексте отмечалось, что «в случае недостатка таковых пополнить из следующих на поселение из России», т. е. ссыльными⁴. В-пятых, вызвать желающих якутов до 10 семей со скотом для поселения в Удское. В-шестых, направить туда священника «во избежание разъездов из Якутска, отяготительных инородцам»⁵.

В 1825–1827 гг. областное начальство посредством Якутского земского суда объявило по Якутской области набор желающих на поселение в Удский острог и о пожертвовании денежной суммы для бедных богадельников⁶. В результате отмечалось, что в 1827 г. поселилась лишь одна семья [1, с. 180].

Однако в целом застопорилась не только реализация предложений иркутских властей, но и внедрение «Устава об управлении инородцев» 1822 г. в Якутии. Во второй четверти XIX в. принципиально нового в сибирском управлении в законодательной практике не происходило, российское правительство и местная администрация обратили основное внимание на внедрение сибирских реформ 1822 г. М. М. Сперанского в жизнь [11, с. 137]. В связи с этим огромное значение придавалось исполнителям на местах. В 1824 г. вследствие продолжительной болезни областного начальника Д. Я. Рудакова, приведшей к смерти, а также в связи с возрастными характеристиками управляющего Якутской областью А. Н. Ачкасова российское правительство занялось поиском сильного и инициативного якутского областного начальника, который бы смог реализовать реформы 1822 г. В декабре 1825 г. новым начальником Якутской области был назначен Николай Иванович Мягков, чиновник из Адми-

³ Там же. – Л. 4.

⁴ Там же.

⁵ Там же. – Л. 4–5.

⁶ Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НА РС (Я)). – Ф. 26-и. – Оп. 1. – Д. 197. – Л. 1–9; Ф. 31-и. – Оп. 2. – Д. 439. – Л. 1; Ф. 136-и. – Оп. 1. – Д. 274. – Л. 1–2.

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1264. – Оп. 1. – Д. 375. – Л. 32–32 об.

² Там же. – Л. 3.

ралтейства. В должность он вступил в июне 1826 г. При нём внедрялись положения «Устава» в Якутии, происходила организация работы инородных управ, учреждался орган местного самоуправления коренных народов Сибири – Якутская Степная дума [12, с. 69; 13, с. 52–53].

Мягков писал, что «расстроенное положение»¹ Удского края было связано с «беспечностью, корыстолюбием и самовольством бывших пред сего командиров того края»². Для решения проблемы и внесения предложений для составления проекта был отправлен для обозрения в Удский край ближайший помощник областного начальника, чиновник для особых поручений А. Я. Уваровский³.

Уваровский был командирован в Удский край всего два раза: сначала на 16 месяцев, потом – на 7 месяцев. Вторая поездка была связана с работой Восточно-Сибирской ясачной комиссии в Якутии (1828–1830). Целью командировки послужило составление точного учёта населения и изучение хозяйства и промыслов местных народов. Материалы из последней поездки были востребованы не только ясачной комиссией, но и русскими учёными – А. Ф. Миддендорфом и др. [14, с. 11, 25–26].

В своих воспоминаниях он довольно подробно повествует о сложном и изнурительном путешествии в Удск, которое едва ли не обернулось для него смертельным исходом в результате его болезненных припадков: «Я не буду рассказывать о том, как всю ночь напролет боролись между собой смерть и жизнь, как мои оба казака и мои оба проводника всю ночь, без сна, искренне меня жалели, сидели около меня и следили за тем, чтобы прежде всего не было сброшено одеяло и не проник бы холод; в этом случае моя смерть стала бы очевидной» [7, с. 69]. Командировки в Удск составили значительную часть содержания его воспоминаний, что послужило первым художественным произведением на якутском языке.

В ходе ревизии Уваровский обнаружил 84 якутов, которые занимались незаконными промыслами и торговлей в этом крае. Результат стал очевиден: было предписано возвратиться в свои родовые места. Кроме того, выяснили, что эти якуты и некоторые тунгусы Охотского ведомства, перекочевавшие туда, заняли лучшие промышленные места и оттеснили удских тунгусов «за... гра-

ницу» [10, с. 81]. В результате обсуждения с местными родоначальниками он сделал «предложение на назначение промышленных земель по родам и ведомствам» [Там же]. Родоначальники проявили «радостную... готовность» [Там же], вскоре было составлено обозначение границ родов, где они на законном уровне имели бы право заниматься промыслами [Там же, с. 81–82].

В целом замечания Уваровского после объезда Удска были связаны с необходимостью организации рыбных запасных магазинов и разграничения территорий звероловных мест⁴.

Якутский областной начальник, ознакомившись с предложениями иркутских властей и ревизионными материалами Уваровского, разработал собственный проект по обустройству удалённого региона, который назывался «об учреждении единообразного порядка по управлению Удским краем»⁵.

Проект состоял из 8 разделов: «По предмету управления Удским краем», «Обязанности управляющего Удским краем», «По предмету поселения Удского края», «По предмету уничтожения богдельни», «По предмету выездов священника в стойбища», «По предмету выезда управляющего Удским краем в стойбища», «По предмету взыскания за перевоз по реке Мая», «По предмету сбора и хранения в магазинах рыбного запаса».

«По предмету управления Удским краем» Н. И. Мягков отмечал, что необходимо: 1) Вверить управление регионом одному из трех заседателей якутского земского суда согласно п. 86 и 87 «Учреждения для управления Сибирских губерний» (в п. 86 отмечалось, что особые отделения в округах образуются в связи с «уважением дальних расстояний и трудности сообщения»⁶. Таким образом, административно-территориальная единица официально должна была именоваться Удским отделением – А. В.), при этом размер его жалованья оставался прежним⁷; 2) заседатель должен быть «испытанным в верности прохождения службы, поведении и бескорыстии»⁸, он избирается областным начальником; 3) местом его пребывания определяется Удский острог⁹.

⁴ Там же. – Ф. 1281. – Оп. 11. – Д. 176. – Л. 15 об.–16.

⁵ Там же. – Ф. 1264. – Оп. 1. – Д. 375. – Л. 3.

⁶ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). – Собр. 2. – Т. XXXVIII. – Ст. 29125.

⁷ РГИА. – Ф. 1264. – Оп. 1. – Д. 375. – Л. 5 об.

⁸ Там же. – Л. 6.

⁹ Там же.

¹ РГИА. – Ф. 1264. – Оп. 1. – Д. 375. – Л. 4 об.

² Там же.

³ Там же.

«Обязанности управляющего Удским краем»¹ согласно проекту определялись следующие: 1) управление над служащими и отставными казаками, крестьянами Удского острога и инородцами; 2) управление близлежащими к Удскому острогу тремя тунгусскими родами Майского зимовья; 3) обязанности по сбору ясака и повинностей с инородцев и крестьян; 4) заведывание над казённым имуществом (хлебом, солью и др.); 5) письменные дела (народоисчисление, сведения о ясаках и др.); 6) забота над продовольствием края и предоставление отчёта о его состоянии; 7) полицейские функции (организация следствий при волостном голове или родовых старшинах, передача дел в якутский земский суд и «частный словесный разбор претензий между обывателями, служащими и временно торгующими, возникающих по точности «Устава о инородцах»²); 8) ежемесячное составление свидетельства о казённом имуществе; 9) отправление в г. Якутск денежной казны и мягкой рухляди (пушнины – А. В.) один раз в год; 10) наблюдение за развитием хлебопашества, огородничества и скотоводства, а также предоставление отчётов областному начальнику; 11) надзирательные обязанности (охрана и порядок); 12) распространение в крае указов, постановлений и др.; 13) соблюдение пожаробезопасности; 14) редоставление отчётов областному начальнику о случившихся происшествиях; 15) принятие мер в случае распространения болезней и эпизоотии, дела оспопрививание населения; 16) надзор за «беспаспортными и нищими»³; 17) «взыскание по бесспорным обязательствам или отсылка в судебное место тех из них, по коим объявлено будет противоречие»⁴; 18) «взыскание недоимок и ответственность за упущение»⁵; 19) пересечение любого насилия, самоуправства, «разбор маловажных ссор на месте, поимка беглых, преследование всякого рода преступлений, следствий, взятие обвиняемых и предание виновных суду по окончании следствия»⁶; 20) «исполнение судебных определений»⁷ по делам гражданским и уголовным; 21) введение запрета жителям местного края выезжать в

стойбища, кочевья бродячих «инородцев», которые «занимали пространство земли далее от Удского острога к китайской границе и Охотскому морю не иначе как по особому билету областного начальника или по особому разрешению его к управляющему краю с полной отчётностью к первому»⁸ в связи с тем, что ранее некоторое население Якутского округа без разрешения местного начальства занималось торговлей спиртными напитками, порохом и другими запрещёнными товарами в Удске; 22) строгий надзор за самопроизвольно пребывающими в Удский край людьми без разрешения областного начальника; 23) запрет удским «инородцам» пропускать через их стойбища людей из вне без разрешения областного начальника; 24) запрещение заниматься торговлей удским «инородцам» в их стойбищах, в противном случае «конфисковать имение его, представлять при подробном донесении»⁹ к областному начальнику, а также другим лицам, занимающимся торговлей спиртными напитками и другими запрещёнными вещами; 25) наблюдение за тем, чтобы торговля проходила именно в ярмарочных местах (в этом пункте и ещё в последующих двух определены правила ярмарочной торговли, например, об её времени, месте, сборе ясака, запрете ввоза упомянутых запрещённых товаров и др.¹⁰).

В разделе «По предмету поселения Удского края»: отмечалось: 1) в связи с недостатком женщин выслать из г. Иркутска из числа назначенных на поселение из российских губерний семь лиц женского пола для замужества с местными крестьянами, которые «были бы полезны к хлебопашеству и огородничеству». Для развития скотоводства предлагалось поселить в крае 9 якутских семей (вероятно, с учётом того, что 1 семья уже была поселена в 1827 г. – А. В.), желающих якутов или осуждённых на поселение. Якуты должны быть самыми «способнейшими по летам, семейственной бытности и состоянию»¹¹, среди них должны быть кузнец и слесарный мастер; 2) направить в Удский край лекарского ученика и доставить нужные лекарства из Якутска¹².

Раздел «По предмету уничтожения богадельни» предписывал: учитывая замечания А. Я. Уваровского, согласно пожеланиям местного населения отменить на-

¹ РГИА. – Ф. 1264. – Оп. 1. – Д. 375. – Л. 6.

² Там же. – Л. 7 об.

³ Там же. – Л. 8 об.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. – Л. 8 об.–9.

⁷ Там же. – Л. 9.

⁸ Там же. – Л. 9 об.

⁹ Там же. – Л. 11.

¹⁰ Там же. – Л. 6–13.

¹¹ Там же. – Л. 14.

¹² Там же. – Л. 13 об.–14 об.

значенную к постройке в 1825 г. при оз. Бокон богадельню «как для них тягостную и с неимением в виду таких увечных людей, которых бы подлежало помещать в оную»¹.

В разделе «По предмету выездов священника в стойбища» священнику запрещалось ежегодно посещать стойбища «инородцев», кроме мест ярмарки, выполнять христианские требы лишь в самом остроге. «Выезд же священнику в стойбища дозволить единожды в два года зимним путём и то в таком токмо случае, когда в продолжение двух лет не явится кто-либо из «инородцев» в острог произвольным образом»².

В разделе «По предмету выезда управляющего Удским краем в стойбища» отмечалось: в случае тогда, когда тунгусы не будут «завлекаться в дальние места, что якуты Якутского округа перестали наезжать в стойбища их и что народы китайского владения, приобывшие променивать с тунгусами разные вещи, прекратят по обещанию своему свидания свои»³, запретить ежегодный выезд в стойбища управляющему Удским краем, исключением считается случай, когда тунгусские родоначальники в течение двух лет не будут платить казённых повинностей или принадлежностей⁴.

Раздел «По предмету взыскания за перевоз по реке Мая» содержал следующее: «за перевоз на обывательских лодках поручалось взыскивать с каждого человека по 10 копеек, а с клади на лошадь по 15 копеек для содержания перевозчиков»⁵.

В разделе «По предмету сбора и хранения в магазинах рыбного запаса» говорилось: соблюдать строгий надзор за рыбными запасными магазинами, учреждёнными А. Я. Уваровским и признанными необходимыми областными начальниками в Удском остроге и на местностях Чернякян, Галлан и Кысыккан. Прилагались правила хранения и выдачи продуктов⁶.

В заключение отмечалось: 1) коммуникации между «российскими тунгусами и народами китайского владения прекращать сколь можно благоразумными мерами»⁷, т. е. запрещать им посещать местности тунгусов, заниматься торговлей, иначе на-

казывать их общественным приговором «при виде тех народов, доказывая тем законы на ослушников»⁸. Это было связано с обеспокоенностью тем, что некоторые являлись «независимыми никакому правительству»⁹ и считались склонными «к произведению какого-либо неотвратимого зла»¹⁰; 2) дозволить проживание русских торговцев в Удском остроге, а также строительство домов и торговых лавок не иначе как с разрешения областного начальника. При этом отмечалось, что присутствие торговцев в самом остроге имеет только пользу как в удобном приобретении товаров, так и в финансовом плане для «инородцев». Кроме того, постоянное нахождение в Удском остроге способствовало бы эффективности поступления ясака и исполнения христианских треб; 3) обеспечивать Удский острог для жителей порохов по 10 пудов и свинцом по 20 пудов¹¹.

Основные положения, которые были озвучены в предложениях иркутских властей, оставались приоритетными и в проекте Н. И. Мягкова. Это вопросы организации управления, продовольственного обеспечения, развития местного хозяйства и демографии. В результате наиболее подробного изучения проблем региона были расширены и скорректированы некоторые задачи, связанные с предыдущими предложениями по проведению реформ в крае. Например, за ненадобностью было предложено отменить строительство богадельни.

9 марта 1827 г. проект был отправлен на рассмотрение иркутскому гражданскому губернатору (очевидно, И. Б. Цейдлеру – А. В.). В декабре 1828 г. губернатор представил утверждённый Советом Иркутского общего губернского управления проект Н. И. Мягкова генерал-губернатору Восточной Сибири А. С. Лавинскому. 12 января 1829 г. генерал-губернатор передал проект на рассмотрение Совету Главного управления Восточной Сибири, который, одобрив его, представил на утверждение в Сибирский комитет¹².

В Сибирском комитете отнеслись с недоверием к вопросу о запрете взаимоотношений между жителями Удского края и неместными, в связи с чем дела могли вестись исключительно с разрешения областного начальника: «При сем нельзя не усом-

¹ РГИА. – Ф. 1264. – Оп. 1. – Д. 375. – Л. 14 об. – 15.

² Там же. – Л. 15–15 об.

³ Там же. – Л. 15 об.

⁴ Там же.

⁵ Там же. – Л. 15 об. – 16.

⁶ Там же. – Л. 16–16 об.

⁷ Там же. – Л. 16 об. – 17.

⁸ Там же. – Л. 17.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же. – Л. 21–23.

ниться, не голос ли это старой торговой монополии чиновников, существовавшей до 1819 года и разрушенной постановлениями в 1822 г. изданными? Вино, действительно, запрещено ввозить к «инородцам»; порох продавать имеет право одна казна, но какие это и другие запрещённые вещи? – конечно, те, коих чиновникам неужгодно будет пропускать без их билетов»¹. Кроме того, с недоверием рассматривались и сами разрешения (билеты), выдаваемые лично областным начальником, которые оказывали бы законное право на торговлю и позволяли бы решать вопросы о долговых взысканиях.

Стоит отметить, что выдача билетов «инородцам» для торговли на Удском остроге стала проводиться в 1827 г. Зачастую билеты выдавались самостоятельно улусными головами, и Н. И. Мягков настаивал на том, чтобы разрешения выдавали в случае одобрения областного начальника².

Сибирский комитет отмечал, что так как «у Удского края не существует даже и умственных границ»³ между другими частями Якутского округа, то «следовательно, никто из соседних русских обывателей, не говоря уже об инородцах, не может быть безопасен от преследования отдельного заседателя как скоро не имеет он охранного места от господина областного начальника». Комитет ссылаясь на «Устав об управлении инородцев», где на законном основании позволялось «сибирским кочевым инородцам отлучаться от своих кочевьев за 500 вёрст по словесному позволению своих старшин и токмо на отлучку далее 500 вёрст они должны иметь письменный вид от земской полиции»⁴. Таким образом, «стеснение ныне предлагаемое»⁵, по крайней мере, на инородцев не распространялось – так отмечалось в комитете.

Замечания были и по поводу противоречивости некоторых предложений проекта с положениями «Устава» 1822 г., касающихся рыночных отношений. Например, комитет не одобрил предложения областного начальника о запрете торговли в стойбищах «инородцев» Удского края, а также об обращении наказанных напрямую к областному начальнику (последнее вызывало большее возмущение у комитета и было выделено в рукописи текста – А. В.). В част-

ности, отмечалось, что «Устав» гарантирует свободную торговлю между инородцами «во всякое время всеми припасами и изделиями кроме горячих напитков...»⁶.

Комитет предлагал исправить также форму проекта, похожую больше на «рапорт» перед вышестоящей администрацией⁷.

8 декабря 1829 г. было объявлено, что для наиболее подробного обсуждения проекта комитет пригласил генерал-губернатора Восточной Сибири А. С. Лавинского. «Собрание комитета планировалось во вторник, 10-го числа, в доме проживания министра внутренних дел (близ Гагаринской пристани в доме гр. Полье) в 8 ч вечера»⁸. В результате собрания было решено рассмотреть проект после его изучения Восточно-Сибирской ясачной комиссией Удского края, которая работала в Якутской области. Комиссия разбиралась, «до какой степени предположение якутского областного начальника может быть полезно или нужно»⁹. Поводом к разбирательству стала малочисленность «инородцев» данного края¹⁰.

В настоящее время мы не располагаем документами, которые способствовали бы рассмотрению результатов реформы Н. И. Мягкова, но можем отметить, что злоупотребления местных служителей продолжались. Так, осенью 1831 г. удский священник Г. Дьячковский «под видом исправления христианских треб...»¹¹ у тунгусов получал «пышные товары и пересылал в Якутск»¹². При этом обнаружилась и его «незаконная торговля» с подданными китайского государства. Дело было передано на рассмотрение иркутскому архиепископу Мелетию¹³.

Заключение. Таким образом, со второй четверти XIX в. вследствие реформаторской деятельности М. М. Сперанского и в ходе ревизии иркутские и якутские власти начинали предпринимать меры по обустройству удалённого Удского края, что отразилось на появлении ряда предложений по налаживанию работы в крае. Стоит отметить деятельность областного начальника Н. И. Мягкова и чиновника для

⁶ ПСЗРИ. – Собр. 2-е. – Т. XXXVIII. – Ст. 29125.

⁷ Там же. – Л. 25 об.–26.

⁸ Там же. – Л. 27–33.

⁹ Там же. – Л. 33–34 об.

¹⁰ Там же. – Л. 34 об.

¹¹ НА РС (Я). – Ф. 225-и. – Оп. 1. – Д. 600. – Л. 12–13.

¹² Там же. – Л. 13.

¹³ Там же. – Л. 16, 18.

¹ РГИА. – Ф. 1264. – Оп. 1. – Д. 375. – Л. 22–22 об.

² НА РС (Я). – Ф. 31-и. – Оп. 2. – Д. 510. – Л. 1–5 об.

³ РГИА. – Ф. 1264. – Оп. 1. – Д. 375. – Л. 23 об.

⁴ ПСЗРИ. – Собр. 2-е. – Т. XXXVIII. – Ст. 29125.

⁵ РГИА. Ф. 1264. – Оп. 1. – Д. 375. – Л. 25.

особых поручений А. Я. Уваровского, оказавших влияние на разработку проекта по обустройству данного региона. Благодаря высокой исполнительности чиновника по особым поручениям проект в отличие от ранее представленных предложений был составлен с подробным изучением проблем и особенностей края. Это наряду с организацией инородных управ и учреждением Степной думы в 1827 г. является одним из основных направлений работы Н. И. Мягова во время его правления в Якутии.

Проект затрагивал практически все основные социально-экономические и общественно-политические вопросы региона: проблемы местного управления, полиции, судебной части, безопасности края, демографии, здравоохранения, продовольственного обеспечения, местной торговли, взаимоотношения с народами сопредельной территории и др. Особое внимание при обустройстве региона уделялось пересечению злоупотреблений должностными полномочиями местных служащих и политике в отношении аборигенного населения на основании «Устава

об управлении инородцев» (1822) в контексте регулирования торгово-экономических отношений, в частности, между народами сопредельных территорий. Обустройство Удского края, как и реализация сибирских реформ 1822 г., было связано с политикой увеличения государственных доходов, решением проблем, связанных с ясачными поступлениями. Соблюдение положений реформ М. М. Сперанского 1822 г. строго регулировалось Сибирским комитетом. В процессе обсуждения возникли противоречия, например, если областной начальник предлагал бороться с нелегальной торговлей в крае путём усиления личного контроля, то комитет относился к этому с особой осторожностью, усматривая в этом возвращение «монополии чиновников».

Тема исследования остаётся актуальной. Особый интерес представляют результаты обсуждения проекта в правительственных кругах и его реализация в условиях последующего увольнения областного начальника Н. И. Мягова (1831). Обнаружение новых архивных документов позволят в полной мере проследить за преобразованием удалённого Удского края.

Список литературы

1. Спижевой Н. Е. Исследования в бассейне реки Уды Тугуро-Чумиканского района // Вестник Сахалинского музея. 2003. № 1. С. 180–200.
2. Алексеев А. И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки до конца XIX века. М.: Наука, 1982. 288 с.
3. Сафронов Ф. Г. Охотско-Камчатский край: пути сообщения, население, снабжение и земледелие до революции. Якутск: Якуткнигоиздат, 1958. 136 с.
4. Сафронов Ф. Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в.: управление, служилые люди, крестьяне, городское население. М.: Наука, 1978. 260 с.
5. История Сибири. Л.: Наука, 1968. Т. 2. 535 с.
6. Павлинов Д. М. Об имущественном праве якутов // Материалы по обычному праву и по общественному быту якутов. Л.: АН СССР, 1929. С. 1–46.
7. Уваровский А. Я. Воспоминания. Якутск: Якут.-Саха информ. агентство, 1995. 223 с.
8. Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков: монография. Омск: Издво Омск. гос. унта, 2004. 552 с.
9. Ширина Д. А. Петербургская академия наук и Северо-Восток. 1725–1917 гг. Новосибирск: Наука, 1994. 269 с.
10. Дьяконов А. Л. Пушной промысел в Якутии конца XVIII – середины XIX века. Якутск: ЯНЦ СО РАН СССР, 1990. 144 с.
11. Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.). 2-е изд., испр. и доп. Иркутск: Оттиск, 2018. Т. 2. 416 с.
12. Васильев А. Д. Начальник Якутской области Н. И. Мягов (1826–1831 гг.): новые биографические данные // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. № 2. С. 68–70.
13. Петухова З. И. Якутская Степная Дума. Якутск: Көмүөл, 2007. 192 с.
14. Габышев Н. А. Афанасий Уваровский и его «Воспоминания». Якутск: Бичик, 1995. 64 с.

Статья поступила в редакцию 16.03.2021; принята к публикации 22.04.2021

Сведения об авторе

Васильев Айсен Данилович, младший научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН; 677000, Россия, г. Якутск, ул. Петровского, 1; e-mail: aysen_vasilev@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4428-4856>.

Библиографическое описание статьи

Васильев А. Д. Проект якутского областного начальника Н. И. Мякова по обустройству Удского края (1820-е гг.) // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 3. С. 15–23. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-15-23.

References

1. Spizhevoy, N. E. Research in the Uda River Basin, Tuguro-Chumikansky District. Bulletin of the Sakhalin Museum, no. 1, pp. 185–200, 2003. (In Rus.)
2. Alekseev, A. I. The development of the Russian people of the Far East and Russian America until the end of the 19th century. M: Nauka Publ., 1982. (In Rus.)
3. Safronov, F. G. The Okhotsk Kamchatka Region: Routes of Communication, Population, Supply and Agriculture before the Revolution. Yakutsk, Yakutknigoizdat Publ., 1958. (In Rus.)
4. Safronov, F. G. Russians in Northeast Asia from the 17th Century until the Middle of the 19th Century: Management, Service Class People, Peasants, Urban Population. M: Nauka Publ., 1978. (In Rus.)
5. History of Siberia. Leningrad: Nauka, 1968. Vol. 2. (In Rus.)
6. Pavlinov, D. M. About the property law of the Yakuts. Materials on customary law and on public life of the Yakuts. Leningrad: AS USSR: 1929: 1–46. (In Rus.)
7. Uvarovskiy, A. Y. Memoirs. Yakutsk, Yakutian-Sakha information agency Publ., 1995. (In Rus.)
8. Remnev, A. V. Russia of the Far East. Imperial Geography of Power from the 19th Century to the Early 20th Century: Monograph. Omsk, Izdvo Omsk. gos. unta Publ., 2004. (In Rus.)
9. Shirina, D. A. Petersburg Academy of Sciences and the North-East. 1725–1917. Novosibirsk: Nauka, 1994. (In Rus.)
10. Dyakonov, A. L. Fur trade in Yakutia at the end of the 18th – mid 19th centuries. Yakutsk: YANTs SB RAS USSR, 1990. (In Rus.)
11. Dameshek, L. M., Dameshek, I. L. Siberia in the system of Imperial Regionalism. Second edition, rev. and add. Irkutsk: Ottisk Publ. 2018. (In Rus.)
12. Vasilyev, A. D. N. I. Myagkov, the Head of the Yakutsk Oblast (1826–1831): new biographical data. Gumanitarnye nauki v Sibiri, no. 2, pp. 68–70, 2016. (In Rus.)
13. Petukhova, Z. I. Yakut Steppe Duma. Yakutsk: Kemel Publ., 2007. (In Rus.)
14. Gabyshev, N. A. Afanasy Uvarovsky and his “Memoirs”. Yakutsk: Bichik Publ., 1995. (In Rus.)

Received: March 16, 2021; accepted for publication April 22, 2021

Information about author

Vasiliev Aisen D., Junior Researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences; 1 Petrovskogo st., Yakutsk, 677000, Russia; e-mail: aysen_vasilev@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4428-4856>.

Reference to the article

Vasiliev A. D. The Project of the Yakut Regional Head N. I. Myagkov on the Arrangement of the Udsy Territory (the 1820s) // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 3. PP. 15–23. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-15-23.

УДК 271.2-86(470)(091)

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-24-33

Александр Станиславович Маджаров,
Иркутский государственный университет
(г. Иркутск, Россия),
e-mail: mas@home.isu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1933-8549>

Клерикально-охранительное направление в отечественной историографии старообрядчества 50-х годов XIX века: структура исторического исследования

Осмысление историографии старообрядчества зависит от уровня развития истории исторической науки, разработанности её категориального аппарата. Невывяленность структуры ведёт к неопределённости в терминологии, описании научных достижений и тупиков исследования. Из литературы произвольно вычёркиваются ключевые исторические труды (историографические факты), определявшие лицо науки своего времени, «стираются» направления, этапы историографии. Целью данной работы является изучение внутренней формы, структуры клерикально-охранительного исторического исследования старообрядчества в отечественной литературе 50-х гг. XIX в.: ценностных, пространственных, источниковедческих, векторных отношений автора к объекту изысканий; совокупности понятий, раскрывающих «механизм» объяснения старообрядчества; пути получения знаний о расколе, опосредованном этой структурой. Анализ показал, что клерикальная идеологическая позиция, выраженная в трудах историков этого направления, сфокусировалась на защите «нового обряда». Она вела к сужению предмета исследования, ограничивая его «мнениями» и фактами констатации раскола, продуцировала цель исследования – «разоблачение» раскольников и нравственно-схоластический метод её достижения, толкала к использованию в объяснении изучаемого явления совокупности обличительных понятий, и к середине XIX в. стала барьером на пути познания антицерковного протеста. Факт практической несостоятельности клерикальной доктрины, который являлся следствием её познавательной ограниченности, осознавали и сами носители обличительной традиции. Вопрос о причинах возникновения и развития старообрядчества стал актуальным. Новый ответ на него в конце 50-х – начале 60-х гг. XIX в. был дан историком Афанасием Прокопьевичем Щаповым (1831–1876), который коренным образом изменил теоретико-методологические основания исследования.

Ключевые слова: историография старообрядчества, клерикально-охранительное направление, структура исторического исследования, историографический факт, направление, этап

Alexander S. Madzharov,
Irkutsk State University
(Irkutsk, Russia),
e-mail: mas@home.isu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1933-8549>

Clerical-Protective Direction in the Russian Historiography of the Old Believers of the 1850s: the Structure of Historical Research

Understanding the historiography of the old believers depends on the level of development of the history of historical science, the development of its categorical apparatus. The lack of clarity of the research structure leads to uncertainty in terminology, in the description of scientific achievements and dead ends. The key historical works (historiographical facts) that defined the face of the science of their time are arbitrarily deleted from the literature, and the directions and stages of historiography are “erased”. The purpose of this work is to study the internal form and structure of clerical-protective historical research of old believers in the Russian literature of the 1850s: value, spatial, source – study, vector relations of the author to the object of research; a set of concepts that reveal the “mechanism” of explaining old believers; ways to gain knowledge about the split mediated by this structure. The analysis showed that the clerical ideological position expressed in the works of historians of this direction focused on the defense of the “new rite”. It led to a narrowing of the subject of research, limiting it to “opinions” and facts of the statement of schism, which produced the purpose of research – the “exposure” of schismatics and the moral-scholastic method of achieving it and pushed us to use a set of accusatory concepts in explaining the phenomenon under study. It became a barrier to the knowledge of anti-Church protest by the middle of the 19th century. The fact of the practical failure of the clerical doctrine, which was a consequence of its cognitive limitations, was also realized by the bearers of the accusatory tradition themselves. The question of the reasons for the emergence and development of the old believers has become relevant again. A

© Маджаров А. С., 2021

new answer to this question in the late 1850s – early 1860s was given by the historian Afanasiy Prokopyevich Shchapov (1831–1876), who radically changed the theoretical and methodological foundations of the study.

Keywords: historiography of the old believers, clerical-protective direction, structure of historical research, historiographical fact, direction, stage

Введение. *Внутренняя форма, структура исторического исследования как проблема.* История исторической науки входит в современные исследования большей частью как обзор работ по теме, предваряющий изучение конкретного сюжета. Глубина таких экскурсов в прошлое, их значение для новых разработок зависит от уровня развития историографии, её категориального аппарата [1].

Недостаточное внимание к проблеме внутренней формы, структуры исторического исследования, видимой только на теоретико-методологическом уровне исследования, но входящей в предметное поле истории исторической науки, снижает качество изысканий. Нерешённые общие вопросы дисциплины («историографический факт», «направление», «этап» и др.) прямо касаются трудов по старообрядчеству. В частности, неясность структуры клерикально-охранительного направления в историографии антицерковного движения ведёт к неопределённости в терминологии, к игнорированию её достижений и тупиков.

В литературе клерикально-охранительное направление называют «синодально-охранительным»¹, «обличительно-полемиическим»²; течением, представленным «историками официальной церкви»³, «профессурой духовных академий»⁴; «церковной или синодальной историографией» и т. д.⁵

Из рассмотрения исключаются исторические труды (историографические факты), направления, этапы историографии.

К примеру, высказывается утверждение (2018), что «объектом внимания исторической науки старообрядчество выступило со второй половины XIX века», хотя о расколе в 30-е гг. XVIII в. писал родоначальник отечественной исторической науки В. Н. Татищев (1686–1750)⁶ [2].

В статье «Историография истории старообрядчества в отечественной культуре» (2017) «пропущены» – труды А. П. Щапова, положившие начало демократическому направлению в историографии раскола конца 50-х начала 60-х гг. XIX в. [3, с. 32].

Из текущей литературы по старообрядчеству, как правило «выпадает» сочинение Г. В. Плеханова «Раскол как одно из выражений общественной мысли», открывающее марксистское направление, и марксистский этап (изменение парадигмы) исследования раскола⁷ [4–6].

Методология и методы исследования. Научная направленность историографического сочинения предполагает выявление существенных связей и отношений процесса познания, изучение прикладной методологии как системообразующего начала истории исторической науки [7].

В рамках данной установки рассмотрим внутреннюю форму, структуру клерикально-охранительного исторического исследования старообрядчества в отечественной литературе 50-х гг. XIX в.: ценностные (идеология), пространственные (предмет), источниковедческие (свидетельства), векторные (цель, метод исследования) отношения автора к объекту изысканий; совокупность понятий, раскрывающих «механизм» объяснения старообрядчества

¹ Дутчак Е. Е. Старообрядческие таёжные монастыри: условия сохранения и воспроизводства социокультурной традиции (вторая половина XIX – начало XXI в.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. – Томск, 2008. – С. 13.

² Куприянова И. В. Старообрядчество Алтая в условиях радикальной трансформации российского общества (конец XIX – первая треть XX века): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. – Барнаул, 2018. – С. 5.

³ Кочергина М. В. Старообрядчество юго-запада России (1760–1860 гг.): хозяйство, расселение, культура: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Брянск, 2003. С. 4–6.

⁴ Рукавицына Е. А. Самоидентификация старообрядчества в современном социуме (на примере Республики Тыва в XX–XXI вв.): автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. – М.: Моск. гос. ин-т культуры и искусств, 2011. – С. 5.

⁵ Кузоро К. А. Церковная историография старообрядчества: возникновение и эволюция (вторая половина XVII – начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2009. – С. 3.

⁶ Куприянова И. В. Старообрядчество Алтая в условиях радикальной трансформации российского общества (конец XIX – первая треть XX века): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. – Барнаул, 2018. – С. 4.

⁷ Сибиркина И. Ю. Общественная мысль пореформенной России в оценке Г. В. Плеханова: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. – М.: Моск. пед. ун-т, 1993. – 18 с.; Тулякова Е. В. Социально-философские проблемы в творчестве Г. В. Плеханова: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. – М., 2013. – 30 с.; Мельников И. А. Социокультурные трансформации ментальности новгородского старообрядчества: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. – СПб.: Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, 2015. – 22 с.

и путь получения знаний о расколе, опосредованный этой познавательной структурой.

Отметим, что проблемы цели, предмета, метода исторического исследования уже в 30-е гг. XIX в. являлись объектом историографической рефлексии историков [8, с. 156–157].

О термине «клерикально-охранительное» направление. Клерикально-охранительное направление, как совокупность сочинений, созданных на общей теоретико-методологической основе, господствовало в литературе с момента появления первых антираскольнических трактатов в середине XVII в. и до появления в конце 50-х – начале 60-х гг. XIX в. демократической концепции процесса.

Этот термин был введен в научный оборот в 1992 г. [9, с. 48–54]. В современных исследованиях по расколу интересующая нас линейка трудов именуется и как синодально-охранительная, обличительно-полемическая и как церковная (синодальная) и т. д. Разноголосица по вопросу о названии данной группы историографических источников, свидетельствующая, в частности, о неясности её структуры, может быть устранена путём соотнесения термина с исследуемым объектом.

Определение клерикально-охранительного направления в историографии раскола как «синодально-охранительного» неточно. Эта формулировка не соотносится с объёмом книг, который предполагается охватить. Ведь синод возник в 1721 г., а критическая литература по расколу – во второй половине XVII в., задолго до его появления.

Квалификация упомянутой суммы трудов как «обличительно-полемической» также не лишена изъяна. Такое истолкование не отвечает назначению термина, не выделяет охранительную суть литературы, а подчёркивает её производные признаки – «обличение и полемику».

Спорным представляется и позиционирование клерикально-охранительного направления как «церковного, или синодального». Об относительной узости термина «синодальное» уже говорилось. Но понятие «церковное» также не совпадает с обозначаемым объектом. Известно, что не все сторонники упомянутой точки зрения были деятелями церкви, хотя при этом и выступали с клерикальных позиций.

Обличительный этап в развитии клерикально-охранительной историографии

раскола. Раскол Русской православной церкви, трактуемый клерикальной историографией XIX в. как факт «восстания против Никона», сопротивления «власти церковной и гражданской», «мятежа Соловецкого, Стрелецкого» и др., вызвал соответствующую ответную реакцию со стороны власти прережающих, поставил задачу искоренения инакомыслия [10, с. 4, 5].

Носители «старой веры» как сторонники самобытного религиозного уклада и образа жизни преследовались. Особенно суровым испытаниям община староверов подвергалась в начальный период существования раскола во второй половине XVII в. Сыск и наказание инакомыслящих в это время осуществлял Приказ тайных дел (1654–1676). Алексей Михайлович (1629–1676) отправлял своих сатрапов в пустыни «для поимки разбойников». По высочайшему распоряжению их разыскивали, допрашивали, «пытали и огнём жгли»¹.

Письменные оценки религиозного движения в начальный период раскола по своей тональности соответствовали характеру мер, принимавшихся против религиозных диссидентов Приказом тайных дел. Симеон Полоцкий в «Жезле правления» (1667) характеризовал раскольников как «безумных» людей, архиепископ Афанасий в «Увете духовном» (1682) предостерегал паству от влияния «безумных мужиков», архиепископ Питирим в «Пращице духовной» (1721) писал «противо вопросов раскольничьих». С обличением старообрядцев выступали и другие авторы.

Клерикально-охранительная традиция, заложенная в XVII в., получила развитие в историографии XVIII – первой половины XIX в. Исследования архиепископа Филарета «История русской церкви» (1853), митрополита Макария «История русского раскола, известного под именем старообрядства» (1855), А. Н. Муравьёва «Раскол, обличаемый своею историей» (1854), Н. Г. Устрялова «История царствования Петра Великого» (1858) (раздел по истории раскола) явились высшим достижением «классического» обличительного, схоластического направления.

Эти труды увидели свет в начале второй половины XIX в. Однако взгляд на антицерковное выступление как явление

¹ Народное антицерковное движение в России XVII века. Документы приказа тайных дел о раскольниках, 1665–1667 гг. / сост. В. С. Румянцева. – М.: Учасок оперативной полиграфии Института истории АН СССР, 1986. – С. 54, 55, 80.

узкообрядовое сближал их с творениями предшествующего времени – XVIII – первой половины XIX в.

Вненаучная задача клерикально-охранительных трудов по расколу. Для историков клерикально-охранительного направления, защищавших позиции официальной церкви, раскол лишь отчасти являлся научной проблемой. Ведь официальный ответ на вопрос о том, что такое раскол и кто такие раскольники, был дан ещё на соборах 1666, 1667 гг. Заключение этих собраний синклита подтверждали правомочность «новоисправленных книг», утверждали канонический перечень обрядовых предписаний, вызывавших споры. Их следовало беспрекословно принимать. Неподчинение церковной иерархии, непризнание «новых книг», богослужение по «старым книгам» и являлось расколом. Несогласные «предавались анафеме» как «еретики и непокорники».

Задача, стоявшая перед историками церкви, была преимущественно идеологической: подтвердить ошибочность «старых книг», осудить непокорных за неподчинение церкви и «незнание» обрядов и вернуть их в лоно церкви. Обличительная историография 50-х гг. XIX в. и занималась её решением.

«Новый» обряд как синтез идеологической позиции историков клерикально-охранительного направления. Макарий, Филарет, А. Н. Муравьёв, Н. Г. Устрялов и другие историки, писавшие о расколе в клерикально-охранительном духе, были связаны рамками официальной идеологии.

В частности, митрополит Макарий (Михаил Петрович Булгаков) (1816–1882) в период создания сочинения о «восставших против власти церковной и гражданской» являлся епископом Винницким, ректором Санкт-Петербургской духовной академии, в составе которой с 1853 г. существовало отделение по борьбе со старообрядцами.

Формально автор признавал значение объективного исследования. В заключение своего трактата, касаясь современного ему состояния старообрядчества, он подчеркивал, что этот вопрос «столь близок нам по времени, что почти еще не может быть предметом беспристрастной истории» [10, с. 367]. Выпущенная архиереем книга о расколе XVII – начала XIX в. не касалась современности и могла бы быть, согласно его логике, «предметом беспристрастной истории», но таковой не являлась.

Оценки мыслей и деяний «ревнителей старины», данные Макарием, типичные для клерикальной литературы конца 50-х – начала 60-х гг. XIX в., отражали позицию официальной церкви, выраженную в постановлениях церковных соборов.

Ректор духовной академии адресовал своё послание старообрядцам. Он охарактеризовал заседания собора русских архипастырей, отметив, что на совещании 7 мая 1666 г. святители одобрили книгу «Жезл правления, утверждения, наказания, казнения», составленную Симеоном Полоцким. В этом труде подчёркивалось, что «все архиереи» засвидетельствовали правомочность в «новоисправленных книгах», их идентичность «со старыми славяно-русскими харатейными книгами» [Там же, с. 178].

Исследователь обратил внимание на тот факт, что решение было утверждено и на соборе 1667 г. «голосом архипастырей восточных» и являлось «приговором Церкви православно-кафолической» [Там же, с. 179]. Он также рассказал об издании консилиумом греческих и русских патриархов, митрополитов, архиепископов, епископов 13 мая 1667 г. «соборного повеления и заветания».

Согласно этому приговору православным христианам «заповедалось» «покоряться во всём св[ятой] восточной и апостольской Церкви Христовой; употреблять при богослужении книги, напечатанные при Никоне...; св[ятой] символ без прилога “истинного”; произносить... аллилуйю трижды, с прибавлением “слава Тебе, Боже”; творить крестное знамение тремя первыми перстами правой руки...; произносить молитву Иисусову в церковном пении и общем собрании так: “Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас”... печатать просфоры четвероконечным крестом; хранить церковный и монастырский чин по преданию св[ятых] Апостолов и св[ятых] Отцов; пастырям благословлять христиан именословным благословением» [Там же, с. 179–180].

Историк церкви отметил важное обстоятельство, зафиксированное в заключение упомянутого волеизъявления: «...всем неизменно хранить и покаяться святей восточней Церкви. А тех, кто не послушает и не покорится святей восточней Церкви и сему освященному собору... мы данною нам властью... извергаем и обнажаем его всякого священнодействия и благодати и

проклятию предаём... яко гнил и непотребён удъ, дондеже вразумится и возвратится в правду покаянием» [10, с. 179–180].

Макарий цитировал решения соборов не только для их иллюстрации. «Повеления и завещания» определяли его «обрядоверческую» идеологическую установку, критерии оценки ритуальных разночтений, событий истории староверов и задачу возвращения еретиков в лоно церкви. В трудах историков-обличителей раскол и рассматривался как «старообрядчество».

На материалы соборов 1666, 1667 гг. как один из источников своей позиции по расколу ссылались Филарет [11, с. 67–72, 245–251], А. Н. Муравьёв [12, с. 72–82] и другие историки клерикально-охранительного направления. Важно, однако, подчеркнуть, что «обрядоверие» было присуще не только носителям старой веры. Позиция их гонителей также была «обрядовой». Разница между сторонами конфликта заключалась в том, что староверы связывали «спасение» со «старым», а «никониане» («новообрядцы») – с «новым» обрядом.

Критическая, антираскольническая тенденция, заложенная в официальной идеологии и воспринятая Макарием, Филаретом, А. Н. Муравьёвым и другими историками обличительного направления, воспроизводилась в структуре исторического исследования, закреплялась в предмете, цели исследования, в методе и характере «теоретических» заключений авторов о расколе.

Предмет клерикально-охранительного исследования раскола. Идеология «нового обряда» проецировалась на предмет исследования, влияла на определение его содержания и границ. В расколе клерикалы различали два лагеря – официальный и старообрядческий. Первый проводил позицию, одобренную соборами, на всех этапах истории протеста боролся с инакомыслием. Второй – «восстал против власти церковной и гражданской», «распространился, разбился на разные толки».

В народном выступлении против церкви сторонники официальной позиции видели «мнения». Как «нарост ложных мнений» раскол представлялся Макарию, Филарету и другим эмиссарам обличительных штудий.

«Мнения» служили основанием Макарию для разделения истории русского раскола на «два периода». Первый этап «истории» движения (1419–1667), по его словам, показал «как... возникли стран-

ные заблуждения», которые «послужили главными началами Русского раскола» [10, с. 1]. Второй (1667–1855) свидетельствовал о том, как «на основании заблуждений» «совершился Русский раскол», «восстал против Власти церковной и гражданской», «распространился и разбился на мелкие толки» [Там же]. Он виделся Макарию как «история самого раскола и его мнений» [Там же].

Однако явление не исчерпывалось спорами об исконном обряде. Историки старообрядчества видели в предмете исследования и «внешнюю» сторону процесса. Событийное полотно истории старообрядчества, согласно представлениям клерикалов, включало факт раскола, его последующее удвоение в «мятежах», разделение на «секты» и др.

Макарий очерчивал пространственную проекцию раскола как «многосложнейшего события нашей церковной истории» [Там же, с. 2]. Данную сторону процесса подробно рассматривали Филарет [11, с. 255–290], А. Н. Муравьёв [12, с. 43–161].

Раскол, как проявление «старообрядческих мнений», факт антицерковных и антигосударственных деяний, порожденных этими «мнениями», а также «мер власти церковной и гражданской» против инакомыслящих и «вразумления» носителей протеста, и занимал клерикальную историографию.

Цель исследования и её идеологическая обусловленность. Предмет и цель исследования как избранный для анализа фрагмент реальности и задача его научного преобразования были взаимосвязаны. Предваряющие описание раскола контуры явления у историка клерикально-охранительного направления конкретизировались в цели сочинения. «Новообрядческая» установка автора «сужалась» в замысле книги до «желаемого образа» изучаемого явления.

Макарий подчёркивал, что, работая над темой, «имел в виду двоякую цель». Он, согласно собственной терминологии, предполагал реализовать миссию «учёную»: разъяснить и изобразить с возможною верностью... и полнотой одно из... событий нашей церковной истории; *нравственную*: представить историческую картину раскола так, чтобы... раскольники могли ясно видеть свои заблуждения и раскаивались в них, а православные... получить правильные понятия о расколе...» [10, с. 2].

Первый тезис постулировался как задача объективного исследования проблемы. Однако вторая сторона «двойки цели» – «нравственная», идеологическая, подрывала принцип объективности, сужала фронт познания раскола, сводила его к схоластической и назидательной сторонам.

«Моральная» оценка была обязательной. Её назначение заключалось в том, чтобы структурировать заключительные представления о расколе в нужном «нравственном», «критическом» – обличительном ракурсе. «Партийность» историка проявлялась в развенчании старообрядчества, в реализации обличительной линии.

Приступая к сочинению, во введении к тексту автор определил желаемый результат исследования – историю раскола как свидетельство его нравственной и богословской несостоятельности. Итог событий и искомый результат изысканий выражался создателем книги в стилистике религиозной поэтики: «семена раскола» принесли «горький плод»; «облачко» «превратилось в громадную тучу» и «разразилось страшной грозой» [10, с. 1].

Цель исследования, поставленную Макарием, разделял А. Н. Муравьев. «Доселе мы... видели семена расколов, – писал он. – ...Теперь увидим... их горькие плоды» [12; 10, с. 86]. Автор убеждал читателей, что история «раскольнических обществ» «есть лучшее против них обличение» [12, с. 5].

Подобной установкой в своих изысканиях руководствовался и Филарет. По его словам, в XVI в. возникли «ошибочные мнения и убеждения». В дальнейшем «на рост ложных мнений увеличился, созрел и... отпал... от здорового тела церкви». Итог познания раскола виделся автору как изображение его «безобразным струпом», «плевелами», «наростом» [11, с. 238].

Цель произведений историков клерикально-охранительного плана о расколе и заключалась в том, чтобы разоблачить, дискредитировать религиозную мысль и деяния раскольников, описать превращение «семени» в «горький плод».

Источниковая основа клерикальной концепции. Историки церкви были по-своему заинтересованы в воссоздании истории раскола. В этом смысле следует понимать слова Макария: «Сообразно с первой целью («учёною» – А. М.) я старался, сколько мог, основывать свои показания на самых коренных и достоверных источниках» [10, с. 2]. Причина тяги автора к «достоверно-

му рассказу» заключалась в убеждении, согласно которому история протеста обличала сама себя. В факте раскола и в каждом новом его витке он видел проявление «зла», «невежества» и доказательства справедливости своей точки зрения.

Для реализации цели описания событий и обличения непокорных нужно было сформировать источниковую базу, соответствующую назначению клерикального исследования.

Макарий опирался на законодательные источники («Полное собрание законов Российской империи»), акты («Деяния большого Московского собора 1666–1667 гг.», «Акты исторические», «Дополнения к актам историческим»), жития святых («Житие преподобного Евфросина» и др.), книги своих предшественников («Скрижаль», «Жезл правления», «Увет духовный», «Пращица», «Розыск»), изучал сочинения старообрядцев – протопопа Аввакума, Семёна Денисова и других, рукописи по истории раскола из собственной библиотеки.

Он обращался к сочинениям Филарета, Евгения (Болховитинова), Н. М. Карамзина, К. Ф. Калайдовича, М. П. Погодина, Г. А. Розенкампа, П. М. Строева, А. Журавлева, И. П. Сахарова, И. Т. Голикова, И. Алексеева и др.

Документы отбирались и преобразовывались в соответствии с целью исследования. Они служили фундаментом для исчерпывающего «научного» развенчания инакомыслящих, разоблачения всех «ошибочных мнений», всех перипетий истории староверов, выступлений «против власти церковной и гражданской».

Об «описательном, «нравственном», «критическом» аспектах клерикально-охранительного метода исследования раскола. Изучение истории раскола, направленное на выяснение причин его возникновения и развития, предполагало хронологически последовательное воссоздание феномена старообрядчества, применение опосредованного историческим источником описательного метода. Хронологическая линия в изложении событий прослеживалась как в оглавлении, так и в содержании книги Макария [10, с. 196–326, 369]. Повествование имело и свою логику – эмпирической взаимосвязи фактов [Там же, с. 186–292].

Описательный метод был неотъемлемой частью инструментария и других представителей клерикально-охранительного

направления, в частности, Филарета [11, с. 255–290], А. Н. Муравьёва.

Изложение окармлилось морально-схоластической оценкой.

В исследовании раскола Макарий шёл по пути развенчания «заблуждений» раскольников и склонения их к «раскаянию». Он решал «*нравственную*» задачу, использовал один из аспектов своего метода освоения материала – моральную оценку мыслей и действий раскольников. «Нравственный» метод историка церкви работал в контексте дихотомии «добро – зло», почерпнутой из религиозно-нравственного эвристического арсенала, где раскол интерпретировался как зло. Эта нормативно-оценочная, «методологическая» категория в «Истории» Макария красной нитью пронизывала сочинение, являлась важнейшей обобщающей характеристикой хроники старообрядчества, намерений, мыслей и действий раскольников.

По его словам, до начала раскола «зло... совершили ...справщики», когда внесли «учение» о сугубой аллилуйи и двуперстном перстосложении в «книги» [10, с. 116]. В период возникновения раскола «суеверы... с большой злобою и ожесточением выжидали... случая, чтобы снова восстать против правительства» [Там же, с. 219]. «Раскол, – согласно заключению Макария, – в первые годы существования... явился величайшим злом не только для церкви..., но и для государства», произвёл «ряд... страшных бунтов» [Там же, с. 334]. Власти «духовные и гражданские», по мнению историка, употребляли все меры «к пресечению этого зла» и т. д. [Там же, с. 326].

Нравственный метод применяли в исследовании раскола Филарет, Н. Г. Устрялов. Автор «Истории царствования Петра Великого» квалифицировал протестантов как носителей «злого духа противодействия и мятежа» [13, с. 26–28, 51].

Нравственная оценка событий истории раскола сочеталась с «критическим», схоластическим анализом «мнений» и «деяний» старообрядцев.

Суть этого методологического приёма излагал Макарий: «сообразно с второю (нравственною – А. М.) целью, я не ограничивался одним изложением раскольнических мнений и рассказом о событиях, но часто... делал замечания против мнений глаголемых старообрядцев, обличал их неправые сказания и умствования, произно-

сил суд об их верованиях и делах, и таким образом сообщил своей истории характер критический» [10, с. 2].

Критический метод вёл автора по пути исследования раскола от его возникновения до современного состояния в контексте познавательной дихотомии «знание – невежество». Раскольнические «мнения» оценивались как «невежество». Это универсальное объяснение старообрядческой историографии и деяний раскольников, как и категория «зло», проходило через всё сочинение историка, а также «работало» в трудах всех представителей клерикально-охранительного направления.

Согласно убеждению Макария, реформа Никона привела к расколу «невежд, которые не могли понять нужды в исправлении книг» [Там же, с. 4]. Развитию раскольнических мнений, по его заключениям, содействовало «распространение грубого невежества... в простом народе... и в духовенстве» [Там же, с. 16]. Ошибки в «старых книгах» возникли потому, считал он, что их перепиской занимались «люди-невежды», которые «не понимали» смысла рукописей [Там же, с. 24]. Привязанность к «старым богослужебным книгам», согласно мнению автора, была вызвана «грубым невежеством» [Там же, с. 21]. Наконец, пытаюсь охарактеризовать глубинные основы протеста, автор соединил два аспекта своего метода – «нравственный» и «критический» и сделал следующий вывод: «ненависть и невежество – вот два самые начальные источники раскола по суду даже разумных современников» [Там же, с. 163–164].

Критическим, схоластическим приёмом пользовался в своей работе и Филарет. По его убеждению, раскольники были суеверами, носителями ложных мнений [11, с. 238, 241]. «Невежество, – считал он, – ...было самым видным преимуществом предводителей раскола» [Там же, с. 243].

Этот методологический подход применял и Н. Г. Устрялов. Он характеризовал старообрядцев как сектантов, «косневших в суеверии» [8, с. 26–28, 51].

Объяснение раскола в структуре клерикально-охранительного исследования. Идеологема «раскол – невежество». Порождённая идеологической установкой цель исследования – развенчание «заблуждений» раскольников, склонение к «раскаянию» и «критический» метод нравственно-схоластической оценки их мыслей и действий – суммировались в совокупно-

сти понятий, составляющих структуру клерикально-охранительного объяснения старообрядчества.

Явление раскола обобщалось авторами исследуемого направления в терминах с уничижительной коннотацией, не имеющих прямого отношения к предмету исследования: «горький плод»; «безобразный струп», «плевелы», «нарост» и др.

Деятели старообрядческой общины характеризовались как нарушители норм морали, нравственности, как отступники, смутьяны, мятежники, развратники, заклятые враги, носители злобы, нечистоты сердечной и др. [8, с. 48–52].

Причины протеста виделись авторам в проявлении деструктивных чувств, отсутствии знаний, невежестве, ненависти, необразованности, отсталости, суеверии. Наконец в заключительном вердикте раскол квалифицировался как «зло».

Эта критическая, обличительная, схоластическая структура являлась итогом познания старообрядчества в рамках клерикально-охранительного направления своего времени и основанием идеологемы «раскол – невежество», получившей широкое распространение в литературе XVII–XX вв., в том числе и в советской историографии.

Результаты исследования и их об- суждение. *Методологические тупики клерикальной доктрины.* Клерикально-охранительная историография раскола XVII – первой половины XIX в. по-своему осветила историю старообрядчества и его причины, создала «картину» протеста, определила принципы, метод его изучения.

Однако к середине XIX в. её обличительный, схоластический эвристический потенциал был исчерпан.

О факте практической несостоятельности клерикальной доктрины, которая являлась следствием её познавательной ограниченности, свидетельствовали сами носители обличительной традиции.

А. Н. Муравьев подчёркивал значение книг, посвящённых критике раскола, но вынужден был констатировать отсутствие результата. «Новая скрижаль патриарха Никона, – писал он, – “Жезл правления”, изданный при Иоасафе, “Увет духовный” патриарха Иоакима, “Щит веры” Афанасия Холмогорского, “Розыск” святителя Димитрия, “Пращица духовная” Питирима, наконец, “Обличение” Феофилактово – все были направлены к одной и той же цели

вразумления отпадших от православия, но тщетно, ибо закоренелые не хотели внимать пастырскому гласу» [12, с. 232].

В начале 50-х гг. XIX в. в рядах сторонников официальной церкви появились исследователи, осознававшие бесперспективность обличительной, «обрядоверческой», схоластической доктрины.

Славянофил И. С. Аксаков, размышлявший о путях прекращения раскола, подчёркивал неспособность клерикально-охранительной схемы, представленной в книгах и в устных проповедях, изменить позицию протестантов. В мае 1849 года он как чиновник занимался изучением раскола и подготовил труд, фрагмент которого – «Краткая записка о странниках или бегунах» (1851) – был опубликован в журнале «Русский архив» в 1866 г.

В «Записке» К. С. Аксаков сообщал, что для исправления раскольников посылал их слушать назидания в «сельских и городских церквях... Ярославской и Костромской губерний». Однако эксперимент не удался. По его словам, инакомыслящие «находили в православных проповедях не живое слово убеждения и любви, но мертвое витийство, приправленное риторическими украшениями» [14, с. 634].

Заключение. Клерикальная методология, в течение двух столетий сконцентрированная на защите «нового обряда», «разоблачении» раскольников, стала барьером на пути познания антицерковного протеста. Она не позволила убедительно объяснить причины развития раскола и не способствовала возвращению староверов в лоно церкви. В своей борьбе за «аз» историки церкви упустили главное: старообрядчество не сводилось к обряду и не могло быть объяснено только разницей во взглядах на него. В их нравоучительных трудах отсутствовало понимание раскола как истории общества. Абсолютизация ритуальных оснований протеста не давала возможности раскрыть его социальную природу, процесс развития антицерковного движения, своеобразие этапов. С расширением протестного движения узость теоретико-методологической основы клерикальной схемы становилась непреодолимым препятствием на пути адекватной оценки масштабного, многовекового народного движения.

Вопрос о причинах возникновения и развития старообрядчества вновь стал актуальным. Новый ответ на него в конце

50-х – начале 60-х гг. XIX в. был дан Афанасием Прокопьевичем Шаповым (1831–1876), который кардинально изменил теоретико-методологические основания исследования [15, с. 230–238].

Историк, опираясь на демократическую идеологию, систему ценностей (народ, свобода), цель исследования (представление «народных начал» истории), предмет

(жизнь народа), источники (по истории народной колонизации), метод (выявление противоречий в жизни народа как основы исторической динамики), понятия (народные начала, колонизация, областность, община, вече, земские соборы), «реабилитировал» старообрядчество, представив его как «образ жизни», форму реализации народной «правды».

Список литературы

1. Crummey Robert O. The Old Believers and the World of Antichrist: The Vyg Community and Russian State, 1694–1855. Madison: University of Wisconsin Press, 1970. 258 p.
2. Маджаров А. С. Становление официальной доктрины религиозного раскола Русской православной церкви в трудах В. Н. Татищева // Известия Иркутского государственного университета. 2019. Т. 27. С. 67–77.
3. Молзинский В. В. Историография истории старообрядчества в отечественной культуре // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 1. С. 29–35.
4. Маджаров А. С. Доктрина раскола Русской православной церкви Г. В. Плеханова и её историографические источники (Н. Ф. Каптерев, А. П. Шапов, Н. И. Костомаров и др.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. № 3. С. 207–219.
5. Бородин А. В. Общины старообрядцев-капитонов центральной России в 50–60-е гг. XVII в. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2009. № 9. С. 103–108.
6. Покидченко М. Г. Плеханов как историк общественно-экономической мысли // Историко-экономические исследования. 2017. № 4. С. 599–612.
7. Маджаров А. С. Прикладная методология как проблема отечественной историографии XVIII–XIX веков (постановка проблемы) // Гуманитарный вектор. 2019. № 6. С. 57–63.
8. Устрялов Н. Г. О системе прагматической русской истории // Взгляд на историю как науку. Малоизвестные источники по русской историографии (первая половина XIX в.) / сост. Р. А. Киреева, К. Б. Умбрашко; Институт Российской истории Российской академии наук. М.: Центр гуманитарных инициатив; СПб.: Институт Российской истории РАН, 2015. 569 с.
9. Маджаров А. С. Афанасий Шапов. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1992. 272 с.
10. Макарий. История русского раскола, известного под именем старообрядства. СПб.: Тип. Королева и комп., 1855. 376 с.
11. Филарет. История русской церкви. Харьков: Университетская типография, 1853. 326 с.
12. Муравьев А. Н. Раскол, обличаемый своей историей. СПб.: Тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1854. 429 с.
13. Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. СПб.: Тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1858. 404 с.
14. Аксаков И. С. Краткая записка о странниках или бегунах // Русский архив. 1866. № 4. С. 627–643.
15. Маджаров А. С. Афанасий Прокопьевич Шапов: история жизни (1831–1876) и жизнь «Истории». Иркутск: Иркут. обл. тип. № 1 им. В. М. Посохина, 2005. 528 с.

Статья поступила в редакцию 17.03.2021; принята к публикации 18.04.2021

Сведения об авторе

Маджаров Александр Станиславович, доктор исторических наук, профессор, Иркутский государственный университет; 664003, Россия, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1; e-mail: mas@home.isu.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1933-8549>.

Библиографическое описание статьи

Маджаров А. С. Клерикально-охранительное направление в отечественной историографии старообрядчества 50-х годов XIX века: структура исторического исследования // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 3. С. 24–33. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-24-33.

References

1. Crummey, Robert O. The Old Believers and the World of Antichrist: The Vyg Community and Russian State, 1694–1855. Madison: University of Wisconsin Press. 1970. (In Engl.)

2. Madzharov, A. S. Formation of the official doctrine of the religious split of the Russian Orthodox Church in the works by V. N. Tatishchev. Irkutsk State University Bulletin, vol. 27, pp. 67–77, 2019. (In Rus.)
3. Molzinsky, V. V. Historiography of the history of old believers in the national culture. Bulletin of Saint Petersburg State University of Culture and Arts. March, no. 1, pp. 29–35, 2017. (In Rus.)
4. Madzharov, A. S. The Doctrine of schism in the Russian Orthodox Church by G. V. Plekhanov and its historiographical sources (N. F. Kapterev, A. P. Shchapov, N. And. Kostomarov, etc.). News of Laboratory of ancient technologies, no. 3, pp. 207–219, 2020. (In Rus.)
5. Borodkin, A. V. A community of believers – Kapitonov Central Russia in the 1650s–1660s. Bulletin of Belgorod, no. 9, pp. 103–108, 2009. (In Rus.)
6. Pokidchenko, M. G. Plekhanov as a historian of socio-economic thought. Historical and economic research, no. 4, pp. 599–612, 2017. (In Rus.)
7. Madzharov, A. S. Applied methodology as a problem of Russian historiography of the XVIII–XIX centuries (problem statement). Humanitarian vector, no. 6, pp. 57–63, 2019. (In Rus.)
8. Ustryalov, N. G. On the system of pragmatic Russian history / View of history as a science. Little-known sources on Russian historiography (the first half of the XIX century). Comp. R. A. Kireeva, K. B. Umbrashko; Institute of Russian history of the Russian Academy of Sciences. M; St. Petersburg: Institute of Russian history of the Russian Academy of Sciences; center for humanitarian initiatives. 2015. (In Rus.)
9. Madzharov, A. S. Afanasy Shchapov. Irkutsk: East Siberian book publishing house, 1992. (In Rus.)
10. Makarii. History of the Russian schism, known as the old believers. St. Petersburg: in the printing house of Korolev and comp., 1855. (In Rus.)
11. Filaret. History of the Russian Church. Kharkiv: University printing house, 1853. (In Rus.)
12. Muravyov, A. N. Schism, denounced by its history. SPb: Printing house of the II Branch of Its own E. I. V. Chancellery, 1854. (In Rus.)
13. Ustryalov, N. G. History of the reign of Peter the Great. SPb: Printing house of the II branch of the Sob. His Imp. Led. office, 1858. (In Rus.)
14. Aksakov, I. S. Brief note on the Wanderers or runners. Russian archive, no. 4, pp. 627–643, 1866. (In Rus.)
15. Madzharov, A. S. Afanasy Prokopyevich Shchapov: the history of life (1831–1876) and the life of “History”. Irkutsk: Irkutsk region type No. 1 named After V. M. Posokhin, 2005. (In Rus.)

Received: March 18, 2021; accepted for publication April 18, 2021

Information about author

Madzharov Alexander S., Doctor of History, Professor, Irkutsk State University; 1 Karla Marksa st., Irkutsk, 664003, Russia; e-mail: mas@home.isu.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1933-8549>.

Reference to the article

Madzharov A. S. Clerical-Protective Direction in the Russian Historiography of the Old Believers of the 1850s: the Structure of Historical Research // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 3. PP. 24–33. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-24-33.

УДК 93

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-34-43

Инна Николаевна Мамкина,*Забайкальский государственный университет**(г. Чита, Россия),**e-mail: inna-mamkina@yandex.ru**<https://orcid.org/0000-0002-5583-3072>*

Формы правовых узаконений в Российской империи

Статья посвящена комплексному исследованию форм правовых узаконений в Российской империи. Прослеживается идея о том, что осмысление исторического события или явления неразрывно связано с пониманием социально-политических процессов, отражённых в праве. Соответственно понимание имперской системы права, осмысление особенностей и процессов формирования её правовых узаконений – основа исторических исследований периода Российской империи. Целью данной работы является обобщение и сравнительный анализ форм правовых узаконений, действующих в период XVIII – начала XX в. на территории Российской империи и её окраинах. Методологической основой работы является совокупность историко-правовых методов, используемых при изучении государственно-правовых явлений. В исследовании применялись сравнительно-исторический метод, метод терминологического анализа, метод сравнительного правоведения. Работа имеет междисциплинарный характер, написана на стыке юриспруденции и исторической науки. В результате исследования установлено многообразие форм закрепления узаконений в российском праве, которые сложно поддаются классификации. Отмечено, что классификация и иерархия российского законодательства зависели от степени участия монарха в законотворческом процессе. Автор обращает внимание на то, что действие узаконений в пространстве и по кругу лиц имеет особенности, которые наиболее ярко проявляются по отношению к Сибири. При анализе содержания ряда уставов, положений нередко встречаются специальные нормы или исключения относительно действия данного акта на окраине империи. Вопросы организации власти на национальных окраинах империи регулировались специальными актами. Автор приходит к выводу, что, несмотря на многообразие законодательных форм, воля императора оставалась надзаконной, и правотворческий механизм предусматривал формы её юридического закрепления. Безусловно, с юридической точки зрения подобные акты ослабляли силу и верховенство закона, с другой стороны они ускоряли принятие отдельных решений.

Ключевые слова: Российская империя, Сибирь, система права, источники права, форма права, законодательство, самодержавие

Inna N. Mamkina,*Transbaikal State University**(Chita, Russia),**e-mail: inna-mamkina@yandex.ru**<https://orcid.org/0000-0002-5583-3072>*

Forms of Legitimization in the Russian Empire

The article is devoted to a comprehensive study of the legitimization forms in the Russian Empire. It also presents the idea of inextricable connection between the understanding of a historical event or phenomenon and the socio-political processes reflected in law. Therefore, the understanding of the Imperial law system, the insight into the peculiarities and processes of its legitimization formation is the basis of historical studies of the Russian Empire period. The purpose of this paper is to summarize and to give the comparative analysis of the legitimization forms existing on the territory of the Russian Empire and its outskirts in the period of the 18th – early 20th centuries. The methodological basis of the study is a set of historical and legal methods used in the state-legal phenomena study. The study uses the comparative-historical, terminological analysis and comparative law methods. The paper is interdisciplinary, it is written at the intersection of jurisprudence and historical science. The study found a variety of legitimization forms enshrined in Russian Law, which are difficult to classify. It was noted that the classification and hierarchy of Russian Legislation depended on the extent of the monarch's involvement in the legislative process. The author draws attention to the fact that the legitimization within the spatial and personal scope has some features that are most pronounced toward Siberia. When analyzing the content of a number of Charters and Provisions, specific standards or exemptions regarding this act enactment on the Empire outskirts are often found. The organization of power on the national Empire outskirts was regulated by special acts. The author concludes that despite the variety of legislative forms the Emperor's will remained above the law and the law-making mechanism provided for its legal confirmation forms. Indeed,

© Мамкина И. Н., 2021

from a legal standpoint, such acts weakened the strong arm and the rule of the law, on the other hand, they speed up some decision-making processes.

Keywords: the Russian Empire, Siberia, System of Law, sources of Law, form of Law, legislation, autocracy

Введение. Осмысление любого исторического события или явления неразрывно связано с осмыслением социально-политических процессов, отражающихся в праве. Правовые памятники являются основой, каркасом любой исторической эпохи. В них зафиксирован уровень духовного, культурного, политического, социального, экономического развития общества. Интерес к отечественной истории обусловил интерес и к её правовому наследию, особенно в имперский период. Становление и развитие российской правовой системы тесно связаны с источниками права, пониманием его сущности. В дореволюционной России сущность права определяло высочайшее утверждение. Юридическое значение источников права зависело от политической воли монарха. Соответственно понимание имперской системы права, уяснение особенностей и процессов формирования её правовых узаконений считается основой исторических исследований периода Российской империи.

Целью данной работы является обобщение и сравнительный анализ форм правовых узаконений, действующих в период XVIII – начала XX в. на территории Российской империи и её окраинах.

Методология и методы исследования. В основе определения и изучения форм правовых узаконений находятся положения юридического позитивизма, признающего в качестве правовых норм только нормы позитивного права. В данном случае положение позитивизма, отождествляющее волю монарха с законодательством, – основополагающий принцип исследования. Методологической основой исследования является совокупность историко-правовых методов, используемых при изучении государственно-правовых явлений. Сравнительно-исторический метод способствовал определению исторической обстановки в которой зарождалась система российского права. Определению исходных понятий способствовал метод терминологического анализа. Метод сравнительного правоведения использовался при определении общих и особенных черт нормативно-правовых актов.

Результаты исследования и их обсуждение. История развития российской

правовой системы является предметом исследования как историков, так и юристов. В дореволюционную эпоху изучением истории и теории права занимались российские учёные-правоведы, практики. Первую попытку осмысления и систематизации права предпринял М. М. Сперанский [1–3]. Значимость работ Сперанского сложно переоценить. По сути, автор сформулировал и реализовал на практике концепцию систематизации российского законодательства. К проблеме осмысления источников российского права обращались выдающиеся исследователи права – профессор А. Д. Градовский, юристы Н. М. Коркунов, Г. Ф. Шершеневич [4–6]. Авторы на фоне общих правовых исследований анализировали формы закрепления права в российском законодательстве. В советский период изучение имперского законодательства и теории российского права на некоторое время утратило свою актуальность.

С изменением политической ситуации и формированием российской правовой системы, основанной на демократических принципах права, актуализировался интерес к истории права, усиливающийся с каждым годом. Вопросам кодификации российского права посвящены труды известного ученого, доктора юридических наук В. А. Томсинова [7; 8]. Обзорные публикации автора представляют подробно изложенную историю кодификации первой половины XIX в. Екатеринбургский учёный, доктор юридических наук, профессор С. В. Кодан рассматривал вопросы становления системы законодательства Российской империи в XIX – начале XX в. [9–11]. Многие его обобщающие публикации посвящены генезису системы российского законодательства.

Проблеме понимания закона в дореволюционной России посвящена работа Е. А. Юртаевой [12]. По мнению автора, в России идея закона «...традиционно ассоциировалась с персоной главы государства, а не с юридическими нормами» [Там же, с. 96]. Н. Н. Ефремова исследовала формы российского права с XVIII в. до полной систематизации законодательства [13]. Автор обращает внимание на равную юридическую силу всех актов, установленных сувереном, что является пробле-

мой классификации документов по юридической силе. С привлечением богатого фактического материала проведён анализ форм права Российской империи в работах Т. Ю. Верховланцевой [14]. Автор подробно охарактеризовала отдельные формы законодательных актов Российской империи.

Предметом научного интереса исследователей остаются отдельные формы закрепления права. Авторами тщательно проанализированы уставы, манифесты, указы и другие формы закрепления законодательства, действовавшие в дореволюционный период [15–19].

Таким образом, современные исследования по истории российского права уделяют значительное внимание проблеме классификации источников права. Авторы на основе формально-юридического подхода отмечают особенность правотворчества и реализации российского законодательства в условиях самодержавной монархии, особую роль монарха в формировании национальной системы права.

Вместе с тем в исследовании истории права немаловажное значение имеют исторические особенности региона. Важную роль играет социальный, конфессиональный, этнический состав населения. Отметим, что при характеристике документов исследователи нередко упускают действие нормативного акта в пространстве. Многие узаконения Российской империи распространяли своё действие только на центральную Россию, либо земские губернии. Вопросы организации власти на национальных окраинах империи регулировались специальными актами. При анализе содержания ряда уставов, положений нередко встречаются специальные нормы или исключения относительно действия данного акта на окраине империи. Следовательно, необходимо обратить внимание на формы и содержание правовых узаконений, действующих на окраине Российской империи, определить их юридическую силу и значение.

Процесс формирования системы российского законодательства имеет длительный период. В разные исторические периоды система права дополнялась новыми формами закрепления законодательства. Ряд из них был тождественен старым формам, некоторые привносили в систему образцы европейского права. К началу XIX в. российское законодательство нуждалось в систематизации и классификации многообразных нормативных актов.

Форма уложения в законотворчестве до определённого времени носила основополагающий характер. Уложение представляло собой результат систематизации и переработки законодательного материала в форме совокупности нормативно-правовых актов законодательного значения. М. М. Сперанский отводил уложению роль отраслевого кодифицированного акта. Отметим, что для уложения характерен значительный объём правового содержания. Долгое время в российской юридической практике основным законодательным актом оставалось Соборное уложение 1649 г., регулировавшее широкий спектр общественных отношений. Со временем сфера действия уложений сужается, контролирует определённую сферу общественных отношений (например, «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных», 1845; «Уголовное уложение», 1903). В отечественном законотворчестве уложения действовали на протяжении всего имперского периода.

С начала XVIII в. законодательство приобретает более выраженные чёткие формы. В юридической технике формируются определённые правила, основанные на специальной юридической терминологии, абстрактном изложении норм. Ещё довольно сложно провести классификацию законодательных актов, но уже в то время сформировались наиболее устойчивые формы, которые широко применялись в правотворчестве. На фоне сохранения традиционных указов, уставов, грамот, наказов получают применение формы иностранных заимствований – манифесты, инструкции, регламенты и т. д. Особенно это стало заметно в период петровских преобразований.

В начале XIX в. основными источниками права в Российской империи признавали закон и правовой обычай. Правовой обычай не составлял единой правовой системы в рамках государства, закрепляя партикуляльность местного права. Население окраин Российской империи использовало правовые обычаи в качестве социального регулятора в области гражданско-правовых отношений, в сфере уголовно-правового регулирования дел с незначительным ущербом. Казаки и оседлые инородцы руководствовались обычаями при выборе представителей в некоторые государственные комиссии либо местные органы власти. В подобных случаях обычные нормы наделялись законодательной силой.

В качестве закона выступали воля или указ правителя. Закон как источник права

известен в юридической практике с X в. Как правило, под законом понимали разнообразные формы закрепления права, исходящие от верховной власти. В современном значении понятие закона начало формироваться в начале XIX в. В 1810 г. в манифесте «Об образовании Государственного совета» закон впервые упоминается в значении «верховного» правового акта. В 1832 г. в Своде законов публикуются основные государственные законы, закреплявшие, в том числе, формы законодательства. Параграф «О формах законов и хранении их» в качестве форм законодательства указывал на уложения, уставы, учреждения, грамоты, положения, указы (инструкции), манифесты, указы, мнения Государственного совета и доклады, удостоенные высочайшего утверждения¹. Закону придаётся значение «верховного» правового акта. Однако на протяжении XIX в. значения закона и указа существенно не различались. Оба документа подписывались царём, что придавало указу законодательную силу и приравнивало его к закону.

Закон как самостоятельная форма законодательства появился в юридической практике в начале XX в., с учреждением Государственной думы как законодательного органа. Законом назывался законодательный акт, принятый в Государственной думе, одобренный в Государственном совете, подписанный императором и опубликованный в официальной печати. Е. Н. Трубецкой отмечал, что отменить закон может только принявшая его власть, а не какой-нибудь высший над властью авторитет. Условно законы распределялись на основные и обычные. Законы, определявшие государственное устройство Российской империи, назывались основными, законы, регулирующие различные сферы общественных отношений, считались обычными законами. Революция 1905 г. внесла свои коррективы в государственное устройство, и в 1906 г. были изданы обновлённые основные законы, с закреплением новых органов власти и их полномочий.

Вместе с тем закон как особая форма юридического акта высшей юридической силы в российской правовой системе не получил должного признания и действовал наравне с указами. В дореволюционном правоведении превалировала точка зре-

ния, что разграничение понятий закона и указа возможно только при самостоятельности и независимости законодательной и исполнительной власти. В условиях самодержавной монархии закон и указ останутся равнозначными [20; 21]. Как следствие, подобная ситуация сохранялась на протяжении всего имперского периода.

Установленную процедуру законотворчества нарушали акты, исходящие от военного, морского ведомства, акты, регулирующие церковные дела, вопросы освоения Кавказа и Сибири. В частности, Комитет по строительству Сибирской железной дороги наделялся правом принятия нормативных актов, имеющим силу закона. Вопросы национальной безопасности решались и оформлялись надзаконным порядком, опираясь на волю монарха. Таким образом, очевидно определённое изъятие ряда аспектов из общей правотворческой процедуры.

Наиболее распространённой формой надзаконного правотворчества выступал указ. В толковом словаре В. И. Даля понятие «указ» трактуется как «письменное приказание, повеление государя». М. М. Сперанский называл указами законы, действующие в особенной части управления для установления организационно-правового порядка.

Указы относились к наиболее распространённой форме законодательства, получившей распространение в период правления Иоанна IV. Отдельные указы регулировали общегосударственные вопросы, некоторые издавались по случайному поводу, имея узкую сферу применения. Значение этого нормативного акта возросло в период правления Петра I. Указы исходили от императора и от Сената. Известны «именные Высочайшие указы правительствующему сенату» и «сенатские, по высочайшему повелению указы».

В начале XIX в. указы сохранялись в именной форме и издавались монархом. Указы издавались и подписывались в случаях, когда император поддерживал позицию меньшинства Государственного совета или высказывал свою точку зрения. Объявляемые указы готовились Сенатом от имени монарха, регулировали чётко определённые вопросы и направлялись конкретным учреждениям или должностным лицам.

В начале XX в. подзаконность указа была закреплена в основных государ-

¹ Свод законов Российской империи (СЗРИ). Основные законы Российской империи. — Т. 1. — Ч. 1. — Гл. 8. — Ст. 53.

ственных законах Российской империи. В 1906 г. основные законы закрепили порядок утверждения законов. Законом признавался акт, прошедший сложную процедуру принятия и согласования. «Никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственного совета и Государственной думы и воспринять силу без утверждения Государя Императора»¹. Закон выступал основным источником права, следовательно, указ становился второстепенным источником права. В практике акценты смещались в сторону указа.

В период перерыва деятельности Государственной думы процедура принятия закона менялась. Совет министров имел право разработать закон и подписать его у царя, минуя Государственную думу. Такой закон получал название указа и впоследствии утверждался Государственной думой в течение двух месяцев со дня возобновления её деятельности². Принимая во внимание, что деятельность Государственной думы носила нерегулярный и зависимый от царя характер, указы стали одной из распространённых форм российского законодательства начала XX в.

Разновидностью указов являлись высочайше утверждённые императором доклады министров. Данная форма закрепления законодательства появилась в XIX в. с организацией министерств. Министры имели право личного доклада императору. Император, утверждая доклад в письменной или в устной форме, придавал ему силу закона. Вместе с докладом императору представляли заранее составленный проект указа Сенату. Нередко министры, пользуясь правом личного доклада, намеренно обходили процедуру обсуждения законодательных актов в Государственном совете, а позднее – в Государственной думе.

Манифесты считались наиболее важной формой закона, издавались в особо важных случаях. Среди лингвистов не существует однозначного мнения относительно определения и происхождения понятия «манифест». Некоторые исследователи склоняются к определению манифеста как к латинскому изречению «делать очевидным». Другие настаивают на позднелатинском варианте «призыв». С юридической точки зрения, значение понятия «манифест» – «делать очевидным» – наиболее отвечает содержанию текстов.

Большинство принятых манифестов юридически закрепляют важное государственное событие. Условно манифесты можно разделить на манифесты о наследовании власти («О кончине Государыни Императрицы Екатерины II и о вступлении на Престол Государя Императора Павла I», 1796) и манифесты, провозглашавшие начало важнейших государственных событий или преобразований («Высочайший Манифест об усовершенствовании государственного порядка», 1905)³.

Вторая группа манифестов определяла общие принципы и направления реформ. Так или иначе, манифесты фиксировали, «делали очевидным» определённые события. Как правило, с манифестами дополнительно принимался ряд правовых актов, регулирующих реализацию основных положений принятого документа.

Процедура обнародования манифестов имела тождественную форму. Текст манифестов подлежал всенародному оглашению и придерживался определённого шаблона изложения. Манифест начинался словами «Мы, Божию милостью, царь...», заканчивался подписью царя, а с 1906 г. подписью председателя Государственного совета. Манифесты публиковались в официальной прессе, рассылались по церквям. Порядок рассылки определялся на законодательном уровне. Действие манифеста распространялось на всю территорию государства для всех учреждений и всего населения.

Уставы в российском праве имеют давнюю историю. В архивах хранятся уставы и уставные грамоты XI–XII вв., с XVI в. в юридическую практику вводятся уставные книги. Традиционно уставы регламентировали организационно-правовые основы деятельности отдельных органов или учреждений, их взаимодействие с различными организациями и обществом. Уставы отличаются более абстрактным изложением и возможностью их реализации в различных условиях. Особое значение имели уставные грамоты наместнического управления, закреплявшие вхождение конкретной территории в состав формирующегося Московского государства [15]. К концу XVIII в. уставы теряют значение общегосу-

¹ СЗРИ. – Т. 1. – Ч. 1. – Ст. 86.

² Там же. – Ст. 87.

³ Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 гг.: сборник законов, манифестов, указов Пр. Сенату, рескриптов и положений комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России, с приложением алфавитного предметного указателя. – Изд. 3-е, пересм. и доп. / под ред. Н. И. Лазаревского. – СПб.: Право, 1909. – С. 150–151.

дарственного документа, сосредоточиваясь на регулировании отдельных вопросов. Разновидностью уставов становится регламент, закреплявший нормы учредительного характера для отдельных органов власти. В XIX в. уставы становятся универсальной формой закрепления организационно-правовых основ организаций и учреждений разного рода. Общегосударственное значение имели Устав о воинской повинности, Устав таможенный, Устав монетный, Устав о прямых налогах и др.

Уставы, регулирующие деятельность отдельных учреждений, нередко инкорпорировались в своды. Например, свод уставов учёных и учебных заведений опубликован в Своде законов Российской империи (т. IX и X).

В советский период уставная форма юридической документации не утратила своего значения. В данном формате приняты «Устав железнодорожного транспорта» (1922), «Устав автомобильного транспорта РСФСР» (1969). С 1991 г. уставы приобретают новое звучание. Уставные документы конца XX – начала XXI в. получили учредительное значение. По мнению Е. Е. Никитиной, О. П. Личичана между Конституциями республик и уставами субъектов Российской Федерации принципиальных различий нет [22; 23].

В целом уставы являются одной из традиционных форм закрепления законодательства в России. За длительный период времени юридическое значение уставов менялась от общегосударственного значения до регулирования деятельности отдельных учреждений. Правовой статус Сибири определялся в том числе в уставной форме. Уставы регламентировали взаимоотношения с инородцами, например «Устав об управлении инородцев» (1822).

Учреждения как форма закрепления права в XIX в. становятся новой формой законодательства, устанавливавшей основы организации и деятельности отдельных органов государственного управления. Первое учреждение было принято в период правления Екатерины II для организации нового местного управления и суда¹. При определении понятия М. М. Сперанский обращал внимание на то, что учреждениями называются те государственные законы, которые определяют образование мест

и властей, их состав, предметы и порядок делопроизводства. В отличие от уставов учреждения регулируют более широкий круг вопросов. В Своде законов Российской империи в форме учреждений закреплены положения об организации высших органов государственной власти (учреждения Государственной думы, Государственного совета, Совета министров, Комитета финансов, Правительствующего Сената, министерств и др.). Учреждения закрепляли общее управление губерниями, Царством Польским, Кавказом, Сибирью. Всего в Своде законов опубликовано порядка 15 учреждений. Обратим внимание на то, что учреждения регулируют наиболее значимые вопросы государственного строительства. Среди многообразия форм закрепления законодательства учреждения имели большее значение и использовались в исключительных случаях. Позволим себе заметить, что учреждения с современной точки зрения закрепляли конституционные основы государства.

Порядок изложения правового материала учреждения имеет сложную структуру. Текст распределён по разделам, главам, отделениям, статьям. Главы представляют собой отдельные своды правил, оформленные в виде наказов, учреждений, положений, порядков. Наиболее объёмным и сложным в техническом изложении является «Учреждение Сибирское». Текст «Учреждения» разделён на два раздела. Первый посвящён организации управления в Иркутском генерал-губернаторстве, второй – в Приамурском генерал-губернаторстве. Первый раздел содержит десять глав, второй – пять.

Главы представлены в виде учреждений. В «Учреждение Сибирское» входят «Учреждение управления Иркутского генерал-губернаторства», «Учреждение управления Якутской области», «Учреждение управления Приамурским генерал-губернаторством», «Учреждение управления Амурской областью», «Учреждение управления Приморской областью», «Учреждение управления Забайкальской областью», «Учреждение управления губерниями Тобольской и Томской», «Положение об управлении островом Сахалин». Четвёртая глава первого раздела «Об управлении сельском и в кочевьях инородцев неоседлых» изложена в виде отсылки к особому приложению законов о состояниях и «Положению об инородцах».

¹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). – Собр. 1-е. – Т. XXVII, № 20406. Учреждение для управления губерниями Всероссийской империи от 7 ноября 1775 г.

В заключение «Учреждения» входят официальное и неофициальное приложения. Официальное приложение содержит текст законодательных актов, послуживших источниками для составления «Учреждения» по отдельным вопросам. Всего опубликовано десять официальных приложений. Например, приложение к ст. 340 содержит «Временное положение об управлении Сахалинской областью» и «Временное положение об управлении Камчатской областью». Неофициальное приложение включает Высочайше учреждённые законы. Например, в приложении III находим Высочайше утверждённый 21 июня 1910 г. закон «О предоставлении Приамурскому генерал-губернатору особых полномочий по изданию обязательных постановлений, ограждающих вверенный ему край от иностранных шпионов». Всего неофициальное приложение содержит четыре Высочайше утверждённых закона.

Положение по сравнению с другими формами законодательства имело более общий характер. Оно представляло собой комплекс правил, определявших организационно правовые основы не отдельного учреждения, а определённого типа государственных учреждений. Например, «Положение о городских училищах» (1872) определяло цели учебного заведения, источники финансирования, требования к учащимся и учителям. Нередко положение закрепляло основы управления какой-либо территорией («Положение об управлении Туркестанского края», 1886). Положения могли носить временный характер, например «Временное положение об управлении Закаспийской области» (1874). В форме положений закреплялись права и обязанности отдельных социальных групп: «Положение об инородцах» (1892), «Положение о сельском состоянии» (1876), опубликованные в Своде законов. Как правило, публикация положения была сопряжена с изданием документа более значимого характера. Положения регламентировали практическую реализацию определённого указа, закона или манифеста.

Мнения Государственного совета также считались разновидностью законодательных актов. Мнения наделялись законодательной силой, в случае если определённые положения принимались Государственным советом единогласно, или когда император поддерживал мнение большинства членов совета. Результаты обсуждения

дела в одном из департаментов Государственного совета или в его Общем собрании фиксировались в журнале. В журнал заносился ход обсуждения вопроса, позиции сторон. На основе записей журнала формулировались мемории – сжатое изложение результатов содержания и суть принятого решения. Журнал и мемории утверждались императором, что в совокупности и составляло основу для публикации утверждённого мнения Государственного совета.

Оформление мнения государственно-го совета имело определённые правила. Мнение начиналось со слов «*Высочайше утверждённое мнение Государственного совета...*»; далее следовало наименование дела или решаемого вопроса, например «*Об усилении штатов судебных установлений*» и дата утверждения императором. Далее по тексту следовало «*Государственный совет по вошедшему на рассмотрение его вопросу... рассмотрев... мнением положил...*». Резолюция императора могла иметь формулировку «*быть по сему*».

Выводы. Таким образом, к началу XX в. в российской юридической практике использовали многообразные формы закрепления закона. Принципы действия имперского законодательства в пространстве и по кругу лиц имели некоторые отличия от современных требований. Необходимо отметить, что в современной юридической практике действие закона в пространстве и по кругу лиц преимущественно распространяется на все территорию государства без исключения, если в законе не оговаривается иное. В условиях многонациональной Российской империи, не окончившей процесс инкорпорации окраинных территорий в общеимперское пространство, действие узаконений в пространстве и по кругу лиц имеет свои особенности, которые наиболее ярко проявляются по отношению к Сибири. Узаконения имели определённые оговорки, за исключением документов непосредственно определяющих правовой статус Сибири и её населения. В частности, в Своде уставов о службе гражданской специально оговариваются условия обязательной службы сибирских студентов¹. В Пенсзионном уставе специальными нормами регулируется начисление пенсии главным инспекторам училищ в Сибири, сибирским медикам, ветеринарам и фармацевтам². В

¹ СЗРИ. Свод уставов о службе гражданской. – Т. III. – Ст. 63, 66, 79–112, 224, 241.

² Там же. Устав о пенсиях и единовременных пособиях. – Т. III. – Ст. 352, 595, примеч. 1.

Судебном уставе официально закреплено учреждение судебных установлений в губерниях и областях Сибири¹.

Отметим, что часть узаконений в силу особенностей административно-территориального устройства империи распространяли своё действие исключительно на земские губернии. Например, реформа образования середины XIX в. в полном объёме реализовывалась лишь в земских губерниях. Все новые уставы и положения об учебных заведениях 1864, 1872 гг. предусматривали в качестве обязательных участников образовательного пространства земские органы власти. В сибирских губерниях земства не были учреждены, соответственно некоторые ключевые положения об открытии учебных заведений нового типа в Сибири не действовали. В Сибири до начала XX в. сохранялись при-

ходские училища, действовавшие по Уставу 1828 г.

Определить иерархию форм имперского законодательства довольно сложно. Руководствуясь концепцией М. М. Сперанского, отметим, что уложения занимали особое место среди остальных форм узаконений. Вместе с тем к концу XIX в. наиболее важные вопросы, затрагивающие основы государственного управления, структуру имперского пространства, оформлялись в форме учреждений.

Несмотря на многообразие законодательных форм, воля императора оставалась надзаконной, и правотворческий механизм предусматривал формы её юридического закрепления. Безусловно, с юридической точки зрения подобные акты ослабляли силу и верховенство закона, с другой стороны они ускорили принятие отдельных решений.

Список литературы

1. Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. СПб.: Тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1845. 175 с.
2. Сперанский М. М. Предисловие // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 1. С. 1–31.
3. Сперанский М. М. Историческое обозрение Комиссии составления законов // Русская старина. 1876. Т. 15, № 2. С. 434–441.
4. Градовский А. Д. Начала русского государственного права. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1887. Т. 1. 436 с.
5. Коркунов Н. М. Указ и закон. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1894. 408 с.
6. Шершеневич Г. П. Общее учение о праве и государстве. М.: Тип. И. Д. Сытина, 1908. 159 с.
7. Томсинов В. А. Систематизация российского законодательства во второй половине 20-х – начале 30-х годов XIX века // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2008. № 4. С. 38–76.
8. Томсинов В. А. Систематизация российского законодательства в первой четверти XIX в. // Вестник Московского университета. 2008. № 3. С. 14–48.
9. Кодан С. В. Становления системы законодательства Российской империи (XIX – начало XX в.) // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2011. № 1. С. 60–71.
10. Кодан С. В. Развитие системы российского права: основания и процесс создания юридической конструкции построения нормативного материала (IX – середина XVII в.) // Юридическая техника. 2013. № 7–2. С. 297–308.
11. Кодан С. В. М. М. Сперанский и формирование теоретических основ юридической техники систематизации законодательства России (1820–1830-е гг.) // Юридическая техника. 2012. № 6. С. 223–233.
12. Юртаева Е. А. К пониманию закона в дореволюционной России // Журнал российского права. 2010. № 9. С. 83–98.
13. Ефремова Н. Н. Понятие и виды источников (форм) российского права в XVIII – первой трети XIX века (до полной систематизации законодательства) // Юридическая наука. 2016. № 4. С. 15–20.
14. Верховланцева Т. Ю. Формы нормативно-правовых документов Российской империи XIX – начала XX вв.: на основе анализа запросов Центра правовой информации РГБ // Румянцевские чтения: материалы междунар. науч. конф. М.: Пашков дом, 2007. С. 51–57.
15. Забелина Д. В. Устав в российском праве (исторический очерк) // Право и современные государства. 2013. № 5. С. 7–13.
16. Верстов В. В. Указы в правовой системе России: история и современность // Человек. Сообщество. Управление. 2007. № 3. С. 11–34.
17. Сагиндыков А. Н. Манифесты как законодательные акты XVII–XIX вв. в системе русского права: понятие и мульти-предикаты в «форме права» // Правовое государство: теория и практика. 2017. № 1. С. 66–74.

¹ СЗПИ. Судебный устав. – Т. XVI. – Ч. 1. – Ст. 624–647.

18. Сагиндыков А. Н. Манифесты как законодательные акты XVII–XIX вв. в системе источников русского права: понятие и теоретические вопросы классификации в «форме права», соотношение с «источниками права» // *Инновационная наука*. 2016. № 12–2. С. 185–191.
19. Кручинин В. Н. Понятие закона в России и формы его закрепления в начале XVIII века // *Научно-исследовательские публикации*. 2016. № 4. С. 109–120.
20. Коркунов Н. М. Указ и закон. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1894. 408 с.
21. Румянцев М. Ф. Определение понятия «закон» в условиях самодержавия: историографический аспект // *Государственные институты России: прошлое и настоящее: материалы межвуз. конф. памяти Е. П. Ерошкина*. М., 1996. С. 11–13.
22. Никитина Е. Е. Устав области (края) как источник конституционного права // *Журнал российского права*. 1997. № 11. С. 60–69.
23. Личичан О. П. Конституции (уставы) в структуре нормативно-правовых систем субъектов Российской Федерации // *Сибирский юридический вестник*. 2012. № 2. С. 44–54.

Статья поступила в редакцию 20.03.2021; принята к публикации 22.04.2021

Сведения об авторе

Мамкина Инна Николаевна, доктор исторических наук, доцент; 672039, Россия, г. Чита, ул. Александровская, 30; e-mail: inna-mamkina@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5583-3072>.

Библиографическое описание статьи

Мамкина И. Н. Формы правовых узаконений в Российской империи // *Гуманитарный вектор*. 2021. Т. 16, № 3. С. 34–43. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-34-43.

References

1. Speransky, M. M. Guide to the knowledge of laws. Saint Petersburg: Tip. Vtorogo otdeleniya sobstvennoj EIV kancelyarii, 1845. (In Rus.)
2. Speransky, M. M. Preface. Complete collection of laws of the Russian Empire. Saint Petersburg, 1830. V. 1: 1–31. (In Rus.)
3. Speransky, M. M. Historical review of the Commission for Drafting Laws. Russian antiquity, no. 2, pp. 434–441, 1876. (In Rus.)
4. Gradovsky, A. D. The beginning of Russian state law. Spb: tip. M. M. Stasyulevicha, 1887. (In Rus.)
5. Korkunov, N. M. Decree and law. Spb: tip. M. M. Stasyulevicha, 1894. (In Rus.)
6. Shershenevich, G. P. General doctrine of law and the State. M: Tip. I. D. Sytina, 1908. (In Rus.)
7. Tomsinov, V. A. Systematization of Russian legislation in the second half of the 1820s – early 1830s. Moscow University Bulletin, no. 4, pp. 38–76, 2008. (In Rus.)
8. Tomsinov, V. A. Systematization of Russian legislation in the first quarter of the XIX century. Moscow University Bulletin, no. 3, pp. 14–48, 2008. (In Rus.)
9. Kodan, S. V. Formation of the system of legislation of the Russian Empire (XIX – early XX centuries). Bulletin of the Ural Institute of Economics, Management and Law, no. 1, pp. 60–71, 2011. (In Rus.)
10. Kodan, S. V. Development of the system of Russian law: foundations and the process of creating a legal structure to build a normative material (IX–XVII century). Legal technique, no. 7–2, pp. 297–308, 2013. (In Rus.)
11. Kodan, S. V. M. M. Speransky and the formation of the theoretical foundations of the legal machinery of the systematization of the legislation of Russia (1820–1830s). Legal technique, no. 6, pp. 223–233, 2012. (In Rus.)
12. Yurtaeva, E. A. To understanding the law in pre-revolutionary Russia. Journal of Russian law, no. 9, pp. 83–98, 2010. (In Rus.)
13. Efremova, N. N. The concept and types of sources (forms) of Russian law in the XVIII – first third of the XIX century (before the complete systematization of legislation). Legal Science, no. 4, pp. 15–20, 2016. (In Rus.)
14. Verkholtantseva, T. Yu. Forms of normative-legal documents of the Russian Empire of the XIX – early XX centuries: on the basis of the analysis of requests of the Center for Legal Information of the Russian State Library. Rumyantsev readings: materials of the international. scientific conf. M: Pashkov dom, 2007: 51–57. (In Rus.)
15. Zabelina, D. V. Charter in Russian law (historical essay). Law and modern states, no. 5, pp. 7–13, 2013. (In Rus.)
16. Verstov, V. V. Edicts in the legal system of Russia: history and modernity. Human. Community. Control, no. 3, pp. 11–34, 2007. (In Rus.)

17. Sagindykov, A. N. Manifestos as legislative acts of the XVII–XIX centuries in the system of Russian law: the concept and multipliers in the “form of law”. Legal state: theory and practice, no. 1, pp. 66–74, 2017. (In Rus.)

18. Sagindykov, A. N. Manifestos as legislative acts of the XVII–XIX centuries in the system of sources of Russian law: the concept and theoretical issues of classification in the “form of law” correlation with “sources of law”. Innovative Science, no. 12–2, pp. 185–191, 2016. (In Rus.)

19. Kruchinin, V. N. The concept of the law in Russia and the forms of its consolidation at the beginning of the XVIII century. Research publications, no. 4, pp. 109–120, 2016. (In Rus.)

20. Korkunov, N. M. Decree and law. Saint Petersburg, 1894. (In Rus.)

21. Rumyantsev, M. F. Definition of the concept of “law” in the conditions of autocracy: historiographical aspect. State in-you of Russia: past and present: materials of interuniversity. conf. in memory of E. P. Eroshkina. M., 1996: 11–13 (In Rus.)

22. Nikitina, E. E. Charter of the region (edge) as a source of constitutional law. Journal of Russian Law, no. 11, pp. 60–69, 1997. (In Rus.)

23. Lichichan, O. P. Constitutions (charters) in the structure of normative-legal systems of the subjects of the Russian Federation. Siberian legal bulletin, no. 3, pp. 44–54, 2012. (In Rus.)

Received: March 20, 2021; accepted for publication April 22, 2021

Information about author

Mamkina Inna N., Doctor of History, Associate Professor; 30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia; e-mail: inna-mamkina@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5583-3072>.

Reference to the article

Mamkina I. N. Forms of Legitimization in the Russian Empire // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 3. PP. 34–43. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-34-43.

БАЙКАЛЬСКИЙ РЕГИОН В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ И ГУМАНИТАРНОМ ИЗМЕРЕНИИ

THE BAIKAL REGION IN THE GEOPOLITICAL AND HUMANITARIAN DIMENSION

УДК 94(47).084.8

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-44-53

Александр Владимирович Жадан,

Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России

(г. Владивосток, Россия),

e-mail: awzhadan252@mail.ru

https://orcid.org/0000-0002-0756-4875

Органы НКВД Дальнего Востока в борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью (1941–1945)

Проблема детской беспризорности и безнадзорности стала одним из наиболее тяжёлых социально-экономических последствий Великой Отечественной войны для СССР. Эти явления прививали детям навыки асоциального поведения, способствовали криминализации подрастающего поколения, деградации будущих трудовых ресурсов. В данной публикации, основанной на документальных источниках, значительная часть которых вводится в научный оборот впервые, была поставлена цель проанализировать и обобщить исторический опыт деятельности органов НКВД Дальневосточного региона по борьбе с беспризорностью и безнадзорностью в условиях военного времени. Автором решены следующие задачи: анализа факторов, способствующих резкому усилению рассматриваемых явлений в годы войны на Дальнем Востоке; характеристики организационных форм и методов, применявшихся органами НКВД в целях борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью; исследования причин, отрицательно влиявших на эффективность работы органов внутренних дел в данном направлении. В исследовании использованы принципы историзма, объективности и системности, а также общенаучные и специальные методы исторической науки. В результате делается вывод о том, что дальневосточные органы НКВД смогли добиться к концу 1945 г. существенных успехов в противодействии беспризорности, безнадзорности и детской преступности, однако в силу ряда объективных причин не смогли полностью нейтрализовать негативное воздействие рассматриваемых явлений на дальневосточное общество, что отразилось на уровне его криминализации в последующие годы. Организационные формы и методы борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью эволюционировали в годы войны, отвечая на обострение характера проблемы. В организационной структуре органов НКВД появились такие элементы, как отделы по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью, детские комнаты милиции, трудовые воспитательные колонии для несовершеннолетних; активизировалось взаимодействие с общественностью региона.

Ключевые слова: Дальний Восток, детские комнаты милиции, приёмники-распределители НКВД, органы НКВД, Вторая мировая война, беспризорность и безнадзорность

© Жадан А. В., 2021

Alexander V. Zhadan,*Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia**(Vladivostok, Russia),**e-mail: awzhadan252@mail.ru**<https://orcid.org/0000-0002-0756-4875>***The NKVD of the Far East in the Fight Against Child Homelessness and Neglect (1941–1945)**

The problem of child homelessness and neglect in the USSR became one of the grave socio-economic consequences of the Great Patriotic war. These phenomena, instilling in children the skills of antisocial behavior, contribute to the criminalization of the younger generation, the degradation of future labor resources. This publication, based on documentary sources, a significant part of which is introduced into scientific circulation for the first time, aims to analyze and summarize the historical experience of the NKVD of the Far Eastern region in the fight against homelessness and neglect in wartime conditions. The author solves the following problems: analysis of factors contributing to the sharp increase in the phenomena under consideration during the war in the Far East; characteristics of organizational forms and methods used by the NKVD in order to combat child homelessness and neglect; research of the reasons that negatively affected the effectiveness of the internal affairs bodies in this direction. The research uses the principles of historicism, objectivity and consistency, as well as general scientific and special methods of historical science. As a result of the study, it is concluded that the Far Eastern NKVD bodies were able to achieve significant success by the end of 1945 in countering homelessness, neglect and child crime, however, for a number of objective reasons, they were not able to completely neutralize the negative impact of these phenomena on the Far Eastern society, which affected the level of its criminalization in subsequent years. Organizational forms and methods of combating child homelessness and neglect evolved during the war years, responding to the aggravation of the nature of the problem. In the organizational structure of the NKVD bodies, such elements as departments for combating child homelessness and neglect, children's rooms of the police, labor educational colonies for minors appeared; interaction with the active public of the region was intensified.

Keywords: Far East; children's police rooms, NKVD receivers and distributors; NKVD bodies, World War II; homelessness and neglect

Введение. Деятельность органов НКВД внесла в годы Великой Отечественной войны существенный вклад в дело борьбы с беспризорностью и безнадзорностью, что получило достаточно широкое отражение в отечественной историографии на уровне монографических исследований [1; 2], диссертационных работ [3], отдельных научных публикаций [4]. В последние годы растёт интерес историков и к различным аспектам региональной истории правоохранительных органов Дальнего Востока СССР [5; 6], в том числе к деятельности по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в годы войны [7].

К сожалению, история Второй мировой войны, как и история советской правоохранительной системы, часто подвергаются излишней политизации интерпретируемых событий, что обуславливает актуальность научно-исторического исследования фактологической картины и объективной оценки процессов, происходивших в регионе [8–11]. Существенное значение в этой связи имеет введение в научный оборот не опубликованных ранее документальных источников ведомственного характера.

Источниковой базой данной работы послужил корпус документов управлений НКВД Хабаровского (УНКВД по ХК) и Приморского краёв (УНКВД по ПК), охватываю-

щий период 1941–1945 гг. Исследованные материалы представляют собой два блока: 1) внутренние распорядительные документы (приказы, планы оперативных мероприятий и т. д.); 2) делопроизводственные документы комсомольских и первичных парторганизаций органов НКВД Дальнего Востока (протоколы партийных собраний, справки, докладные записки и т. д.).

Методология и методы исследования. В рамках исследования применялись как общенаучные методы (анализ, синтез), так и характерный для исторической науки сравнительно-исторический метод, позволивший проанализировать динамику развития форм и методов борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью в рассматриваемый период. В исследовании использованы принципы историзма, объективности и системности. Автор, избегая политико-идеологических клише, подходил к интерпретации имеющихся источников максимально беспристрастно, в соответствии с реалиями военного периода жизни страны. Органы НКВД рассматриваются как исторически сложившаяся, естественная часть государства и общества, развитие и функционирование которой было обусловлено общими для страны политическими, социально-экономическими, культурными, психологическими и иными условиями.

Результаты исследования и их обсуждение. Проблема детской беспризорности и безнадзорности на Дальнем Востоке в 1941–1945 гг. Великая Отечественная война существенно изменила положение подрастающего поколения. В действие вступил целый комплекс новых социальных, экономических, психологических, демографических и иных факторов, способствующих резкому усилению детской беспризорности и безнадзорности:

1. Мобилизация значительной части взрослого мужского населения на фронт и занятость оставшихся членов семьи на производстве, приводящие к ослаблению контролирующей и воспитательной функций семьи. Данный фактор фигурирует в числе одного из основных в отечественной историографии. Отмечается он и в документации дальневосточных органов НКВД¹. Так, в протоколе гарнизонного комсомольского собрания г. Хабаровска от 23 ноября 1944 г. указывалось: «Война уже длится четвёртый год, и большинство отцов находится на фронте. Дети остаются без надзора, некоторые хулиганят, катаются на санках по проезжей части, нарушают правила уличного движения... Некоторым матерям в силу занятости на работе некогда заниматься своим ребёнком: как он учится, где бывает»².

2. Обусловленный войной социально-экономический кризис, резко ухудшивший положение большинства домохозяйств. Многие семьи дальневосточников оказались в очень тяжёлых материальных условиях; из-за недостатка обуви и одежды дети бросали школы. Значительное число несовершеннолетних, пытаясь добыть средства к существованию, занималось торговлей на рынках³.

3. Упущения в воспитательной работе с детьми в школах, профессиональных училищах, на производствах. Педагоги, работники клубов, комсомольские организации не всегда уделяли должное внимание организации досуга детей в свободное от учебы время и в период каникул. Не зная, чем заняться, школьники собирались возле кинотеатров, клубов, магазинов, на рынках, где встречались с беспризорниками, оказывались под их влиянием⁴. В городах наиболее неблагоприятная ситуация с безнадзорностью складывалась в летнее время,

когда из-за недостатка пионерских лагерей, большая часть детей проводила время (в том числе, в тёмное время суток) на улицах, вне какого-либо воспитательного воздействия⁵.

Подростки, попадавшие на производство или в учреждения профессионального образования, зачастую сталкивались с крайне неблагоприятными материально-бытовыми и морально-психологическими условиями. Фабрично-заводские органы и профкомы не всегда учитывали специфику организации культурно-просветительской работы с подростками, хотя на отдельных предприятиях их число достигало 20–30 % [12, с. 75]. В отсутствие организованного досуга, в общежитиях процветали пьянство, карточные игры, имели место кражи вещей и поножовщина [13]. Крайне скудными были нормы питания рабочих [14, с. 270] и учащейся молодёжи [13]. В результате несовершеннолетние совершали побеги из учебных учреждений, дезертировали с промышленных предприятий, возвращались в уличную, криминогенную среду.

4. Неудовлетворительная организация работы детских комнат милиции. Данные учреждения, помещения для которых, оборудование и средства для содержания должны были выделяться краевыми и областными исполкомами из местных бюджетов, планировалось создать взамен действовавших при городских и районных отделениях милиции комнат привода ещё в начале 1941 г. Однако реализация этих планов из-за начавшейся войны осуществлялась крайне медленно. Городские и районные исполкомы считали деятельность детских комнат делом второстепенным, общественные организации и органы народного образования часто от этой работы также самоустраивались. Так, Биробиджанский горисполком 8 июня 1943 г. предоставил помещение под детскую комнату, а 27 декабря изъял под артель «Свой труд» и вторично предоставил помещение только 4 августа 1944 г. В Хабаровске, несмотря на настойчивые требования органов НКВД, к концу 1944 г. действовала лишь одна комната из двух положенных [12, с. 82]. По состоянию на 20 ноября 1944 г. в г. Свободном из-за отсутствия помещений детская комната так и не была организована. В Благовещенске таковая была открыта при Первом горотделении милиции, однако вскоре закрылась из-за отсутствия топлива⁶.

¹ Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). – Ф. П-513. – Оп. 1. – Д. 16. – Л. 122.

² Там же. – Д. 11. – Л. 66–66 об.

³ Там же. – Л. 66–67.

⁴ Там же. – Л. 66.

⁵ Там же. – Л. 4.

⁶ Там же. – Д. 11. – Л. 62 об.

В результате, как правило, задержанные дети доставлялись и оформлялись не в детских комнатах, а в городских и районных отделениях милиции (где отсутствовали условия для их сколько-нибудь длительного содержания), что не позволяло в должной мере организовать эффективную работу по изъятию с улиц беспризорных и безнадзорных детей.

5. Недостатки в работе органов НКВД. Наружные наряды милиции зачастую игнорировали появление безнадзорных детей в общественных местах. Работники Госавтоинспекции не всегда обращали внимание на появление безнадзорных детей на дорогах, что способствовало росту детского травматизма¹. Следует отметить и недостаточную реализацию контрольно-проверочных мероприятий железнодорожной милицией, что позволяло беспризорникам относительно свободно перемещаться в пределах страны и региона [12, с. 75].

Во многом такая ситуация складывалась в связи с тем, что в первые годы войны вопрос о ликвидации беспризорности и безнадзорности оказался вне сферы внимания партийных и комсомольских организаций дальневосточных органов НКВД². Данное направление работы начинает активизироваться только во второй половине 1944 г., вслед за усилением внимания к данной проблеме в центральном и краевом партаппарате. Так, на партийном собрании парторганизации Управления милиции (УМ) УНКВД по ХК 19 октября 1944 г. отмечалось, что за годы войны вопрос о детской беспризорности и безнадзорности поднимается впервые³.

В результате отсутствовала агитационная работа по мобилизации личного состава органов НКВД в данном направлении, слабо осуществлялось взаимодействие с партийными и советскими органами по устранению конкретных причин, порождающих беспризорность и безнадзорность. Недостаточно вовлекалась в работу с детьми общественность, бригады содействия милиции, комсомольские организации, депутаты местных советов, педагоги и т. д.⁴ Таким образом, интенсивность работы органов НКВД Дальнего Востока по борьбе с беспризорностью и безнадзорностью вплоть до конца 1944 г. не в полной мере отвечала чрезвычайным условиям военного времени.

¹ ГАХК. – Д. 8. – Л. 29 об.

² Там же. – Д. 11. – Л. 4 об.

³ Там же. – Д. 8. – Л. 29.

⁴ Там же. – Л. 30.

Последствием всех перечисленных негативных факторов стало появление на улицах дальневосточных городов большого количества нигде не обучающихся и не работающих подростков. Будучи предоставленными самим себе, они попадали под влияние криминальной среды, увеличивая статистику преступности несовершеннолетних.

Особенностью Дальнего Востока было существенное преобладание количества безнадзорных детей над беспризорными. Например, за первое полугодие 1944 г. органами милиции Хабаровского края было задержано 2 752 ребёнка, из которых беспризорных было 158 чел., а безнадзорных – 2 594 чел. В Приморском крае за этот период времени аналогичные показатели составили 194 и 3 710 чел. [12, с. 76]. Данная ситуация объясняется тем, что регион был удалён от театра боевых действий, а вследствие напряжённых отношений с Японией сюда не производилась эвакуация. Беспризорность формировалась преимущественно за счёт детей местного населения, ушедших из дома после некоторого времени безнадзорного состояния.

Организационные формы борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью. Аппарат органов НКВД, ориентированный на борьбу с детской беспризорностью и безнадзорностью, претерпел в годы войны ряд существенных модификаций. В законченном виде к 1945 г. основными звеньями данного механизма были отделы по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью, справочные детские столы, детские комнаты милиции, детские приёмники-распределители и трудовые воспитательные колонии для несовершеннолетних (ТВКН).

Формирование специализированных подразделений по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью при УНКВД краёв и областей началось в соответствии с приказом НКВД СССР от 21 июня 1943 г. В ведение данных подразделений из системы ГУЛАГа передавались трудовые воспитательные колонии для несовершеннолетних, трудовые колонии для несовершеннолетних и детские приёмники-распределители.

В ходе военных действий и эвакуации многие родители утратили связь со своими детьми. Реализуя нормы постановления СНК СССР № 75 от 23 января 1942 г. «Об устройстве детей, оставшихся без родите-

лей», НКВД СССР издало приказ № 00483 от 10 марта 1942 г., согласно которому в составе отделов службы и боевой подготовки управлений милиции создавались справочные адресные детские столы¹. Задачей данных подразделений был сбор данных о потерявшихся детях и информационная помощь в восстановлении разлучённых войной семей.

На Дальнем Востоке детские столы со штатом по одному инспектору были организованы при краевых управлениях милиции, а также в городских и районных отделениях. В июне 1944 г. система адресных детских столов была реорганизована, данные подразделения передавались из ведения отделов службы и боевой подготовки в паспортные отделы (отделения) [12, с. 84–85]. Сотрудники этих подразделений внесли существенный вклад в дело борьбы с беспризорностью и безнадзорностью, способствуя возвращению потерявшихся детей в семьи. Например, работник паспортного стола Хомякова получила более 10 писем с благодарностями за помощь в розыске родственников, что было отмечено на партийном собрании УМ УНКВД по ХК 24 июля 1945 г.²

Работа по организации детских комнат, фактически, началась на Дальнем Востоке только весной 1943 г. Так, 12 мая 1943 г. приказом начальника УНКВД по ПК две комнаты были сформированы в г. Владивостоке и одна в г. Ворошилове. В июне 1943 г. началось создание детских комнат при железнодорожных и водных отделах милиции. Штат таких подразделений обычно насчитывал 2 чел. [15, с. 144].

На детские комнаты возлагались следующие функции: приём задержанных беспризорных и безнадзорных детей, выяснение обстоятельств и причин совершённых ими правонарушений (если таковые имели место) и дальнейшее направление их родителям (опекунам), в детские приёмники-распределители НКВД, иные детские учреждения; вызова родителей (опекунов), допустивших безнадзорность ребёнка, сообщение об этом по месту их работы и составление материалов для привлечения их к административной ответственности; учёт доставляемых детей. Данные о детях, утративших связь с родителями, передавались в справочные адресные детские столы³.

¹ Архив УМВД по Хабаровскому краю (АУМВД по ХК). – Ф. 40. – Оп. 1. – Д. 75. – Л. 190.

² ГАХК. – Ф. П-513. – Оп. 1. – Д. 21. – Л. 6.

³ АУМВД по ХК. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 157. – Л. 95 об., 96 об.

Например, за период с 25 марта по 25 июля 1944 г. через детскую комнату г. Хабаровска прошло 454 ребёнка. Было привлечено к ответственности (оштрафовано) 112 родителей, остальные получили предупреждение; 50 несовершеннолетних были направлены в приёмники-распределители⁴.

Как уже отмечалось, процесс организации детских комнат милиции на Дальнем Востоке столкнулся с серьёзными трудностями. Там, где они всё-таки были сформированы, оборудование и санитарно-бытовые условия часто не соответствовали предъявляемым требованиям. Так, в материалах проверки детской комнаты г. Хабаровска (начала свою работу 25 марта 1944 г.), проведённой Политотделом УМ УНКВД по ХК 26 июля 1944 г., отмечалось: «Комната состоит из 2 светлых помещений с крашеными полами... Имеется 2 стола, 10 стульев, 2 кровати без матрацев, с неполными постельными принадлежностями (взяты из казармы дивизиона наружной службы), шкаф, тумбочка, портрет, 2 географические карты, 2 фотомонтажа. В комнате грязно по причине отсутствия уборщицы, на содержание которой выделяется только 27 рублей в месяц. За такую плату нельзя нанять человека, поэтому убирать приходится от случая к случаю помощнику инспектора»⁵.

Примечательно, что на содержание детских комнат из центрального бюджета выделялись значительные суммы (например, на детскую комнату в Хабаровске выделялось 24 тыс. р. в год), однако из-за формальных противоречий между Горисполкомом, Горторгом, Горобщепитом и Финотделом УНКВД по ХК они оставались в основном неосвоенными. Время нахождения в детских комнатах не должно было превышать 6 часов, однако из-за организационных трудностей случалось, что дети содержались в них до суток⁶. В результате дети нередко часами сидели голодные до установления их места жительства и родителей.

Основной задачей детских приёмников-распределителей НКВД стали приём и дальнейшее устройство беспризорных и безнадзорных детей в возрасте от 3 до 16 лет. В течение двух недель должен был решаться вопрос о возвращении ребёнка родителям, устройстве на воспитание в приёмную семью, направлении в детские учреждения, на фабрично-заводское об-

⁴ ГАХК. – Ф. П-513. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 64.

⁵ Там же.

⁶ АУМВД по ХК. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 157. – Л. 96 об.; ГАХК. – Ф. П-513. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 64.

учение (ФЗО) или трудоустройство. Приоритет отдавался семейному воспитанию. При отсутствии такой возможности дети в возрасте от 3 до 14 лет направлялись в детские дома, дети-инвалиды – в специальные учреждения Наркомсобеса, глухонемые и слепые – в специальные школы Наркомпроса. Подростки старше 14 лет подлежали трудоустройству или направлялись в ремесленное или железнодорожное училище и школы ФЗО (приказ Комитета по учёту и распределению рабочей силы при Совнаркоме СССР и НКВД СССР № 95/591 от 13.09.1943 г.¹). Несовершеннолетние от 11 до 16 лет, нуждающиеся в особом воспитательном воздействии, направлялись в трудовые воспитательные колонии для несовершеннолетних НКВД (совместная инструкция НКВД СССР и прокуратуры СССР № 326/52/45 от 21 июня 1943 г.)².

Архивные документы свидетельствуют, что условия содержания детей в приёмниках-распределителях Дальнего Востока по причине недостаточной материальной базы и некомпетентности ряда сотрудников часто не соответствовали требованиям. Проверка Хабаровского приёмника-распределителя, проведённая лично начальником УНКВД по Хабаровскому краю И. И. Долгих 9 ноября 1943 г., показала антисанитарное состояние помещений и двора распределителя. Подготовка к зиме оказалась сорвана, в помещениях было холодно, поэтому дети часто болели. Пища готовилась из недоброкачественных продуктов. Распорядок дня не соблюдался. Начальник приёмника-распределителя и обслуживающий персонал были охарактеризованы в материалах проверки как недостаточно работоспособные³.

Кадровую проблему, проявившуюся при создании и функционировании детских учреждений системы НКВД, нельзя рассматривать как исключительное явление, она стала закономерным следствием кадрового голода (в его количественном и качественном аспектах), характерного для органов НКВД периода войны, что нашло отражение в отечественной историографии [16]. На Дальнем Востоке ситуация осложнялась свойственной в целом региону нехваткой квалифицированных кадров. В результате вакантные должности часто замещались сотрудниками, не способными к выполнению возлагаемых на них

обязанностей из-за недостаточного уровня образования, низкой культуры, профессиональной некомпетентности и слабого уровня морально-деловых качеств.

Штаты детских учреждений НКВД были не полностью укомплектованы (в некоторых случаях не хватало до половины персонала)⁴. Отдельные работники не были мотивированы к выполнению возложенных на них обязанностей, не обладали морально-психологической подготовленностью. Так, воспитатель Хабаровского приёмника-распределителя Комова, желая уволиться с работы, целенаправленно халатно выполняла свои обязанности, заявляя: «Я Вам не нянька смотреть за малышами, я Вам неоднократно заявляла, что беспризорников ненавижу и работать не буду»⁵. В материалах дисциплинарной практики встречаются случаи рукоприкладства по отношению к детям⁶, а также присвоения персоналом хлебных карточек⁷.

Результатом неблагоприятных условий содержания и отчасти непрофессионализма сотрудников становились групповые побеги несовершеннолетних из приёмников-распределителей⁸, а также при их перевозке между детскими учреждениями⁹.

Деятельность трудовых воспитательных колоний для несовершеннолетних преследовала цель социальной адаптации несовершеннолетних, оказавшихся в сложных жизненных обстоятельствах, склонных к бродяжничеству и криминальным проявлениям, посредством развития у них трудовых навыков и встраивания в структуру советского общества через производственные коллективы. Подростки получали в колониях неполное среднее образование и навыки участия в работе общественных организаций (Циркуляр НКВД СССР № 462 от 19 сентября 1943 г.)¹⁰. На Дальнем Востоке первым учреждением такого рода стала Юхтинская ТВКН, формирование которой началось в октябре 1943 г.¹¹ В октябре 1944 г. создаётся Бироканская ТВКН, проработавшая до сентября 1945 г. и переданная затем под размещение японских военнопленных¹².

⁴ ГАХК. – Ф. П-513. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 64.

⁵ АУМВД по ХК. – Ф. 40. – Оп. 1. – Д. 113. – Л. 33.

⁶ Там же. – Л. 177.

⁷ Там же. – Д. 115. – Л. 80.

⁸ Там же. – Д. 112. – Л. 100.

⁹ Там же. – Л. 182.

¹⁰ Там же. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 153. – Л. 24–34.

¹¹ АУМВД по ХК. – Ф. 40. – Оп. 1. – Д. 100. – Л. 267.

¹² Там же. – Д. 110. – Л. 157; Д. 113. – Л. 203.

¹ АУМВД по ХК. — Ф. 40. — Оп. 1. — Д. 149. — Л. 9–9 об.

² Там же. — Д. 164. — Л. 22 об., 24 об.–25.

³ Там же. — Ф. 40. — Оп. 1. — Д. 101. — Л. 12.

Нехватка материальных ресурсов и опытных, квалифицированных кадров стали «основными проблемами в деятельности трудовых воспитательных колоний для несовершеннолетних, обуславливая недостатки в бытовых аспектах жизни воспитанников, качестве воспитательной работы и образовательного процесса»¹.

Отметим, что руководство УНКВД Приморского и Хабаровского краёв внимательно следило за состоянием работы детских учреждений и принимало решительные меры по их благоустройству и укомплектованию качественными кадрами². Регулярно проводились проверки, в том числе с личным выездом начальников краевых УНКВД, разрабатывались планы мероприятий по устранению недостатков. За недобросовестное исполнение должностных обязанностей³ и незаконные действия в отношении детей⁴ следовали строгие дисциплинарные взыскания. Нередко аресту на несколько суток подвергались даже работники руководящего звена.

В целях повышения профессионализма сотрудников, задействованных в борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью, краевыми управлениями НКВД регулярно проводились семинары-совещания. Данные мероприятия сопровождались изучением действующих нормативных и политико-идеологических документов, посвящённых вопросам борьбы с рассматриваемыми явлениями. Происходил обмен опытом и анализ результатов работы.

Кроме того, руководство краевых УНКВД неоднократно ставило перед местными партийными и советскими органами власти вопрос о неудовлетворительном состоянии детских комнат и приёмников-распределителей, требуя своевременного обеспечения ремонтных работ, доставки топлива, продуктов питания, детской одежды, белья, предметов хозяйственного обихода и т. д.⁵

Методы борьбы с беспризорностью и безнадзорностью в практике дальневосточных органов НКВД. Система мероприятий по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в годы войны и практика их реализации органами НКВД постоян-

но эволюционировала и интенсифицировалась. В обобщённом виде можно выделить ряд основных направлений деятельности:

1. Изъятие беспризорных детей с улиц и устройство их в семьи, детские учреждения или на производство.

На необходимость проведения такого рода мероприятий НКВД СССР указывал уже в первые годы войны⁶. Основную часть работы по данному направлению выполняли участковые уполномоченные, наряды постовой службы и оперативные группы милиции на транспорте. Нормативные акты НКВД требовали при задержании и доставлении детей принимать все возможные меры для исключения возможности их побега. Проведение личного обыска допускалось только у несовершеннолетних, подозреваемых в совершении преступления. В остальных случаях такие действия запрещались, как и изъятие у детей каких-либо вещей (за исключением оружия, взрывчатых веществ, ядов и т. п.). Категорически исключалось применение оружия⁷. Однако на практике имели место непрофессиональные действия отдельных милиционеров, когда при задержании детей допускалась чрезмерная грубость и причинение травм, что привлекало внимание общественности и дискредитировало органы НКВД⁸.

2. Профилактическая работа с родителями безнадзорных детей.

Перед органами милиции ставилась задача так «поставить работу, чтобы мы не видели детей на улице в позднее время»⁹. Родители задержанных за безнадзорность несовершеннолетних вызывались в детские комнаты или отделения милиции, где с ними проводились беседы о соблюдении установленного «детского времени», правилах поведения на проезжей части и т. д. Сотрудникам милиции рекомендовалось действовать требовательно, настойчиво, но без грубости к детям и родителям. Родители, систематически допускающие безнадзорное состояние своих детей или отправляющие их торговать на рынок, подвергались штрафам, кроме того, соответствующая информация поступала по месту

¹ АУМВД по ХК. – Ф. 40. – Оп. 1. – Д. 110. – Л. 88, 150; Д. 112. – Л. 82; Д. 113. – Л. 202–202 об.; Д. 127. – Л. 31.

² ГАХК. – Ф. П-513. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 64 об.

³ АУМВД по ХК. – Ф. 40. – Оп. 1. – Д. 101. – Л. 12–13.

⁴ Там же. – Д. 113. – Л. 177; Д. 115. – Л. 80.

⁵ ГАХК. – Ф. П-513. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 64 об.; Архив УМВД Приморского края. – Ф. 12. – Оп. 1. – Д. 52. – Л. 143.

⁶ Циркуляр НКВД СССР № 391 от 16 сентября 1942 года // АУМВД по ХК. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 144. – Л. 300.

⁷ Приказ НКВД СССР от 7 июля 1944 г. № 312 // АУМВД по ХК. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 157. – Л. 96; Приказ НКВД СССР от 26 июня 1945 г. № 274 // АУМВД по ХК. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 164. – Л. 25 об.

⁸ ГАХК. – Ф. П-513. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 29 об.

⁹ Там же. – Д. 11. – Л. 3 об.

их работы¹. От самих сотрудников НКВД требовалось не допускать безнадзорного состояния собственных детей².

Примечательно, что в материалах собраний партийных и комсомольских организаций милиции давалась в целом неодобрительная оценка широкому применению штрафов к родителям. Требовалось учитывать материальное положение семей. «Некоторые наши ретивые товарищи на задержанных детей стараются наложить штраф, который не всегда помогает, надо проявить человеческое чувство»³.

3. Организация взаимодействия с общественностью и местными органами власти.

Органы НКВД регулярно информировали местные партийные и советские органы власти о состоянии беспризорности и безнадзорности; по мере возможности пытались добиться принятия мер по устранению причин, их порождающих. Так, на основе докладных записок, поступавших из краевого и областных управлений милиции, 5 мая 1944 г. Крайисполком Хабаровского края принял постановление № 474 «О правилах поведения детей в общественных местах», имевшее важное значение для вовлечения в борьбу с беспризорностью и безнадзорностью всех коммунистов и комсомольцев региона.

В целом с 1944 г. на борьбу с детской беспризорностью и безнадзорностью был мобилизован весь партийный и комсомольский актив предприятий и учреждений Дальнего Востока⁴. Активисты вовлекались в работу по организации досуга несовершеннолетних, их трудоустройству. Массовый характер приобрели операции по изъятию беспризорных и безнадзорных детей с улиц городов. Так, в Хабаровском крае только за третий квартал 1944 г. был проведён 281 рейд и обход, в которых участвовало 1073 комсомольца⁵. Комсомольцы и педагоги привлекались для дежурств в детских комнатах милиции и общественных местах (кинотеатрах, клубах и т. п.)⁶.

Широкому привлечению общественности способствовала активизация агитационно-пропагандистской работы, важную роль в которой сыграли работники политотделов органов НКВД. Проводились со-

вместные собрания с директорами школ, работниками отделов народного образования, комсомольскими активистами, пионервожатыми и др.⁷ Для освещения причин беспризорности, безнадзорности и мер по их устранению, а также в целях популяризации лучших методик и результатов в этой области широко использовались средства массовой информации. Например, 28 мая 1944 г. в газете «Тихоокеанская звезда» (№ 126/5731) была опубликована статья «О безнадзорных детях» А. М. Мисочника, помощника начальника Политотдела УМ УНКВД по ХК⁸. Госавтоинспекция, предупреждая детский травматизм на дорогах, начала активную агитационно-пропагандистскую работу через кино, выступления по радио, плакаты и т. п.⁹

Заключение. Изучение архивных документов позволило сделать вывод, насколько эффективной оказалась работа, проведённая дальневосточными органами НКВД по противодействию беспризорности и безнадзорности в 1941–1945 гг. Исследование проблемы показало, что деятельность в данном направлении осуществлялась с нарастающей интенсивностью. Если в период 1941 – первой половины 1943 г. органы НКВД пытались действовать ещё довоенными методами, то со второй половины 1943 г. становится очевидной их недостаточность. В организационной структуре органов НКВД появляются такие элементы, как отделы по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью, детские комнаты милиции, трудовые воспитательные колонии для несовершеннолетних. Однако продолжающийся рост детской беспризорности, безнадзорности и преступности вынудил к концу 1944 г. мобилизовать на борьбу с этими проблемами всю активную общественность региона.

Оценивая результативность действий дальневосточных органов НКВД в данном направлении, можно резюмировать, что принятые меры позволили к концу 1945 г. переломить взрывной рост детской преступности, существенно снизить число беспризорных и безнадзорных детей. Так, в Хабаровском крае за 1945 г. несовершеннолетними было совершено 367 преступлений, что существенно меньше, чем в 1944 г. (721) и даже 1941 г. (379) [12, с. 74]. В Приморском крае число изымаемых с улиц беспризорных и безнадзорных детей в 1945 г.

¹ ГАХК. – Ф. П-513. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 3 об. – 4.

² Там же. – Д. 8. – Л. 29 об.; Д. 16. – Л. 122 об.

³ Там же. – Д. 11. – Л. 67.

⁴ Там же. – Д. 8. – Л. 30–30 об.

⁵ Там же. – Д. 11. – Л. 57 об.

⁶ Там же. – Д. 8. – Л. 30.

⁷ Там же. – Д. 11. – Л. 56.

⁸ Там же. – Л. 56 об.

⁹ Там же. – Д. 8. – Л. 30 об.

сократилось на 32,9 % (7 035 чел.) по сравнению с 1944 г. (10 476 чел.) [7, с. 160].

Между тем, успех можно считать частичным. В послевоенный период проблема безнадзорности и молодёжной преступности на Дальнем Востоке продолжала оставаться достаточно острой [17]. В середине 1950-х гг. в регионе произошёл всплеск общеуголовной преступности, связанный, в том числе, с возрос-

лением поколения «детей военного времени» [18].

Такие результаты, на наш взгляд, следует оценивать как закономерные, принимая во внимание масштаб негативных социально-экономических, культурных, психологических и демографических последствий войны, а также кадровую и материально-техническую слабость самих органов НКВД в этот период.

Список литературы

1. Ермаков Е. Г. Организационно-правовые основы деятельности органов внутренних дел по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в период Великой Отечественной войны и послевоенные годы (1941–1949 гг.). М., 2019. 85 с.
2. Суверов Е. В., Тарасова Л. Я. Алтайская милиция в борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью (1941–1945 гг.). Барнаул, 2014. 88 с.
3. Жилиева С. К. Организационно-правовые основы борьбы Орловской милиции с детской беспризорностью и преступностью в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (1941–1951 гг.): историко-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Орёл, 2004. 198 с.
4. Ляскина Н. В. Деятельность милиции Приморья по противодействию преступности несовершеннолетних в 1941–1945 годах (историографический обзор) // 300 лет на страже закона и правопорядка: материалы Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. А. А. Андреева. Хабаровск, 2018. С. 68–72.
5. Милежик А. В. Становление научной школы по истории правоохранительных органов на Дальнем Востоке России // Клио. 2019. № 1. С. 128–135.
6. Шабельникова Н. А. На страже правопорядка: история органов внутренних дел России в современной дальневосточной историографии // Клио. 2020. № 5. С. 20–27.
7. Ляскина Н. В. Деятельность государственных органов и общественных организаций Приморского края по поддержке детских домов (1941–1945 гг.) // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. О. А. Шеломихина. Благовещенск: Благовещ. гос. пед. ун-т, 2019. С. 158–164.
8. Belova E., Gregory P. Political economy of crime and punishment under Stalin // Public Choice. 2009. No. 140. P. 463–478.
9. Shearer D. R. Crime and Social Disorder in Stalin's Russia: A Reassessment of the Retreat and Origins of Mass Repression // Cahiers du Monde russe. 1998. No. 1–2. P. 119–148.
10. Shearer D. R. Policing Stalin's Socialism: Repression and Social Order in the Soviet Union, 1924–1953. New Haven: Yale University Press, 2009. 507 p.
11. Solomon P. H. Soviet Criminal Justice under Stalin. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 494 p.
12. Худяков П. П., Швеиц А. В. Преступность несовершеннолетних, детская безнадзорность и беспризорность на Дальнем Востоке в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) и основные направления работы органов дальневосточной милиции по их ликвидации // Войны и военные конфликты XX в. в судьбах дальневосточников. Вып. 1. Дальний Восток в годы Великой Отечественной войны. Хабаровск: Хабар. краевой музей им. Н. И. Гродекова, 2010. С. 73–93.
13. Власов С. А. Молодёжь Приморского края в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: в 2 ч. Ч. 2. 2015. № 6. С. 48.
14. Ткачева Г. А. Дальневосточное общество в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Владивосток: Дальнаука, 2010. 376 с.
15. Жадан А. В. Органы внутренних дел Приморского края в 1941–1945 гг.: исторический опыт организации и деятельности: монография. Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2020. 228 с.
16. Дорохов В. Ж. «Кадровый голод» в милиции СССР в 1945–1949 гг. (на примере Хабаровского края) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2017. № 1. С. 14–19.
17. Ващук А. С. Криминальная ситуация на Дальнем Востоке России в 1945–1950-х годах // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2006. № 4. С. 102–108.
18. Крушанова Л. А. Уголовная преступность и борьба с ней в Приморском крае в середине 1950–1960-х гг. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2011. № 4. С. 54–63.

Статья поступила в редакцию 11.11.2020; принята к публикации 18.12.2020

Сведения об авторе

Жадан Александр Владимирович, кандидат исторических наук, Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России; 690087, Россия, г. Владивосток, ул. Котельникова, 21; e-mail: awzhadan252@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0756-4875>.

Библиографическое описание статьи

Жадан А. В. Органы НКВД Дальнего Востока в борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью (1941–1945) // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 3. С. 44–53. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-44-53.

References

1. Ermakov, E. G. Organizational and legal bases of the activities of internal affairs bodies to combat child homelessness and neglect during the great Patriotic war and post-war years (1941–1949)]. M: Moscow University of the MIA of Russia Publ., 2019. (In Rus.)
2. Suverov, E. V., Tarasova, L.Ya. Altai militia in the fight against child homelessness and neglect (1941–1945)]. Barnaul: Barnaul law Institute of the MIA of Russia Publ., 2014. (In Rus.)
3. Zhilyaeva, S. K. Organizational and legal bases of the struggle of the Oryol militia with child homelessness and crime during the great Patriotic war and the post-war period (1941–1951). Historical and legal research: abstract of the thesis of the cand. of hist. sciences. Orel, 2004. (In Rus.)
4. Lyaskina, N. V. Activities of the Primorye police to counteract juvenile delinquency in 1941–1945 (historiographical review). 300 years on guard of law and order. Materials of the all-Russian scientific and practical conference. Ed. by A. A. Andreev. Khabarovsk, 2018: 68–72. (In Rus.)
5. Milezhik, A. V. Formation of a scientific school on the history of law enforcement agencies in the Russian Far East. Klio, no. 1, pp. 128–135, 2019. (In Rus.)
6. Shabel'nikova, N. A. On guard of law and order: the history of the internal affairs bodies of Russia in modern Far Eastern historiography. Klio, no. 5, pp. 20–27, 2020. (In Rus.)
7. Lyaskina, N. V. [Activities of state bodies and public organizations of the Primorsky territory to support orphanages (1941–1945). Russia and China: history and prospects of cooperation. proceedings of the IX international scientific and practical conference. Ed. by O. A. Shelomikhin. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk state pedagogical University Publ., 2019: 158–164. (In Rus.)
8. Belova, E., Gregory, P. Political economy of crime and punishment under Stalin. Public Choice, no. 140, pp. 463–478, 2009. (In Engl.)
9. Shearer, D. R. Crime and Social Disorder in Stalin's Russia: A Reassessment of the Retreat and Origins of Mass Repression. Cahiers du Monde russe, no. 1–2, pp. 119–148, 1998. (In Engl.)
10. Shearer, D. R. Policing Stalin's Socialism: Repression and Social Order in the Soviet Union, 1924–1953. New Haven: Yale University Press, 2009. (In Engl.)
11. Solomon, P. H. Soviet Criminal Justice under Stalin. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. (In Engl.)
12. Khudyakov, P. P., Shvets A. V. Juvenile delinquency, child neglect and homelessness in the Far East during the great Patriotic war (1941–1945) and the main areas of work of the Far Eastern police to eliminate them. Wars and military conflicts of the twentieth century In the fates of the Far East. Issue 1. Khabarovsk: Khabarovsk regional Museum Publ., 2010: 73–93. (In Rus.)
13. Vlasov, S. A. Youth of Primorsky Krai during the Great Patriotic war (1941–1945). Historical, philosophical, political and legal Sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice, no. 6 (56), pp. 45–50, 2015. (In Rus.)
14. Tkacheva, G. A. Far Eastern society during the Great Patriotic war (1941–1945). Vladivostok: Dalnauka, 2010. (In Rus.)
15. Zhadan, A. V. Bodies of internal Affairs of Primorsky Krai in the 1941–1945: historical experience of organization and activity. Khabarovsk: RIO DUI of the MIA of Russia Publ., 2020. (In Rus.)
16. Dorokhov, V.Zh. "Personnel famine" in the USSR police in 1945–1949 (on the example of the Khabarovsk territory). Questions of national and Federal relations, no. 1 (36), pp. 14–19, 2017. (In Rus.)
17. Vashchuk, A. S. Criminal situation in the Russian Far East in the 1945–1950s. Social and human Sciences in the Far East, no. 4, pp. 102–108, 2006. (In Rus.)
18. Krushanova, L. A. Criminal crime and the fight against it in the Primorsky territory in the mid-1950s – 1960s. Oikumena. Regional studies, no. 4, pp. 54–63, 2011. (In Rus.)

Received: November 11, 2020; accepted for publication December 18, 2020

Information about author

Zhadan Alexander V., Candidate of History, Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 21 Kotelnikova st., Vladivostok, 690087, Russia; e-mail: awzhadan252@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0756-4875>.

Reference to the article

Zhadan A. V. The NKVD of the Far East in the fight against child homelessness and neglect (1941–1945) // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 3. PP. 44–53. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-44-53.

УДК 75-051(438)+94(571.5)(=162.1)"19"

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-54-61

Евгений Владимирович Семёнов,*Восточно-Сибирский государственный институт культуры**(г. Улан-Удэ, Россия),**e-mail: sew11@mail.ru**<https://orcid.org/0000-0003-1133-8499>*

Художественное творчество польских ссыльных на территории Забайкалья во второй половине XIX века

Польские политические ссыльные второй половины XIX в. на территории Забайкалья проявили себя во многих сферах общественной и культурной жизни. В отличие от научно-исследовательской деятельности польских ссыльных второй половины XIX в. художественная деятельность до настоящего времени не являлась предметом самостоятельного исследования. Целью представленной статьи выступает изучение художественной деятельности польских ссыльных в условиях каторжных работ и поселения. При разработке темы статьи автор опирался на основополагающие принципы и методы научного исследования. Привлекая широкий круг архивных материалов и источников личного происхождения, автор описывает творческий путь наиболее известных польских ссыльных художников, оставивших заметный след в художественной жизни Забайкалья рассматриваемого периода. При работе над темой статьи автор использовал следующие методы исторического исследования: анализ письменных источников, библиографический метод, историко-генетический метод. Формально находясь на каторжных работах в рудниках и заводах Нерчинского горного округа, фактически некоторая часть польских ссыльных к таковым работам не привлекалась. Наиболее творческая часть ссыльных изыскивала возможность заняться самообразованием и художественной деятельностью. Автором выявлен ряд ранее неизвестных фактов, связанных с художественной деятельностью ссыльных поляков. На фоне польской ссылки XIX в. автором реконструирована художественная деятельность Юзефа Беркмана и Станислава Вронского. В период отбывания каторжных работ польскими ссыльными художниками были созданы художественные произведения, таксидермические образцы, иллюстрации к научно-исследовательским работам Б. Дыбовского. Наиболее активно польские художники проявили себя после освобождения от каторжных работ и выхода на поселение. Ряд художественных произведений польских ссыльных второй половины XIX в. в настоящее время находится на хранении в региональных музеях.

Ключевые слова: польские ссыльные, польские художники, художественная деятельность, Забайкалье, Станислав Вронский, Юзеф Беркман

Evgeniy V. Semenov,*East-Siberian State Institute of Culture**(Ulan-Ude, Russia),**e-mail: sew11@mail.ru**<https://orcid.org/0000-0003-1133-8499>*

Artistic Work of Polish Exiles in the Trans-Baikal Region of Russia in the Second Half of the 19th Century

Polish political exiles to Siberia of the latter half of the 1800s were involved in many aspects of the social and cultural life of the time in the Trans-Baikal Region of Russia. However, in contrast to their scholarly research conducted while in exile, their artistic activities have never been a topic of independent studies. The objective of this paper is to study artistic work of Polish exiles in the context of penal labor and penal settlements. When developing the topic of this study, the author relied on fundamental research principles and methods. Using a broad range of archive materials and private sources, the author describes the artistic journeys of the most famous Polish artists in exile who left a prominent legacy in the Trans-Baikal artistic life of the time. When working on the topic of the article, the author used the following methods of historical research: analysis of written sources, bibliographic method, historical and genetic method. While being formally convicted to penal labor in the mines and factories of Nerchinsk mining region, some Polish exiles were not actually required to engage in hard labor. The most artistically minded among them were looking for the opportunities to self-educate themselves and engage in artistic activities. The author identified several previously unknown facts associated with the artistic legacy of Polish exiles. Against the backdrop of Polish deportation in the 1800s, the author reconstructed the artistic work of Jozef Baerkman and Stanislaw Wronski. During their time in the Siberian penal system, Polish artists created paintings, taxidermic works, and illustrations to the scholarly works of Benedykt Dybowski. However, their most active creative period began when they were released from hard

© Семёнов Е. В., 2021

labor and settled in penal colonies. Today, some works of Polish artists in exile created during the second half of the 19th century are part of collections of regional museums.

Keywords: Polish exiles, Polish artists, artistic activity, Trans-Baikal region, Stanislaw Wronski, Jozef Baerkman

Введение. Польская политическая ссылка в Сибирь в XIX в. оставила значительный след в экономической, культурной и общественной жизни региона. Наряду с польскими исследователями, администраторами и предпринимателями в Сибири проявили себя и художники [1–3]. Одну из известных характеристик деятельности польских ссыльных в Сибири оставил исследователь ссылки поляков С. Либрович: «Имеющие художественный талант зарабатывали на хлеб тем, что писали портреты богатых местных жителей, их приглашали и хорошо принимали <...>. Художники рисовали пейзажи. В собрании Географического общества в Петербурге можно найти много сибирских видов, сцен и т. п., нарисованных ссыльными поляками. Талантливым людям легче было выбиться и облегчить себе судьбу нежели другим» [4, с. 191]. Наиболее известным художником рассматриваемого периода является А. Сохачевский [5, с. 382–383]. Несмотря на наличие значительного количества художественных произведений польских ссыльных художников в собраниях сибирских музеев, основные аспекты их творчества в Сибири остаются практически неисследованными. Нам мало известно о пребывании их на каторге, условиях отбывания каторжных работ, а также о выходе на поселение и творческой деятельности в этих новых условиях. На основании сказанного данная тема видится актуальной.

Целью рассмотрения представленной статьи является наиболее полное и систематическое изучение художественной деятельности польских ссыльных художников второй половины XIX в. в условиях отбывания ими каторжных работ на территории Забайкалья.

Научная новизна представленной темы заключается во введении в научный оборот ранее неизвестных отечественному исследователю воспоминаний польских ссыльных, характеризующих основные направления художественной деятельности польских ссыльных художников на территории Забайкалья во второй половине XIX в. Автором также вводятся в научный оборот документы Государственного архива Забайкальского края, отражающие условия отбывания каторжных работ ссыльными участниками восстания 1863–1864 гг.

В рамках настоящей статьи автор остановится на характеристике художественной деятельности ссыльных польских художников второй половины XIX в. на территории Забайкалья. Основными задачами данной статьи являются изучение условий отбывания каторжных работ польскими ссыльными, условия проживания их на поселении, а также результаты их художественной деятельности.

Методология и методы исследования. Тема исследования представленной статьи базируется на применении общенаучных принципов, позволивших автору наиболее полно проанализировать пребывание польских ссыльных на территории Забайкалья, а также рассмотреть художественную деятельность польских ссыльных художников. В основе исследования лежит анализ неопубликованных и опубликованных источников заявленной темы. Автором рассмотрены архивные документы и воспоминания польских ссыльных 60–70-х гг. XIX в., отражающие художественную деятельность ссыльных участников польского восстания 1863–1864 гг.

Основным источником информации о деятельности польских ссыльных художников в Забайкалье выступают воспоминания современников. Воспоминания Б. Дыбовского [7], Л. Менжинского [8] и Л. Зелонко [9] содержат ценную информацию о жизни и деятельности польских ссыльных на территории Забайкалья, в том числе о творческой и художественной деятельности ссыльных польских художников.

Результаты исследования и их обсуждение. Из числа наиболее известных польских политических ссыльных, проявивших себя на поле художественного творчества в Забайкалье в рассматриваемый период, следует отметить Станислава Вронского и Юзефа Беркмана. О художественной деятельности и наследии Станислава Вронского автор писал в своих статьях [10; 11]. С появлением новых данных о жизни и творчестве С. Вронского видится необходимым конкретизация некоторых фактов, а также более широкое изучение деятельности других польских ссыльных художников.

Художественную деятельность, осуществляемую польскими политическими ссыльными на территории Забайкалья во

второй половине XIX в., условно можно разделить на два этапа. Первый этап совпадает с периодом отбывания каторжных работ в горных и железоделательных заводах, а также на других видах работ. Второй – соотносится со временем перевода их на поселение и переезд в крупные города Восточной Сибири, где ссыльные могли найти соответствующее их профессии занятие. В рамках данной статьи мы остановимся на характеристике первого этапа.

Ссыльные участники восстания 1863–1864 гг., приговорённые к каторжным работам, начинают прибывать в Забайкалье уже в первой половине 1864 г. Основными местами заключения и каторжных работ становятся Петровский железоделательный завод, верфь по строительству барж в д. Сивяково, Александровский сереброплавильный завод, Акатуй, золотоносные россыпи на р. Кара и др.

Леонард Менжинский в своих воспоминаниях отмечает единичные факты художественной деятельности польских ссыльных, находившихся на каторжных работах в Забайкалье. Упоминает автор и о ссыльном Людвиге Фацевиче, который, по его словам, был задержан областной администрацией в Чите для написания портретов местных чиновников [8, с. 63]. Также Л. Менжинский, находившийся на каторжных работах в Александровском сереброплавильном заводе, в своих воспоминаниях пишет, что ссыльный полковник Красуский «более для проведения времени нежели для заработка занимался резьбой по дереву и рисованием. Особенно удачно он рисовал карандашом, художественно выполненные карикатуры» [Там же, с. 87]. Художественный талант Красуского был отмечен и Л. Зелонко, который в своих воспоминаниях указывал на изготовление печатей, при подготовке его к побегу [9, с. 128].

Наиболее полную информацию о художественной деятельности ссыльных поляков в Забайкалье в рассматриваемый период содержат воспоминания Бенедикта Дыбовского, который был лично знаком с большинством представителей творческой интеллигенции. Б. Дыбовский отбывал наказание первоначально в Сивяковском тюремном помещении, а впоследствии был направлен на Дарасунские минеральные источники, где занимался своей профессиональной деятельностью, а также проводил научные исследования флоры и фауны Забайкалья. Об этом пе-

риоде он оставил подробные описания в своих воспоминаниях [7]. В них, в частности, автор зафиксировал, что в числе партии ссыльных, следовавшей в нерчинские горные заводы, сформировался кружок, возглавляемый художником Леоном Коссаком. Этот кружок состоял из нескольких польских ссыльных, происходивших с территории Галиции. Леон Коссак (1827–1877), являвшийся по словам Б. Дыбовского руководителем этого кружка, относился к семье известных польских художников и являлся младшим братом Юлия Коссака. Он принимал участие в польском восстании 1863–1864 гг., за что был приговорён к восьми годам каторжных работ и отбывал их в Сивяковском тюремном помещении¹. Практически неизвестна его художественная деятельность во время нахождения в Забайкалье. Манифест от 25 мая 1868 г. облегчал участь некоторых категорий польских ссыльных, в число которых входил и Л. Коссак, получивший освобождение от каторги и перевод на поселение в Иркутской губернии, куда и был отправлен в июле 1868 г.² Находясь на поселении, он не проявлял своих художественных талантов и после отбытого наказания возвратился на родину, в Краков, где проживал в доме своего старшего и более известного брата.

Во время одной из ревизий Сивяковского тюремного помещения руководство привлекло к работе всех ссыльных для того, чтобы продемонстрировать генерал-губернатору Восточной Сибири М. С. Корсакову всю тяжесть каторжных работ для польских политических преступников. Б. Дыбовский вспоминал: «Вышло распоряжение, чтобы заключённые недели каторжную одежду, до этого каждый одевался в то, что у него было. На работу приказали выйти всем. Художникам Вронскому, Коссаку, Парве и другим дали кисти и вёдра с дёгтем, чтобы они красили баржи» [7, с. 93]. Тем не менее, это был единственный случай привлечения польских ссыльных художников к тяжёлым физическим работам. В своих воспоминаниях Б. Дыбовский отмечал, что как таковых каторжных работ не было и ссыльные выходили на них по очереди. Наличие свободного времени позволяло многим польским ссыльным заниматься самообразованием и творчеством.

¹ Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). – Ф. 1. – Оп. 1 (о). – Д. 121. – Л. 5.

² Там же. – Д. 867. – Л. 32; Д. 874. – Л. 24.

В период пребывания в Сивяково и в Чите Б. Дыбовский прибегал к услугам некоторых польских художников, находившихся в это время в Забайкалье. Особо тепло он отзывался об Альфонсе Парве (Parveks), который часто делал рисунки изучаемых Б. Дыбовским животных и растений [7, с. 90, 261]. Альфонс Парве первоначально находился на каторжных работах в Петровском железоделательном заводе¹, позднее был переведён в Сивяково. По свидетельству Б. Дыбовского, «Парве учился у Вронского в Петровске (Петровский железоделательный завод – Е. С.) рисовать акварелью, проявил в этом большие способности. Получил при помощи Разгильдеева, начальника в Петровске, бумагу, кисти и краски из Варшавы и посвящал себя живописи с большим чувством» [Там же, с. 170].

А. Парве также владел искусством таксидермии и помогал Б. Дыбовскому в изготовлении чучел добытых животных и птиц. Именно он научил бессменного спутника учёного, В. Годлевского мастерски изготавливать чучела животных и птиц. В Дарасуне им была предпринята попытка изготовления чучела дзерена, которая, по словам учёного, не была выполнена надлежащим образом. Тем не менее, читинским властям чучело понравилось и впоследствии было отправлено в Иркутск. К сожалению, оно было утрачено во время иркутского пожара 1879 г. [Там же, с. 252, 261].

Позднее, находясь в Дарасуне, Парве принял предложение местных жителей Тимофеевых заняться обучением их детей [Там же, с. 220]. С этого времени происходит отдаление Б. Дыбовского и А. Парве, поскольку второй рассчитывал на скорейшее возвращение в Швейцарию, подданным которой он являлся.

Произведения и композиции, изготовленные А. Парве и В. Годлевским, представлявшие совершенно новое явление для Забайкалья, вызвали живой интерес у читинской публики. Они были приняты и высоко оценены Александрой Романовной Дитмар – супругой генерал-губернатора Забайкальской области Н. П. Дитмар [Там же, с. 112]. В то же время, по словам самой А. Р. Дитмар, рассчитывать на продажу художественных произведений в Чите не приходилось из-за крайне низкого спроса местного населения [Там же, с. 146]. Несмотря на такое пессимистическое предположение некоторые акварели Парве зимой 1865 г. были

проданы, за что он получил крупную по тем временам сумму – 100 р. [Там же, с. 219].

Бенедикт Дыбовский при общении с комендантом Марковым, отвечавшим за польских ссыльных в Чите, озвучивал некоторые художественные проекты, которые могли быть реализованы польскими ссыльными художниками. В частности, предполагалось, что они могли бы рисовать не только пейзажи Забайкалья, но также делать этнографические зарисовки для местного музея, идея создания которого уже формировалась среди интеллигенции Забайкалья.

В окрестностях д. Бальзино ссыльные А. Парве и С. Вронский сделали зарисовки дольменов, которые Б. Дыбовский выслал в Варшаву. Дальнейшая судьба этих рисунков осталась неизвестной [Там же, с. 163]. Позднее, проживая в Култукте, Б. Дыбовский прибегал к помощи Феликса Зенковича и Станислава Вронского при изготовлении иллюстраций для своих научных работ [Там же, с. 163].

Проживая в Дарасуне, С. Вронский сдружился с полковником Бутатцем, имевшим золотые прииски на территории Восточного Забайкалья, и часто приезжал к нему в гости. Во время таких визитов С. Вронский, по свидетельству Б. Дыбовского, сделал несколько эскизов для пейзажей.

Станислав Вронский принимал активное участие в изготовлении занавеса и декораций для организованного представления по случаю приезда в Читу генерал-губернатора Восточной Сибири М. С. Корсакова [Там же, с. 177].

Несколько в тени остаётся ещё один польский ссыльный, обладавший замечательным художественным талантом – Юзеф Беркман, который «за добровольное присоединение к шайке мятежников» в возрасте 23 лет был приговорён к четырём годам каторжных работ в Сибири². Из документов следственного дела известно, что «Беркман воспитывался в Санкт-Петербургском университете, 12 октября 1861 г. за беспорядки на университетской площади был арестован в числе прочих студентов и заключён в Кронштадтскую крепость, а по освобождении был отправлен в Вильно и проживал здесь до сентября 1862 г., когда вновь приехал в Санкт-Петербург и поступил в университет. В конце же января 1863 г. когда в западных губерниях вспыхнул мятеж Беркман прибыл в Ошмянский

¹ Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). – Ф. 11. – Оп. 3. – Д. 1174. – Л. 7.

² Polski słownik biograficzny. – Kraków, 1935. – Т. 1. – С. 18.

уезд и в 20-х числах мая вступил в шайку мятежников, бывшую в вишневских лесах под начальством Минейки и в июле месяце соединившуюся с шайкой Остоя, принявшего главное над ними начальство. В этой шайке Беркман исполнял должность кассира, был вооружён, участвовал в нескольких стычках с войсками и после последней близ м. Олькеники, где он был ранен в обе ноги и руку, задержан крестьянами на станции Рудзиники и на допросе во всём сим сознался»¹.

Каторжные работы Ю. Беркман отбывал в Забайкалье, где первоначально находился в Сивяковском тюремном помещении. В 1866 г. числился в исповедной ведомости ссыльных католиков, находящихся в Сивяково². Впоследствии он был переведён в Александровский сереброплавильный завод, а 6 августа 1866 г. отправлен на поселение в Иркутскую губернию³.

О его художественной деятельности в Забайкалье во время отбывания каторжных работ практически не встречаются упоминания в воспоминаниях польских ссыльных. В то же время сохранилось несколько

рисунков авторства Ю. Беркмана, изображающих жизнь польских политических ссыльных, находившихся на каторжных работах в Сивяковском тюремном помещении. На выставке, состоявшейся во Львове в 1913 г. по случаю 50-летия польского восстания 1863–1864 гг., были представлены следующие рисунки Ю. Беркмана: «Сивяково – импровизированная столица забайкальской каторги», «Ночная ревизия в сибирской бане (осмотр кандалов)», «Вечер в тюремном остроге», «Могила каторжника», «Кладбище в Сибири», «Любительский театр польских ссыльных в Сибири», «Ноктюрн» и «Шипы и цветы. Возвращение каторжников с работ на кирпичном заводе» [12, с. 71, 73].

Польский исследователь Е. Фечко в одной из своих статей даёт подробное описание двух рисунков авторства Ю. Беркмана (рис. 1, 2), в настоящее время находящихся на хранении во Львовском историческом музее (Украина): «Шипы и цветы. Возвращение с работы в кирпичном заводе» и «Любительский театр польских ссыльных в Сибири» [13].

Рис. 1. Беркман Ю. Театр ссыльных в Сивяково [13]

Fig. 1. Baerkman J. Theatre of exiles in Sivyakovo [13]

По свидетельству Л. Менжинского, художник Ю. Беркман хорошо изготавливал скульптуры. В частности, при создании алтаря тайной часовни в одном из тюремных помещений Александровского сереброплавильного завода им была изготовлена скульп-

тура распятого Иисуса Христа [8, с. 89]. Поскольку религиозная деятельность ссыльных католических священников была запрещена, то после того как местные власти узнали о существовании алтаря и проводимых богослужениях, был отдан приказ снять распятие.

¹ Lietuvos valstybės istorijos archivas (LVIA). – Ф. 1248. – Оп. 1. – Д. 409. – Л. 18.

² Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 1781. – Оп. 26. – Д. 1158. – Л. 37 об.

³ ГАЗК. – Ф. 1. – Оп. 1 (о). – Д. 89. – Л. 40, 249 об.

Рис. 2. Беркман Ю. Возвращение с кирпичного завода [13]

Fig. 2. Baerkman J. Return from the brickyard [13]

Известность как художник Ю. Беркман получил, находясь на поселении в Иркутске, где совместно со С. Вронским открыл художественную мастерскую (рис. 3). В Иркутске с 22 декабря 1880 г. по 14 января 1881 г. состоялась выставка, на кото-

рой были представлены масляные работы Ю. Беркмана [14, с. 15]. К тому времени сам Ю. Беркман уже выехал из Сибири. Первоначально проживал в Нижнем Новгороде, впоследствии – в Либаве и окончательно обосновался в Варшаве.

Рис. 3. Беркман Ю., Вронский С. Пурга в Тункинской долине¹

Fig. 3. Baerkman J., Wroński S. Blizzard in the Tunka valley

¹ Госкаталог РФ. – URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=21055987> (дата обращения 20.02.2021). – Текст: электронный.

Польские ссыльные, происходившие из привилегированных сословий, как правило знали основы рисунка, являвшегося одним из важных направлений основного образования. Большинство из них в своих письмах, адресованных родным и близким, старались проиллюстрировать условия своей жизни в Сибири. Некоторые зарисовки, включённые в качестве иллюстраций писем польских политических ссыльных, были вырезаны из писем и сохранились в документах III Отделения СЕИВК. Эти рисунки были обнаружены Ф. Н. Радзиловской и частично опубликованы в 1959 г. Рисунки датируются 1865–1866 гг. и представляют виды Усольского солеваренного завода, оз. Байкал, Кадаи и Александровского сереброплавильного завода. Автор рисунков неизвестен [15].

Выводы. Подводя итог, следует отметить, что несмотря на строгий режим отбывания каторжных работ польскими ссыльными в Забайкалье в 60-е гг. XIX в., некоторые польские художники достаточно продуктивно занимались художественной

деятельностью. Это подтверждается рядом источников, в том числе источниками личного происхождения польских ссыльных, отбывавших каторгу вместе с художниками.

Результаты художественной деятельности польских ссыльных художников представляют широкий круг работ, включающих в себя живописные полотна, рисунки, таксидермические образцы. В настоящее время рисунки и картины польских ссыльных находятся на хранении в музейных собраниях как Польши, так и Сибири (Иркутск, Красноярск, Улан-Удэ). Вместе с тем творчество рассмотренных в данной статье польских художников продолжает оставаться малоизвестным для польских и отечественных исследователей. В свете сказанного данная тема имеет перспективы дальнейшего исследования с привлечением широкого круга исторических источников.

Наибольший интерес, на наш взгляд, результаты исследования данной статьи будут представлять для специалистов, занимающихся изучением художественной жизни Забайкалья второй половины XIX в.

Список литературы

1. Строй Л. Р. Влияние польских ссыльных на становление художественной жизни Сибири XIX в. // Новая наука: теоретический и практический взгляд. 2016. № 117-1. С. 279–282.
2. Строй Л. Р. Роль ссыльных поляков в художественных процессах Сибири XIX века // Искусство и экономика: материалы междунар. науч.-практ. конф. Серия «Научные труды РГСАИ» / Российская государственная специализированная академия искусств. М., 2017. С. 25–38.
3. Строй Л. Р. Становление художественных школ Сибири в XIX – начале XX веков // Culture and Civilization. 2017. Vol. 7, Is. 1A. P. 523–536.
4. Librowicz Z. Polacy w Syberii. Kraków, 1884. 380 s.
5. Czapski E. Pamiętniki Sybiraka. Londyn, 1964. 371 s.
6. Janik M. Dzieje Polaków na Syberii. Kraków, 1928. 427 s.
7. Pamiętnik dra Dybowskiego od roku 1862 zacząwszy do roku 1878. Lwów, 1930. 627 s.
8. Mężyński L. Wspomnienia z powstania styczniowego i sybirskiej katorgi 1863–1869. Tarnopol, 1910. 164 s.
9. Zielonko Jastrzebiec L. Wspomnienia z Syberii od roku 1863–1869. Kraków, 1906. 320 s.
10. Семенов Е. В. Бенедикт Дыбовский в Забайкалье в 1865–1868 годы // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14. № 6. С. 81–86. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-6-81-86.
11. Семёнов Е. В. Творчество польских художников в Забайкалье в 60-е гг. XIX в.: Станислав Вронский // Вестник Всероссийского государственного института кинематографии. 2018. № 3.
12. Przewodnik po wystawie roku 1863. 1863–1913. Lwów, 1913. 79 s.
13. Fiećko J. Teatr w kajdanach : na marginesie zapomnianego obrazu Józefa Baerkmana // Pamiętnik Teatralny. Kwartalnik poświęcony historii i krytyce teatru założony przez Leona Schillera. 1995. z. 3–4 (175–176). S. 411–426.
14. Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1881–1901 гг. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1993. 542 с.
15. Радзиловская Ф. Н. Места каторги Чернышевского в рисунках польских политических ссыльных 1860-х годов // Литературное наследство. 1959. Т. 67. С. 141–156.

Статья поступила в редакцию 22.03.2021; принята к публикации 29.04.2021

Сведения об авторе

Семёнов Евгений Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, Восточно-Сибирский государственный институт культуры; 670031, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1; e-mail: sew11@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1133-8499>.

Библиографическое описание статьи

Семёнов Е. В. Художественное творчество польских ссыльных на территории Забайкалья во второй половине XIX века // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 3. С. 54–61. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-54-61.

References

1. Stroy, L. R. Influence of Polish exiles on the formation of artistic life in Siberia in the XIXth century. New science: theoretical and practical view, no. 117-1, pp. 279–282, 2016. (In Rus.)
2. Stroy, L. R. The role of the exiled Poles at the artistic processes of Siberia in the XIXth century. Art and economics. Materials of the international scientific and practical conference. Ser. "Scientific works of RSSAA". Russian State Special Academy of Art. 2017. (In Rus.)
3. Stroy, L. R. Formation of art schools in Siberia in the XIX – early XX centuries. Culture and Civilization, vol. 7, pp. 523–536, 2017. (In Rus.)
4. Librowicz, Z. Polacy w Syberii. Kraków, 1884. (In Polish)
5. Czapski, E. Pamiętniki Sybiraka. Londyn, 1964. (In Polish)
6. Janik, M. Dzieje Polaków na Syberii. Kraków, 1928. (In Polish)
7. Pamiętnik dra Dybowskiego od roku 1862 zacząwszy do roku 1878. Lwów, 1930. (In Polish)
8. Mężyński, L. Wspomnienia z powstania styczniowego i sybirskiej katorgi 1863–1869. Tarnopol, 1910. (In Polish)
9. Zielonko Jastrzebiec, L. Wspomnienia z Syberii od roku 1863–1869. Kraków, 1906. (In Polish)
10. Semenov, E. V. Benedict Dybovsky in Transbaikalia Region in 1865–1868. Humanitarian Vector, no. 6, pp. 81–86, 2019. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-6-81-86 (In Rus.)
11. Semenov, E. V. Polish artists creative work in Transbaikalia in the second half of XIXth century: Stanisław Wronski. Journal of ESSIC, no. 3, pp. 120–128, 2018. (In Rus.)
12. Przewodnik po wystawie roku 1863. 1863–1913. Lwów, 1913. (In Polish)
13. Fiećko, J. Teatr w kajdanach : na marginesie zapomnianego obrazu Józefa Baerkmana. Pamiętnik Teatralny. Kwartalnik poświęcony historii i krytyce teatru założony przez Leona Schillera. 1995. z. 3–4. (175–176). (In Polish)
14. Romanov, N. S. Chronicle of Irkutsk city 1881–1901. Irkutsk: East-Siberian book publishing house, 1993. (In Rus.)
15. Radzilovskaya, F. N. Places of hard labors of Czernyshevsky at pictures of Polish political exiles of 1860th. Literature heritage, vol. 67, pp. 141–156, 1959. (In Rus.)

Received: March 22, 2021; accepted for publication April 29, 2021

Information about author

Semenov Evgeniy V., Candidate of History, Associate Professor, East-Siberian State Institute of Culture; 1 Tereshkovoy st., Ulan-Ude, 670031, Russia; e-mail: sew11@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1133-8499>

Reference to the article

Semenov E. V. Artistic Work of Polish Exiles in the Trans-Baikal Region of Russia in the Second Half of the 19th Century // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 3. PP. 54–61. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-54-61.

УДК 332.3(571.54)(09)

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-62-70

Татьяна Ефремовна Санжиева,
Бурятский государственный университет
(г. Улан-Удэ, Россия),
e-mail: sanj_te@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2193-094X>

Проблема землевладения и землепользования забайкальских бурят и её решение национальными органами управления

Статья посвящена проблеме землевладения и землепользования бурятским населением в Забайкальской области в начале XX в. до образования БМАССР, ставшей основной в самосохранении этноса. Если национальное движение и борьба за автономию хорошо изучены в историографии, то урегулирование земельных отношений – главный мотив активизации национального движения и требования автономии исследованы недостаточно. Основу статьи составили опубликованные и неопубликованные материалы Бурятского национального комитета (Бурнацкома), Дальневосточной республики и Бурят-Монгольской автономной области. Автор использовал микроисторический подход, а также исторический, нарративный и сравнительный методы, которые позволили исследовать исторические события 1900–1923 гг. в области земельных отношений в Забайкалье на историческом фоне, происходящих в стране событий, в тесной связи с изменениями политических условий и формированием административно-государственных структур. Считалось, что у бурят больше земли, поэтому в начале XX в. по земельной реформе возросло изъятие в «государственный колонизационный фонд» для расселения переселенцев, в революционный период участился самовольный захват русскими крестьянами земли бурят. Царское правительство сокращало земельные угодья бурят с целью их перехода на сельскохозяйственное хозяйство, несмотря на неэффективность его распространения. Большим неудобством для землепользования было искусственно созданное чересполосное распределение земли между бурятским и русским населением. Проблемы землевладения и землепользования стали одним из побудительных мотивов национального движения и формирования его органа управления – Бурнацкома, основной задачей которого стало установление национальной автономии, в рамках которой должны быть решены земельные проблемы. Бурнацкому удалось создать аймачное управление, которое смогло просуществовать в период Временного правительства, и в годы Гражданской войны. С образованием Бурят-Монгольской автономной области (БМАО) в составе Дальневосточной республики проблема землевладения и землепользования бурятским населением оставалась открытой в связи с продолжающимися захватами русскими крестьянами бурятских земель. Несмотря на новое законодательство ДВР и РСФСР земельный вопрос в БМАО не решился.

Ключевые слова: Забайкальская область, буряты, землепользование, землевладение, национальное движение, Бурнацком, Бурят-Монгольская автономная область

Tatyana E. Sanzhieva,
Buryat State University
(Ulan-Ude, Russia),
e-mail: sanj_te@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2193-094X>

Problems of Land Tenure and Land Use of the Trans-Baikal Buryats and its Solution by the National Authorities

The article is devoted to the problem of land tenure and land use by the Buryat population in the Trans-Baikal region at the beginning of the XX century, before the formation of the BMASSR, which became the main one in the self-preservation of the ethnos. If the national movement and the struggle for autonomy have been well studied in historiography, the regulation of land relations is the main motive for activating the national movement and the demand for autonomy. The article is based on published and unpublished materials of the Burnatskom, the Far Eastern Republic and the Buryat-Mongolian Autonomous Region. The author used microhistorical approach, as well as historical, narrative and comparative methods, which made it possible to study the historical events of 1900–1923 in the field of land relations in Transbaikalia against the historical background of events taking place in the country, in close connection with changes in political conditions and the formation of administrative and state structures. It was believed that the Buryats had more land, therefore at the beginning of the 20th century. According to the land reform, the withdrawal to the “state colonization fund” for the resettlement of immigrants increased and the unauthorized seizure of the land of the Buryats by Russian peasants during the revolutionary period increased. The tsarist government reduced the land holdings

© Санжиева Т. Е., 2021

of the Buryats in order to switch them to agricultural economy, despite the ineffectiveness of its distribution. A great inconvenience for land use was the artificially created striped distribution of land between the Buryat and Russian populations. The problems of land tenure and land use became one of the incentives of the national movement and the formation of its governing body – the Buryat National Committee (Burnatskom), whose main task was the establishment of national autonomy, within which land problems must be resolved. Burnatskom managed to create an aimak administration, which was able to exist during the period of the Provisional Government, and during the years of the civil war. With the formation of the Buryat-Mongolian Autonomous Region as part of the Far Eastern Republic, the problem of land tenure and land use by the Buryat population remained open in connection with the continuing seizure of Buryat lands by Russian peasants. Despite the new legislation of the Far Eastern Republic and the RSFSR, the land issue in the BMAO was not resolved.

Keywords: Trans-Baikal region, Buryats, land use, land tenure, national movement, Burnatskom, Buryat-Mongolian Autonomous Region

Введение. В условиях доминирования аграрного сектора в хозяйстве России земля являлась основным богатством и ресурсом для её населения. Поэтому в Российской империи всегда остро стояла проблема землевладения и землепользования. К началу XX в. земельный вопрос для бурят в Забайкалье стал основным для национального существования народа. Основными источниками статьи являются опубликованные материалы и документы фонда Бурятского национального комитета (Ф. 438), хранящиеся в Государственном архиве Республики Бурятия [1; 2]¹.

История земельных отношений бурятского населения полна самовольными захватами и государственными изъятиями. Проблема землевладения и землепользования стала основной причиной активизации национального движения. Для защиты своих интересов был создан орган управления бурятами – Бурятский национальный комитет (Бурнацком), который поставил задачу автономизации территории, населённой бурятами. Им удалось сформировать аймачное управление, в юрисдикцию которого входило только бурятское население. Советское государственное строительство позволило бурятам получить автономию в виде Бурят-Монгольской автономной области в составе ДВР, в которую вошли Агинский, Баргузинский, Хоринский и Чикойский аймаки. Здесь следует обратить внимание на Чикойский аймак, поскольку исследователи Н. Д. Шулунов, А. А. Елаев указывают Селенгинский аймак. Такие же данные встречаем и в многотомном обобщающем издании «История Бурятии» [3–7]. В то время как в документах, современных существованию БМАО, назван Чикойский аймак.

¹ Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). – Ф. 438; Бурят-Монгольская автономная область Д.В.: (Краткий обзор области в хозяйственном, административном и других отношениях к 1 июля 1923 г.). – Чита: Гос. тип., 1923. – 122 с.; Национальное движение в Бурятии в 1917–1919 гг. Документы и материалы. – Улан-Удэ: Сибирь, 1994. – 199 с.

Селенгинский аймак относился к Монголо-Бурятской автономной области в составе РСФСР. Межеванием границы между автообластями занималось командование 5-й армии, оно установило границу по реке Селенге. В статье указывается Чикойский аймак в соответствии с географическим названием на карте БМАО и в материалах того периода.

Земельный вопрос в условиях БМАО решался сложно. Несмотря на принятое законодательство, регулирующее земельные отношения, продолжались захваты русскими крестьянами земли бурят. Проблема землевладения и землепользования была решена с образованием Бурят-Монгольской АССР и завершилась с коллективизацией сельского хозяйства.

Методология и методы исследования. Проблемы землевладения и землепользования забайкальских бурят и пути её решения национальными органами управления – Бурнацкомом, Бурнардумой, Бурнарревкомом, Бурмонавтоупром недостаточно изучены. Исследования этого периода (1917–1923) посвящены главным образом борьбе бурят за автономию и национальному движению [3; 5; 8–13].

В данный период были поставлены следующие задачи автономии: урегулирование земельных отношений, в первую очередь ликвидация чересполосицы; возврат бурятам отчуждённой у них земли и прекращение самовольных захватов. Основой статьи послужили издания 1920–1922 гг., не введённые ранее в научный оборот, а также архивные материалы Бурнацкома. Изученные документы показывают объективную картину обстановки того момента в целом и в земельном вопросе в частности. Статья написана на основе микроисторического подхода, который позволяет сфокусировать внимание на локальных событиях с социальными связями и отношениями между людьми из народа [14]. В статье использованы исторический, нарративный

и сравнительный методы, которые позволили исследовать исторические события 1900–1923 гг. в области земельных отношений в Забайкалье на этапах зарождения и становления. Реконструкция более поздних событий позволила выявить причины и показать процесс возникновения проблемы. Сравнительный метод использован для исследования проблемы в ходе изменяющихся политических условий и административно-государственных структур.

Результаты исследования и их обсуждение. У бурят-кочевников не было частной собственности на землю, но было понятие «породная земля» – места кочевий родовых групп, что определяло многовековое традиционное землепользование. С XVII в. начался передел земельных пространств: буряты стали вытесняться со своих породных земель. Освобождённые земли предоставлялись русским крестьянам, которые их распахивали. Р. Дж. Гибсон отмечал, что это происходило для укрепления восточной периферии русским населением [15]. Концепция внешней политики сводилась к следующему: для укрепления границы пограничная полоса от р. Амур до Тунки была заселена казаками, буряты, жившие на этих землях, были переведены в казачье сословие; земли бурят-казаков перешли в земельный фонд казачьего сословия¹.

Наибольшее изъятие земли у бурят произошло в XIX – начале XX в. во время формирования «колониционного земельного фонда» [16]. Эти земли отводились в собственность Кабинета его императорского величества, монастырей и для размещения переселенцев из Европейской России. Бурятское землепользование здесь оказалось совершенно запутанным, окруженным многолюдными и малоземельными русскими волостями. Так, «в начале XIX в. д. с. с.² Лаба отыскал 105 тыс. дес. самой плодороднейшей в том крае земли» по р. Ингоде и её притокам. Одновременно изымалась земля по р. Дзиде и в других районах. При этом отмечалось, что буряты «добровольно уступали все сенокосные места»³. В результате буряты-скотоводы были вынуждены арендовать сенокосы на

бывших своих угодьях, поскольку эти земельные участки пустовали. Иногда аренда покосов составляла 80 % всей используемой земли⁴. В аренду бралась также земля казаков, крестьян, дацанов, казны и Кабинета.

К концу столетия межевые работы были завершены только по рекам Онон, Онон-Борзя и Баргузин. Однако межевые материалы имели плановый характер, и буряты не получили юридические документы на землю. В результате «к концу XIX в. земли Забайкальской области распределились следующим образом: 12,2 % – крестьяне, 35,9 % – казаки, 45,7 % – буряты и 6,2 % – монастыри. Из 6 780 676 дес. земли, занятой бурятами, 15 739 дес. было передано дацанам и нойонам» [17, с. 119].

В начале XX в. с принятием закона «Главные основания поземельного устройства крестьян и инородцев Забайкальской области» (1900) началась земельная реформа. «На душу мужского пола скотоводу выделялись 30 дес. земли, а земледельцу – 15 дес. Поземельному устройству подверглись в первую очередь буряты, в пользовании которых были сравнительно большие территории земли. К ним относились Хубдурская, Хаоцаянская и Харганатская волости» [18, с. 218]. В результате межевания их земли значительно сократились.

С начала XX в. на территории хоринских и селенгинских бурят с русификаторской целью царское правительство силой вводило чересполосицу крестьянских и бурятских земель. Чересполосица возникла также вследствие самовольного захвата русскими крестьянами бурятской земли. В условиях чересполосицы сложно было вести хозяйство, поскольку 80 % бурятского населения занималось скотоводством, а русское крестьянство – земледелием [19, с. 54]. Не тронутыми чересполосицей оставались земли агинских и баргузинских бурят, поскольку на них были завершены землеустроительные работы.

С 1903 г. земельное переустройство активизировалось, в Забайкалье стали прибывать крестьяне из Европейской России. С притоком русских переселенцев захват инородческих земель принял головокружительные размеры [3, с. 103].

В ходе выделения земли в колониционный фонд буряты потеряли много земли. По подсчётам И. И. Серебренникова, буряты Иркутской губернии лишились половины своей земли. Точных данных по забайкаль-

¹ Бурят-Монгольская автономная область Д. В.: (Краткий обзор области в хозяйственном, административном и других отношениях к 1 июля 1923 г.). – Чита: Гос. тип., 1923. – С. 6.

² Д. с. с. – действительный статский советник.

³ Бурят-Монгольская автономная область Д. В.: (Краткий обзор области в хозяйственном, административном и других отношениях к 1 июля 1923 г.). – Чита: Гос. тип., 1923. – С. 6–7.

⁴ Там же. – С. 7.

ским бурятам нет из-за незавершённости землеустроительных работ в области [18, с. 225]. Изъятие земли тяжело отразилось на бурятском скотоводческом хозяйстве. За 20 лет (1897–1916) поголовье всего скота у бурят уменьшилось на 13 %, а за 25 лет (1897–1922) обеспеченность скотом бурятского хозяйства уменьшилось почти вдвое. В то время как в Забайкальской области поголовье скота увеличилось на 10 %¹. В 1987 г. на 100 чел. бурятского населения приходилось 1 040 голов скота, то в 1916 г. оно сократилось до 893 голов, в 1917 г. – до 885 голов. В 1916 г. Забайкалье занимало второе место после Семипалатинской области по количеству скота. На одно хозяйство в Забайкалье приходилась 31 голова скота, в Семипалатинской области – 32 головы². Здесь следует учитывать, что скотоводство для бурят было основой их хозяйственной деятельности, которая приходила в упадок из-за сокращения пастбищных и сенокосных угодий.

Ведение земледельческого хозяйства в местах расселения бурят было неэффективным, поэтому не развивалось. «Забайкалье – не земледельческая страна», – писал в 1918 г. Соколов в работе «Забайкальское хозяйство и рынок»³.

Трёхлетняя борьба с реформой обострили земельные отношения, которые доходили до открытых конфликтов. Причем земельные споры возникали не только между русскими и бурятами, но и внутри бурятских улусов и между улусами. Иногда возникали судебные тяжбы, как правило, в ходе разбирательств суд определял спорные участки как государственные пустопожоние земли [17, с. 121].

Решение земельного вопроса стало одним из побудительных мотивов формирования национального движения. Организованные выступления за свои права на землю среди бурят начались в годы первых революционных движений. В первой половине 1905 г. в области прошли четыре общих съезда; 26–30 апреля 1905 г. в Чите состоялся съезд бурят Забайкальской области. Несмотря на запреты губернатора на съезде были обсуждены вопросы управления, землевладения и культурного строительства. По земельному вопросу съезд

постановил: «1. Вновь рассмотреть именной указ императора Александра I, данный 29 июня 1806 года, коим повелено все земли, хоринским бурятам предоставленные, обмежевать и на всегдашнее владение выдать план и грамоту, дабы раз и навсегда определить кочевья бурят и прекратить споры между бурятами и остальным населением области и выяснить по всей справедливости, имеют ли хоринские буряты право полной собственности на все вообще земли, ныне ими фактические владеемые (“на три дачи”)» [17, с. 133].

Отказ губернатора Забайкальской области И. В. Холщевникова утверждать решение съезда, вызвал активизацию движения. Осенью 1905 г. агинские буряты захватили земли Кабинета [Там же, с. 123].

После Февральской революции решение земельного вопроса стало основным мотивом для формирования первого легитимного органа управления бурятами – Бурнацкома, который делился на Центральный бурятский национальный комитет и Иркутский отдел бурятского национального комитета. Лидеры национального движения бурят сформулировали следующие задачи: автономия для бурятского народа, установление демократической республики, разрешение аграрного вопроса – возврат отчуждённых земель, свобода обучения на родном языке, свобода вероисповедания.

Первый общепобурятский съезд в апреле 1917 г. принял ряд существенных решений: «1) выделить бурят в особые аймачные административно-хозяйственные единицы, применительно к территории прежних степных дум; 2) предоставить аймакам право распоряжения земельными угодьями на их территории...»⁴. Для распоряжения землями Бурнацком создал административно-территориальные единицы: аймаки – хошуны – булуки. В Забайкальской области было создано четыре аймака: Агинский, Баргузинский, Хоринский и Чикойский. Хотя они были разрозненны и не легитимны, тем не менее, аймачное управление стало формой самоуправления, в какой-то мере защищающей интересы бурятского землевладения. Тогда как обстановка в этом вопросе обострялась. В этой связи Бурнацком летом 1917 г. направил докладную записку в Областной комитет общественной безо-

¹ Бурят-Монгольская автономная область Д. В.: (Краткий обзор области в хозяйственном, административном и других отношениях к 1 июля 1923 г.). – Чита: Гос. тип., 1923. – С. 8.

² Там же. – С. 7.

³ Там же. – С. 18.

⁴ Бурят-Монгольская Автономная Социалистическая Советская республика (экономическое и статистическое исследование): отчёт Совету труда и обороны на 1 октября 1922 года. – Иркутск: Первая гос. тип., 1922. – 202 с. – С. 10.

пасности¹. Пытаясь избежать углубления конфликта, он пошёл на ряд существенных уступок крестьянам, которые не дали результата [19, с. 56]. Бурнацком настаивал на том, что бурятам должны вернуть земли, отчуждённые у них по земельной реформе 1901 г., переселенцам выделить другие земли. Бурнацком не мог преодолеть эту проблему, поэтому рассчитывал на решение Учредительного собрания; в ожидании собрания занял политику сдерживания ответных выступлений бурят [Там же, с. 57].

Представители Временного правительства в Забайкальской области решали земельный вопрос не в пользу бурят, поскольку они в основном состояли из членов социал-революционной партии и рассчитывали на русские голоса. Несмотря на то, что большинство членов Бурнацкома состояли в партии социал-революционеров, им импонировала программа эсеров. В ней выступали за предоставление национальной автономии малым народам [8, с. 88]. Исключение составлял бурят М. Н. Богданов, который был областным комиссаром Забайкальской области с 30 апреля по 2 июня 1917 г. [12, с. 105].

Вопрос о земле оставался открытым, поскольку Временное правительство не уделяло этому внимания, решения всебурятских съездов не поддерживало, настаивая только на национально-культурной автономии.

Смена власти внесла коррективы в земельный вопрос. 26 октября 1917 г. право частной собственности на землю в стране было отменено. Правительство ДВР использовало на своей территории земельное законодательство РСФСР. Все земли были переданы в государственный земельный фонд. Право непосредственного пользования землями предоставлялось на основании установленных законом «государственным учреждениям, городским поселениям и трудовым земледельцам и их объединениям. ...Земельные права трудовых земледельцев обоего пола, без различия их объединения, т. е. как отдельных дворов, так и земельных обществ определяются законами, а также уставами или приговорами земельных обществ и местными обычаями в случаях, когда они не противоречат закону. Земля предоставляется в бессрочное трудовое пользование»².

¹ Национальное движение в Бурятии в 1917–1919 гг. Документы и материалы. – Улан-Удэ: Сибирь, 1994. – С. 56.

² Бурят-Монгольская автономная область Д. В.: (Краткий обзор области в хозяйственном, администра-

Советская власть в январе-феврале 1918 г. ввела явочным порядком аймаки как административно-хозяйственные единицы. Остальные требования бурят были отложены, поскольку, как пишет М. Н. Ербанов: «...вся работа Соввласти носила в этой области лишь подготовительный характер»³. Бурнацком известил население, что все земли, принадлежащие дацанам, а также ламам, поступили согласно распоряжению Комитета в ведение аймачных земельных комитетов для предоставления в арендное пользование хошунам и сомонам, «а не частным лицам, впредь до решения вопроса о выделении территории Бурят-Монголии»⁴.

Решение судьбы государства возлагалось на Учредительное собрание. Однако земельному вопросу народов Сибири там не уделялось внимание. Делегатом от бурятского народа в Учредительное собрание был избран М. Н. Богданов. Им было отправлено письмо-отчёт в Читу в Бурнацком, в котором описаны происходившие с ним события [12, с. 113]. М. Н. Богданов пишет, что он записался в две комиссии – земельную и по национальному вопросу – и принял участие в обсуждении основных положений земельного закона⁵. Надежды демократических сил, Бурнацкома в том числе, на Учредительное собрание не оправдались.

В Протоколе заседания Бурнацкома от 18 ноября 1917 г. отмечалось, что земельный вопрос на окраинах приобрёл обострённый характер. К его решению необходимо подходить осторожно⁶. На последующих заседаниях принято решение о недопущении земельных захватов⁷.

Самовольные захваты усилились в дни установления советской власти, под видом социализации крестьяне отбирали землю у бурят. Так, «в Хоринском аймаке в 1918 г. было захвачено крестьянами и занято по постановлению различных земельных организаций до 17 тыс. дес. бурятской земли» [18, с. 223].

В условиях Гражданской войны Бурнацкому пришлось выстраивать отношения с новой властью, поскольку обстановка с землёй обострялась, но при этом позицию

тивном и других отношениях к 1 июля 1923 г.). – Чита: Гос. тип., 1923. – С. 18.

³ Там же. – С. 11.

⁴ Советская власть. – 1918. – № 24. – 16 июня.

⁵ ГАРБ. – Ф. 438. – Оп. 1. – Д. 49. – Л. 6–6 об.

⁶ Там же. – Д. 4. – Л. 94.

⁷ Там же. – Л. 95.

комитет не менял. Атаман Г. М. Семёнов пытался привлечь бурят на свою сторону, поэтому согласился с позицией Бурнацкова, сохранил аймачное управление, связываясь с ним как с официальной организацией. В 1918 г. атаман пресекал разбои и грабежи, сопутствующие военной обстановке. Впоследствии успехи Красной армии изменили позицию Г. М. Семёнова, потребовавшего перейти в казачье сословие всё бурятское население с переводом занятой ими земли в состав казачьего войска. Изменившаяся политическая ситуация расколола Бурнацкова: он пополнился новыми членами, лояльно относящимися к атаману Семёнову.

К концу 1919 г. Бурнардума, правопремница Бунацкова, утратила своё влияние, практически бездействовала, как следствие объявила о своём роспуске. Гибель А. В. Колчака, продвижение Восточного фронта в глубь Забайкалья привели к образованию 6 апреля 1920 г. Дальневосточной республики. Для управления бурятами требовался новый орган. На съезде представителей бурят Забайкалья, прошедшем 23 мая – 3 июня 1920 г., был создан Бурят-Монгольский народно-революционный комитет (Бурнарревком) как руководящий национальный орган [4, с. 41]. Однако он не обладал всей полнотой власти на территории бурятских аймаков [3, с. 135]. С первых дней существования новый орган, возглавляемый эсером П. Н. Дамбиновым, ставил вопрос о национальном самоопределении перед правительством республики. Правительство ДВР временно, до точного определения границ, передало в распоряжение бурятского земельного отдела надельные земли бурят, переселенческие участки, созданные на их землях, а также земли государственного фонда, находившиеся в пользовании бурят [5, с. 335–336].

На основании Конституции ДВР, принятой 27 апреля 1920 г., было создано новое государственное образование – «Бурят-Монгольская автономная область, границы которой определены законом» (ст. 116)¹. Правительство ДВР понимало серьёзность землеустройства бурятского населения, этому вопросу была посвящена ст. 117².

Следующим шагом Правительства ДВР стал Закон о земле, принятый Народным собранием ДВР 14 декабря 1921 г., ко-

торый должен был упорядочить земельные отношения и установить определённые формы землепользования. В ст. 1 записано, что всякая собственность на землю в пределах Дальневосточной республики отменяется навсегда (ст. 2). По Закону население само вправе выбирать форму землепользования: коллективную, групповую или единоличную. Закон о земле также сделал попытку решить проблему чересполосицы: земли как коллективного, так и единоличного пользования должны отводиться по возможности к одному месту, причём качество выделяемого участка не должно быть хуже земельных угодий остальных членов общества (ст. 29). Согласно ст. 44 действия Закона распространяются на всю территорию ДВР, включая БМАО [2, с. 1].

В Конституции ДВР отмечалось, что «Автономная Бурят-Монгольская область в пределах своей компетенции самоуправляется на основании общих законов Республики Областным собранием уполномоченных, которое избирает исполнительный орган – областное управление»³. Во главе автообласти встал новый орган управления – Бурят-Монгольское автономное управление – Бурмонавтоупр, который возглавил большевик М. И. Амагаев.

Однако для Бурят-Монгольской автономной области не были созданы условия для решения вопроса землепользования. Правительство ДВР не выделило финансовые средства для атообласти, «предоставив ей жить самостоятельно» [1, с. 30]. Обеспечить себя можно было только за счёт внутренних ресурсов, т. е. сборов налога. Отсутствие квалифицированных кадров, непонимание процесса создания новой государственности стали основными причинами сложности решения хозяйственных дел. Председатель Бурмонавтоупра М. И. Амагаев в отчёте на совещании председателей областного, уездного и городских управлений 6 августа 1922 г. сообщал: «Работа органов власти Хоринского аймака протекает очень плохо; на местах непонимание и игнорирование задач и целей вышестоящих органов и своих служебных и гражданских обязанностей» [Там же, с. 42]; «На местах полный развал, делопроизводство местных органов в хаотическом состоянии; в сомонах нет понятия о регистрации бумаг; отчётность ведётся на клочках, отрывочно», – написано в отчёте Чикойского аймака за первую половину ок-

¹ Основной закон (Конституция) Дальневосточной республики. – Чита: Гос. тип., 1921. – С. 26.

² Там же.

³ Там же.

тября 1921 г. [1, с. 43]. Неплохо было организовано дело в Агинском аймаке [Там же].

В тяжёлом положении оказались жители Чикойского аймака, поскольку их земли оказались по обе стороны границы между ДВР и РСФСР. Для пересечения границы требовалось специальное разрешение, которое не сразу давалось. Порой его получали после истечения хозяйственного сезона. «Общее впечатление от Чикойского аймака безотрадное. Такую картину представляет упадок сельского хозяйства. Гражданская война, земельные захваты, грабежи, недосев текущего года (1921 г. – Т. С.) разорили бурятское население... несомненно будет голод», – сообщается в отчёте [Там же].

В 1921 г. продолжались самовольные захваты бурятских земель русским населением. Инспекция Бурят-Монгольской Нармилии издала особый приказ о принятии мер к недопущению и прекращению захватов [Там же, с. 41].

Таким образом, земельный вопрос для бурят оставался открытым после образования Бурят-Монгольской автономной области в составе ДВР. Для решения земельных споров была создана Центральная земельная комиссия, в задачу которой также входила ликвидация чересполосицы. Как отмечал председатель Бурмонавтоупра М. И. Амагаев, «В Сибири возможно только смешанное хозяйство» [Там же, с. 30].

Заключение. История земельных отношений у бурятского народа полна государственных изъятий и самовольных захватов русскими крестьянами. Исторически сложилось, что буряты имели большую площадь земли по сравнению с другими группами населения: русскими крестьянами и казаками. Для ведения традиционной формы хозяйствования бурят Забайкалья – кочевого скотоводства – необходимы большие земельные пространства для выгула скота, не меньше требовалось сенокосных угодий. Любое сокращение земли для бурят представляло опасность для хозяйственной жизни, в конечном итоге для сохранения этноса со своими национально-культурными особенностями.

Политика царского правительства, направленная на укрепление восточных рубежей, строилась на переселении русского населения в Сибирь, в том числе в Забайкалье. Постепенно на территории Забайкалья появились русские деревни и казацкие станицы, размещавшиеся в местах, пригодных для хлебопашества земли. Буряты при

этом оттеснялись на другие земли. Земельные захваты бурятских земель русскими крестьянами были вызваны их относительным малоземельем.

В Забайкалье с начала XIX в. начались землеустроительные работы на землях, находящихся в пользовании бурят. Землеустройство тормозилось запутанными земельными отношениями, главным образом чересполосицей бурятских и русских земель. Земельная реформа 1900 г. привела к сокращению земельных участков и ещё больше усилила чересполосицу. Неравномерность распределения земли, запутанность земельных отношений вызывали крупные аграрные конфликты как между русскими и бурятами, так и внутри поселений. Эти обострения происходили главным образом в революционное время.

Переселенческая политика царского правительства не могла быть до конца реализована из-за отсутствия соответствующей инфраструктуры: путей сообщения, местной промышленности и городских центров. Многие участки, отведённые для переселенцев, не были заняты. Переселение было официально признано несостоятельным. Особенно это коснулось территорий, не обладавших пригодными для земледелия пространствами, к которым относилось Забайкалье. Земля в колониальный фонд изымалась из бурятских хозяйств как следствие русификаторской политики, поскольку считалось, что буряты лучше обеспечены землёй.

Аграрная политика царского правительства была ориентирована на традиционную русскую хозяйственную деятельность – земледелие. В ходе присоединения и хозяйственного освоения новых территорий аграрная политика оставалась неизменной, несмотря на неэффективность земледелия в некоторых природно-климатических и почвенных условиях. В результате аграрная политика царского правительства, не имевшая экономических оснований, привела к сокращению скотоводства, но при этом не позволила развивать устойчивое земледельческое хозяйство.

Экономически неэффективность распашки земли в местах распространения кочевого скотоводческого хозяйства подтверждалась в трудах экономистов XIX – начала XX в. Поскольку земледелие считалось русским национальным занятием, то его распространение на территории расселения бурят имело сугубо политические мотивы.

Государственные изъятия и самовольные захваты земли русскими крестьянами привели к тому, что в первой четверти XX в. проблемы землевладения и землепользования особенно остро встали перед бурятами. Сокращение земельного пространства для хозяйствования вело к исчезновению национально-культурных особенностей этноса. Земельный вопрос стал одним из основных в развернувшемся национальном движении.

Земельные отношения на территории расселения бурят, где возможно было заниматься хлебопашеством, были запутанными и сложными. В степных районах, например у агинских бурят, землеустройство было относительно упорядоченным.

Бурнацком был признан советской властью с момента её установления в феврале 1917 г. до её падения в августе 1918 г., а также Правительством Забайкальской области походного атамана Г. М. Семёнова.

Закон о земле, принятый Правительством ДВР, изъясил все земли из товарного оборота, запретив куплю-продажу и залог земли, но не смог упорядочить земельные отношения. Проблемы землевладения и землепользования бурятского народа по-прежнему требовали решения. Советская власть по-своему решила проблему землевладения и землепользования: не завершив земельную реформу, передала земли коллективным хозяйствам.

Список литературы

1. Вестник Дальневосточной республики. 1922. Сент.–окт. 93 с.
2. Вестник Министерства Внутренних Дел. 1922. № 3. 20 янв. 33 с.
3. Елаев А. А. Бурятский народ: становление, развитие, самоопределение. М.: Рос. акад. гос. службы при Президенте Российской Федерации, 2000. 349 с.
4. История Бурятии: в 3 т. Т. 3. XX–XXI вв. / гл. ред. Б. В. Базаров. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. 461 с.
5. Шулунов Н. Д. Становление Советской национальной государственности в Бурятии (1919–1923 гг.). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. 492 с.
6. Buryats // Facts and Details. URL: http://factsanddetails.com/russia/Minorities/sub9_3e/entry-5123.html (дата обращения: 18.02.2021). Текст: электронный.
7. Chronology for Buryat in Russia. Текст: электронный // Refworld. URL: <https://www.refworld.org/docid/469f38d01a.html> (дата обращения: 18.02.2021).
8. Базаров Б. В., Жабеева Л. Б. Бурятские национальные демократы и общественно-политическая мысль монгольских народов в первой трети XX века. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. науч. центра СО РАН, 2008. 376 с.
9. Бартанова А. А. Образование Бурятской Автономной Советской Социалистической Республики. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1964. 132 с.
10. Елаев А. А. Бурятия: путь к автономии и государственности. М.: Антал, 1994. 176 с.
11. Национально-освободительное движение бурятского народа: тезисы и материалы докладов и сообщений. Улан-Удэ, 1989. 105 с.
12. Санжиева Т. Е. Михаил Николаевич Богданов: жизнь, отданная народу. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2019. 136 с.
13. Шагдурова И. Н. Очерки из развития общественно-политической мысли бурят в I четверти XX века. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 1999. 121 с.
14. Sabeau D. W. Reflections on Microhistory. Transnationale Geschichte: Themen, Tendenzen, Theorien. URL: <https://escholarship.org/uc/item/9ch0z6c7> (дата обращения: 18.02.2021). Текст: электронный.
15. Gibson R. J. The Rush to Meet the Sun: An Essay on Russian Eastward Expansion // Siberica: a Journal of North Pacific Studies. 1990. Vol. 1. P. 68–78.
16. Seton-Watson H. The Russian Empire: 1801–1917. Oxford: Clarendon Press, 1967. 814 p.
17. Хаптаев П. Т. Краткий очерк истории бурят-монгольского народа. Улан-Удэ: БурГиз, 1942. 200 с.
18. Серебренников И. И. Буряты, их хозяйственный быт и землепользование. Верхнеудинск: Бурят-Монгольское изд-во, 1925. Т. 1. 226 с.
19. Бабаков В. В. Национально-государственное строительство в Бурятии в 1917–1919 гг. Улан-Удэ: ВПО ВСГАКИ, 2012. 147 с.

Статья поступила в редакцию 25.03.2021; принята к публикации 05.05.2021

Сведения об авторе

Санжиева Татьяна Ефремовна, доктор исторических наук, профессор, Бурятский государственный университет; 672000, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а; e-mail: sanj_te@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2193-094X>.

Библиографическое описание статьи

Санжиева Т. Е. Проблема землевладения и землепользования забайкальских бурят и её решение национальными органами управления // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 3. С. 62–70. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-62-70.

References

1. Bulletin of the Far Eastern Republic. September-October 1922. Chita: State Printing House, 1922. (In Rus.)
2. Bulletin of the Ministry of Internal Affairs, no. 3, January 20, 1922. (In Rus.)
3. Elaeв, A. A. Buryat people: formation, development, self-determination. M: RAGS Publishing House, 2000. (In Rus.)
4. History of Buryatia: in 3 volumes, ed. by B. V. Bazarov. Ulan-Ude: Publishing House of the BNC SB RAS, 2011. Vol. 3: XX–XXI centuries. (In Rus.)
5. Shulunov, N. D. The formation of Soviet national statehood in Buryatia (1919–1923), Ulan-Ude: Buryat book publishing house, 1972. (In Rus.)
6. Buryats. Facts and Details. Web. 18.02.2021. http://factsanddetails.com/russia/Minorities/sub9_3e/entry-5123.html. (In Engl.)
7. Chronology for Buryat in Russia. Refworld. Web. 18.02.2021. <https://www.refworld.org/docid/469f38d01a.html>. (In Engl.)
8. Bazarov, B. V., Zhabaeva, L. B. Buryat national democrats and social and political thought of the Mongolian peoples in the first third of the XX century. Ulan-Ude: BNTS SO RAN Publishing House, 2008. (In Rus.)
9. Bartanova, A. A. Formation of the Buryat Autonomous Soviet Socialist Republic. Ulan-Ude: Buryat Book Publishing House, 1964. (In Rus.)
10. Elaeв, A. A. Buryatia: the path to autonomy and statehood. Moscow: Antal, 1994. (In Rus.)
11. National Liberation movement of the Buryat people. Abstracts and materials of reports and reports. Ulan-Ude: B. I., 1989. (In Rus.)
12. Sanzhieva, T. E. Mikhail Nikolaevich Bogdanov: a life given to the people. Ulan-Ude: Buryat State University Publishing House, 2019. (In Rus.)
13. Shagdurova, I. N. Essays from the development of socio-political thought of the Buryats in the first quarter of the twentieth century. Ulan-Ude: Publishing House of the Buryat University, 1999. (In Rus.)
14. Sabeau D. W. Reflections on Microhistory. Transnationale Geschichte: Themen, Tendenzen, Theorien. Web. 18.02.2021. <https://www.escholarship.org/uc/item/9ch0z6c7>. (In Engl.)
15. Gibson, R. J. The Rush to Meet the Sun: An Essay on Russian Eastward Expansion. Siberica. A Journal of North Pacific Studies. London, no. 1, pp. 68–78, 1990. (In Engl.)
16. Seton-Watson, H. The Russian Empire: 1801–1917. Oxford, Clarendon Press, 1967. (In Engl.)
17. Khaptaev, P. T. A brief outline of the history of the Buryat-Mongolian people. Ulan-Ude: Burghiz, 1942. (In Rus.)
18. Serebrennikov, I. I. Buryats, their economic life and land use. V. 1. Verkhneudinsk: Buryat-Mongolian publishing house, 1925. (In Rus.)
19. Babakov, V. V. Nation-building in Buryatia in 1917–1919. Ulan-Ude: IPK VSGAKI, 2012. (In Rus.)

Received: March 25, 2021; accepted for publication May 5, 2021

Information about author

Sanzhieva Tatyana E., Doctor of History, Professor, Buryat State University; 24a Smolina st., Ulan-Ude, 672000, Russia; e-mail: sanj_te@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2193-094X>.

Reference to the article

Sanzhieva T. E. Problems of Land Tenure and Land Use of the Trans-Baikal Buryats and its Solution by the National Authorities // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 3. PP. 62–70. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-62-70.

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ: СОБЫТИЯ И СУДЬБЫ

HISTORY OF EVERYDAY LIFE: EVENTS AND DESTINIES

УДК 94(570)

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-71-78

Светлана Вячеславовна Бершадская,
Красноярский государственный аграрный университет
(г. Красноярск, Россия),
e-mail: bsv97@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3371-2974>

Путешествие из Красноярска в Москву в 1923 году

В статье рассматриваются отдельные аспекты повседневной жизни раннесоветского общества, нашедшие своё отражение на страницах путевого дневника М. Д. Соловьёвой, сотрудницы музея Приенисейского края (г. Красноярск Енисейской губернии), оказавшейся в августе–сентябре 1923 г. в числе «экскурсантов», командированных в Москву для участия во Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке. В условиях антропологизации исторических исследований источники личного происхождения предоставляют дополнительную возможность приблизиться к пониманию того, как поворотные моменты в истории интерпретировались современниками. На основе содержательного анализа путевого дневника предпринята попытка реконструкции материально-бытовой, досуговой и эмоциональной сфер на уровне индивида в общем контексте развития общества. Несомненную ценность данного источника составляют минимум официального дискурса и отчётливо проявляющиеся социальный, локальный и эмоциональный компоненты нарратива. Специфичность исследования характеризуется особенностями локализации (события и впечатления записываются автором в дневник по маршруту следования железнодорожного состава Красноярск – Москва – Красноярск) и личностным фактором самого автора (представительница сибирской интеллигенции, на момент участия в «экскурсии» – 33 года). Актуальность исследования обусловлена обращением к впервые вводимому в оборот источнику личного происхождения, созданному в начальный период новой экономической политики. Сказанное позволяет рассматривать дневник М. Д. Соловьёвой как источник информации об изменениях в повседневной жизни людей указанного периода. Методология исследования включает использование междисциплинарного, системного, социокультурного подходов и анализ исторических источников, позволивших провести исследование отдельных аспектов повседневной жизни начала 1920-х гг. как незавершённой, единой, объединённой причинно-следственными связями совокупности.

Ключевые слова: дневник, повседневная жизнь, интеллигенция, Сибирь, Енисейская губерния, начальный период нэпа, Всероссийская сельскохозяйственная выставка 1923 г.

Svetlana V. Bershadskaya,
Krasnoyarsk State Agrarian University
(Krasnoyarsk, Russia),
e-mail: bsv97@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3371-2974>

Journey from Krasnoyarsk to Moscow in 1923

By examining the personal journal of Marfa Solov'eva, one of the staff of Krasnoyarsk Local History Museum (Yenissei Province), the article aims to analyze some changes of everyday life at the beginning of the 1920s. Aged 33, Ms. Solov'eva found herself among the members of the Yenissei Province delegation sent to participate in the First All-Union Agriculture and Orchard Industry Exhibition in Moscow in 1923. She wrote

© Бершадская С. В., 2021

down her personal experiences of travelling from Krasnoyarsk to Moscow. Given that anthropological shift has taken the lead in historical research, the materials of personal origin (like personal journals) provide an additional avenue to get firsthand information on how contemporaries interpreted the turning points in history. By focusing on the findings from the personal journal introduced for the first time the article investigates the transformations in early Soviet society at the grassroots level and from the point of view of a young representative of Siberian intelligentsia. The article demonstrates how day-to-day and leisure practices of those who took part in the trip were organized. Additionally, it considers the emotional sphere, which is missed to a greater extent by official sources. A mixture of interdisciplinary, systematic and sociocultural approaches and descriptive methods for interpreting sources has been adopted.

Keywords: personal journal, everyday life, the intelligentsia, Siberia, the Yenissei province, the onset of NEP, the First All-Union Agriculture and Orchard Industry Exhibition in Moscow in 1923

Введение. Документы личного происхождения (дневники, воспоминания, частная переписка) представителей сибирской интеллигенции – источник редкий и малоисследованный, многие из них ещё не введены в научный оборот. Между тем в современной российской и зарубежной историографии присутствуют исследования, в которых «эго-документы» используются в качестве источника [1–11]. Это связано, с одной стороны, с ростом интересов исследователей к истории повседневности, локальной истории, ставших отдельными направлениями исторической науки [12–19]. С другой стороны, с изменением «отношения к документальности, которое проявляется в кризисе доверия ко всяческому официозу» [1, с. 25; 4, с. 102; 20, с. 5].

Актуальность исследования обусловлена также обращением к истории новой экономической политики, столетие введения которой отмечается в 2021 г. [21–23], а также темам интеллигенции в социальной структуре и повседневной жизни советского общества [24–28]. Хотя сами авторы эго-документов «злосчастного десятилетия» иногда скептически относились к своему «литературному наследию» (так, например, в 1924 г. один из столичных обывателей с горечью отмечал в своих записях: «К концу года я совсем было забросил свои “мемуары”. Для чего, думаю, портить бумагу и терять время... Комплект газет за эти годы куда интереснее моих кустарных записок. Сотни, а может и тысячи людей теперь только тем и занимаются, что заносят в свои дневники творящуюся метаморфозу нашей жизни. Пишут изгнанники, пишут “белогвардейцы”, пишут и озлобленные, пишут и осчастливленные новой жизнью...»)¹, нельзя не согласиться с мнением современных исследователей источников личного происхождения о том, что такого рода документы способствуют «объекти-

зации прошлого» и его «прозаизации» [1, с. 26; 2–5; 8; 9; 11; 19], а также служат «площадкой» для продуктивного исследования «формирования советской идентичности» на уровне конкретного человека [3; 4; 10; 20].

Таким образом, несмотря на то, что основное место в дневнике путешествия М. Д. Соловьёвой отведено описанию Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки, тем не менее и имплицитно, и эксплицитно нарратив дневника рисует живую картину нового мира – «СССР», как с гордостью называет автор свою страну, искренне радуясь тому, что на выставке «не ударила Россиюшка лицом в грязь, утёрла нос иностранщине, знай, дескать, наших!»².

Тексты дневника также содержат сведения о дорожной рутине и «изобретённых традициях» поездки, о городах по пути следования сибирского «эшалона» и осмотре достопримечательностей, о прозаических покупках и составе «экскурсантов» и оказываются в итоге своеобразным социальным травелогом начала 1920-х гг. Однако если бы дневник М. Д. Соловьёвой являлся эталонным примером путевого дневника, в нём отсутствовали бы отчётливо проявляющиеся локальная, эмоциональная и социальная составляющие. Лакуной нарратива является всякое упоминание о новой экономической политике. Однако фактически то, что остаётся за рамками описаний, всё равно находит в текстах своё отражение и оказывается источником информации не только об изменениях в повседневной жизни людей указанного периода, но и о начале процесса формирования советской идентичности на уровне конкретного человека.

Методология и методы исследования. Одним из ключевых методов данного исследования, проведённого в рамках изучения истории повседневности, является системный, позволивший провести анализ отдельных аспектов повседневной жизни в

¹ Дневник Никиты Потаповича Окунева: запись от 18 марта (5 марта) 1924 г. – URL: <http://www.prozhito.org/> (дата обращения: 10.02.2021). – Текст: электронный.

² Орфография и пунктуация автора сохранены.

начале 1920-х гг. как незавершённой, единой, объединённой причинно-следственными связями совокупности. В исследовании использованы элементы социокультурного и междисциплинарного подходов [12; 13].

Результаты исследования и их обсуждение. Страницы дневника Марфы Дмитриевны Соловьёвой¹, сотрудницы Государственного музея Приенисейского края (в настоящее время – Красноярский краевой краеведческий музей) [29, с. 150], позволяют воссоздать ход путешествия из Красноярска в Москву группы «экскурсантов» Енисейской губернии, состоявшегося в период с 21 августа по 22 сентября 1923 г., и участия во Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке. Это событие было важным для жителей Енисейской губернии, о чём свидетельствует обилие материала, который нашёл отражение в статьях местных периодических изданий. Так, например, анонсируя московское мероприятие, минусинская газета «Власть труда» в начале июня писала: «В Нескучном саду открывается Всероссийская сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка. В качестве экспонатов будут привлечены крестьянские хозяйства в натуральном виде, со всеми их постройками, инвентарём, скотом, со всеми предметами крестьянского обихода. Кроме того, выставка должна дать исчерпывающий материал о современных достижениях науки. Большое внимание на выставке обращено будет на пропаганду рациональных крестьянских построек, электрификации сельского хозяйства, механических двигателей и проч.»². Газета «Красноярский рабочий» проинформировала жителей губернии об открытии выставки: «...в присутствии членов правительства, рабочих организаций, а также представителей западных держав и при громадном стечении населения и экскурсантов...»³.

На выставке Сибирь была представлена Государственным музеем Приенисейского края (г. Красноярск). По словам директора музея А. Я. Тугаринова, уча-

стие в выставке было одним из «главнейших моментов в жизни музея в истёкшем году», в мероприятии приняли участие «6 сотрудников музея»⁴. Одной из этих шести сотрудников оказалась Марфа Дмитриевна Соловьёва, поступившая на службу в музей «сотрудником-практикантом» в 1920 г.⁵ Три года спустя М. Д. Соловьёва написала «Дневник о поездке красноярской группы экскурсантов на выставку достижений сельского хозяйства в г. Москве».

«Едем в Москву». «Наконец-то наша мечта о выставке сделалась реальностью» – первые слова дневника, который к концу поездки будет насчитывать двадцать с небольшим страниц, аккуратно заполненных карандашом.

21 августа 1923 г. сибирский «эшалон», состоявший из 30 вагонов («Енисейская губерния дала экскурсантов больше всех»), со станции Красноярск отправляется в Москву. Молодая женщина сразу же отмечает: «Состав населения нашего вагона – даёт большие надежды – что скучно не будет. Целую ночь пели частушки с припевом...». Отметим, что ночные пения частушек, «обжорка» по отбытию из Красноярска, «бесконечные чаепития» и выкуренная у входа на выставку с коллегой «папиросочка» оказываются единственными упомянутыми в дневнике формами «девиантного поведения» эпохи НЭП [30]. Н. И. Храпунов отмечал, что «знаменитый афоризм Оскара Уайльда об искусстве, как выясняется, справедлив и в отношении большинства путевых записок: для путешественников чужой мир зачастую оказывается зеркалом, в котором можно увидеть собственное отражение» [7, с. 96]. Страницы путевого дневника М. Д. Соловьёвой показывают интеллигентную, образованную, прагматичную и доброжелательную молодую женщину, серьёзно относившуюся к возложенной на неё «экскурсионной миссии». Для автора дневника это было важное событие, о чём свидетельствует, например, тот факт, что «личным делам» было посвящено только одно единственное утро 8 сентября. Личные дела заключались в прозаических походах по магазинам, по окончании чего жительница Красноярска (тогда город «по дороговизне жизни был на последнем месте

¹ Красноярский краевой краеведческий музей (КККМ). Научный архив. – Оп. 12216/1. Дневник М. Д. Соловьёвой о поездке красноярской группы экскурсантов на выставку достижений сельского хозяйства в г. Москве (август–сентябрь 1923 г.).

² Всероссийская сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка // Власть труда. – 1923. – № 53. – С. 1.

³ Всесоюзная выставка // Красноярский рабочий. – 1923. – № 184. – С. 1.

⁴ КККМ. Научный архив. – Оп. 1. – Д. 360. – Л. 1. Отчёт Государственного музея Приенисейского края за 9 месяцев (с 1 января 1923 г. по 1 октября 1923 г.). Сост. А. Я. Тугариновым.

⁵ Там же. – Д. 358. – Л. 2. Отчёт по музею Приенисейского края за 1921 г. Сост. А. Я. Тугариновым.

по сравнению с другими городами Сибири и уж тем более Москвой») [31, с. 102], сомневалась, «хватит ли (капиталов) на обратный путь». Поход в ГУМ оказался для сибирячки похожим на экскурсионное мероприятие: «Сразу же обожглись – цены не по карману». «Кое-что» удалось купить, но в «Гос. Синдикате» и на «знаменитой Сухаревке», показавшейся автору дневника «настоящим Вавилонским столпотворением».

В дневнике содержатся самые разнообразные сведения о повседневности самого путешествия. М. Д. Соловьёва пишет об организации быта путешествия начала 1920-х гг. Описывает вечные, как и сами путешествия, «истребления домашних запасов», «лёжки на боку» и неизбежные атрибуты путешествий: долгие стоянки на станциях («как большая станция, так мы и стоим»), «холодные теплушки» и поход по магазинам начала НЭПа («плетёный сак – из берёзы – очень удобная и оригинальная вещь» или «11 пудов яблок – на нашу коммуну»). В текстах дневника содержатся сведения об организации досуга участников «экскурсии» во время путешествия: от традиционного чтения в пути («Ночью дают на вагон свечку – так что даже публика имеет возможность читать») до «изобретённых традиций» – лекций («о показательном значении выставки», «о роли животноводства как у нас, так и за границей» или «районировании Сибири») и выпуска газеты, названной её создателями «Бюллетень Телячьего экспресса» («Содержание на злобу дня нашего эшалона. Например, “в поезде имеется, кажется, библиотека получать в одном из вагонов. Искать с хвоста не рекомендуется – рискуешь остаться”»).

Таким образом, описываемые М. Д. Соловьёвой бытовая и досуговая сферы путешествия находятся практически в полном соответствии с требованиями Инструкции для направляющихся в дальние экскурсии (1922): «Коллектив с момента отправления группы должен превратиться в экскурсионную коммуну...»¹. Действительно, термин «состав населения нашего вагона» в отношении коллектива путешественников встречается только на первой странице дневника, затем используется «наша коммуна».

Итак, Соловьёва и «коммуна» едут по России эпохи НЭП по маршруту ст. Тайга, Болотное, Тебисская, Омск, Ишим, Тюмень,

Екатеринбург, Вятка, Данилов, Александров. В дневнике ст. Тебисская оказывается первым пунктом маршрута Красноярск – Москва, «где ещё существует менка. За хлеб предлагают молоко и рыбу». Вятка – городом, утопающим «в садах, преобладает липа, встречается клён». Данилов – местом, где начинают значительно дорожать продукты: «Масло 70–90 р. Молоко 10 р. бутылка. Хлеб белый 20 р. фунт». Встречается в дневнике утверждение автора о том, что переход на метрическую систему для людей оказался «выгоден». Обращает на себя внимание описание одной из «достопримечательностей» Екатеринбурга с интересной интерпретацией: «Особнячок с высокой оградой – где помещалась семья Романовых во время ареста. Против дома, через площадь – Собор. За стенами виднеется сад, так что впечатление получается самое благоприятное. Не наводящее на мысль – что там была тюрьма». Подобная трактовка даёт возможность предположить, что гибель последнего русского царя и его семьи не была трагической темой для автора дневника.

Москва. Прибытие в пункт назначения 1 сентября 1923 г. было омрачено прекращением трамвайного движения «в 11 часов ночи», по этой причине уставшие путешественники не смогли попасть в предназначенное им общежитие. Однако это событие также даёт представление и об уровне организации выставки. Провинциальная делегация не осталась «под открытым небом», а была временно расселена в здании «Главвысткама, которое находилось недалеко от вокзала». Путешественникам было предложено разместиться на шестом этаже, «где было свободное помещение с постелями». Но здравый смысл заставляет Соловьёву и «коммуну» отклонить предложение организаторов выставки: «Какой же смысл на каких-то 4–5 часов тащить туда всю грудку багажа, когда внизу было большое помещение, правда без кроватей, но с массой досок, которыми мы могли бы воспользоваться. ...все отказались тащиться наверх и расположись на полу, устроив из досок сплошную подстилку». Кроме того, страницы дневника оказываются источником информации о том, что питание в учреждениях советского общепита «хорошо организовано» («За каких-нибудь полчаса успевают накормить сотни нашего брата»; «Суп с мясом и гречневая каша; к тому чуть ли не фунт хлеба»). Поскольку автор днев-

¹ Инструкция для школ I и II ступеней, направляющихся в дальние экскурсии // Путь просвещения: сб. Иргубоно. – 1922. – Февр. – С. 15.

ника – молодая женщина, присутствуют в дневнике и модные «наблюдения» («Одно манто... оранжевого цвета с лиловым меховым воротником») и зарисовки московских нарядов, понравившихся сибирской путешественнице.

...и москвичи. Как утверждает Р. Бодис, несмотря на то, что эмоции являются эпифеноменом исторического процесса, именно они в конечном итоге вносят значительный вклад в его изучение [32]. С этой точки зрения, описание М. Д. Соловьёвой похода в баню «после устройства» в общежитии может служить определённого рода свидетельством настроений людей в начальный период НЭПа. «Пожалуй, москвичам было весело смотреть, как мы, с узелками, грязные, но с гамом и смехом шествовали по улицам», – предполагает в своём дневнике сибирячка. Положительные эмоции, царящие среди жителей столицы в исследуемый период, подтверждают и дневниковые записи историка С. Б. Веселовского: «В сравнении с тем, что было 2–3 года тому назад, огромная перемена. Толпа стала значительно сдержаннее, вежливее, а по временам отдельные лица проявляют к своим незнакомым согражданам даже доброжелательство, которое выражается в мелких услугах и т. п.»¹.

Заключение. Подводя итог сказанному, необходимо отметить, что архивные официальные источники не всегда могут дать ответы на вопросы, связанные с эмоциональной составляющей изменений в повседневной жизни людей в поворотные пе-

риоды истории, а именно таким был период начала 1920-х гг., заложивший фундамент процесса формирования «советской идентичности». Поэтому введение в научный оборот документов личного происхождения представителей сибирской интеллигенции имеет важное значение. Путевой дневник М. Д. Соловьёвой представляет ценность и уникальность с точки зрения возможности получить представление о раннесоветской эпохе в интерпретации её современницы, не сводимое к общим политическим, экономическим и социальным формулировкам [1; 4; 5; 8; 9; 10; 11; 18; 20]. Нарратив дневника характеризуется минимумом официального дискурса и отчётливо проявляющимися социальным, локальным и эмоциональным составляющими, через которые отчётливо просматриваются как личность самого автора дневника, так и отношение к описываемым событиям, далеко не всегда носящее эксплицитный характер. Общий позитивный эмоциональный тон нарратива даёт возможность предположить, что М. Д. Соловьёва оказалась, вероятно, одной из тех «осчастливленных новой жизнью» представителей интеллигенции, успешно адаптировавшихся к новым советским реалиям [24–28]. Таким образом, дневник М. Д. Соловьёвой можно рассматривать в качестве дополнительного источника информации не только об изменениях в повседневной жизни людей в контексте исторической обстановки, но и о начале процесса формирования советской идентичности на уровне конкретного человека.

Список литературы

1. Суржикова Н. В. Россия 1917 года в отечественных и зарубежных эго-документах // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 4. С. 25–34.
2. Иванов А. А. Сибирский дневник Бенедикта Дыбовского // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2020. Т. 34. С. 112–115.
3. Рындина О. М., Барсуков Е. В. Архив В. Н. Чернецова как творческая лаборатория исследователя (1920-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2020. № 37. С. 228–238.
4. Савин А. И. Сталинские герои в зеркале эго-документов 1930-х гг. // Уральский исторический вестник. 2020. № 4. С. 101–108.
5. Журавлева Н. С. Челябинск первой трети XX столетия в мемуарах К. Н. Теплоухова // Уральский исторический вестник. 2018. № 2. С. 102–108.
6. Рахманова Л. Я. Сельские дневники погоды и промысловые журналы как репрезентация гибридных форм взаимодействия науки и локальных сообществ // Сибирские исторические исследования. 2019. № 4. С. 134–161.
7. Храпунов Н. И. Восточная Европа в дневнике шотландского путешественника Дж. Уэбстера (1827) // Известия Уральского университета. 2012. № 3. С. 85–97.
8. Dekker Rudolf. Egodocuments and History. Autobiographical writing in its social context since the Middle Ages. Hilversum: Verloren, 2002. 192 p.

¹ Дневник Степана Борисовича Веселовского: запись от 23 мая (10 мая) 1923 г. – URL: <http://www.prozhito.org/person/629> (дата обращения: 10.02.2021). – Текст: электронный.

9. Lyons Martyn. Ordinary Writings, Personal Narratives: Writing Practices in 19th and Early 20th-Century Europe. Peter Lang GmbH, Internationaler Verlag Der Wissenschaften, 2007. 210 p.
10. Hellbeck Byjochen. Revolution on My Mind: Writing a Diary under Stalin. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2006. 436 p.
11. Sinor Jennifer. The Extraordinary Work of Ordinary Writing: Annie Ray's Diary. Текст: электронный // College Composition and Communication. 2004. Vol. 55. June. DOI: 10.2307/4140673. URL: https://www.researchgate.net/publication/37698731_The_Extraordinary_Work_of_Ordinary_Writing_Annie_Ray's_Diary (дата обращения: 10.02.2021).
12. Кром М. М. Повседневность как предмет исторического исследования // Источник. Историк. История. Вып. 3. История повседневности. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в СПб., 2003. С. 7–14.
13. Пушкарева Н. Л. Предмет и методы изучения истории повседневности // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 3–19.
14. Букин С. С., Исаев В. И. Проблемы и задачи исследования истории повседневности городского населения Сибири в XX – начале XXI вв. // Социальная сфера и повседневность Сибирского города (XX – начало XXI вв.). Новосибирск: Параллель, 2007. 184 с.
15. Кузнецова О. В. История повседневности на локальном уровне: подходы и трудности. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-povsednevnosti-na-lokalnom-urovne-podhody-i-trudnosti/viewer> (дата обращения: 10.02.2021). Текст: электронный.
16. Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: сб. науч. ст. Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. 384 с.
17. Сенявский А. С. Трансформации российского общества в XIX–XX вв. и личностные модели поведения // Человек и личность как предмет исторического исследования. Россия (конец XIX – XX в.): науч. докл. (г. Санкт-Петербург, 7–10 июня 2010 г.). СПб., 2010. С. 24–40.
18. Hartley Janet M. Siberia: A History of the People. New Haven; London. Yale University Press, 2014. 323 p. DOI: 10.12987/yale/9780300167948.001.0001.
19. Wood Alan. Russia's Frozen Frontier: A History of Siberia and the Russian Far East 1581–1991. Bodmin: Cornwall, 2011. 289 p.
20. Гавриличева Г. П., Кононенко А. А. Становление советской цивилизации (на примере г. Тюмени 1920–1930-х гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 59. С. 5–11.
21. НЭП в истории культуры: от центра к периферии: материалы междунар. науч. конф. (г. Саратов, 23–25 сентября 2010 г.). Саратов: Наука, 2010. 412 с.
22. НЭП в контексте исторического развития России XX века: сб. ст. М.: ИРИ РАН, 2001. 319 с.
23. Россия нэповская: сб. ст. М.: Новый хронограф, 2002. 446 с.
24. Рыженко В. Г. Интеллигенция в культуре крупного сибирского города в 1920-е годы: вопросы теории, истории, историографии, методов исследования. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та; Омск: Омск. гос. ун-т, 2003. 370 с.
25. Смирнова Т. М. «Бывшие люди» в социальной структуре и повседневной жизни советского общества: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. М., 2009. 53 с.
26. Яров С. В. Интеллигенция и власть в Петрограде 1917–1925 годов: конформистские стратегии и язык сотрудничества. URL: <https://www.magazines.gorky.media/nlo/2006/2/intelligenciya-i-vlast-v-petrograde-1917-1925-godov-konformistskie-strategii-i-yazyk-sotrudnichestva.html> (дата обращения: 10.02.2021). Текст: электронный.
27. Plaggenborg Stefan. Revolutionskultur Menschenbilder und kulturelle Praxis in Sowjetrußland zwischen Oktoberrevolution und Stalinismus. Köln: Böhlau, 1996. 393 s.
28. Read Christopher. Culture and Power in Revolutionary Russia: The Intelligentsia and the Transition from Tsarism to Communism. Palgrave Macmillan. New York, 1990. 266 p.
29. Век подвижничества-3: сб. ст. / отв. ред. И. А. Черкасов. Красноярск: Литера-принт, 2018. 246 с.
30. Лебина Н. Б. Советская повседневность: нормы и аномалии от военного коммунизма к большому стилю. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 483 с.
31. Юрлов П. В. Торговое предпринимательство в Приенисейском крае (1920–1929 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Красноярск, 2015. 274 с.
32. Boddice Rob. The History of Emotions: Past, Present, Future. Текст: электронный // Revista de Estudios Sociales. 2017. Vol. 62. P. 10–15. <https://dx.doi.org/10.7440/res62.2017.02> (дата обращения: 10.02.2021).

Статья поступила в редакцию 10.03.2021; принята к публикации 15.04.2021

Сведения об авторе

Бершадская Светлана Вячеславовна, старший преподаватель, Красноярский государственный аграрный университет; 660049, Россия, г. Красноярск, пр-т Мира, 80; e-mail: bsv97@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3371-2974>.

Библиографическое описание статьи

Бершадская С. В. Путешествие из Красноярска в Москву в 1923 году // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 3. С. 71–78. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-71-78.

References

1. Surzhikova, N. V. Russia of 1917 in domestic and foreign ego-documents. Bulletin of the Russian Foundation for Basic Research. Humanities and social sciences, no. 4, pp. 25–34, 2017. (In Rus.)
2. Ivanov, A. A. Siberian diary of Benedict Dybowski. Bulletin of Irkutsk State University, vol. 34, pp. 112–115, 2020. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2020.34.112>. (In Rus.)
3. Ryndina, O. M., Barsukov, E. V. Archive of V. N. Chernetsova as a creative laboratory of the researcher (the 1920s). Bulletin of the Tomsk State University. Culturology and art History, no. 37, pp. 228–238, 2020. (In Rus.)
4. Savin, A. I. Stalin's heroes in the mirror of ego documents of the 1930s. Ural Historical Bulletin, no. 4, pp. 101–108, 2020. (In Rus.)
5. Zhuravleva, N. S. Chelyabinsk in the first third of the twentieth century in the memoirs of K. N. Teploukhov. Ural Historical Bulletin, no. 2, pp. 102–108, 2018. (In Rus.)
6. Rakhmanova, L.Ya. Rural weather diaries and fishing journals as a representation of hybrid forms of interaction between science and local communities. Siberian Historical Research, no. 4, pp. 134–161, 2019. (In Rus.)
7. Khrapunov, N. I. Eastern Europe in the diary of Scottish traveler J. Webster (1827). News of the Ural Federal University, no. 3, pp. 85–97, 2012. (In Rus.)
8. Dekker, Rudolf. Egodocuments and History. Autobiographical writing in its social context since the Middle Ages. Hilversum: Verloren, 2002. (In Engl.)
9. Lyons, Martyn. Ordinary Writings, Personal Narratives: Writing Practices in 19-th and Early 20-th Century. Europe Peter Lang GmbH, Internationaler Verlag Der Wissenschaften. 2007. (In Engl.)
10. Hellbeck Byjochen. Revolution on My Mind: Writing a Diary under Stalin. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2006. (In Engl.)
11. Sinor Jennifer. The Extraordinary Work of Ordinary Writing: Annie Ray's Diary. College Composition and Communication, no.55, 2004. June. DOI: 10.2307/4140673 Web. 10.02.2021. https://www.researchgate.net/publication/37698731_The_Extraordinary_Work_of_Ordinary_Writing_Annie_Ray's_Diary. (In Engl.)
12. Krom, M. M. Everyday life as a subject of historical research Source. Historian. History. Issue 3: History of everyday life. SPb: Publishing house of the European University in SPb., 2003: 7–14. (In Rus.)
13. Pushkareva, N. L. Subject and methods of studying history of everyday life. Ethnographic review, no. 5, pp. 3–19, 2004. (In Rus.)
14. Bukin, S. S., Isaev V. I. Problems and aims of studying history of everyday life of the urban population of Siberia in the XX – early XXI centuries. Social sphere and everyday life of the Siberian city (XX – early XXI centuries). Novosibirsk: Parallel, 2007. (In Rus.)
15. Kuznetsova, O. V. History of everyday life at the local level: approaches and challenges. Web. 10.02.2021. <https://www.cyberleninka.ru/article/n/istoriya-povsednevnosti-na-lokalnom-urovne-podhody-i-trudnosti/viewer>. (In Rus.)
16. Everyday world of Soviet people in the 1920s–1940s. Rostov-on-Don: Publishing house of the SSC RAS, 2009. (In Rus.)
17. Senyavsky, A. S. Transformation of Russian society in the nineteenth and twentieth centuries and personal models of behavior. Man and personality as the subject of historical research. Russia (late XIX – XX centuries). International colloquium. Scientific reports. St. Petersburg, June 7–10, 2010 Spb, 2010: 24–40. (In Rus.)
18. Hartley Janet M. Siberia: A History of the People. New Haven and London. Yale University Press, 2014. DOI: 10.12987/yale/9780300167948.001.0001. (In Engl.)
19. Wood Alan. Russia's Frozen Frontier: A History of Siberia and the Russian Far East 1581–1991. Bodmin, Cornwall. 2011. (In Engl.)
20. Gavrillicheva, G. P., Kononenko, A. A. Formation of Soviet civilization (by the example of Tyumen in 1920–1930s). Bulletin of the Tomsk State University, no. 59, pp. 5–11, 2019. (In Rus.)
21. NEP in the history of culture: from the center to the periphery: a collection of articles by the participants of the international scientific conference (Saratov September 23–25, 2010). Saratov: Publishing Center "Science", 2010. (In Rus.)
22. NEP in the context of the historical development of Russia in the XX century: Collection of articles. M: Russian Academy of Sciences. Institute of Russian History, 2001. (In Rus.)
23. NEP Russia: Collection of articles. Moscow: New Chronograph, 2002. (In Rus.)
24. Ryzenko, V. G. The intelligentsia in the culture of a large Siberian city in the 1920s: questions of theory, history, historiography, research methods. Yekaterinburg: Uralsk Publishing House. University; Omsk: Omsk. state un-t, 2003. (In Rus.)

25. Smirnova, T. M. "Former people" in social structure and everyday life of Soviet society. Dr. sci. diss. M., 2009. (In Rus.)
26. Yarov, S. V. Intelligentsia and Power in Petrograd 1917–1925: Conformist Strategies and Language of Cooperation. Web. 10.02.2021. <https://www.magazines.gorky.media/nlo/2006/2/intelligenciya-i-vlast-v-petrograde-1917-1925-godov-konformistskie-strategii-i-yazyk-sotrudnichestva.html>. (In Rus.)
27. Plaggenborg Stefan. Revolutionskultur Menschenbilder und kulturelle Praxis in Sowjetrussland zwischen Oktoberrevolution und Stalinismus. Köln: Böhlau. 1996. (In German)
28. Read Christopher. Culture and Power in Revolutionary Russia: The Intelligentsia and the Transition from Tsarism to Communism. Palgrave Macmillan. New York, 1990. (In Engl.)
29. Age of Selfless Devotion-3: Collection of articles. Krasnoyarsk: "Litera-print", 2018. (In Rus.)
30. Leбина, N. B. Soviet everyday life: norms and anomalies from the War Communism to Grand Style. Moscow: New Literary Review, 2015. (In Rus.)
31. Yurlov, P. V. Trade entrepreneurship in the Yenisei region (1920–1929). Cand. sci. diss. Krasnoyarsk, 2015. (In Rus.)
32. Boddice Rob. The History of Emotions: Past, Present, Future. Revista de Estudios Sociales, no. 62, pp. 10–15. 2017. <https://dx.doi.org/10.7440/res62.2017.02>. (In Engl.)

Received: March 10, 2021; accepted for publication April 15, 2021

Information about author

Bershadskaya Svetlana V., Senior Lecturer, Krasnoyarsk State Agrarian University; 80 Mira ave., Krasnoyarsk, 660049, Russia; e-mail: bsv97@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3371-2974>.

Reference to the article

Bershadskaya S. V. Journey from Krasnoyarsk to Moscow in 1923 // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 3. PP. 71–78. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-71-78.

УДК 94(571.1):36.014(37.088.2+379.8)
DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-79-89

Алексей Владимирович Блинов,
Кемеровский государственный университет
(г. Кемерово, Россия),
e-mail: blinov_alexey_vlad@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9130-6205>

Профессиональный фактор в повседневности чиновников Западно-Сибирского учебного округа (1885–1917)

Обращение к историческим аспектам повседневной жизни индивида или социума, применительно к определённым территориальным и временным пространствам, позволяет не только сохранить историческую память, но и выявить механизмы, обеспечивающие историческую преемственность и целостность общества на современном этапе. Важная роль в окружной модели управления образовательным пространством Российской империи принадлежала чиновникам (попечителю, окружным инспекторам, административному корпусу образовательных учреждений), выделяемым из служащих Министерства народного просвещения, благодаря критериальной составляющей (отражение в общественном сознании рассматриваемого временного пространства) методологии социальной реконструкции исторического образа – личной ответственности за вверенную в самостоятельное управление сферу. На основе историографических и исторических источников (нормативно-правовой документации, справочно-статистических изданий, архивных материалов), с опорой на методологические компоненты принципов объективности, историзма, системности, теории повседневности, исходя их объектно-предметной области исследования, на примере Западно-Сибирского учебного округа показана роль чиновников регионального учебного ведомства в социально-профессиональной стратификации служащих Министерства народного просвещения и значение профессионального сегмента в композиционной целостности их повседневной жизни. Установлено, что среди обстоятельств, определяющих место профессиональной деятельности в повседневной жизни региональных чиновников, был ряд профессиональных прав и обязанностей, регламентированных ведомственной документацией, устанавливающих их роль в системе региональных контрольно-координационных структур; пространственные и территориальные особенности вверенного сектора управления; социально-политическая ситуация, коррелирующая профессиональные обязанности, сложившийся образ жизни чиновников, предоставляющая им возможность выбора в рамках вверенного профессионального пространства. Социальный статус и уровень доходов чиновника, соотносимые с подконтрольной сферой и её значимостью для производственной деятельности всей системы, выступали способами компенсации трудовых затрат и индикатором рейтинга в профессиональном сообществе. Предложенный подход к анализу роли профессионального фактора в повседневной жизни чиновников Западно-Сибирского учебного округа может быть применим к другим социально-профессиональным группам в различных территориальных и временных пространствах.

Ключевые слова: Западно-Сибирский учебный округ, Министерство народного просвещения, учебное заведение, повседневность, чиновник, устав, профессиональная деятельность

Alexey V. Blinov,
Kemerovo State University
(Kemerovo, Russia),
e-mail: blinov_alexey_vlad@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9130-6205>

Professional Factor in the Everyday Life of Civil Servant of the West-Siberian Educational District (1885–1917)

Turning to the history of the everyday life of an individual or society allows us to preserve historical memory, to identify the mechanisms that ensure the historical continuity and integrity of society at the present stage. An important role in the organization of the management of the regional educational space belonged to civil servant (the trustee, district inspectors, administrative corps of educational institutions), allocated from among the employees of the Ministry of the National Education. Based on historiographical and historical sources, using the methodological provisions of the theory of everyday life, the principles of objectivity, historicism and consistency, the article shows the role of the profession in the structure of the daily life of civil servant of the West Siberian Educational District. It is established that the professional activity was influenced by the scope of official duties established by departmental regulatory documentation, spatial and territorial features of the entrusted management sector, the socio-political situation that corrects professional duties, the established

© Блинов А. В., 2021

way of life and provides the opportunity to choose within the entrusted professional space. The social status and income level of a civil servant depended on the scope of control and its significance for the activities of the entire system. It was a compensation for the time and effort spent. The proposed approach to the analysis of the role of the professional factor in the daily life of civil servant of the West Siberian Educational District can be applied to other socio-professional groups in different territorial and temporal spaces.

Keywords: West Siberian Educational District, Ministry of the National education, educational institution, everyday life, civil servant, charter, professional activity

Введение. В формате проблемы социальной идентичности и роли образовательного фактора в обеспечении целостности и преемственности развития социума, обсуждаемой в последние годы, представляется необходимым обратиться к историческим аспектам повседневности, специфический статус которой, по мнению Т. А. Зайцевой, «позволяет ей особенно ярко демонстрировать общее и особенное..., обозначая основные узлы противоречий, связанные, с одной стороны, с тенденциями к унификации и нивелированию конкретных культур, а с другой – к подчёркиванию уникальности и неповторимости культурного опыта [1, с. 15].

Несмотря на наметившийся интерес к государственным служащим имперского периода в постсоветских исследованиях [2], профессиональная деятельность представителей ведомства Министерства народного просвещения (далее – МНП) в контексте повседневной жизни получила фрагментарное освещение в исследованиях историко-правового и историко-педагогического характера с акцентом на учительство как представителей государственных служащих [3–6] или в контексте системы управления образовательным пространством [7–11].

Отсутствие комплексного исследования роли профессионального фактора в повседневной жизни чиновников Западно-Сибирского учебного округа (далее – ЗСУО) – первого и единственного на территории Азиатской России, обусловило объектно-предметную область исследования – повседневную жизнь чиновников МНП и роль профессионального сегмента в её композиционной целостности.

Методология и методы исследования. Выбор методологических подходов обусловлен объектно-предметной областью исследования.

Основу составляют отечественные [12–16] и зарубежные [17–21] разработки по проблеме «повседневности», рассматривающие её, во-первых, как форму непосредственной деятельности индивида или группы и факторы, влияющие на её форми-

рование, сохранение и изменение [12; 13]; во-вторых, как пространственно-временной континуум, связанный с такими компонентами социологической теории идентичности, как профессиональная (осознание индивидом принадлежности к профессиональному сообществу) и корпоративная (осознание тождественности с конкретной организацией) [14; 15]; в-третьих, как поликомпонентное образование с выделением профессионального сегмента (трудовая деятельность) наряду с бытовым и досуговым в качестве его социальных составляющих [16].

В связи с отсутствием критериев идентификации образа чиновника в имперском законодательстве в рассматриваемом конструкте, в рамках методологии социальной реконструкции исторического образа, опирающейся на деконтекстуализацию образа через его отражение в общественном сознании рассматриваемого временного пространства [22], наряду с общепринятыми в исследовательской практике профессиональными характеристиками (наличие чина, включение в штат и выполнение соответствующих обязанностей, получение государственного жалования) [23, с. 111–112] необходимо отнести персональную ответственность за вверенную в самостоятельное управление сферу, на что указывал А. Д. Градовский, отмечая: «...чиновником в тесном смысле слова может быть названо только лицо, получившее в свое самостоятельное (под условием ответственности) заведывание определённой частью управления»¹.

Отмеченные особенности в рассматриваемом пространственно-временном срезе могут быть применены к руководству окружного управления (попечитель, окружной инспектор) и администрации образовательных учреждений².

¹ Градовский А. Д. Общие понятия о служащих // Собрание сочинений: в 9 т. Т. 8. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1903. – Ч. 2. – С. 51.

² Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). – Собр. 2-е. – Т. 39. – Ч. 2, № 41472. – С. 167–179; Т. 45. – Ч. 1, № 48147. – С. 270–272; № 48406. – С. 701–705; Т. 47. – Ч. 1, № 50834. – С. 626–636; Собр. 3-е. – Т. 8, № 5057. – С. 78–83; Т. 26. – Ч. 1, № 28347. – С. 861.

Исходными материалами для данной статьи послужили историографические и исторические источники, представленные нормативно-правовой документацией, справочно-статистическими опубликованными и архивными материалами.

Систематизация исторических и историографических фактов с целью создания целостного представления о роли профессионального фактора в повседневности чиновников регионального ведомства МНП основывается на принципах объективности, историзма, системности.

Результаты исследования и их обсуждение. Создание в 1885 г. ЗСУО способствовало интеграции 17,8 % территории Сибири (Тобольская, Томская губернии) и 40,1 % центральноазиатских владений (Ак-

молинская, Семипалатинская и Семиреченская области)¹ в имперскую окружную образовательную модель, что привело к формированию структуры управления, идентичной другим окружным образованиям, и распространению обязанностей, декларируемых МНП, на его служащих [11, с. 104–146].

На момент образования учебного округа на долю чиновников от служащих приходилось 11,2 %, к моменту упразднения их доля увеличилась в 2,5 раза, но составляла 6,8 %. Тенденция объяснима, во-первых, увеличением доли внеклассных служащих (с 47 % в 1885 г. до 57,6 % к 1917 г.) от контингента, а во-вторых, увеличением доли классных (табельных) служащих, но не наделённых правами управления (с 79 % в 1885 г. до 84 % к 1917 г.) (табл. 1).

Таблица 1

Стратификация служащих ЗСУО

Структурный компонент	1885 г.				1917 г.			
	служащие							
	всего	внеклассные	классные (табельные)		всего	внеклассные	классные табельные)	
			без права управления	с правом управления			без права управления	с правом управления
Окружное управление	11	—	8	3	11	—	8	3
Дирекции народных училищ	6	—	—	6	32	—	3	29
Высшие учебные заведения	—	—	—	—	252	45	197	10
Средние учебные заведения	278	166	97	15	988	674	273	41
Начальные учебные заведения	153	44	83	26	532	326	165	41
Всего	448	210	188	50	1815	1045	646	124

Примечание. Источники: Памятная книжка ЗСУО на 1888–1889 годы. Томск: Типолитография В. В. Михайлова и П. И. Макушина, 1889. 217 с.; Памятная книжка ЗСУО на 1916 год. Томск: Печатня С. П. Яковлева, 1916. 552 с.

Среди факторов, определяющих место профессиональной деятельности в повседневной жизни регионального чиновника МНП, прежде всего, необходимо выделить служебные обязанности, регламентированные ведомственной нормативной базой – уставами, инструкциями, в основе которых лежал принцип, декларированный в «Предварительных правилах народного просвещения» 1803 г.: заботиться о приведении образовательных учреждений «на основании сих правил в цветущее состо-

яние, словом, о распространении и успехах народного просвещения на местах ему вверенных»². На момент образования и во время существования ЗСУО деятельность окружного управления регулировалась «Положением об учебных округах (1835)³; в начальных образовательных учреждениях – «Инструкцией инспекторам народных училищ» (1871)⁴, «Уставом гимназий и училищ уездных и приходских» (1828)⁵, «Положением о городских училищах» (1872)⁶, законом «О высших начальных училищах»

¹ Статистический ежегодник России. 1916 год. – М.: Тип. Моск. совета рабочих депутатов, 1918. – Вып. 1. – 121 с.

² ПСЗРИ. – Собр. 1-е. – Т. 27, № 20597. – С. 439.

³ Там же. – Собр. 2-е. – Т. 10. – Ч. 1, № 8262. – С. 756–758.

⁴ Там же. – Т. 46. – Ч. 2, № 50092. – С. 436–443.

⁵ Там же. – Т. 3, № 2502. – С. 1097–1127.

⁶ Там же. – Т. 47. – Ч. 1, № 50909. – С. 727–736.

(1912)¹; в средних образовательных учреждениях – «Уставом гимназий и прогимназий» (1871)², «Уставом реальных училищ» (1872)³, «Положением о женских гимназиях и прогимназиях» (1870)⁴, «Положением о Молодечнянской учительской семинарии» (1870)⁵, «Положением об учительских институтах» (1872)⁶, «Положением о промышленных училищах» (1888)⁷; в высших образовательных учреждениях – «Уставом императорских российских университетов» (1884)⁸, «Положением о Томском технологическом институте» (1900).

Центральной фигурой регионального ведомства МНП считался попечитель, который, по характеристике И. Е. Крапоткиной, олицетворял собой «универсальный образ представителя педагогической интеллигенции. В общественной работе... отдавал свои симпатии законности, порядку, созидательному труду. В административной деятельности... проявил себя достойным инициативным педагогом» [24, с. 78]. Он являлся связующим звеном, представителем интересов ведомства на разных уровнях.

На окружного инспектора, должность которого в имперском масштабе была введена в 1863 г., возлагалась обязанность ревизий учебных заведений, оказание методической помощи учителям⁹.

Стереотипное представление о руководителе учебного заведения (университет, гимназия, училище и др.), заложенное ещё на заре образовательных реформ в «Уставе учебных заведений подведомственных университетам» (1804) и отражённое в формуле «директор как хозяин... посещает всякий день и смотрит как за учебною, так и хозяйственною частью»¹⁰, стало прообразом дальнейшей эволюции законодательной базы, определяющей спектр деятельности администрации образовательных учреждений различных типов и видов. В «Уставе гимназий и прогимназий ведомства МНП» (1864) подчёркивалось, что «директор есть начальник гимназии, на котором лежит пол-

ная ответственность по всем частям благоустройства заведения... состоит в надзоре за точным исполнением всех постановлений...»¹¹; в «Положении о городских училищах и о учительских институтах» (1872) отмечалось, что «директор учительского института есть непосредственный начальник одного, равно как и состоявшего при нём городского училища... на директоре лежит полная ответственность за возможное благосостояние»¹²; «Устав императорских российских университетов» (1884) декларировал, что «ректору вверяется непосредственное заведывание всеми частями управления университетом... принимать все необходимые меры для поддержания порядка и спокойствия...»¹³ и т. д.

Несмотря на объём и пределы административной ответственности региональных чиновников всех уровней, вертикальные (с вышестоящими структурами и подчинёнными) и горизонтальные (с должностными лицами других ведомств и представителями общественности) взаимодействия остались неизменными в целях контроля и создания условий для реализации и модернизации образовательного процесса в соответствии с ведомственными нормами и правилами.

Временные затраты и профессиональная ответственность возрастали в результате законодательно регулируемой практики совмещения управленческих должностей. Например, гимназический устав 1864 г. возлагал на инспектора управление прогимназией на общих основаниях с директором гимназии, а в случае отсутствия или болезни последнего – обязанность выполнять его функции по гимназии¹⁴. Активное развитие со второй половины XIX в. женского образования увеличило нагрузку на административный корпус мужских учебных заведений. Согласно закону от 25 ноября 1874 г. обязанности председателя в педагогическом и участие в попечительном советах женских гимназий и прогимназий возлагались на директоров мужских гимназий, реальных училищ, учительских институтов и семинарий, директоров и инспекторов мужских прогимназий, и только при отсутствии в городе средних мужских учебных заведений исполнение обязанностей пред-

¹ ПСЗРИ. – Собр. 3-е. – Т. 32. – Ч. 1, № 37513. – С. 949–958.

² Там же. – Собр. 2-е. – Т. 46. – Ч. 2, № 49860. – С. 85–99.

³ Там же. – Т. 47. – Ч. 1, № 50834. – С. 626–636.

⁴ Там же. – Т. 45. – Ч. 1, № 48406. – С. 701–705.

⁵ Там же. – Т. 45. – Ч. 1, № 48147. – С. 270–272.

⁶ Там же. – Т. 47. – Ч. 1, № 50909. – С. 732–736.

⁷ Там же. – Собр. 3-е. – Т. 8, № 5057. – С. 78–83.

⁸ Там же. – Т. 4, № 2404. – С. 456–474.

⁹ Там же. – Собр. 2-е. – Т. 38. – Ч. 2, № 40426. – С. 321.

¹⁰ Там же. – Собр. 1-е. – Т. 28, № 21501. – С. 639.

¹¹ Там же. – Собр. 2-е. – Т. 46. – Ч. 2, № 49860. – С. 90.

¹² Там же. – Т. 47. – Ч. 1, № 50909. – С. 734.

¹³ Там же. – Собр. 3-е. – Т. 4, № 2404. – С. 458.

¹⁴ Там же. – Собр. 2-е. – Т. 39. – Ч. 2, № 41472. – С. 167–179.

седателя педагогического совета разрешалось руководителям женских учебных заведений¹.

Специфика профессиональной деятельности чиновников учебного ведомства, наряду с нормативной базой, определяющей

основные векторы, зависела и от пространственно-территориальных особенностей региона. Площадь ЗСУО превышала ряд крупных учебных округов: Санкт-Петербургский, Оренбургский – в 2 раза, Казанский – в 5 раз, Московский – в 7 раз и т. д. (табл. 2).

Таблица 2

Место ЗСУО в территориальном пространстве окружной модели Российской империи на 1885 г.

Округ	Количество административно-территориальных единиц	Площадь, км ²
Санкт-Петербургский	6	1 888 158
Московский	11	524 071
Виленский	6	303 849
Дерптский	3	92 242
Казанский	6	735 928
Харьковский	5	272 288
Одесский	4	238 999
Киевский	5	267 024
Варшавский	10	126 958
Оренбургский	5	1 438 468
Западно-Сибирский	5	3 741 694

Примечание. Источники: Учебные округа // Российская педагогическая энциклопедия: в 2 т. Т. 2. М–Я / гл. ред. В. В. Давыдов. М.: Большая рос. энцикл., 1999. 669 с.; Статистический ежегодник России. 1916 год. М.: Тип. Моск. Совета рабочих депутатов, 1918. Вып. 1. 121 с.

Инспектирование учебных заведений, разбросанных по огромной территории ЗСУО с несколькими природно-географическими зонами, осложнялось слабой развитостью и низким качеством путей сообщения. Несмотря на существование и реализацию на рубеже XIX – начале XX в. проектов по развитию системы транспортных коммуникаций, она не отвечала потребностям населения страны. Профессор Томского университета М. Н. Соболев отмечал: «Сибирская железная дорога, как и реки Сибири обслуживают только прилегающие к ним местности. Вне их влияния остаются громадные пространства, которые вынуждены довольствоваться грунтовыми дорогами – почтовыми трактами и простыми просёлочными дорогами... тракты всё же

находятся в плохом состоянии и делаются прямо малопроездными весной и осенью, в период дождей»².

Временные затраты на перемещение в пределах учебного округа можно рассчитать только гипотетически, исходя из данных историографических источников о скорости движения конной тяги в амплитудном диапазоне от 8 вёрст (8,5 км) до 20 вёрст (21,3 км) в час [25, с. 128–147; 26]. В рамках исторической реконструкции, принимая среднюю скорость передвижения (14 км/ч), при условии непрерывного движения (без учёта остановок, времени посещения учебных заведений) временные затраты на односторонние инспекторские перемещения по трактам между окружным и центрами инспекторского района могли занимать от 1 до 8 сут (табл. 3).

Таблица 3

Временные затраты на перемещение гужевым способом от окружного до центров инспекторских участков

Пункт назначения	Расстояние от окружного центра, км	Предполагаемые временные затраты	
		часы	сутки (доля)
Тобольская губерния			
Ишим	1285,5	91,8	3,8
Курган	1630,1	116,4	4,9
Тара	1627,9	116,3	4,8
Тобольск	1577,8	112,7	4,7

¹ ПСЗРИ.– Собр. 2-е. – Т. 39. – Ч. 2, № 41472. – С. 394.

² Соболев М. Н. Пути сообщения в Сибири // Сибирь, её современное состояние и нужды: сб. ст. / под ред. И. С. Мельника. – СПб.: Изд-во А. Ф. Девриева, 1908. – С. 35–36.

Окончание табл. 3

Пункт назначения	Расстояние от окружного центра, км	Предполагаемые временные затраты	
		часы	сутки (доля)
Туринск	1784,7	127,5	5,3
Тюмень	1609,8	114,9	4,8
Ялуторовск	1522,3	108,7	4,5
Томская губерния			
Барнаул	380,8	27,2	1,2
Бийск	554,1	38,9	1,6
Змеиногорск	619,0	44,2	1,8
Каинск	557,9	39,8	1,7
Мариинск	224,1	16,0	0,7
Акмолинская область			
Омск	935,6	66,8	2,8
Акмола	1893,6	135,3	5,6
Кокчетав	1055,0	75,4	3,2
Петропавловск	1235,4	88,3	3,7
Семипалатинская область			
Семипалатинск	881,2	62,9	2,6
Павлодар	697,0	49,8	2,1
Устькаменогорск	743,0	53,1	2,2

Примечание. Источник: Труды комиссии, учреждённой по высочайшему повелению для изучения вопроса об избрании города для сибирского университета. СПб., 1878. С. 17.

Проблема удалённости учебных заведений от окружного центра оказалась предметом внимания Государственной думы. Так, на заседании 18 июля 1913 г. был поставлен вопрос о затрачиваемом окружными инспекторами времени на ревизии учебных заведений ЗСУО. Было отмечено, что при посещении одним инспектором каждого учебного заведения в течение учебного года 5–6 раз в его распоряжении «для ревизии учебных заведений остаётся, за вычетом экзаменационного времени и времени для переездов из города в город, не более 160 рабочих дней, или около 800 часов»¹.

С конца XIX в. на профессиональную составляющую повседневной жизни чиновников ЗСУО большое влияние начинает оказывать общественно-политическая ситуация, являющаяся переменным фактором, но требующая временных затрат, осознания своей роли, выработки линии поведения в зависимости от статуса и ситуации.

Появление неполитических общественных организаций, первенцам среди которых считается «Общество попечения о начальном образовании в городе Томске», созданное в 1882 г., породило стремление поставить их деятельность под контроль учебного ведомства, инициировалось в

1896 г. попечителем ЗСУО В. М. Флоринским и увенчалось успехом: в июне 1902 г., на основании высочайше утверждённого положения Комитета министров все подобные общества были переданы в ведение МНП².

В это время наблюдается усиление внимания со стороны МНП к преподавательскому составу, что требовало повышенной профессиональной бдительности со стороны региональных чиновников. На момент создания ЗСУО действовали нормы постановления от 10 ноября 1879 г., получившие подтверждение в последующих актах, согласно которому «в видах ограждений средних и низших учебных заведений ведомства МНП... от преподавателей неблагонадёжных, в политическом и нравственном отношении...» администрация учебных заведений обязана была согласовывать кандидатуры лиц, принимаемых на учительские должности с местными губернаторами³.

Во время Первой российской революции, когда в педагогическом сообществе наметился отход от лоялистских настроений, а в среде учащейся молодёжи проявились академические и политические формы про-

² Государственный архив Томской области (ГАТО). – Ф. 126. – Оп. 1. – Д. 822. – Л. 3–14.

³ Лаурсон А. М. Справочная книга для учебных заведений и учреждений ведомства Министерства народного просвещения. – Петроград: Тип. В. Д. Смирнова, 1916. – С. 50–51.

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1276. – Оп. 9. – Д. 673. – Л. 22–23.

теста [27], требования к профессиональной бдительности региональных чиновников МНП были повышены.

Вне зависимости от реакции на происходящие события (от неприятия до сочувствия) не только требовались физические и моральные силы, но и появлялась угроза потери занимаемой должности. Ярким примером являются фигуры попечителя Л. И. Лаврентьева. Либерально настроенный министр народного просвещения И. И. Толстой, назначенный на этот пост в октябре 1905 г., не поддержал правоохранительные действия попечителя Л. И. Лаврентьева, закрывшего на несколько дней учебные заведения в окружном центре для сохранения спокойствия среди учащихся. Только заступничество томского губернатора К. С. Нолькена и степного генерал-губернатора Н. Н. Сухотина, а также вмешательство министра внутренних дел П. Н. Дурново спасли попечителя от отставки [28, с. 179]. К. С. Нолькен писал: «Увольнение единственного в крае консервативного деятеля учебного ведомства, несомненно, нанесёт тяжкий удар делу водворения порядка не только в учебных заведениях, но вообще в крае, т. к. распоряжение это будет понято местным обществом как победа революционных и оппозиционных кружков»¹.

Профессиональная деятельность региональных чиновников осуществлялась постоянно, так как образовательный процесс, согласно нормативной документации, вёлся в образовательных учреждениях «в течение целого года, за исключением воскресных и праздничных дней и вакаций летних и зимних»².

Своеобразным способом компенсации производственных трудозатрат выступали предоставляемый службой статус и денежное вознаграждение. Статус зависел от чина, обретаемого путём получения класса должности на постоянной основе. В основу чинопроизводства по ведомству МНП были положены нормы гражданского и учебного законодательства. Под правила гражданского законодательства попадали инспектора гимназий, заведующие и инспектора одно-, двух-, трёх- и четырёхклассных народных училищ, инспектора народных училищ, заведующие высших начальных училищ, служащие высших учебных за-

ведений. На основании принятого в 1856 г. закона «О сроках производства в чины по службе гражданской» для перемещения от XIV до VIII классов по три года службы в каждом и от VIII до V – по четыре года. В случае особых заслуг, ходатайства начальства, установленные сроки могли быть сокращены на один год³. Под правила учёного законодательства – директора классических гимназий, учительских институтов, народных училищ; инспектора гимназий и прогимназий. Сроки выслуги, определяемые учебным законодательством, были более дифференцированы: для директора классической гимназии, реального училища, учительского института, народных училищ – девять лет⁴, инспекторов гимназий, реальных училищ и прогимназий – четыре года⁵.

На основании нормативно-правовых актов, действующих к моменту учреждения и в период существования ЗСУО, к IV классу были отнесены попечитель, ректор/директор высшего учебного заведения; к V классу – окружной инспектор, декан, директора народных училищ, классической гимназии, реального училища, учительской семинарии и института, средних механико-технических училищ⁶; к VI классу – инспектора народных училищ, классической гимназии, реального училища, прогимназии, директора низших механико-технических училищ, инспектора ремесленных училищ⁷; к VIII классу – заведующие четырёхклассными и высшими городскими училищами⁸; к X классу – заведующие одно-, двух-, трёхклассными городскими училищами⁹.

Оплата труда, с одной стороны, выступала индикатором рейтинга социально-профессиональной группы на рынке трудовых ресурсов, с другой – условием для улучшения таких составляющих по-

³ Там же. – Т. 31. – Ч. 1, № 31237. – С. 1053–1054.

⁴ Там же. – Т. 46. – Ч. 2, № 49860; Т. 47. – Ч. 1, № 50834, № 50909; Т. 49. – Ч. 1, № 53574.

⁵ Там же. – Т. 46. – Ч. 2, № 49860; Т. 47. – Ч. 1, № 50834.

⁶ Там же. – Т. 39. – Ч. 2, № 41472. – С. 167–179; Там же. – Собр. 3-е. – Т. 9. Штаты и табели, № 6138. – С. 184; Там же. – Собр. 2-е. – Т. 45. – Ч. 3. Штаты и табели, № 48147. – С. 119; Там же. – Т. 47. – Ч. 3. Штаты и табели. – № 50909. – С. 281.

⁷ Там же. – Собр. 2-е. – Т. 46. – Ч. 2, № 49860. – С. 85–99; Там же. – Т. 47. – Ч. 1, № 50834. – С. 626–636; Там же. – Т. 9. Штаты и табели, № 6138. – С. 193.

⁸ Там же. – Т. 47. – Ч. 3. Штаты и табели, № 50909. – С. 279–280; Т. 32. – Ч. 2. Штаты и табели, № 37513. – С. 339–340.

⁹ Там же. – Т. 47. – Ч. 3. Штаты и табели, № 50909. – С. 279–280.

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 776. – Оп. 23. – Д. 44. – Л. 4.

² ПСЗРИ. – Собр. 2-е. – Т. 39. – Ч. 2, № 41472. – С. 172.

вседневности, как быт и досуг. Величина жалования в первую очередь зависела от класса занимаемой должности (табл. 4). В зависимости от типа учебного заведения были свои особенности: для руководителей

средних учебных заведений прибавкой к основному (за административную должность) жалованью считался доход от преподавания, руководителей высших заведений – выполнение административных обязанностей.

Таблица 4

Размер материального вознаграждения чиновников ЗСУО

Должность	Содержание (в рублях)				
	жалованье/ надбавка	столовые	квартирные.	командиро- вочные	всего
Попечитель	Особое распоря- жение		Казённая		
Ректор ИТУ	1 500				1 500
Директор ТТИ	3 000	2 000			5 000
Инспектор ТТИ	1 200	600			1 800
Проректор ИТУ		1 050	1 050		3 300
Окружной инспектор	1 000	1 000	1 000		3 000
Декан ИТУ	600				600
Декан ТТИ	900				900
Директора классической гимназии, реального училища, учительского института/семинарии	1 200	800			2 000
Директор народных училищ	1 000		800	700	2 500
Инспектор классической гимназии, реального училища	900	600	Казён- ная		1 500
Инспектор народных училищ			600	500	2 600
Заведующий/инспектор высшего начального училища	960				960
Заведующий 3–4-классным городским училищем	350	190	Казён- ная		540
Заведующий 1–2-классным городским училищем	75				

Примечание. Источник: ПСЗРИ. – Собр. 3-е. Т. 8. Штаты и табели, № 5231. – С. 70; Т. 21. – Ч. 2. Штаты и табели, № 19526. – С. 6–7; Собр. 2-е. – Т. 39. – Ч. 2, № 41472. – С. 167–179; Т. 45. – Ч. 3. Штаты и табели, № 48147. – С. 119; Т. 47. – Ч. 3. Штаты и табели, № 50909. – С. 281; Собр. 3-е. – Т. 5, № 2808. – С. 59.

Реальный размер годового содержания должностных лиц превышал нормативные (штатные) показатели, так как к ним добавлялись региональные надбавки (за службу в Сибири), оплата за замещение и совместительство в других учебных заведениях.

Заключение. Обращение к профессиональному фактору, который наряду с бытовыми и досуговыми обстоятельствами определял повседневную жизнь региональных чиновников ведомства МНП, представляет интерес как с точки зрения оценки роли этой социально-профессиональной группы в организации управления и корректировке образовательной стратегии Российской империи на местах, так и с позиции извлечения исторического опыта.

Профессиональная деятельность чиновника регионального ведомства МНП, в

том числе и ЗСУО, не подлежащая абсолютному измерению её долевой составляющей в повседневной жизни, определялась рядом объективных обстоятельств.

Во-первых, объёмом и пределами административной ответственности в системе региональных контрольно-координационных структур, установленной ведомственными нормами. Временные затраты и профессиональная ответственность возрастали в результате законодательно регламентированной практики совмещения административных должностей.

Во-вторых, пространственно-территориальными особенностями вверенного сектора управления ЗСУО, в состав которого на момент его образования входили Тобольская, Томская губернии, Акмолинская, Семипалатинская и Семиреченская обла-

сти, по площади превосходившие учебные округа и отличавшиеся слабым развитием и низким качеством путей сообщения.

В-третьих, общественно-политической обстановкой, особенно обострившейся в период революционной ситуации, корректирующей профессиональные обязанности, а иногда и создающей угрозу потери занимаемой должности.

Социальный статус и уровень дохода чиновника, соотносимые со сферой управления и её значимостью для производственной деятельности всей системы,

являлись способами компенсации трудовых затрат, служили индикатором рейтинга регионального учебного чиновничества как социально-профессиональной группы на рынке трудовых ресурсов.

Предлагаемый подход к анализу роли профессионального фактора в повседневной жизни чиновников ЗСГО, как регионального ведомственного представительства МНП, может быть применим к другим социально-профессиональным группам в различных ведомственных, территориальных и временных пространствах.

Список литературы

1. Зайцева Т. А. Культура повседневности в контексте проблемы идентичности // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2012. № 4. С. 14–17.
2. Оспанова А. А. Изучение чиновничества в российской исторической науке // Известия Самарского научного центра РАН. 2015. № 3-2. С. 499–502.
3. Еремина Т. И. Государственная служба учителей ведомства Министерства народного просвещения в начале XX в. // Universum: Вестник Герценовского университета. 2008. № 5. С. 74–80.
4. Лапина Е. А. Особенности повседневной жизни учителей и учащихся в конце XIX – начале XX века в Кургане // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 117. С. 62–72.
5. Сайфуллова Р. Р. Трудовая повседневность народных учителей Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. (на материалах Казанской губернии) // Историческая этнология. 2018. № 1. С. 149–157.
6. Чуркина Н. И. Этос педагогического сообщества: повседневные практики учащихся и учивших Западной Сибири (конец XIX – начало XX вв.) // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2017. № 2. С. 117–120.
7. Блинов А. В., Гончаров Ю. М. Деятельность Министерства народного просвещения в городах Западной Сибири на рубеже XIX–XX вв.: усиление образовательного потенциала в условиях модернизации // Былые годы. Российский исторический журнал. 2019. № 52. С. 736–747. DOI: 10.13187/bg.2019.2.736.
8. Голикова О. А. Создание и развитие системы управления начальными школами Западно-Сибирского учебного округа (1885–1918 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Кемерово, 2012. 31 с.
9. Дамешек Л. М., Мамкина И. Н. Деятельность губернаторов Восточной Сибири в сфере развития народного просвещения в XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 405. С. 64–69. DOI: 10.17223/15617793/405/8.
10. Крапоткина И. Е. Казанский учебный округ в конце XIX – начале XX в. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. 160 с.
11. Мамкина И. Н., Блинов А. В. Региональные модели управления образованием в императорской России: сибирский вариант. Чита: ЗабГУ, 2020. 280 с.
12. Полякова И. П. Современные концепции повседневности, анализ сущности и структура повседневного бытия людей // Вестник Томского государственного университета. Философия, социология. 2017. № 37. С. 83–91. DOI: 10.17223/1998863X/37/9.
13. Пушкарева Н. Л., Любичанковский С. В. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от Школы Анналов к российской философской школе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2014. Т. 4, № 1. С. 7–21.
14. Перинская Н. А. Профессиональная идентичность // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 2. С. 209–211. DOI: 10.17805/zpu.2018.2.19.
15. Трофимова Е. Л. Теоретические подходы к изучению корпоративной идентичности // Психология в экономике и управлении. 2017. Т. 9, № 2. С. 7–17. DOI 10.17150/2225–7845.
16. Банникова Е. В. Условия повседневности: факторы, определяющие жизнь // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2013. № 3. С. 53–58.
17. Boym S. Common Places: Mythologies of Everyday Life in Russia. London: Harvard Univ. Press, 2009. 384 p.
18. Kalekin-Fishman D. Sociology of everyday life // Current Sociology. 2013. No. 5–6. P. 714–732. DOI: 10.1177/0011392113482112.
19. Ludtke A. Alltagsgeschichte. Zur Rekonstruktion historischer Erfahrungen und Lebensweisen. Frankfurt am Main; New York, 1989. 349 p.
20. Maffesoli M. The Sociology of Everyday Life. London: Sage Publications, 1988. 160 p.

21. Weigert A. J. Sociology of Everyday life. New York: Longman, 1981. 318 p.
22. Михайленко Е. И. Проблемы и возможности конструирования образа в исторической науке (на примере образа сибирского чиновника Российской империи) // Вестник Омского университета. 2020. № 1. С. 21–27. DOI: 10.24147/2312-1300.2020.7(1).
23. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. Т. 2. Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. 2-е изд., испр. СПб.: Дмитрий Булавин, 1999. 568 с.
24. Крапоткина И. Е. Попечитель учебного округа как представитель педагогической интеллигенции Российской империи // Международный научно-исследовательский журнал. 2014. № 1. С. 77–78.
25. Бойко А. П. Томское купечество XVIII–XIX вв. Томск: Водолей, 1996. 320 с.
26. Завьялов А. А., Модоров Н. С. Почтовые тракты Алтайского округа в конце XIX – начале XX вв. // ГЕО-Сибирь. 2010. Т. 6. С. 63–67.
27. Ищенко О. В. Учащаяся молодёжь Сибири в период первой Российской революции 1905–1907 годов: характер протестных движений // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 34. С. 148–160.
28. Черказьянова И. В. Попечитель учебного округа Л. И. Лаврентьев и томский университет: сотрудничество и конфликты // Вестник Томского государственного университета. 2005. № 289. С. 177–187.

Статья поступила в редакцию 22.03.2021; принята к публикации 30.04.2021

Сведения об авторе

Блинов Алексей Владимирович, доктор исторических наук, доцент, Кемеровский государственный университет; 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6; e-mail: blinov_alexey_vlad@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9130-6205>.

Библиографическое описание статьи

Блинов В. А. Профессиональный фактор в повседневности чиновников Западно-Сибирского учебного округа (1885-1917) // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 3. С. 79–89. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-79-89.

References

1. Zaitseva, T. A. Culture of everyday life in the context of the problem of identity. Bulletin of Tomsk State University. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, no. 4, pp. 14–17, 2012. (In Rus.)
2. Ospanova, A. A. The study of civilian official in Russian Historical Science. Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, no. 3–2, pp. 499–502, 2015. (In Rus.)
3. Eremina, T. I. State service of teachers of the Department of the Ministry of Public Education in the early twentieth century. Universum: Bulletin of Herzen University, no. 5, pp. 74–80, 2008. (In Rus.)
4. Lapina, E. A. Features of the daily life of teachers and students in the late XIX – early XX century in Kurgan. Bulletin of the Russian State Pedagogical University of A. I. Herzen, no. 117, pp. 62–72, 2009. (In Rus.)
5. Saifullova, R. R. Labor everyday life of folk teachers of the Russian Empire in the second half of the XIX – early XX centuries. (based on the materials of the Kazan province). Istoricheskaya ehtnologiya, no. 1, pp. 149–157, 2018. (In Rus.)
6. Churkina, N. I. The ethos of the teaching community: everyday practices of students and teachers of Western Siberia (late XIX-early XX centuries). Bulletin of the Omsk State Pedagogical University, no. 2, pp. 117–120, 2017. (In Rus.)
7. Blinov, A. V., Goncharov, YU. M. Activities of the Ministry of the National Education in the Cities of Western Siberia at the end of the 19th – the beginning of the 20th centuries: Strengthening of Educational Potential during the Modernization. Years of old. Russian historical journal, no. 52, pp. 736–747, 2019. DOI: 10.13187/bg.2019.2.736. (In Rus.)
8. Golikova, O. A. Creation and development of the primary school management system of the West Siberian School District (1885–1918): Cand. sci. diss. abstr. Kemerovo, 2012. (In Rus.)
9. Dameshek, L. M., Mamkina, I. N. The activity of the governors of Eastern Siberia in the field of public education in the XIX – early XX centuries. Bulletin of Tomsk State University, no. 405, pp. 64–69, 2016. DOI: 10.17223/15617793/405/8. (In Rus.)
10. Krapotkina, I. E. Kazan School District in the late XIX-early XX century. M: FLINTA: Nauka, 2011. (In Rus.)
11. Mamkina, I. N., Blinov, A. V. Regional models of education management in Imperial Russia: Siberian version. Chita: ZaBGU, 2020. (In Rus.)

12. Polyakova, I. P. Modern concepts of everyday life, analysis of the essence and structure of everyday life of people. Bulletin of Tomsk State University, no. 37, pp. 83–91, 2017. DOI: 10.17223/1998863X/37/9. (In Rus.)
13. Pushkareva, N. L., Lyubichankovskii, S. V. Understanding the History of Everyday Life in Modern Historical Research: from the School of Annals to the Russian School of Philosoph. Bulletin of the Leningrad State University. A. S. Pushkin, no. 1, pp. 7–21, 2014. (In Rus.)
14. Perinskaya, N. A. Professional identity. Knowledge. Understanding. Skill, no. 2, pp. 209–211, 2018. DOI: 10.17805/zpu.2018.2.19. (In Rus.)
15. Trofimova, E. L. Theoretical approaches to the study of corporate identity. Psychology in Economics and Management, no. 2, pp. 7–17, 2017. DOI 10.17150/2225-7845. (In Rus.)
16. Bannikova, E. V. Conditions of everyday life: factors that determine life. Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University, no. 3, pp. 53–58, 2013. (In Rus.)
17. Boym, S. Common Places: Mythologies of Everyday Life in Russia. London: Harvard univ. Press, 2009. (In Engl.)
18. Kalekin-Fishman, D. Sociology of everyday life. Current Sociology, no. 5–6, pp. 714–732, 2013. DOI:10.1177/0011392113482112. (In Engl.)
19. Ludtke, A. Alltagsgeschichte. Zur Rekonstruktion historischer Erfahrungen und Lebensweisen. Frankfurt am Main, New York, 1989. (In Engl.)
20. Maffesoli, M. The Sociology of Everyday Life. London: Sage Publications, 1988. (In Engl.)
21. Weigert, A. J. Sociology of Everyday life. New York: Longman, 1981. (In Engl.)
22. Mikhailenko, E. I. Problems and possibilities of image construction in historical science (on the example of the image of a Siberian official of the Russian Empire). Omsk University Bulletin, no. 1, pp. 21–27, 2020. DOI: 10.24147/2312–1300.2020.7(1). (In Rus.)
23. Mironov, B. N. Social History of Russia during the Imperial period (XVIII–early XX century.): v 2 vol. 2-e izd., ispr. vol. 2: The genesis of the individual, the democratic family, civil society and the rule of law. SPb: Dmitrii Bulavin, 1999. (In Rus.)
24. Krapotkina, I. E. Trustee of the school district as a representative of the pedagogical intelligentsia of the Russian Empire. International research journal, no. 1–2, pp. 77–78, 2014. (In Rus.)
25. Boiko, A. P. Tomsk merchants of the XVIII–XIX centuries. Tomsk: Vodolei, 1996. (In Rus.)
26. Zav'yalov, A. A., Morodov, N. S. Postal routes of the Altai District in the late XIX–early XX centuries. GEO-Sibir', no. 6, pp. 63–67, 2010. (In Rus.)
27. Ishchenko, O. V. Student youth of Siberia during the First Russian Revolution of 1905–1907: the nature of protest movements. Chelyabinsk State University Bulletin, no. 34, pp. 148–160, 2008. (In Rus.)
28. Cherkaz'yanova, I. V. Trustee of the educational district L. I. Lavrentiev and Tomsk University: cooperation and conflicts. Bulletin of Tomsk State University, no. 289, pp. 177–187, 2005. (In Rus.)

Received: March 22, 2021; accepted for publication April 30, 2021

Information about author

Blinov Alexey V., Doctor of History, Associate Professor, Kemerovo State University; 6 Krasnaya st., Kemerovo, Russia, 650000; e-mail: blinov_alexey_vlad@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9130-6205>.

Reference to the article

Blinov A. V. Professional Factor in the Everyday Life of Civil Servant of the West-Siberian Educational District (1885–1917) // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 3. PP. 79–89. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-79-89.

УДК 94(571)

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-90-99

Оксана Александровна Литвинова,
Алтайский государственный технический
университет им. И. И. Ползунова
(г. Барнаул, Россия),
e-mail: litox69@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3352-3679>

Повседневная жизнь школьного сообщества Барнаула в условиях Первой мировой войны

В работе освещается повседневная жизнь школьного социума Барнаула в годы Первой мировой войны. Актуальность темы определяется как необходимостью введения в научный оборот ранее не опубликованных документов по истории образования, так и важностью изучения поведения людей в условиях кризисного времени, вызванного войной. Цель работы – изучение практик повседневной жизни барнаульского школьного сообщества в условиях войны. Исследование проведено на основе социокультурного подхода. В качестве основных методов исследования были использованы методы институционального и позиционного анализа. В качестве результатов исследования автор сформулировал следующие положения. В условиях войны в повседневную жизнь учеников и учителей вошли следующие различные формы благотворительной деятельности. В значительной степени это произошло под воздействием государственных и общественных институтов. Затяжной характер войны привёл к падению уровня жизни семей учеников и учителей. По этой причине, начиная с конца 1915 г., в повседневной деятельности руководителей учебных заведений большое место стало занимать решение вопросов социального характера. Появление беженцев в Барнауле способствовало формированию социально ответственного поведения руководителей школ, рядовых учителей, а также родителей учеников беженцев. Как намечающуюся социальную практику военной повседневности можно рассмотреть организацию допризывной подготовки учеников старших школ. В качестве вывода автор формулирует мысль о том, что новые практики повседневности в условиях войны определялись как государственной политикой, так и реакцией школьного сообщества на ухудшающиеся условия жизни. Обе эти тенденции способствовали появлению в будничной жизни учителей и учеников различных благотворительных мероприятий и мер социальной помощи. Вместе с тем не все новые явления социальной жизни военных лет смогли закрепиться в рассматриваемый период как прочные образцы повседневной жизни. Пример тому – допризывная подготовка старшеклассников.

Ключевые слова: Первая мировая война, повседневная жизнь, школьное сообщество, благотворительность, беженцы, социальные практики, военно-спортивные комитеты

Oksana A. Litvinova,
Polzunov Altai State Technical University
(Barnaul, Russia),
e-mail: litox69@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3352-3679>

Everyday Life of School Community in Barnaul During the First World War

The article is devoted to everyday life of the school society in the Barnaul during the First World War. The relevance of the topic is determined by the importance of studying people's behavior in times of crisis caused by the war. The purpose of the work is to study the practice of everyday life of the school community in the Barnaul during the war. The research was carried out on the basis of a socio-cultural approach. The main methods of research are institutional and positional analysis. During the war, various forms of charitable work entered the daily life of students and teachers. This happened under the influence of state and public institutions. The war led to a drop in the standard of living of students' and teachers' families. That is why the solution of social issues began to occupy an important place in the daily activities of the heads of educational institutions. The appearance of refugees in Barnaul formed of socially responsible behavior of school chiefs, ordinary teachers and parents of refugee students. As an emerging social practice of military time, one can consider the organization of pre-conscription training of school students. As a conclusion, the author formulates the idea that practices of everyday life in war conditions were determined both by the state policy and by the reaction of the school community to deteriorating living conditions. But not all new phenomena of the social life of the war years were able to gain a foothold in the period under consideration as durable examples of everyday life. An example of this is pre-conscription training.

Keywords: World War I, everyday life, school community, charity, refugees, social practices, military-sports Committees

© Литвинова О. А., 2021

Введение. Одной из тем, активно разрабатываемых отечественной исторической наукой на протяжении двух последних десятилетий, стала тема повседневности. Неиссякаемость данной тематики объясняется возможностью изучать сюжеты повседневной жизни, исходя из социальной принадлежности индивида, временных и территориальных условий его жизни. Данная статья посвящена практикам повседневности школьного сообщества г. Барнаула в условиях Первой мировой войны. Тема актуальна, поскольку позволяет изучить образ жизни конкретной социальной общности в кризисное время (военная действительность), что обогащает представления историков и обществоведов о ментальности общества и паттернах поведения людей в условиях системного кризиса, сопутствующего войне.

Обзор литературы. Тематика школьной повседневности периода Первой мировой войны прямым или косвенным образом нашла своё отражение в ряде научных публикаций. В частности, на материалах отдельных губерний России историки проанализировали повседневную жизнь учащихся средних школ [1; 2], процессы, получившие развитие в системе школьного образования и воспитания в годы войны [3–6], формы и виды помощи детям в условиях военного времени [7]. Отдельные аспекты повседневной жизни подрастающего поколения освещались историками при обращении к теме организации допризывной подготовки учащихся посредством деятельности в различных городах военно-спортивных комитетов [8–12], организации учебными заведениями благотворительных мероприятий [13]. В этом плане наиболее близкой нашей теме стали исследования В. С. Сулимова, в которых изучена тема деятельности в Барнаульском уезде трудовых дружин [14], а также статья О. М. Долидович, посвящённая практикам благотворительной работы учащихся Барнаула в годы Первой мировой войны [15]. В последней публикации на основе материалов региональной периодики (газеты «Жизнь Алтая») раскрыта деятельность школьного сообщества по организации помощи жертвам войны: сиротам, инвалидам, семьям мобилизованных.

Тема повседневной жизни в условиях Первой мировой войны оказалась затронутой не только отечественными, но и зарубежными исследователями, проанализировавшими процесс развития российского об-

щества в условиях войны [16], поднявшими тему детства [17] и тему организации жизни беженцев [18].

Таким образом, проблематика повседневной жизни ученичества и учительства в годы Первой мировой войны нашла должное освещение в отдельных публикациях современных отечественных и зарубежных исследователей. Между тем существует необходимость более глубокого изучения обозначенного исторического сюжета на уровне отдельных регионов с учётом их локальных особенностей. Изучение школьной повседневности г. Барнаула характеризуется своей новизной, позволяет ввести в научный оборот не использованные ранее архивные источники, предпринять для их анализа не применяемые ранее методологические принципы и сделать на основе исторического анализа новые научные выводы.

Цель работы – изучение практик повседневной жизни ученического, родительского и учительского сообществ г. Барнаула в их взаимодействии в условиях Первой мировой войны.

Источниковую базу исследования составила делопроизводственная документация из фонда барнаульской мужской гимназии (Ф. 46) Государственного архива Алтайского края (ГААК). Архивные документы были дополнены материалами барнаульской прессы рассматриваемого хронологического периода – статьями из газеты «Жизнь Алтая», поскольку периодика является одним из репрезентативных источников по истории повседневности. Применение принципов историзма позволяет дифференцировать события повседневной жизни от событий иного рода, также получающих освещения в прессе.

Методология и методы исследования. История повседневности рассмотрена через будничные события частной жизни, включая практику их приспособления к изменяющимся условиям общественной (внешней) жизни. В качестве объекта исследования выбрано школьное сообщество г. Барнаула, в качестве предмета исследования – практики социальной жизни этого сообщества в условиях Первой мировой войны.

Важно осознавать, что школьное сообщество в период 1914–1917 гг. – социальное образование, включающее в себя учительский корпус, обучающихся (учеников гимназий, реальных училищ, высших

начальных школ, начальных и приходских школ), а также родителей обучающихся. Специфичность изучаемого объекта, представляющего собой сложный социальный конструкт, определила выбор методологического принципа для исторического анализа – это социокультурный подход, позволяющий выявить образцы практик повседневности исходя как из институционального воздействия, так и личностного аспекта.

В качестве основных методов исследования использованы методы институционального и позиционного анализа, позволяющие выявить практики повседневности, формирующиеся под воздействием государства, общественных организаций и иных социальных институтов с одной стороны и образцы поведения отдельных личностей (учителей, родителей), ставших в дальнейшем примером для подражания и массового применения в школьном сообществе, – с другой.

Результаты исследования и их обсуждение. *Практика благотворительности и школьная повседневность.* Начавшаяся война, как и любой социальный конфликт подобного масштаба, изменила повседневную жизнь населения России, в том числе жителей таких отдалённых от эпицентра политических событий городов, как Барнаул. Из материалов периодики и архивных документов можно узнать, как постепенно в ходе войны развивалась практика организации благотворительных акций в поддержку участников войны и их семей, как в эту практику в том или ином качестве вовлекалось барнаульское школьное сообщество.

Информация об объявлении Германией войны России в газете «Жизнь Алтая» появилась через три дня после начала конфликта – 22 июля 1914 г. Первые сведения о влиянии войны на повседневную жизнь школьников Барнаула появились в «Жизни Алтая» через неделю после сообщения о начале военного конфликта – 30 июля. В небольшой заметке о заседании совета Школьного общества (Общества попечения о начальном образовании) упоминалось о решении возобновить гуляния в саду и продолжить до начала учебного года занятия на детских площадках. При этом отмечалось, что посещение детьми площадок, сократившееся после 22 июля, т. е. после дня опубликования известий о начале войны, вновь усилилось¹. После газетных номеров за 1–3 августа 1914 г. был полуторамесяч-

¹ Жизнь Алтая. – 1915. – 30 июля.

ный перерыв в выходе издания. В номере, вышедшем через день после возобновления тиража, была представлена информация о новом решении Школьного общества: уступить зал Народного дома для устройства двух спектаклей в пользу семей запасных и ополченцев, призванных на войну². Данное решение общества не коснулось напрямую учителей и учеников барнаульских школ. Однако, как показали дальнейшие события, в практику организации благотворительных представлений стали вовлекаться школьники. При этом спектакли могли происходить на различных городских площадках. Например, 29 декабря 1915 г. ученицы 7-го класса Первой женской гимназии устраивали на сцене барнаульского клуба благотворительный вечер в пользу солдат, находившихся в германском плену³.

Параллельно с практикой представления благотворительных вечеров с первых дней войны формировалась традиция кружечных сборов. Судя по материалам периодики, первый такой сбор в Барнауле был организован местным дамским Комитетом общества Красного креста. Сбор прошёл 29 сентября 1914 г.⁴ О. М. Долидович, изучившая исторический сюжет об участии барнаульских школьников в благотворительности, указала, что местные организации стали привлекать детей к подобным сборам с первых дней войны. В отличие от взрослых, которые неловко чувствовали себя в роли просителей, дети были готовы стать сборщиками денежных средств, независимо от погодных условий и времени года. Как отмечает Долидович, «во второй половине 1914 г., в начальный период войны, кружечные сборы в Барнауле проходили практически еженедельно» [15, с. 48]. Отметим, что архивные фонды сохранили немалое количество поданных на имя руководителей учебных заведений ходатайств различных общественных организаций (дамских комитетов, комитетов вспомоществования нуждам войны). В ходатайствах была просьба позволить школьникам принять участие в кружечных сборах⁵. Помимо прошений архивные дела содержат благодарности этих же организаций за предоставленное школьным начальством разрешение участвовать ученикам в такого рода акциях⁶.

² Там же. – 1914. – 25 сент.

³ Там же. – 1915. – 29 дек.

⁴ Там же. – 1914. – 27 сент.

⁵ Государственный архив Алтайского края (ГААК). – Ф.46. – Оп.1. – Д. 56.

⁶ Там же. – Д. 31. – Л. 26.

На начальном этапе войны (в сентябре 1914 г.) общество Красного креста ходатайствовало перед Министерством народного просвещения (далее – МНП) о возможности поставить в учебных заведениях кружки для сбора денежных средств. В Барнауле этот запрос был удовлетворён посредством разрешения со стороны попечителя Западно-Сибирского учебного округа (далее – ЗСУО), о чём свидетельствует делопроизводственная документация – письмо от окружного инспектора училищ на имя директора Барнаульской мужской гимназии, датированное сентябрем 1914 г.¹

В сентябре 1914 г. прошло мероприятие, инициированное попечителем ЗСУО: в учебные заведения Барнаула поступили подписные листы для пожертвований на нужды военного времени. Руководителям школ предлагалось взять на себя труд «предложить подведомственным лицам» внести «посильную плату на дело помощи семьям запасных и ратников ополчения»².

Возвращаясь к теме кружечных сборов, отметим, что регулярное участие школьников в таких мероприятиях постепенно стало вызывать противодействие со стороны руководителей учебных заведений. О. М. Долидович обращает внимание на то, что массовое участие школьников в кружечных сборах начало тревожить МНП ввиду снижения успеваемости учащихся, поэтому первые ограничения на участие детей в сборах были введены уже в начале 1915 г. [15, с. 48]. Архивные документы свидетельствуют о взвешенной политике начальства местных учебных заведений по отношению к участию школьников в благотворительных акциях осенью 1915 г. Так, 28 октября 1915 г. на заседании Комитета начальников средних и низших учебных заведений г. Барнаула обсуждалось обращение дамского Комитета общества Красного креста разрешить учащимся участвовать в сборе тёплых вещей и кружечном сборе. При обсуждении этого вопроса руководители учебных заведений заметили, что учащиеся, задействованные в таком мероприятии, будут заходить в квартиры и дома, что связано с риском заражения болезнями. В результате обсуждения вопроса Комитет принял решение о ходатайстве перед попечителем ЗСУО о возможности участия

обучающихся только в кружечном сборе в часы, свободные от занятий³.

Осенью 1916 г., через год после описываемых событий, на имя директора единственной в городе мужской гимназии пришла телеграмма от попечителя ЗСУО, где «ещё раз подтверждалось», что ни в учебные часы, ни в часы богослужения в выходные дни нельзя разрешать учащимся участвовать в кружечных сборах⁴. Подобного рода информация позволяет делать вывод о том, что кружечные сборы очень быстро стали обыденной социальной практикой ученического сообщества в годы войны.

Помимо кружечных сборов МНП пыталось опробовать и иные формы благотворительности. В научных публикациях упоминается, что в 1914 г. министерство предложило использовать женские гимназии и училища, где преподавалось рукоделие, для пошива белья раненым [6, с. 81–82]. Нами не обнаружены сведения о том, как барнаульские женские гимназии откликнулись на такое предложение. Однако в периодике сообщается о так называемых балах рукоделий. Один из таких балов в пользу семей беженцев организовывался во второй женской гимназии (гимназии М. Ф. Будкевич) 20 декабря 1915 г.⁵

Таким образом, организация благотворительных мероприятий достаточно быстро превратилась в один из элементов школьной повседневной жизни. В благотворительных акциях были задействованы как ученики школ, так и руководители учебных заведений, поскольку на начальном этапе войны некоторые формы благотворительных акций инициировались МНП.

Меры социальной помощи ученикам. Падение уровня жизни в условиях войны заставило школьное сообщество проработать и реализовать на практике меры социальной поддержки и в отношении учителей, и в отношении семей учеников. Рассмотрим такие социальные практики.

Уже в сентябре 1914 г. на заседании правления Учительского общества (Алтайского отделения Томского учительского общества) было принято решение о двухпроцентном отчислении из жалования членов общества с целью оказания помощи обучающимся в школах детям призванных воинов запаса и ополченцев⁶.

¹ ГААК – Ф.46. – Оп. 1. – Д. 31. – Л. 7.

² Там же. – Л. 9.

³ Там же. – Д. 43. – Л. 2–2 об.

⁴ Там же. – Д. 56. – Л. 126.

⁵ Жизнь Алтая. – 1915. – 11 дек.; 13 дек.

⁶ Там же. – 1914. – 26 сент.

Затянувшаяся война, повлекшая за собой социально-экономический кризис, поставила вопрос об обеспечении населения городов, в том числе и Барнаула, продуктами питания. К осени 1916 г. вопрос о снабжении продовольствием детей горожан стоял настолько остро, что 27 сентября 1916 г. от МНП на имя попечителя ЗСУО пришёл циркуляр о необходимости организовать питание в школах¹. Не исключено, что именно в соответствии с упомянутым документом директор мужской гимназии в ноябре 1916 г. направил прошение на имя попечителя ЗСУО. В прошении отмечалось, что до 22 учеников не имели возможности завтракать в гимназии из-за отсутствия собственных средств. Учитывая сложившееся обстоятельство, родительский комитет принял решение предоставить таким учащимся бесплатные завтраки. Признавая необходимость оказать помощь родительскому комитету, директор гимназии обращался к попечителю учебного округа с просьбой разрешить употребить на оплату завтраков для неимущих учеников денежные средства учебного заведения, с отнесением такого расхода на специальные средства гимназии².

Исходя из сказанного, можно сделать вывод о том, что решение вопроса об организации питания учеников школ происходило институциональным путем, посредством совместных действий как МНП, так и городского самоуправления. Однако активная позиция директоров учебных заведений не могла не способствовать скорости и результативности решения возникшего вопроса.

Не менее важной, чем обеспечение учеников питанием, для всего школьного сообщества стала задача оснащения учащихся школьными принадлежностями, а в ряде случаев – одеждой. Данная проблема в первую очередь была актуальна для учеников начальных школ (начальных училищ, приходских училищ), поскольку школы такого типа аккумулировали детей из малообеспеченных семей. Решение о поддержке учеников начальных школ брало на себя Общество попечения о начальном образовании. На его заседании 8 января 1916 г. было принято решение о бесплатной выдаче тетрадей нуждающимся учащимся из специально созданного запаса³. Недели позднее в местной прессе была представ-

лена информация о том, что на заседании общества была утверждена сумма расходов на покупку одежды для детей из беднейших семей – 33 р. 83 к.⁴

Представленная информация даёт понять, что неотъемлемой чертой повседневности учеников начальных школ города была элементарная неустроенность быта, что сформировало в поведении учительского сообщества практику регулярной помощи нуждающимся семьям школьников.

Наконец, ещё одной формой поддержки учащихся в годы Первой мировой войны стало выделение стипендии на обучение. В ноябре 1916 г. Комитет начальников учебных заведений г. Барнаула рассматривал возможность об изыскании средств для предоставления льгот на обучение детей георгиевских кавалеров. Решение этого вопроса было связано с ходатайством Великого князя Михаила Александровича перед министром народного просвещения о предоставлении потомству героев войны определённого числа стипендий и бесплатных пенсионерских вакансий. После продолжительных прений Комитет принял решение о приёме детей героев в учебные заведения вне конкурса и о предоставлении им пяти стипендий, дающих право на бесплатное обучение. Для выделения стипендий прорабатывался вопрос об образовании специального фонда, который аккумулировал бы денежные средства и по мере необходимости распределял бы стипендии между учебными заведениями города⁵. Мера, инициированная представителем императорской семьи и проработанная для непосредственной реализации сообществом руководителей учебных заведений, как можно предположить исходя из дальнейших исторических событий, не была реализована на практике. Однако изучение ее интересно с точки зрения оценки каждодневной управленческой работы школьного руководства в годы войны.

Обеспечение быта учителей в условиях военного времени. Условия военного времени создали тяжёлую материальную ситуацию не только для семей обучающихся, но и для учительского сообщества. Вопросы снабжения учителей дровами, продуктами питания, денежными средствами стали к концу 1915 г. особенно злободневными. Пути решения возникших проблем были различны. Например, в конце декабря 1915 г. «Жизнь Алтая» поместила со-

¹ ГААК. – Ф. 46. – Оп. 1. – Д. 57. – Л. 35–35 об.

² Там же. – Л. 40, 42.

³ Жизнь Алтая. – 1916. – 10 янв.

⁴ Там же. – 17 янв.

⁵ ГААК. – Ф. 46. – Оп. 1. – Д. 72. – Л. 1 об.

общение о необходимости правлению Учительского общества до 15 января забрать 100 сажень дров с лесопильного завода. Дрова предназначались для нуждающихся учителей¹.

В январе 1916 г. Учительское общество приняло решение ходатайствовать перед Городской думой о выдаче учителям приходских школ ежемесячной прибавки к жалованию. Предполагалось, что подобная финансовая помощь будет оказываться до окончания войны. Необходимость такой поддержки объяснялась низким жалованием учителей приходских школ².

Ещё одним сюжетом повседневной жизни горожан военного времени стала их адаптация к инфляции. В условиях постоянного роста цен барнаульское учительство искало неординарные пути решения возникшей проблемы. Так, на заседании 13 ноября 1916 г. Комитет начальников средних и низших учебных заведений обсуждал возможность организации учительского потребительского общества. После продолжительных обсуждений участники заседания пришли к выводу, что собрать необходимые средства (10 000 р.) на основе паёв не представляется возможным. Вместе с тем было принято решение оставить тему создания потребительского общества открытой, но при этом принять меры, удешевляющие жизнь. К таким мерам относились совместная покупка продуктов и дров и устройство общего учительского огорода. Для создания огорода был необходим подходящий участок земли. Помимо устройства огорода высказывалось пожелание приобрести коров, поскольку двор мужской гимназии мог бы стать хорошим помещением для их содержания. Предполагалось, что расход по содержанию скота окупится молоком, которое пошло бы на завтраки как учителям, так и ученикам. Директор реального училища Г. Н. Антонов при условии необходимых для этого средств согласился решить вопросы организации молочной фермы³.

Таким образом, повседневная жизнь учительского сообщества в годы войны представляла не только ежедневный учебный процесс, но и постоянный поиск неординарных и эффективных моделей решения материальных вопросов.

Школьная повседневность детей беженцев. Характерной чертой повседнев-

ности военного времени является появление в городском пространстве беженцев. Согласно материалам периодики, количество беженцев в Барнауле на конец января 1916 г. составляло 760 мужчин, 880 женщин, 1053 – детей и подростков, из которых школьного возраста было 590 чел. При этом только 45 детей посещали школы⁴, что составляло менее 10 %. Большинство беженцев были этническими русскими (при этом русских детей было 932 чел.). Следовательно, можно предположить, что основная причина непосещения школ заключалась в тяжёлом материальном положении прибывших семей, а не в языковом барьере.

Помощь беженцам оказывал местный комитет беженцев, а также местные отделы национальных обществ, в частности, отдел польского вспомоществования жертвам войны. За счёт этой организации 13 ноября 1915 г. в Барнауле была открыта школа, которую посещало 40 польских детей⁵.

Обеспечение детям беженцев возможности обучения стало на рубеже 1915–1916 гг. основной задачей руководителей барнаульских школ. На заседаниях барнаульского комитета начальников учебных заведений 10 и 23 декабря 1915 г. было принято решение об открытии для детей беженцев начальной школы⁶. 30 декабря 1915 г. в «Жизни Алтая» было размещено объявление о том, что запись детей беженцев в школу, начиная с 29 декабря, будет проводиться ежедневно⁷. 5 февраля 1916 г. на имя председателя Барнаульского отделения Татьянинского комитета была подана смета на содержание планируемой к открытию школы⁸.

Изучение материалов периодики позволяет сделать вывод, что обучение беженцев предполагалось организовать и в имевшихся в Барнауле школах. Это в свою очередь вызывало проблемы из-за нехватки мест в учебных заведениях. По этой причине 8 января 1916 г. на заседании совета Нагорной школы было принято решение об обращении к инспектору начальных училищ Барнаула с просьбой не посылать детей беженцев в эту школу. Причина такой позиции школьного совета объяснялась переполненностью учебного заведения⁹.

⁴ Жизнь Алтая. – 1914. – 26 сент.

⁵ Там же. – 1916. – 29 янв.

⁶ Там же. – 30 янв.

⁷ Там же. – 1915. – 30 дек.

⁸ ГААК. – Ф. 46. – Оп. 1. – Д. 43. – Л. 46–46 об.

⁹ Жизнь Алтая. – 1916. – 10 янв.

¹ Жизнь Алтая. – 1915. – 23 дек.

² Там же. – 1916. – 30 янв.

³ ГААК. – Ф. 46. – Оп. 1. – Д. 72. – Оп. 1. – Л. 1–2 об.

Ситуация неустроенности быта беженцев усугублялась начавшейся зимой. В качестве примера можно привести ходатайство, отправленное в январе 1916 г. Комитетом начальников учебных заведений в барнаульский общественный комитет по оказанию помощи беженцам. В документе говорилось, что пятеро принятых в открытую школу для детей беженцев заявили об отсутствии тёплой одежды¹.

Заметим, что была категория беженцев, для которой получения образования их детьми было очень важно. Такие люди пытались как можно скорее «встать на ноги» на новом месте жительства. В этом плане интересно прошение в городской комитет по оказанию помощи беженцам некоего Я. П. Авдийчика². Заявитель указывал, что две его младшие дочери являются учащимися (одна обучалась в подготовительном классе гимназии М. Ф. Будкевич, другая была ученицей 1-го класса Первой женской гимназии). Проситель подчёркивал, что помимо затрат на обучение в семье есть траты на одежду и питание, и обращал при этом внимание на род своей деятельности: он был сапожником, а две его старшие дочери – модистками. В заявлении указывалось, что мастерская с оборудованием была оставлена на прежнем месте жительства. В итоге была озвучена просьба – выделить некую сумму денег на приобретение швейной машины. Со слов просителя, это позволило бы ему вместе со старшими дочерьми обеспечивать семью. Сложно определить, являлась ли описанная ситуация нормой или девиацией в действиях осевших в Барнауле беженцев, поскольку аналогичных прошений в архивных фондах нами не найдено. Однако нельзя не отметить, что обнаруженное заявление интересно с точки зрения формирования модели социально ответственного поведения пусть и немногочисленной, но значительной части городского социума – беженцев.

Мобилизация спорта и военно-спортивные комитеты. Раскрывая повседневную жизнь школьного сообщества периода войны, важно упомянуть специфические, вызванные военным временем социальные практики школьного сообщества. Речь идёт о воплощении государственной политики по допризывной подготовке. Данный вопрос обсуждался в октябре–декабре 1915 г. на общегосударственном уровне, 8 декабря 1915 г. император утвердил «По-

ложение о мобилизации спорта». Согласно проекту, допризывная подготовка должна была производиться спортивными и гимнастическими обществами, а также средними и низшими учебными заведениями. На местах предполагалось создать военно-спортивные комитеты. Оговаривалось, что в их состав войдут представители спортивных обществ и организаций, местных городских общественных управлений и земских учреждений³. К лету 1916 г. в России действовало 23 подобных комитета [8, с. 22]. Примерный план занятий по допризывной подготовке был подписан 16 апреля 1916 г. Обучение военному делу должно было проходить в течение трёх дней в неделю посредством трёх уроков по 45 мин [9, с. 32].

Архивные фонды содержат информацию о том, как шёл процесс создания военно-спортивных комитетов в Барнауле. В результате анализа документов сделан вывод о том, что ещё до подписания примерного плана подготовки МНП через попечителей учебных округов руководителей учебных заведений обязали немедленно позаботиться об устройстве военно-спортивных комитетов. В Барнаул циркуляр такого содержания поступил в январе 1916 г. Согласно циркуляру, три урока в неделю, отведённые на гимнастику, считались необходимым разбить на два урока по полтора часа, отнести их на последние часы учебного дня. Помимо этого указывалось на необходимость привлечения учащихся выпускных классов в воскресные дни для двухчасовых занятий военным строем. Предполагалось освободить учащихся выпускных классов от экзаменов, так как проведение военных тренировок не давало возможности тщательно подготовиться к традиционной проверке знаний. Экзамен должны были заменить ежемесячные «репетиции», проходящие в течение оставшегося полугодия, что означало выставление годовых отметок и выдачу аттестата на основании результатов контрольных работ⁴.

Следует, однако, заметить, что организация допризывной подготовки в Барнауле в соответствии с министерским циркуляром затруднялась объективной причиной: малым количеством средних школ в горо-

¹ ГААК. – Ф. 46. – Оп. 1. – Д. 43. – Л. 34.

² Там же. – Л. 53–54.

³ Особый журнал совета министров. 20 ноября 1915 г. По проекту положения о мобилизации спорта // Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1915 год. – М.: РОССПЭН, 2008. – С. 549–550.

⁴ ГААК. – Ф. 46. – Оп. 1. – Д. 57. – Л. 2–2 об.

де и отсутствием спортивных и гимнастических сообществ. Директор мужской гимназии указывал в письме попечителю ЗСУО: «...спортивных и гимнастических обществ в г. Барнауле нет; учебных же заведений, в коих имеются ученики старше 16 лет, семь»¹. В целом в учебных заведениях Барнаула в начале 1916 г. обучалось 68 юношей, достигших 16-летнего возраста².

К маю 1916 г. в Барнауле существовало гимнастическое сообщество, председатель которого во исполнение плана допризывной подготовки приглашал на собрание директоров учебных заведений³. К сожалению, архивные материалы не предоставляют информацию о том, каков был результат указанного собрания. Думается, что военно-спортивный комитет в Барнауле не появился, что, впрочем, было характерно и для других сибирских городов, в которых численность школьников предпризывного возраста была невелика [11]. В начале 1917 г. допризывная подготовка барнаульских школьников всё же началась, о чём отчитывался перед попечителем учебного округа директор мужской гимназии⁴. Руководство занятиями было поручено прапорщику 24-го Стрелкового запасного полка И. И. Калинину. Директор гимназии также просил попечителя округа о выделении для военных занятий 30 винтовок и 1200 патронов⁵. Однако в сентябре 1917 г. МНП было принято решение приостановить допризывную подготовку⁶. Как известно, дальнейшие политические события, произошедшие в России, коренным образом изменили жизнь всех групп населения.

Заключение. Повседневная жизнь школьного сообщества Барнаула в годы Первой мировой войны испытывала на себе влияние нескольких тенденций. С одной сто-

роны это были процессы, происходившие под институциональным воздействием и направленные на оказание помощи семьям мобилизованных, малоимущих, беженцев, раненых. Данное обстоятельство воздействовало на появление различных форм благотворительных акций. Кружечные сборы, ярмарки рукоделия, благотворительные концерты – во все эти мероприятия вовлекалось как ученическое, так и учительское сообщество. Соответственно практики благотворительности стали одним из важных элементов повседневной жизни школьного сообщества города в годы войны.

С другой стороны, война привела к падению уровня жизни горожан. С конца 1915 г. в повседневной жизни школьного сообщества Барнаула стали преобладать практики, главной задачей которых была адаптация к кризисным условиям. В такие социальные практики вовлекались главным образом родители учеников, учителя, руководители учебных заведений.

Наконец, в условиях Первой мировой войны государство попыталось комплексно решить задачу воинского призыва, пытаясь наладить допризывную подготовку старшеклассников. Революция 1917 г. не дала в полной мере реализоваться этой кампании. Однако российское общество получило интересный опыт подготовки молодежи к армии. Такой опыт нельзя рассматривать как устоявшуюся норму действительности применительно к изучаемому временному промежутку. Однако в исторической перспективе отдельные элементы этого социального опыта использовались для решения аналогичных задач, но уже в условиях другой политической системы. Таким образом, опыт подготовки молодежи к армии стал частью советской повседневности.

Список литературы

1. Архангельская Л. В. Женские гимназии в годы Первой мировой войны (на примере Пермской губернии) // Вестник Пермского университета. 2016. Вып. 2. С. 70–78. DOI: 10.17072/2219-3111-2016-2-70-78.
2. Ватник Н. С. Повседневная жизнь учащихся средних школ Московской губернии в годы Первой мировой войны // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 9. С. 94–102.
3. Блинов А. В. Реализация государственной политики по управлению учебными заведениями Министерства народного просвещения на территории Западной Сибири (XIX – начало XX в.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Барнаул, 2019. 50 с.
4. Елисафенко М. К. Народное образование как приоритетное направление в деятельности пермских земств в годы Первой мировой войны // Педагогическое образование в России. 2014. № 12. С. 21–25.

¹ ГААК. – Ф. 46. – Оп. 1. – Д. 57. – Л. 9.

² Там же. – Л. 20–20 об.

³ Там же. – Л. 31.

⁴ Там же. – Д. 67. – Л. 3.

⁵ Там же. – Л. 4.

⁶ Там же. – Л. 7.

5. Кудряшев А. В. Из истории московского образования в годы Первой мировой войны // Вестник Московского городского педагогического университета. 2017. № 3. С. 97–110.
6. Сысоева Е. К. Народное образование и земство в годы Первой мировой войны (по материалам земской и педагогической прессы) // Вестник Московского университета. 2018. № 5. С. 60–85.
7. Микиртичан Г. Л. Организационные технологии помощи детям в годы Первой мировой войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2014. Вып. 2. С. 212–229.
8. Белюков Д. А. Подготовка допризывников Псковской губернии в годы Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2010. № 3. С. 21–25.
9. Бызова О. М. О мобилизации спорта и допризывной подготовке учащихся в городах России во время Первой мировой войны // Гуманитарные науки в XXI веке: научный интернет-журнал. 2019. № 2. С. 30–35.
10. Смирнов М. А. Роль физического воспитания и организация подготовки молодёжи к военной службе в Вятской губернии в период Первой мировой войны // Вестник Вятского государственного университета. 2013. № 3-1. С. 63–66.
11. Сулимов В. С. К вопросу об организации военно-спортивного комитета в Кургане в период Первой мировой войны. Текст: электронный // История и археология. 2015. № 3. URL: <https://history.snauka.ru/2015/03/2065> (дата обращения: 26.02.2021).
12. Сулимов В. С. Светская школа Западной Сибири конца XIX – начала XX веков: воспитание учащихся: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Барнаул, 2015. 48 с.
13. Ищенко О. В. Студенческая и учащаяся молодёжь как фактор общественного движения и культурной жизни Сибири (конец XIX – начало XX вв.). Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2010. 499 с.
14. Сулимов В. С. Движение трудовых дружин учащихся школ Западной Сибири в 1915 году (на примере Барнаула) // Сибирский педагогический журнал. 2011. № 9. С. 190–195.
15. Долидович О. М. Учащиеся Барнаула в практике благотворительной работы в годы Первой мировой войны // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 409. С. 47–54. DOI: 10.17223/15617793/409/7.
16. Gatrell Peter. Russian's First World War: a Social and Economic History. Routledge, 2005. 340 p.
17. Children's Literature and Culture of the First World War. Lissa Paul, Rosemary R. Johnston, Emma Short. Routledge, 2015. 348 p.
18. Gatrell Peter. A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I / ed. Alexander Rabinowitch and William G. Rosenberg. Bloomington: Indiana University Press, 1999.

Статья поступила в редакцию 22.03.2021; принята к публикации 28.04.2021

Сведения об авторе

Литвинова Оксана Александровна, кандидат исторических наук, доцент, Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова; 656038, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 46; e-mail: litox69@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3352-3679>.

Библиографическое описание статьи

Литвинова О. А. Повседневная жизнь школьного сообщества Барнаула в условиях Первой мировой войны // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 3. С. 90–99. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-90-99.

References

1. Arkhangelskaya, L. V. Perm University Bulletin, no. 2, pp. 70–78, 2016. DOI: 10.17072/2219-3111-2016-2-70-78 (In Rus.)
2. Vatnik, N. S. Everyday life of secondary school students in the Moscow province during the First World War. Bulletin of the Vyatka State Humanitarian University, no. 9, pp. 94–102, 2014. (In Rus.)
3. Blinov, A. V. Implementation of the State Policy on the Management of Educational Institutions of the Ministry of Public Education on the Western Siberia (XIX – early XX century). Dr. sci. diss. abstr. Barnaul, 2019. (In Rus.)
4. Elisafenko, M. K. Pedagogical education in Russia, no. 12, pp. 21–25, 2014. (In Rus.)
5. Kudryashyov, A. V. From the history of Moscow education during the First World War. Bulletin of Moscow City Pedagogical University, no. 3, pp. 97–110, 2017. (In Rus.)
6. Sysoeva, E. K. Public education and zemstvo during World War I (based on materials from the zemstvo and pedagogical press). Bulletin of Moscow University, no. 5, pp. 60–85, 2018. (In Rus.)
7. Mikirtichan, G. L. Organizational technologies for helping children during World War I. Bulletin of St. Petersburg University, no. 2, pp. 212–229, 2014. (In Rus.)
8. Belukov, D. A. Preparation of pre-conscripts in the Pskov province during World War I. Military History Journal, no. 3, pp. 21–25, 2010. (In Rus.)

9. Byzova, O. M. On the mobilization of sports and pre-conscription training of students in the cities of Russia during World War I. Humanities in the XXI century: scientific Internet journal, no. 2, pp. 30–35, 2019. (In Rus.)
10. Smirnov, M. A. The role of physical education and the organization of youth training for military service in the Vyatka province during World War I. Bulletin of the Vyatka State University, no. 3–1, pp. 63–66, 2013. (In Rus.)
11. Sulimov, V. S. On the question of organizing a military-sports committee in Kurgan during World War I. History and archeology, no. 3, 2015. Web. 26.02.2021. <https://history.snauka.ru/2015/03/2065>. (In Rus.)
12. Sulimov, V. S. Secular School of Western Siberia at the End of the XIX – Beginning of the XX Centuries: Education of Students. Dr. sci. diss. abstr. Barnaul, 2015. (In Rus.)
13. Ishchenko, O. V. Student Youth People as a Factor in the Social Movement and Cultural Life of Siberia (at the End of the XIX – Beginning of the XX Centuries). Omsk: OmGU, 2010. (In Rus.)
14. Sulimov, V. S. The movement of labor squads of schoolchildren in Western Siberia in 1915 (on the example of Barnaul). Siberian Pedagogical Journal, no. 9, pp. 190–195, 2011. (In Rus.)
15. Dolidovich, O. M. Students of Barnaul in the practice of charitable work during World War I. Bulletin of the Tomsk State University, no. 409, pp. 47–54, 2016. DOI: 10.17223/15617793/409/7. (In Rus.)
16. Gatrell, Peter. A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I. Edited by Alexander Rabinowitch and William G. Rosenberg. Bloomington: Indiana University Press, 1999. (In Engl.)
17. Children's Literature and Culture of the First World War. Lissa Paul, Rosemary R. Johnston, Emma Short. Routledge, 2015. (In Engl.)
18. Gatrell, Peter. Russian's First World War: A Social and Economic History. Routledge, 2005. (In Engl.)

Received: March 22, 2021; accepted for publication April 28, 2021

Information about author

Litvinova Oksana A., Candidate of History, Associate Professor, Polzunov Altai State Technical University; 46 Lenina st., Barnaul, Russia, 656038; e-mail: litox69@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3352-3679>.

Reference to the article

Litvinova O. V. Everyday Life of School Community in Barnaul During the First World War // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 3. PP. 90–99. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-90-99.

УДК 94(571.56-25)

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-100-107

Павел Олегович Саввинов,*Институт истории СО РАН**(г. Новосибирск, Россия),**e-mail: pavel_savvinov@mail.ru**<https://orcid.org/0000-0002-4260-6225>*

Выборы в городское самоуправление Якутска в годы Первой мировой войны

На современном этапе развития отечественной исторической науки одним из актуальных и перспективных направлений является изучение органов городского самоуправления. Цель данной работы – всестороннее рассмотрение выборов в Городскую думу и городскую управу в Якутске в годы Первой мировой войны (1915–1917) и выяснение личного состава органов городского самоуправления. В статье анализируются структура органов городского самоуправления и избирательный процесс в Якутске в военное время. Научная новизна заключается в том, что впервые предпринято изучение личного состава городского общественного самоуправления Якутска и выборов в Городскую думу и городскую управу в 1915 г. на основе принципов историзма, объективности, системности и комплексности. В отечественной историографии тема городского самоуправления Якутска остаётся малоизученной и требует специального исследования. В качестве инструментов познания применялся сравнительно-исторический метод, позволяющий раскрывать причинно-следственные связи и закономерности исторического развития изучаемого исторического явления. Результаты исследования показали, что на выборах 1915 г. в среде жителей города повысился интерес к деятельности общественного самоуправления, о чём свидетельствовали впервые проведённые предвыборные собрания. По сравнению с 1911 г. (165 чел.) число допущенных к выборам 1915 г. горожан возросло до 182 чел. В избранном городском самоуправлении преобладали чиновники. В конце 1916 г. был разработан проект реорганизации канцелярии управы, предусматривавший усложнение функций и регламента работы, увеличение количества и численности структур городской управы, что должно было стать следующим этапом развития органов городского общественного управления Якутска. Результаты исследования могут быть использованы для дальнейшего изучения городов Сибири. Статья предназначена для специалистов-историков и всех интересующихся историей Якутии.

Ключевые слова: городская управа, Городская дума, городское положение 1892 г., гласные, предвыборное собрание, канцелярия городской управы

Pavel O. Savvinov,*Institute of History, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences**(Novosibirsk, Russia),**e-mail: pavel_savvinov@mail.ru**<https://orcid.org/0000-0002-4260-6225>*

Yakutsk Self-Government Elections During the First World War

The paper provides the analysis of the city self-government structure and election process in Yakutsk. The purpose of this work was to comprehensively review the elections to the City Duma and City Council in Yakutsk during the First World War (1915–1917) and clarify the staff of the city self-government. The scientific novelty is that the staff of Yakutsk self-government and elections to the City Duma and City Council of 1915 are analyzed for the first time using such cognitive methods as historicism, objectivity, consistency, and complexity. Using a comparative-historical method made it possible to determine the cause-and-effect relations and regularities of the historical development of the phenomenon under study. The research revealed that during the elections of 1915, the citizens became more interested in the activities of the public self-government, as evidenced by the first pre-election meetings. The elected city self-government had a majority of officials. At the end of 1916, a project was developed to reorganize the city council office. That project was suggested to increase the complexity of functions and regulations and the number and staff of self-government structures and was to become the next stage in the development of Yakutsk public self-government. Practical relevance of the research is that the results of the study can be used for further study of the cities of Siberia. The article is intended for historians and everyone interested in the history of Yakutia.

Keywords: city council, city дума, city regulation of 1892, city council members, election meeting, office of the city council

© Саввинов П. О., 2021

Введение. На современном этапе развития исторической науки одним из актуальных и перспективных направлений является изучение органов городского самоуправления с целью конкретизации истории отдельных городов, фундирования обобщений о взаимодействии власти и общества, прояснения вопросов об уровне развития гражданского общества как результата модернизационных усилий социума.

Среди отечественных исследователей проблематика сибирских городов всегда вызывала интерес, начиная с последней четверти XIX в. благодаря работам К. М. Голодников¹, Н. А. Кострова², Г. Н. Потанина³, В. П. Сукачева⁴ и Н. В. Турчанинова⁵. В то же время функционирование городского самоуправления исследовано крайне недостаточно. Работы советского периода рассматривали историю отдельных городов в преддверии юбилейных дат, органы городского самоуправления не являлись в них объектом специального исследования, как например в работе Г. А. Попова о Якутске [1, с. 89–90]. В 1950 г. специалист по истории и этнографии Якутии О. В. Ионова охарактеризовала деятельность органов дореволюционного городского самоуправления Якутска во главе с П. А. Юшмановым как «антинародное» [2, с. 20].

В конце 1960-х гг. начинается фундаментальная разработка региональной истории. В обобщающем труде «История Сибири с древнейших времён до наших дней» проблемы городского самоуправления излагались весьма отрывочно, в целом характеризовались как не самостоятельные органы местной власти, а вспомогательные органы правительства в деле управления городским хозяйством [3, с. 74]. В 1980-е гг. новосибирской школой урбанистики во главе с О. Н. Вилковым была создана концепция поэтапного развития сибирского города [4; 5]. В русле изучения проблем многоукладности городской экономики данная школа обеспечила методологическую основу исследований органов самоуправления в

Сибири. Изучение темы продолжилось в трудах И. А. Коновалова, А. П. Толочко, представивших основные этапы становления и развития городского самоуправления на примере Омска [6].

По мнению А. Б. Храмцова, одним из наиболее актуальных и малоизученных направлений в исследовании органов городского самоуправления является опыт управления городом в чрезвычайных ситуациях, в условиях напряжённой общественно-политической борьбы, притока беженцев, дороговизны, дефицита, разрыва экономических связей между городом и селом [7, с. 66]. Деятельность органов общественного самоуправления в годы Первой мировой войны рассмотрел М. В. Шилловский. По его мнению, во время войны началось сращивание государственного и муниципального аппаратов, завершившееся уже в советское время [8, с. 302]. Целенаправленно затронул тему представительных органов управления специалист по истории Якутска П. П. Петров [9, с. 79–91; 10, с. 32–37]. По его мнению, большая часть административно-хозяйственной деятельности Городской думы и управы шла вразрез с нуждами большинства горожан, а избирательный процесс 1915 г. проходил при пассивном участии горожан и завершился избранием гласными десяти купцов, двух полицейских чинов, нескольких домовладельцев и чиновников [9, с. 84; 10, с. 36]. Таким образом, история городского самоуправления Якутска остаётся малоизученной и требует специального исследования.

Методология и методы исследования. Целью данной работы является всестороннее рассмотрение выборов в Городскую думу и городскую управу в Якутске в годы Первой мировой войны (1915–1917), влиявших на этот процесс факторов в условиях военного времени, выяснение личного состава органов городского самоуправления. Новизна исследования заключается в том, что впервые органы городского самоуправления Якутска стали объектом целенаправленного анализа на основе принципов историзма, объективности, системности и комплексности. В качестве инструмента познания применён сравнительно-исторический метод исследования, позволяющий раскрывать причинно-следственные связи и закономерности исторического развития изучаемого исторического явления. В научно-информационный оборот вводятся новые исторические источники: делопро-

¹ Голодников К. М. Город Тобольск и его окрестности: исторический очерк. – Тобольск, 1887. – 139 с.

² Костров Н. А. Историко-статистическое описание городов Томской губернии. – Томск, 1872. – 117 с.

³ Потанин Г. Н. Города Сибири // Сибирь, её современное состояние и нужды. – СПб., 1908.

⁴ Сукачев В. П. Иркутск. Его место и значение в истории и культурной жизни Восточной Сибири. – М.: Тип. И. Н. Кушнерев и К°, 1891. – 271 с.

⁵ Турчанинов Н. В. Города Азиатской России // Азиатская Россия. – СПб.: Тип. Переселенческого управления главного управления землеустройства и земледелия, 1914. – Т. 1. – С. 285–360.

изводственные материалы органов городского самоуправления, хранящиеся в Национальном архиве Республики Саха (Якутия) в фондах Якутской городской управы (Ф. И-165), материалы периодической печати (годовой комплект газеты «Якутская окраина» за период с августа 1914 г. по август 1915 г.).

Результаты исследования и их обсуждение. Самодержавная власть рассматривала городское самоуправление как составную часть органов местного государственного управления, особенностью которых являлось проявление общественной инициативы и самофинансирование. По социальному составу ведущие позиции в органах городского самоуправления Сибири рассматриваемого периода занимали купцы и мещане. С началом военных действий роль органов городского общественного самоуправления существенно возросла. При этом, несмотря на расширение круга обязанностей, численный состав городских управ Сибири оставался без изменения [11].

В дореволюционной России Якутская область являлась экономически отсталой окраиной империи и была расположена далеко от крупных торгово-промышленных центров империи. В 1911 году Якутск с населением 9254 чел. являлся крупным торговым центром для своего обширного края, был местом регулярного товарообмена. На местном рынке «местное население и население ближайших округов удовлетворяли экономически существенную часть своих повседневных потребностей» [12, с. 72–73]. Связь Якутской области с регионами Сибири была затруднена из-за удалённости области от Транссибирской железной дороги на 3 000 вёрст, также оказывал влияние сезонный характер пешего и водного путей сообщения. В зимнее время года регион был «соединён с остальной частью империи Якутско-иркутским почтовым трактом, протяжённостью в 2 880 вёрст»¹. В летнее время река Лена, которую М. В. Ломоносов сравнивал с Нилом, служила единственной связующей артерией [13, с. 48]². Например, завоз товаров и пассажиров в Якутск через сплавные пункты Лены возможен был лишь один раз в год в период весеннего разлива реки.

¹ Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НА РС (Я)). – Ф. И-486. Якутский губернатор. – Оп. 2. – Д. 74. – Л. 46.

² Там же. – Ф. И-490. Якутское отделение Императорского русского географического общества. – Оп. 1. – Д. 83. – Л. 2.

По Городовому положению от 1892 г. система выборов предполагала для кандидатов имущественный ценз, исключавший мелких собственников из числа участников избирательного процесса [7, с. 16–17]. В губернских и областных городах избирательное право получали горожане, имевшие недвижимое имущество, оцениваемое в 1 000–1 500 р. В число избирателей включались владельцы торгово-промышленных заведений с гильдейскими свидетельствами³. Положение предусматривало усиление надзора за деятельностью дум и управ со стороны правительственной администрации. Губернатор отныне имел право отменять постановление Думы не только в случае его незаконности, но и субъективно понимаемой «несообразности общим пользам и нуждам»⁴. 5 ноября 1893 г. министр внутренних дел И. Н. Дурново предписал иркутскому генерал-губернатору А. Д. Горемыкину осуществить введение в Якутске городского положения в виде опыта «без всяких изменений в статье закона» [10, с. 35].

В сентябре 1914 г. городское управление Якутска начало подготовку к выборам нового состава Городской думы⁵. В местных газетах призывали выборщиков активно участвовать в избрании гласных Городской думы и городской головы. Так, по мнению местной газеты, будущий городской голова должен был быть человеком дела и инициативным, а не «канцелярской куклой», а гласные должны защищать интересы города, а не личные⁶. Перед выборами обыватели оживлённо обсуждали кандидатуры на должность городской головы, главным образом П. А. Юшманова, А. И. Попова и П. Я. Бонячука⁷. Группа гласных выдвигала кандидатуру А. И. Попова, указывая на то, что он пользуется большим доверием среди избирателей⁸. Местные газеты сообщали, что один из кандидатов на должность городской головы «по-американски» сам лично ходил по базару и уговаривал «якутов торговцев» голосовать за него, что было необычным для Якутска⁹. По городу ходили слухи, что маленькая группа гласных устраивала небольшие собрания

³ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). – Собр. 3-е. – Т. XII. – С. 433–456.

⁴ Там же. – С. 448–449.

⁵ НАРС (Я). Ф. И-165. Якутская городская управа. – Оп. 1. – Д. 3242. – Л. 3.

⁶ Якутская окраина. – 1915. – 14 янв.

⁷ Там же. – 1914. – 25 сент.

⁸ Там же. – 1914. – 17 дек.

⁹ Там же. – 4 окт.

и вела тайком агитацию за определённых кандидатов¹.

В 1911 г. в Якутске, по оценке городской управы, правом избирательного голоса из 9254 чел. владели 317 чел.² Однако многие домовладельцы имели недоимки по городским налогам и были лишены избирательных прав³. Число гласных зависело от числа избирателей, поэтому в местных газетах писали, что если бы все выборщики были исправными плательщиками, то число членов Думы увеличилось бы до 26–29 чел.⁴ В январе 1915 г. из 317 чел. к выборам были допущены 182 избирателя⁵. Стоит отметить, что число избирателей по сравнению 1911 г. (165 чел.) увеличилось⁶. На основании городского положения от 1892 г. 17 января 1915 г. по предложению городской управы якутский губернатор Р. Э. фон Витте объявил о созыве 4 февраля избирательного собрания по выборам гласных⁷. Местные газеты отмечали, что гласные смотрели на членство в Городскую думу как на почётное звание⁸. Однако среди кандидатов были и те, которые шли в гласные с целью улучшения городского хозяйства и благоустройства Якутска. Например, в 1916 г. городской врач В. М. Диваев, будучи членом Городской думы, писал, что его роль как гласного сводится к выполнению обязанностей «квалифицированного специалиста в области медицины»⁹.

3 февраля 1915 г. в Якутске впервые прошло предвыборное собрание под председательством кандидата в гласные Думы А. А. Семёнова. Целью собрания было познакомить избирателей с кандидатами и обсудить насущные вопросы развития городского хозяйства¹⁰. На собрании избирателями и кандидатами в гласные были обсуждены перспективы строительства школьных зданий, городской бани и барака на случай эпидемий, организации лесопилки, мельницы и скотобойни. Важность последнего объяснялась тем, что убой рогатого скота в Якутске и отправка мяса на прииски в холодильниках может увеличить

доходы города в большей мере, чем отправка живого скота¹¹.

4 февраля 1915 г. в Якутске прошли выборы гласных Городской думы¹². Форма голосования на выборах была тайной, посредством «баллотировки шарами». Для избрания в гласные необходимо было получить больше избирательных голосов. Согласно правилам, если число лиц, получивших более половины избирательных голосов, превышало число подлежащих избранию гласных, то избранными считались старшие по количеству полученных избирательных голосов, а при одинаковом количестве голосов избрание определялось по жребию. Избранные сверх положенного числа гласные зачислялись кандидатами. Если число лиц, зачисленных в кандидаты к гласным, не достигало одной пятой части числа гласных, то собрание приступало к выбору недостающего числа кандидатов¹³. В Якутске ящик для голосования был устроен по требованиям дворянских выборов¹⁴. Он должен был быть покрыт зелёным сукном, а внутри поделён на две равные части и обшит мягким материалом, чтобы при опускании в него шаров или баллов не было шума. На верхней стороне ящика имелись два круглых отверстия с надписью над правым «избираю», над левым «не избираю». Под ящиком существовало «отверстие для удобного вынимания шаров»¹⁵. Гласный А. Г. Кокшарский, описывая всю процедуру, уточнял: «Избирательные урны представляли собой ящик с перегородкой и выдвигались они одновременно, а не отдельно»¹⁶.

По результатам выборов гласных на 1915 г. количество избирателей уменьшилось. Если в 1911 г. голосовало 69 человек из 165 допущенных, то на выборах 1915 г. участвовало 66 из 182 допущенных избирателей. Тем не менее, в местной газете отмечалось, что несмотря на уменьшение количества участвовавших избирателей изменился «внутренний характер выборов», «домашнее отношение» горожан к выборам Городской думы изменилось в сторону заинтересованности в избирательном процессе и его результатах¹⁷. В связи с тем

¹ Якутская окраина. – 1915. – 16 янв.

² НАРС (Я). – Ф. И-165. – Оп. 1. – Д. 3242. – Л. 51.

³ Якутская окраина. – 1914. – 4 дек.; 5 дек.

⁴ Там же. – 1915. – 24 янв.

⁵ НАРС (Я). – Ф. И-165. – Оп. 1. – Д. 3242. – Л. 91.

⁶ Там же. – Л. 3.

⁷ Там же. – Л. 85.

⁸ Якутская окраина. – 1914. – 11 окт.

⁹ НАРС (Я). – Ф. И-165. – Оп. 1. – Д. 3375. – Л. 46.

¹⁰ Якутская окраина. – 1915. – 5 февр.

¹¹ Там же. – 1915. – 6 февр.

¹² Там же. – 1915. – 15 янв.

¹³ ПСЗРИ. – Собр. 3-е. – Т. XII. – С. 439.

¹⁴ НАРС (Я). – Ф. И-165. – Оп. 1. – Д. 3242. – Л. 112–113.

¹⁵ Сборник законов о российском дворянстве. – СПб.: Тип. Д. В. Чичинадзе, 1901. – С. 84.

¹⁶ НАРС (Я). – Ф. И-165. – Оп. 1. – Д. 3242. – Л. 110.

¹⁷ Якутская окраина. – 1915. – 8 февр.

что число избирателей в Якутске составляло 182 чел., Городская дума состояла из 23 гласных и 7 кандидатов¹. В состав избранной на 1915 г. Городской думы вошли 11 чиновников, 1 дворянин, 1 почётный гражданин, 1 казачий чин, 3 купца, 1 врач, 4 мещанина, 1 крестьянин, 5 инородцев (якутов) и 2 неустановленных лица². Личный состав Городской думы обновился на 74 %. Члены новоизбранной Думы имели разное образование. Например, потомственный почётный гражданин П. А. Юшманов получил воспитание в Якутском духовном приходском училище³. Статский советник А. И. Попов окончил юнкерское училище в Иркутске⁴. Титулярный советник П. Я. Бонячук окончил Киевскую военно-фельдшерскую школу⁵. Купец 1-й гильдии Г. В. Никифоров-Манньяттах уола получил домашнее образование⁶. Городской врач В. М. Диваев окончил медицинский факультет Казанского университета⁷. Надворный советник Н. Ф. Астраханцев окончил Якутскую мужскую прогимназию⁸. Купец 1-й гильдии П. А. Кушнарев получил экономическое и техническое образование в Петербурге и Париже [15, с. 92–93].

Городская дума заседала под председательством городского головы⁹. Однако городской голова и члены управы не должны были принимать участия в собраниях Городской думы, когда гласные рассматривали вопросы, касающиеся городской управы, например, отчёты по ревизии управы. Специально для рассмотрения таких вопросов в думе избирался председатель из числа гласных и утверждался якутским губернатором Р. Э. фон Витте¹⁰. 24 февраля 1915 г. гласные закрытым голосованием председателем Городской думы избрали А. В. Кириллова¹¹, а со 2 декабря 1915 г. его заменил гласный А. И. Попов¹². 26 февраля 1916 г. Городская дума под председательством А. В. Кириллова приступила к рассмотрению жалований должностных лиц городского самоуправления на 1915–

1918 гг.¹³ По результатам закрытого голосования Дума установила годовые оклады: городскому голове 3 000 р., председателю окружного суда 1600 р., членам управы 1 500 р., каждому секретарю управы 900 р.¹⁴ Все решения Городской думы вносились в журнал, который подписывался председателем, гласными, присутствовавшими на заседании, и секретарём, в обязанности которого входило вести журналы дум. На должность секретаря Городской думы избирались те же гласные. В марте 1915 г. секретарём Думы был переизбран гласный А. В. Пермяков¹⁵.

В случаях выбывания гласного из состава до окончания срока он заменялся кандидатом, набравшим большее количество избирательных голосов¹⁶. В 1915 г. на военную службу были призваны 1 гласный и 2 кандидата и число гласных и кандидатов в думе уменьшилось до 27 чел.¹⁷ За 1916 г. выбыли из состава гласных 2 чел., на фронт призвали 3 чел. К январю 1917 г. численный состав Городской думы включал 23 гласных и 2 кандидата¹⁸.

При нарушениях на выборах гласных могли подавать жалобы на имя губернатора, в течение семи дней со дня окончания выборов. Губернатор в свою очередь передавал прошение «на рассмотрение областное по городским делам присутствия»¹⁹. 4 февраля 1915 г. А. Г. Кокшарский подал жалобу на имя якутского губернатора и призывал признать выборы гласных недействительными. По мнению Кокшарского, избиратель Е. Ф. Стрелов, участвовавший на выборах по доверенности своего отца Д. А. Стрелова, был уполномочен только участвовать на сословных избирательных собраниях. А. Г. Кокшарский обвинил городского врача В. М. Диваева в том, что он участвовал на выборах от имени общества врачей, при этом не предоставил протокол данного общества. П. А. Юшманов имел два голоса. Первый – по своему цензу, а второй – по чьей-то доверенности (полных сведений не представлено). Кокшарский отметил, что во время выборов два баллотировочных шара оказались под избирательной урной, что не было занесено в

¹ ПСЗРИ. – Собр. 3-е. – Т. XII. – С. 440.

² НАРС (Я). – Ф. И-165. – Оп. 1. – Д. 3465. – Л. 1–4.

³ Там же. – Ф. И-12. – Оп. 14. – Д. 134. – Л. 1.

⁴ Там же. – Ф. И-165. – Оп. 1. – Д. 58. – Л. 1.

⁵ Там же. – Ф. И-12. – Оп. 11. – Д. 44. – Л. 1.

⁶ Там же. – Ф. И-305. Якутское областное попечительство детских приютов. – Оп. 1. – Д. 156. – Л. 4–6.

⁷ Там же. – Ф. И-165. – Оп. 1. – Д. 3465. – Л. 1–4.

⁸ Там же. – Ф. И-12. – Оп. 11. – Д. 17. – Л. 1.

⁹ ПСЗРИ. – Собр. 3-е. – Т. XII. – С. 440.

¹⁰ Там же. – С. 451.

¹¹ НАРС (Я). – Ф. И-165. – Оп. 1. – Д. 3375. – Л. 7.

¹² Там же. – Л. 40.

¹³ Там же. – Л. 12.

¹⁴ Там же. – Л. 13.

¹⁵ Там же. – Л. 25.

¹⁶ ПСЗРИ. – Собр. 3-е. – Т. XII. – С. 440.

¹⁷ НАРС (Я). – Ф. И-165. – Оп. 1. – Д. 3375. – Л. 37.

¹⁸ Там же. – Л. 3–6.

¹⁹ ПСЗРИ. – Собр. 3-е. – Т. XII. – С. 439–440.

журнал¹. Городской голова П. А. Юшманов сообщил губернатору Р. Э. фон Витте, что проситель А. Г. Кокшарский, согласно определению Правительствующего Сената от 30 июля 1888 г., не имел право подавать жалобу или протест как член бывшей Городской думы (1911–1914). Несмотря на то что гласные новоизбранной Думы ещё не были приведены к присяге, по всем выявленным А. Г. Кокшарским нарушениям губернатор получил от П. А. Юшманова подробные разъяснения. Так, обвинения в адрес Е. Д. Стрелова и В. М. Диваева оказались необоснованными, так как оба предоставили для участия соответствующие документы. Правомочным был второй голос П. А. Юшманова, принадлежавший торговому дому «Стрелов и К», в котором «городской голова состоял распределителем»².

Городская управа «состояла из двух членов и секретаря под руководством городского головы»³. 3 марта 1915 г. в Городской думе состоялись выборы следующих должностей городского самоуправления: городского головы, двух членов управы, секретаря Городской думы и секретаря управы. В качестве кандидатов на пост городского головы были гласные П. А. Юшманов, П. А. Кушнарев, Н. А. Аверенский и А. И. Попов. По итогам голосования городским головой был переизбран П. А. Юшманов (1860–1919)⁴. На должность секретаря городской управы переизбрали гласного А. В. Пермякова. Членами городской управы были избраны П. Я. Бонячук и Н. Ф. Астраханцев⁵. Таким образом, весь прежний состав городской управы (1911–1914) был переизбран⁶.

В XX в. темпы урбанизации были особенно быстрыми, отмечен заметный, иногда резкий рост отдельных губернских и уездных центров, в это время повысились требования к качеству и комфортности городской среды. К началу XX в. в Якутске кроме кирпичных заводов появились частные заводы – лесопильный, мукомольный и паровой мукомольный, а в начале XX в. органы городского самоуправления приобрели лесопильный завод и мельницу. В 1914 г. разрешается вопрос об устройстве

первой в Якутске электрической станции. 6 августа 1914 г. впервые осветились электричеством улицы Якутска, а через неделю – квартиры абонентов. Телеграфное сообщение с Иркутском было открыто в Якутске с 8 августа 1901 г., с октября 1909 г. стала действовать Якутско-Охотская телеграфная линия, а в сентябре 1914 г. – телеграфное сообщение Якутска с Вилюйском. С 1 октября 1911 г. в Якутске открылась телефонная сеть на 50 абонентов, которая находилась в ведении городской управы и там же помещалась (в 1912 г. было 110 абонентов, а в 1913 г. – 135) [8, с. 109–128]. 27 июня 1916 г. на берегу протоки Хатыстах Якутским городским общественным управлением была открыта водоканал с американской фильтровальной системой «Джуэлл» для снабжения жителей города питьевой водой с платой по 5 копеек с посуды⁷.

Ответом на развитие и расширение муниципального хозяйства стала идея о создании новых структурных подразделений в городской управе и увеличении штата наёмных служащих. 22 ноября 1916 г. городской секретарь А. В. Пермяков подал доклад на имя городского головы П. А. Юшманова, в котором отмечалось увеличение в связи с развитием города делопроизводства управы, что было уже физически невыполнимо при существовавшем тогда составе канцелярии⁸. К 1916 г. состав служащих канцелярии состоял из 12 чел. (1 секретарь, 1 делопроизводитель сиротского суда, 1 бухгалтер управы, 1 помощник бухгалтера, 2 делопроизводителя исполнительного и хозяйственного отделов, 3 писца канцелярии, 1 журналист, 1 регистратор и 1 городской землемер)⁹. Для решения проблемы А. В. Пермяков предлагал реорганизовать канцелярию городской управы, разделив её на четыре отдела (административно-распределительный, технический, хозяйственный и бухгалтерский отделы). По мнению Пермякова, состав реорганизованной канцелярии должен был быть следующим: заведующий административно-распределительным отделом; его помощник; заведующий техническим отделом; его помощник; бухгалтер; помощник бухгалтера, заведующий банковскими и другими операциями; писец; регистратор, журналист и архивариус; машинист¹⁰. 10 декабря 1916 г. Якутская городская дума постановила с 1 января 1917 г.

¹ НАРС (Я). – Ф. И-165. – Оп. 1. – Д. 3245. – Л. 106–107.

² Там же. – Л. 111–112.

³ Там же. – Д. 3465. – Л. 7.

⁴ Там же. – Д. 3375. – Л. 16.

⁵ Там же. – Д. 3465. – Л. 7.

⁶ Там же. – Д. 2779. – Л. 9–10.

⁷ Там же. – Д. 3355. – Л. 49.

⁸ Там же. – Д. 2768. – Л. 3.

⁹ Там же. – Л. 14.

¹⁰ Там же. – Д. 183. – Л. 169

городской управе начать детальную разработку делопроизводства и счетоводства в соответствии с рекомендациями А. В. Пермякова¹. Однако в связи с началом Февральской революции 1917 г. и свержением монархии в России дореволюционные органы городского самоуправления Якутска сложили свои полномочия по управлению городом.

Заключение. Таким образом, выборы 1915 г. отличались от предыдущих выборов тем, что повысился интерес горожан, о чём свидетельствуют впервые проведённые предвыборные собрания в Якутске. Кандидаты активно агитировали городское население, кроме того, гласные тайно проводили небольшие собрания в поддержку определённых кандидатов, что было новым для Якутска. Несмотря на уменьшение числа избирателей, участвовавших на выборах в 1915 г., число допущенных к выборам горожан возросло с 165 чел. в 1911 г. до 182 чел. в 1915 г. По итогам выборов гласных основная часть личного состава Городской думы обновилась. Ведущие позиции в органах городского самоуправления Якутска по итогам выборов 1915 г. занимали чиновники. В целом переизбранный состав городской

управы имел определённый управленческий опыт. В связи с тем что Якутск находился в глубоком тылу, Первая мировая война не оказала существенного влияния на выборы гласных, в то же время численный состав органов городского самоуправления сократился на 6 чел. из-за призыва на фронт.

В начале XX в. расширение городского хозяйства Якутска и увеличение делопроизводства привело к тому, что в декабре 1916 г. в Городской думе был представлен проект по реорганизации канцелярии управы и увеличению численности управленческих структур городской управы, что должно было бы стать следующим этапом развития органов городского общественного управления Якутска. Однако революционные события 1917 г. привели к полному упразднению органов дореволюционного городского самоуправления.

Выводы были сделаны на основе использования сравнительно-исторического метода. История органов городского самоуправления в Якутии остаётся малоизученной в отечественной исторической науке и требует дальнейшего изучения для всестороннего изучения истории Якутии.

Список литературы

1. Попов Г. А. Сочинения. Т. 3. История города Якутска, 1632–1917. Якутск: Изд-во ЯГУ: ИГИ АН РС (Я), 2007. 305 с.
2. Ионова О. В. Якутской куорат. Якутск: Саха АССР Госиздат, 1950. 42 с. (Якут. яз.).
3. История Сибири с древнейших времён до наших дней. Т. 3. Сибирь в эпоху капитализма. Л.: Наука, 1968. 511 с.
4. История городов Сибири досоветского периода (XVII – начало XX вв.): сб. ст. / отв. ред. О. Н. Вилков. Новосибирск: Наука, 1977. 304 с.
5. Сибирские города XVII – начало XX века: сб. ст. / отв. ред. О. Н. Вилков. Новосибирск: Наука, 1984. 179 с.
6. Толочко А. П. Городское самоуправление в Омске в дореволюционный период. Омск: ОмГУ, 1997. 80 с.
7. Храмцов А. Б. Власть и общество в городах Тобольской губернии конца XIX – начала XX века. Тюмень: РИО ТюмГАСУ, 2010. 316 с.
8. Шиловский М. В. Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь. Новосибирск: Автограф, 2015. 330 с.
9. Петров П. П. Города Якутии. 1861–1917 гг.: социально-экономические очерки истории. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1990. 124 с.
10. Петров П. П. Города Якутии: представительные органы управления (1622–2012 гг.). Якутск: Якутская Городская дума, 2012. 110 с.
11. Анкушева К. А., Бочанова Г. А., Дегальцева Е. А., Кириллов А. К., Ноздрин Г. А., Шиловский М. В. История общественного самоуправления в Сибири второй половины XIX – начала XX века. URL: <http://sibistorik.ru/project/sg2/index.html> (дата обращения: 10.01.2021). Текст: электронный.
12. Weber M. The city. New York: Collier Books, 1962. 286 p.
13. Bassin M. Geographies of imperial identity // The Cambridge history of Russia. Vol. 2. Imperial Russia, 1689–1917. Cambridge: University Press, 2006. P. 45–63.
14. Храмцов А. Б. Участие органов городского самоуправления в общественно-политической жизни Сибири (1905–1917 гг.): историография проблемы // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. № 1. С. 62–67.

¹ НАРС (Я). – Ф. И-12. – Оп. 1. – Д. 183. – Л. 169.

15. Кушнарева М. Д. Исторический портрет якутского купца 1-й гильдии П. А. Кушнарева // Гуманитарный вектор. 2020. № 3. С. 91–99.

Статья поступила в редакцию 17.01.2021; принята к публикации 22.02.2021

Сведения об авторе

Саввинов Павел Олегович, аспирант, Институт истории СО РАН; 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8; e-mail: pavel_savvinov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4260-6225>.

Библиографическое описание статьи

Саввинов П. О. Выборы в городское самоуправление Якутска в годы Первой мировой войны // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 3. С. 100–107. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-100-107.

References

1. Popov, G. A. Works. V. 3. History of the city of Yakutsk, 1632–1917. Yakutsk: YSU Publishing House: IGI AN RS (Y), 2007. (In Rus.)
2. Ionova, O. V. Yakutsk kuorat. Yakutsk: Sakha ASSR Gosizdat, 1950. (In Ykut.)
3. History of Siberia from ancient times to the present day. V. 3. Siberia in the era of capitalism. L: Nauka, 1968. (In Rus.)
4. History of Siberian cities of the pre-Soviet period (XVII – early XX centuries): collection of articles. Art. Compiler Vilkov, O. N. Novosibirsk, 1977. (In Rus.)
5. Siberian cities of the 17th – early 20th century: collection of works. Art. Compiler Vilkov, O. N. Novosibirsk, 1984. (In Rus.)
6. Tolochko, A. P. City government in Omsk in the pre-revolutionary period. Omsk: OmSU, 1997. (In Rus.)
7. Khramtsov, A. B. Power and society in the cities of the Tobolsk province of the late XIX – early XX centuries. Tyumen: RIO TyumGASU, 2010. (In Rus.)
8. Shilovsky, M. V. The First World War of 1914–1918 and Siberia. Novosibirsk: Autograph, 2015. (In Rus.)
9. Petrov, P. P. The cities of Yakutia. 1861–1917: socio-economic essays on history. Yakutsk: Book. ed., 1990. (In Rus.)
10. Petrov P. P. The cities of Yakutia: representative governing bodies (1622–2012). Yakutsk: Yakut. Mountains. Duma, 2012. (In Rus.)
11. Ankusheva, K. A., Bochanova, G. A., Degaltseva, E. A., Kirillov, A. K., Nozdrin, G. A., Shilovsky, M. V. The history of public self-government in Siberia in the second half of the XIX – early XX century. Novosibirsk: "Sova", 2006. Web. 10.01.2021. URL: <http://www.sibistorik.ru/project/sg2/index.html> (In Rus.)
12. Weber, M. The city. New York: Collier Books, 1962. (In Engl.)
13. Bassin, M. Geographies of imperial identity. The Cambridge history of Russia. V.2. Imperial Russia, 1689–1917. Cambridge: University Press, 2006: 45–63. (In Engl.)
14. Khramtsov, A. B. Participation of municipal authorities in the social and political life of Siberia (1905–1917): historiography of the problem. Humanities in Siberia, no. 1, pp. 62–67, 2015. (In Rus.)
15. Kushnareva M. D. Historical portrait of the Yakut merchant of the 1st guild P. A. Kushnareva. Humanitarian vector, no. 3, pp. 91–99, 2015. (In Rus.)

Received: January 17, 2021; accepted for publication February 22, 2021

Information about author

Savvinov Pavel O., Postgraduate, Institute of History, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences; 8 Nikolaeva st., Novosibirsk, 630090, Russia; e-mail: pavel_savvinov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4260-6225>.

Reference to the article

Savvinov P. O. Yakutsk Self-Government Elections During the First World War // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 3. PP. 100–107. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-100-107.

УДК 77. 778

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-108-119

Лена Борисовна Степанова,*Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН**(г. Якутск, Россия),**e-mail: solo007_79@rambler.ru**<https://orcid.org/0000-0002-2826-6295>*

Болезни индигенного населения Якутии в фотопроектах конца XIX – первой трети XX века

Тема болезней индигенного населения северной национальной окраины России, а также изучения сведений в области народной медицины и целительных практик в течение длительного периода относилась к табуированной части знаний. В начале XX в. происходит перелом в визуальной культуре региона, когда картина болезней была выражена посредством фотокамеры и стала достоянием общественности. Появляются работы фотографов, документирующих ход такого опасного заболевания, как проказа (инфекционное заболевание, обычно вызываемое кислотоустойчивой бациллой *Mycobacterium leprae*, характеризующееся поражением кожных покровов и периферической нервной системы человека). Целью исследования является изучение внешних факторов, повлиявших на генезис «медицинской» серии визуальных образов населения северо-востока Азии. Методология исследования построена на культурно-историческом анализе событий, предвавших её появление и последующее применение в медицинской практике с целью документирования хода болезней в уже советский период. В статье представлены результаты краткого обзора предыстории появления «медицинского» направления в этнографической фотографии Якутской области. Определен круг фотографов Якутской области, где нашли отражение сюжеты, иллюстрирующие болезни, от которых страдало местное население. В начале XX в. кадры лечебных практик и шаманских камланий для исцеления запечатлены в фотопроектах И. В. Попова и А. П. Курочкина. В 1920–1930-е гг. жанр «медицинской фотографии» представлен работами врача-эпидемиолога Т. А. Колпаковой, военного врача-хирурга Е. А. Дубровина, неизвестного с инициалом «Д», работавших в составе медицинских отрядов Комиссии по изучению производительных сил ЯАССР (КЯР) АН СССР и Наркомата здравоохранения РСФСР. Опыт изучения данной темы служит наглядной иллюстрацией специфики региона и в некотором роде служит подтверждением выводов, сделанных участниками многочисленных экспедиций, исследовавшими инородческое население Якутской области и прогнозировавшими его неизбежное вымирание в будущем.

Ключевые слова: медицинская антропология, антропология болезни, визуальные исследования, индигенное население, визуальный текст, визуальные источники

Lena B. Stepanova,*Institute for Humanities Research and Problems of Indigenous Studies of the North,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences**(Yakutsk, Russia),**e-mail: solo007_79@rambler.ru**<https://orcid.org/0000-0002-2826-6295>*

Diseases of the Indigenous Peoples of Yakutia in Photo Projects of the Late XIX – First Third of the XX Centuries

Disease theme of indigenous population of the Northern national outskirts of Russia, as well as the study of special knowledge in the field of traditional medicine and healing practices, for a long time belonged to the taboo part of knowledge. However, at the beginning of the twentieth century, there was a turning point in the visual culture of region, when the picture of diseases was expressed through the camera and became public. There are works of photographers documenting the course of the most dangerous diseases, such as leprosy and external manifestations of mental disorders. The aim of this study is to study external factors that influenced the genesis of the “medical” series of visual images of the population of Northeast Asia. The research methodology is based on a cultural and historical analysis of the events that preceded its appearance and subsequent application in medical practice in order to document the course of diseases in the Soviet period. This article presents the results of a brief review of the prehistory of the “medical” direction in ethnographic photography of the Yakut region. The circle of photographers of the Yakut region is defined, where stories illustrating the diseases that the local population suffered from are reflected. At the beginning of the twentieth century, footage of medical practices and shamanistic rituals for healing were presented in the photo projects

© Степанова Л. Б., 2021

by I. V. Popov and A. P. Kurochkin. In the 1920s-1930s. the genre of "medical photography" is represented by the works of the doctor-epidemiologist T. A. Kolpakova, military surgeon E. A. Dubrovin, unknown with the initial "D", who worked in the medical detachment of the Commission for the Study the Productive Forces of the Yakut Republic (CYR) The Academy of Sciences of the Soviet Union and the People's Committee the Health of the Russian Soviet Federative Socialist Republic. The experience of studying this topic serves as a clear illustration of the specifics of the region and in some way confirms the conclusions made by the participants of numerous expeditions that studied the foreign population of the Yakut region and predicted the inevitable extinction in the future.

Keywords: medical anthropology, anthropology of disease, visual research, indigenous people, visual text, visual sources

Введение. Фотография с момента своего появления стала рассматриваться как инструмент визуализации процессов наблюдения и исследования. В медицине она применялась для объективного документирования болезни или состояния пациента. Её возможности особенно широко использовались в первую очередь для фиксации прогрессирования болезней. Причём первые изображения больше походили на портреты, чем на клиническую документацию [1]. Преимущество фотографической визуализации заключается в том, что она показывает реальные условия. Пациентов фотографируют в их реальном окружении, раскрывая одновременно их социальный образ [2, с. 227]. В XX в. появляется чёткое различие между исследовательской фотографией и клинической «медицинской фотографией», которая должна была быть объективной, а не художественной или творческой. В настоящее время к категории визуализации болезни исследователи относят любое визуальное воссоздание недуга или опыт его переживания: иллюстрированные книги по анатомии, фотографии хирургических процедур, снимки пораженных участков тела и их изменение в процессе протекания болезни.

В зарубежной историографии существует подход к фотографической визуализации болезней для фиксирования медицинских методов, хода кожных и редких заболеваний. Отдельному изучению подвергается эпистемический статус научно-технических изображений (рентгеновские снимки, снимки УЗИ и т. п.), т. е. любое визуальное воплощение болезни обладает специфическими функциями и открывает новые возможности познания в процессе его изучения» [3, с. 23]. Одновременно с появлением значительного массива клинических фотоколлекций возникает вопрос конфиденциальности и ограничения широкого доступа. Особенно в этнографических и медицинских исследованиях раскрываются с позиций этич-

ности использования и принципов защиты изображений [4, с. 84].

Разочарование от системы организации медицинской помощи в современном обществе привело к возникновению интереса к оригинальным лечебным стратегиям, духовным практикам и ритуалам прошлого. Этому немало способствовала популяризация эклектичных техник в стиле нью-эйдж, суммировавших в себе универсальные архетипы шаманизма, характерные для всех культур (изменённое состояние, шаманское духовное путешествие, трёхуровневая вселенная, шаманская болезнь и др.). Появились научные работы, где учёные исследуют способности человека по применению собственных духовных сил для исцеления [5; 6, с. 201]. Существуют междисциплинарные исследования в области этики культурной компетентности и применения специальных народных знаний и целительных практик шаманизма в лечебной практике западной медицины. Поиск учёными новых направлений и трансформации научно-исследовательской стратегии иллюстрирует устойчивый интерес зарубежных исследователей к опыту неинституционализированных небиомедицинских традиций индигенных сообществ. Тема визуализации болезни в отечественной историографии представлена в работах исследователей медицинской тематики [7–9]. Наиболее демонстративными для визуальной интерпретации исследователи отмечают разделы медицины дерматокосметологии и ревматологии, проявления заболеваний которых расцениваются как патогномоничные [8, с. 96].

В конце XIX в. с развитием фотодела в Якутской области появились первые опыты в области визуального фиксирования с целью проведения анализа смертности и выявления наиболее опасных заболеваний среди местного населения. Хронологическим рубежом, разделившим проблему освещения данной темы в средствах массовой информации и в дальнейшем в авторских визуальных проектах фотографов, стал приезд в Якутскую область в 1891 г.

английской сестры милосердия Кэт Марсден. События, связанные со строительством Вилуйского лепрозория, открыли медицинское направление в визуальном нарративе Якутской области. Его интерпретация является интересной областью для анализа исторических событий, которые послужили причиной их появления в качестве особенного направления в визуальной культуре региона. В контексте предпринятого исследования фотография выступает в качестве нового инструмента, раскрывшего реалистичный срез состояния системы здравоохранения и качества оказываемой медицинской помощи на Севере. Целительные практики шаманизма и знахарства населения северо-востока Азии, их представления о здоровье и происхождении болезней, о теле, душе и витальных способностях исследователи склонны интерпретировать, основываясь в том числе на теории об особых психоментальных свойствах человека северных широт. По их мнению, секрет целительских способностей северных шаманов заключался в их особенной чувствительности и невероятном владении навыками в области построения и произношения интуитивных текстов-шифров, меняющих ход болезни, вплоть до полного излечения [10, с. 139–141; 11, с. 13–14].

Визуальная репрезентация болезней стала одним из элементов программного исследования населения, начиная с эпохи академических экспедиций XVIII в. С позиций самих носителей культуры, включая применение обрядовой практики для процедуры исцеления, объяснялось происхождение и причины болезни, её переживание и лечение, восприятие человеческим телом. К этому же периоду относятся первые опыты визуальной фиксации шаманских камланий. Это работа экспедиционного художника Л. А. Воронина «Якутский шаман призывает духов для излечения больного», участника экспедиции И. И. Биллингса – Г. А. Сарычева (1785–1794), организованной по Указу Екатерины II. Художник побывал в том числе на территории северных районов современной Якутии. Материалы этой экспедиции были опубликованы только в начале XIX в.¹

Медицинские доктора, которые надолго или даже навсегда оставались в Якутии, не

ограничивались только лечебной работой и посвящали своё время изучению народных практик исцеления. Они же стали авторами трудов, касающихся вопросов медицины². Среди исследователей современник декабристов доктор А. Уклонский, проживавший в Вилуйске и опубликовавший в 1841 г. «Краткие медико-топографические и частью статистические замечания о Вилуйском округе Якутской области»; И. Петухов, работавший в 1860–1870-х гг. в Якутске, автор статей «Желчный тифоид в Якутске» и «Какие причины ограничивать приращение население г. Якутска»; ветеринарный врач И. В. Попов и др. [12, с. 80]. Им же принадлежит трагичный прогноз о неизбежном вырождении «инородческого» населения. В отчётах на основе своих наблюдений они констатировали, что инородцы беспомощны перед «северными» болезнями (цинга, ревматизм и болезни глаз), но в первую очередь они страдают от ужасного санитарно-гигиенического состояния своего жилья и венерических заболеваний, а стационарный характер эпидемий тифа, оспы и скарлатины только повышает статистику смертности.

Актуальность темы исследования определена проблемой применения визуальных методов исследования для изучения, анализа и составления клинической картины болезней, распространённых только среди индигенного населения, живущего за Полярным кругом. К сожалению, полная картина существовавших у населения северо-востока Азии в досоветский период целительских практик и представлений, связанных с ними, до сих пор остаётся неясной. Между тем система здоровьесбережения и целительных практик местных знахарей и шаманов, включая магику-обрядовые практики, рассматривалась в российской этнографической науке. Она как одна из моделей этнического поведения входила в качестве объекта изучения во многие научные программы рубежа XIX–XX вв., включая их этноспецифическую составляющую. Это наглядно прослеживается в рисунках и фотографиях полевых материалов экспедиций рубежа XIX–XX вв. и в материалах медицинских отрядов Наркомпроса 1920–1930-х гг., где сохранилась репрезентативная визуальная картина наиболее распространённых болезней.

¹ Атлас карт и рисунков к путешествию в северо-восточную часть России и на острова северной части Тихого океана флота капитана Г. Сарычева. Без титульного листа, 51 лист карт и рисунков. – СПб.: Тип. Шнора, 1802. – 31 с.

² Рукописный фонд Архива Якутского научного центра Сибирского отделения РАН (РФ АЯНЦ СО РАН). – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 85. Кротов М. А. Участие местных жителей в географических открытиях и изучении Якутии до Октябрьской революции. Август 1931 г.; поступил в 1944 г. – 19 л. – Л. 14–15.

Методология и методы исследования. Визуальный нарратив болезней населения Якутии рассматривается в русле исследовательских подходов социальной антропологии. Представлена интерпретация социальной реальности, транслируемой посредством «медицинской» фотографии. Зрительные образы не только воплощают социальный разрез общества, но и представляют собой картину душевных и телесных переживаний.

Результаты исследования и их обсуждение. В XIX в. с появлением технических возможностей фотографии передовая научная общественность приступила к формированию фотографических визуальных образов полиэтнического населения Российской империи. Экспедиционные и местные фотографии рубежа XIX–XX вв., фиксируя повседневный быт коренного населения Якутской области, обратили внимание на фиксацию болезней, связанных с ментальным здоровьем человека. В народных представлениях психические расстройства напрямую связывались с получением шаманского дара, поэтому при отсутствии каких-либо данных относительно болезни, исследователи попытались зафиксировать те элементы, которые лежали на поверхности, итогом стало появление серии фото-портретов шаманов и больных арктической истерией – менеряченьем¹. Интерес к данной теме со стороны фотографов служит свидетельством внимания общественности. Медицинская психиатрия относит его к культурно и географически обусловленным психопатологиям, ввиду чёткого ограничения арктической истерии границами Полярного круга. Одна из самых репрезентативных по объёму экспедиционной фотохроники, Джезуповская экспедиция, также включила в визуальную программу исследований данный вопрос. В ходе его работы, В. И. Иохельсон вместе со своей супругой Д. Л. Бродской, оказывавшие посильную медицинскую помощь юкагирским стойбищам, пострадавшим от эпидемии оспы и голода, не стали фиксировать проявление этой болезни на фотокамеру, хотя материалы экспедиции содержат описание самых распространённых болезней, а также отдельные кадры шаманских камланий на исцеление у коряков и чукчей.

¹ Менеряченье – психическое заболевание, широко распространённое среди коренных этносов Восточной Сибири, однако им заболевали и русские, долго жившие в Якутской области.

В начале XX в. фотографы Якутской области И. В. Попов² и А. П. Курочкин³ независимо друг от друга, впервые снимают больных Вилуйского лепрозория. Фотография здесь служит документальным свидетельством отклика общественности на социокультурные изменения, которые произошли в обществе. В 1890-е гг. для такой провинциальной окраины, как Якутская область, приезд английской сестры милосердия Кэт Марсдэн подтверждал интерес со стороны международного сообщества к особым медицинским знаниям, которыми условно обладали северные локальные сообщества, включая особые свойства местной флоры, способной противостоять необратимым изменениям в организме, которую вызывала проказа. Безусловно, события, связанные с изучением проказы, стали причиной для пересмотра обществом своего отношения к этой категории больных, заметно улучшилось содержание лепрозориев, организовали постоянную медицинскую помощь для облегчения состояния больных проказой. В визуальной культуре региона эта тема открыла «медицинскую» серию фотографий (рис. 1).

Примерная датировка снятых кадров в 1904–1909 гг. свидетельствует о том, что, возможно, фотографии выполняли задание администрации Якутской области. У других фотографов Якутской области нет аналогичной или похожей «медицинской» серии снимков. Фотографии А. П. Курочкина, выполненные в Вилуйском лепрозории, имеют стиль официального репортажа: групповые фотографии пациентов лепрозория совместно с врачом и фельдшерами, процедуры перевязок, внутренний интерьер помещений, индивидуальные портреты больных. В динамике фотопроекта И. В. Попова после 1910 г. происходят изменения. Он приступил к серии фотографий «уличных типов» жителей г. Якутска с признаками душевных расстройств, а затем расширил географию своих съёмки, побывав в Вилуйском лепрозории. В фотопроекте И. В. Попова нет характерных признаков репортажной съёмки. В

² Основоположник изобразительного искусства Якутии Иван Васильевич Попов / сост. Д. К. Сивцев – Суорун Омоллоон; Национальный художественный музей РС (Я); Ытык-Кельский литературно-художественный музей «Таатта». – Якутск: Бичик, 2003. – 112 с. – С. 84, 88.

³ Визуальное наследие народов Якутии: фотографический мир А. П. Курочкина (конец XIX – начало XX века): каталог / сост. Д. П. Попова, Т. Г. Старостина; Якутский государственный объединённый музей истории и культуры народов Севера им. Ем. Ярославского. – Якутск: Якутия, 2011. 128 с. – С. 94–95.

групповых снимках больные более расслаблены, располагаются в кадре свободно, согласно своим предпочтениям. И. В. Попов помимо съёмок Вилуйского лепрозория старается зафиксировать другие редкие заболевания, имеющие резко выра-

женные внешние деформации и разрушения. После этого появляется серия портретов двух душевнобольных женщин, страдающих полярной истерией: в покое и в моменты исступления, крупным планом (рис. 2).

Рис. 1. Курочкин А. П. Прокажённые Вилуйского лепрозория. В центре в форменном кителе и фуражке сидит врач А. В. Водзицкий. Из собрания Якутского государственного музея им. Ем. Ярославского

Fig. 1. Kurochkin A. P. Lepers of the Vilyuy leper colony. Doctor A. V. Vodzitsky is sitting in the center in a uniform jacket and a cap. Yakut State Museum named after E. Yaroslavsky

Рис. 2. Попов И. В. Якутка, одержимая болезнью менеряченья. Якутская область. Начало XX в. Из собрания Иркутского областного краеведческого музея

Fig. 2. Popov I. V. Yakut, obsessed with Arctic hysteria. Yakut region. Early XX century. The Irkutsk regional museum

Это попытка фиксации сопутствующих раздражителей из внешней среды, обстоятельств, при которых это заболевание возникает, формируется и влияет на человека. И. В. Попов, будучи лекарем-практиком, имел возможность наблю-

дать (в том числе через возможности фотографии) за поведением своих больных [13, с. 223]. К сожалению, эти кадры единичны (рис. 3), часть его экспериментальных фоторабот считаются уничтоженными самим автором.

Рис. 3. Попов И. В. Нога мальчика-тунгуса, покрытая шерстью.
Из собрания Иркутского областного краеведческого музея

Fig. 3. Popov I. V. Leg of a Tungus boy covered with hair. The Irkutsk regional museum

Отметим, что участники Сибиряковской и Джесуповской экспедиций в ходе реализации своих исследовательских задач сталкивались с историями вспышек как опасных, так и рядовых заболеваний населения, но не оставили фотосюжетов по данной теме. Вероятно, им как представителям «чужой» культуры не позволялось снимать, возможно, они придерживались морально-этических принципов, воздерживаясь от фотосъёмки больных, хотя возможности наглядной фиксации клинического хода болезни при помощи фотокамеры на тот момент признавались в российском научном сообществе. Таким образом, фиксация социальных контрастов, интерес фотографа к этим двум заболеваниям свидетельствует о внимании со стороны общественности к проблеме этих заболеваний в Якутской области.

В начале XX в. в развитии фотодела сохранялось традиционное восприятие этого технического носителя, воспринимавшегося как инструмент, реализующий возможности живописи. В 1920–1930-е гг. в научной среде СССР произошли глубокие

когнитивные процессы, продиктованные сменой научно-исследовательской стратегии, оказавшие влияние на изменение методологического подхода по сбору иллюстративных материалов как инструментария научных исследований. Формируются основные парадигмы советской производственной этнографии, где экспедиционной фотографии и рисунку отводится роль повествовательной фиксации и последовательного документирования событий. Поэтому в советский период фактически все экспедиционные отряды, работавшие в ЯАССР, включая медицинские отряды Наркомпроса, были технически оснащены, а к отчётам требовалось прилагать наглядные фотосвидетельства о ходе работы.

Вторая половина 1920–1930-х гг. – период организации медицинской помощи в самых отдалённых уголках советского государства. Этот процесс сопровождался активной борьбой со знахарством. Факты обращения населения к ним за медицинской помощью нещадно критиковали, что с позиций медицинской науки, конечно, было оправдано. По мнению В. И. Харитоновой,

эти запреты на оказание лекарственных услуг во второй половине XX в. лицами без медицинского образования и последовательная борьба с суевериями в обществе (запреты на проведение семейно-бытовых, родовых ритуалов поклонения, ритуалов с участием жрецов) привели к тому, что в традиционной практике всех народов СССР остались в основном не великие шаманы и могучие колдуны, а лекари, оказывающие помощь преимущественно натуропатического характера [11, с. 319].

В этот период советская этнографическая наука стала вытеснять из сферы полевых исследований изучение народной медицины, целительских практик и магии [14, с. 13; 15, с. 7]. Идеологический характер гуманитарных наук в советский период побуждал медицинское сообщество держаться в стороне и не позволял использовать в своих исследованиях историко-этнографические интерпретации, хотя и не мешал им одновременно фиксировать его наиболее любопытные проявления. Уделялось внимание последовательной визуальной фиксации болезней, от которых страдало местное население, санитарно-гигиенической обстановке, а также внешней и социальной среде, которая, как известно, играет ведущую роль в развитии болезней.

В 1925–1926 гг. медико-санитарный отряд КЯР АН СССР под руководством доктора С. Е. Шрейбера предпринял изучение эпидемиологической картины и санитарно-гигиенического состояния населения Якутского, Вилюйского и Олёкминского округов ЯАССР. В фотопроjekt медико-санитарного отряда КЯР попали: добыча лечебной грязи Кемпендяя, портреты больных полярной истерией, аллергические поражения у больных вследствие гельминтоза, фотоснимки озёр, у которых локализовались очаги различных болезней (Юнгкюр-кюёль в Мукучинском наслеге, появление проказы в Вилюйском округе), виды зданий больниц и лепрозория, внутренние интерьеры жилищ, фотографии с видами тесного контакта детей и телят, портреты больных проказой, хондросаркомой, карциномой и т. д. Отряд застал эпидемию натуральной оспы в Вилюйском округе, а также провёл исследование Вилюйского лепрозория и его архива [16, с. 10]. В числе наиболее распространённых болезней отряд отметил суставной ревматизм, гонорею, сифилис, малярию, паршу, туберкулёз, скарлатину, ветряную оспу, глистные

инвазии (инфицирование ленточными червями) (рис. 4).

Рис. 4. Макарова Екатерина. 18 лет. Вилюйский округ. Медико-санитарная экспедиция проф. А. А. Владимирова. 1928 г. Из собрания Якутского государственного музея им. Ем. Ярославского

Fig. 4. Ekaterina Makarova. 18 years old. Vilyui district. Medical and sanitary expedition by Prof. A. A. Vladimirov. 1928. Yakut state museum named after Em. Yaroslavsky

В результате была реализована визуально-антропологическая методология изучения коренных народов северо-востока страны, включая сбор сведений о самых экзотических способах излечения. Шаманские практики и знахарство привлекли исследователей. Отдельное внимание было уделено изучению вопросов, связанных с изменённым состоянием мозга человека в моменты экстатических приступов в ходе камлания или приступа менеряченья. В фокус интересов члена медико-санитарного отряда Т. А. Колпаковой, помимо интереса к якутскому целительству, также входило изучение феномена изменённого состояния сознания у человека со специальными знаниями (шаман), при помощи чего больной излечивался. Врач попыталась проанализировать истории болезней больных, проживавших с шаманами, и случаи психи-

ческих заболеваний, которые сам больной либо его окружение связывали с шаманским посвящением «эттении» (человек болеет, а его тело в это время рассекают на части «духи»). В ходе работы в Вилюйском лепрозории Т. А. Колпакова наблюдала за отношением к прокаже со стороны местного населения. Последние считали, что прокажа «кусаган ыарыы» (плохая болезнь), является наследственной болезнью, а сами больные предпочитали пожизненному заключению в лепрозорий кочёвку по тайге до полной инвалидности [16, с. 85].

Медицинский отряд Народного комиссариата здравоохранения РСФСР под руководством военного врача-хирурга, выпускника медицинского факультета МГУ Е. А. Дубровина был направлен для работы в медицинском передвижном пункте для оказания медицинской помощи населению Булунского округа ЯАССР. Перед отрядом также были поставлены задачи по организации культурно-просветительской и санитарно-гигиенической работы. Отряд прибыл в Булун 5 сентября 1927 года и пробыл до 7 февраля 1928 года, выполнив диагностирование и лечение населения. По итогам экспедиции Е. А. Дубровин в своём отчёте о результатах работы экспедиции от 16 января 1929 г. ходатайствовал перед центральными исполнительными органами власти «об организации постоянной лечебной помощи населению, завоза продуктов питания и предметов домашнего обихода, открытия постоянных медицинских пунктов в населённых пунктах»¹. Был обеспокоен ростом алкоголизации населения, участвовавших случаев обмена пушнины на спирт и самогонку. Остались интересные наблюдения, в которых Е. А. Дубровин рассказал о шаманских практиках и знахарстве, широко практиковавшихся среди населения для излечения от болезней. Программа обследования была составлена НКЗ РСФСР².

На фотографиях медицинских отрядов Наркомпроса отражена неприглядная картина глубокого бедственного положения коренного населения. Это шокирующие кадры полуголых людей, больных проказой, трахомой, туберкулёзом, различными ви-

дами язв, психически больных людей (страдающих припадками эмиряченья). Кадры с картинами санитарно-гигиенического состояния жилищ, чередуются с пейзажными снимками снежных арктических пространств тундры, где на километры вокруг отсутствует жизнь, визуализируя суровую картину повседневной жизни Севера. Этот неожиданный социально-острый срез жизни общества, выполненный врачами, – своего рода откровение, что оказывает на неподготовленного зрителя тяжёлое моральное воздействие. Особенно это ощущается в фотоколлекции неизвестного врача «Д» (имя не удалось установить), выполненной им во время работы в медпункте НКЗ РСФСР в Верхнеколымске в 1930–1933 гг. Фактически это мини-повествование о жизни Колымского округа ЯАССР, где располагался территориальный лепрозорий. Наблюдению врача подвергается вся окружающая его действительность и инфраструктура северных посёлков Колымского округа. Главный объект фотографа – человек и его социальные контексты в окружающем обществе (рис. 5).

Рис. 5. Прокажённый больной Илья Слепцов. Медпункт НКЗ РСФСР в Верхнеколымске. РФ АЯНЦ СО РАН. Иллюстративный фонд

Fig. 5. Leprosy Ilya Sleptsov. Medical center in Verkhnekolymsk. Illustrative fund the Archive of Yakut scientific center of SB RAS

¹ Рукописный фонд Архива Якутского научного центра Сибирского отделения (РФ АЯНЦ СО РАН). – Ф. 4. – Оп. 25. – Д. 1. Доклад о работе медицинского пункта № 2 за период 1927–1928 гг. в Булунском округе. 1929 г. – Л. 27.

² Народный комиссариат здравоохранения РСФСР – орган государственной власти в ранге министерства, управлявший развитием здравоохранения с 1936 по 1946 г.

Профессиональный акцент на фиксацию «медицинских сюжетов», с тщательным вниманием к окружающей внешней

среде, с упором на социальный фактор демонстрируют нам взгляд врача-специалиста (рис. 6).

Рис. 6. Фотограф «Д». Юкагир Спиридонов в своей юрте в м. Червонная Васка вблизи Среднеколымска (20 верст). Медпункт НКЗ РСФСР в Верхнеколымске. 1932. РФ АЯНЦ СО РАН. Иллюстративный фонд

Fig. 6. Photographer "D". Yukagir Spiridonov in his yurt in the Chervonnaya Vaska near the Srednekolymsk. Medical center in Verkhnekolymsk. 1932. Illustrative fund the Archive of Yakut scientific center of SB RAS

Характер фотографий позволяет говорить о длительных поездках врача в пределах Колымского округа¹. Эти кадры во многом схожи с фотоотчётом, выполненным врачом Е. А. Дубровиным, с небольшой деталью: его интересовали типы поражений и области распространения лепры на теле у больных.

Отметим, что в 1920–1930-е гг. благодаря долгосрочным наблюдениям врачей, подолгу живших на Севере, были сделаны интересные выводы о характере витальных функций, которые приобретает человеческий организм в условиях резко континентального климата. Выделили систему целительных практик, основанных прежде всего на владении словом. К сожалению, оригинальные лечебные стратегии и ритуалы, раскрывающие витальные функции этнической культуры коренного населения северо-востока Азии, во многом утрачены. Существующий разрыв в сборе целитель-

ных песен, камланий со словесной визуализацией для изгнания духа болезни и последующего излечения в какой-то мере восполняется материалами полевых интервью, выполненных сотрудниками НИИИЯК при СНК ЯАССР в конце 1930-х гг. Обрядовые заклинания, целительные песни, камлания со словесной визуализацией для изгнания духа болезни содержат не только нарратив народных представлений о болезнях и смерти, но и констатируют тему магического разрешения социальных катаклизмов как эпидемии при помощи неких заговорно-заклинательных актов.

В 1950-е гг. к теме представлений, поверий и здоровьесберегающих народных практик, связанных с болезнями, обратился известный учёный-северовед И. С. Гурвич. Ценность его полевых сборов для получения новых материалов в области антропологии болезней у коренных этносов северо-востока Сибири неоспорима. Разрабатывая интеграции целительских систем, сравнивая практики народных целителей и шаманов в северных районах

¹ РФ АЯНЦ СО РАН. – Ф. И. – Оп. 5. – Д. 2. Верхнеколымский район ЯАССР. Экспедиционные фотографии 1932–1933 гг.

ЯАССР, И. С. Гурвич сделал важный вывод о том, что в памяти народа сохранились жизнесберегающие стратегии северного мира. Поэтому полевые материалы, собранные им в 1951–1959 гг., представляют особую значимость, т. к. его информаторами выступали люди, ещё заставшие время, когда в сёлах не было учреждений здравоохранения, вопросы лечения решались с помощью народной целительской практики. В крайних случаях обращались за помощью к шаманам. В результате сравнительного анализа сюжетов преданий о происхождении таких опасных болезней, как корь и оспа, учёный сделал ряд интересных выводов о заимствовании собирательного образа болезни от русских и проникновении его в корпус локальных демонологических представлений [17, с. 269]. В результате была проведена комплексная экспертиза нарратива болезней в устном народном фольклоре, собран материал, иллюстрирующий эти данные. Разрабатывая интеграции целительских систем, сравнивая практики народных целителей и шаманов в разных районах ЯАССР, исследователи Т. А. Колпакова и И. С. Гурвич приходят к выводу, что данный феномен мог сформироваться в результате исторических контактов местных и пришлых культур у границ Полярного круга. По их мнению, ключевую роль на возможности целительных практик северных сообществ оказывало влияние историко-культурного ландшафта.

Заключение. В настоящее время исследования народных представлений в контексте болезни и здоровья, в рамках знаково-символических измерений получают в мировой науке новую актуальность. Изучение лечебных стратегий, заговор-

но-заклинательных актов и ритуалов раскрывает систему народных знаний о vitalном ресурсе этнической культуры. Ассоциативная оценка визуального ряда образов болезни позволяет делать вывод о том, что предпосылкой появления «медицинской» серии в фотопроектах Якутской области в конце XIX – начале XX в. становится интерес общественности после появления первых исследований, посвящённых медико-санитарному состоянию региона. В силу этих причин объектом для фотографирования выступили больные проказой и арктической истерией. Последовательное фиксирование и изучение опасных заболеваний с целью изучения их клинической картины начинается со второй половины 1920-х гг. Фотография при этом служит документированием патологических изменений – последствий оспы, кори, скарлатины, а также запущенных случаев болезней суставов и кожи, деформирующих человеческое тело. Вместе с тем именно в этот период медицина официально перестала изучать вопросы восприятия и опыт переживания симптомов болезни самими пациентами (визуальные «рассказы») и народными методами исцеления. Начался переход в область клинических наблюдений за общей картиной болезней и их медикаментозным лечением. Воспроизводство визуальных образов картины болезней индигенных сообществ и социального контекста должно было служить документальной базой для изучения болезней, характерных для отдельных этнических групп.

Статья может быть интересна широкому кругу читателей, интересующихся историей «медицинской фотографии», гуманитарными проектами советской визуальной антропологии.

Список литературы

1. Maina S. Medical photography in the nineteenth century: from portraits to clinical photography. *Hectoen International. A Journal of medical humanities*, 2018. <https://www.hekint.org/2018/03/05/medical-photography-nineteenth-century-portraits-clinical-photography/> (дата обращения: 20.10.2020).
2. Aberer E., Stieber W., Homayoon D. and others. Medical Photography: Documentation, Art, and the Expression of Human Emotions. *Case Rep Dermatol*. 2016. Sep-Dec. No. 8. Pp. 227–238. DOI: 10.1159/000449034.
3. Хагнер М. История науки // Наука и научность в исторической перспективе. СПб., 2007. 328 с.
4. Bielsa A. A., Sanchez M. V., García A. G., García I. P., Horcajo R. R. Survey on medical photographs: current trends and legal and medical implications // *Angiología*. 2021. Vol. 73. Pp. 76–86. DOI: 10.20960/angiologia.00270.
5. Kolodeznikova L., Peers E. The Post-Colonial Ecology of Siberian Shamanic Revivalism // *World Views Environment Culture Religion*. 2015. Vol. 19. Pp. 245–264. DOI: 10.1163/15685357-01903003.
6. Robert Huff R., Gulliver S., Cohen L. Traditional Healing Practices and Healers // *The Wiley Encyclopedia of Health Psychology. Special Issues in Health Psychology*. 2020. Vol. 4. Pp. 199–204. DOI:10.1002/9781119057840.ch202.

7. Медведева Л. М. Визуализация болезни: история и современность // Культурная жизнь Юга России. 2012. № 2. С. 16–18.
8. Монахов С. А. Ревматические болезни сквозь призму изобразительного искусства // Научно-практическая ревматология. 2008. № 4. С. 94–96.
9. Воробьев А. А., Петрова И. А. Хирургия в изобразительном искусстве. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2009. 368 с.
10. Элиаде М. Шаманизм: архаические техники экстаза. Киев: София, 2000. 480 с.
11. Харитонов В. И. Феникс из пепла? Сибирский шаманизм на рубеже тысячелетий. М.: Наука, 2006. 372 с.
12. Уклонский А. Краткие медико-топографические и частью статистические замечания о Вилюйском округе Якутской области: сведения о болезнях среди якутов (глисты, проказа, трахома) // Журнал Министерства просвещения. 1841. Ч. 39, № 1. С. 80–106.
13. Попова Л. С. Лечебная практика в деятельности художника И. В. Попова // Во имя возрождения, сохранения и развития культуры народов Сибири: русская этнографическая традиция: материалы Всерос. науч.-полевого семинара, посв. 100-летию А. А. Попова и 125-летию В. Н. Васильева. Новосибирск: Наука, 2010. С. 220–226.
14. Лавров А. С. Колдовство и религия в России 1700–1740 гг. М.: Древлехранилище, 2000. 576 с.
15. Хаккарайнен М. В. Локальные представления о болезнях и лечении (посёлок Марково, Чукотка): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07. СПб., 2005. 206 с.
16. Колпакова Т. А. Эпидемиологическое обследование Вилюйского округа ЯАССР. Л.: Изд-во АН СССР, 1933. 292 с.
17. Гурвич И. С. Якутско-юкагирские предания об оспе: к вопросу о путях формирования демонологических образов // Социальная организация и культура народов Севера: сб., посв. памяти Б. О. Долгих / отв. ред. И. С. Гурвич; АН СССР; Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 1974. С. 249–269.

Статья поступила в редакцию 30.10.2020; принята к публикации 25.12.2020

Сведения об авторе

Степанова Лена Борисовна, кандидат исторических наук, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН; 677027, Россия, г. Якутск, ул. Петровского, 1; e-mail: solo007_79@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2826-6295>.

Библиографическое описание статьи

Степанова Л. Б. Болезни индигенного населения Якутии в фотопроектах конца XIX - первой трети XX века // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 3. С. 108–119. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-108-119.

References

1. Maina, S. Medical photography in the nineteenth century: from portraits to clinical photography. Hectoen International. A Journal of medical humanities. 2018. Web. 20.10.2020. <https://www.hekint.org/2018/03/05/medical-photography-nineteenth-century-portraits-clinical-photography/> (In Engl.)
2. Aberer, E., Stieber, W., Homayoon, D. and others. Medical Photography: Documentation, Art, and the Expression of Human Emotions. Case Rep Dermatol, Sep-Dec, no.8, pp. 227–238, 2016. DOI: 10.1159/000449034. (In Engl.)
3. Hagner, M. History of science. Science and scientific character in a historical perspective. Sankt-Peterburg, 2007: 8–36. (In Rus.)
4. Bielsa, A. A., Sanchez, M. V., García, A. G., García, I. P., Horcajo, R. R. Survey on medical photographs: current trends and legal and medical implications. Angiología, vol. 73, pp. 76–86, 2021. DOI: 10.20960/angiologia.00270. (In Engl.)
5. Kolodeznikova, L., Peers, E. The Post-Colonial Ecology of Siberian Shamanic Revivalism. World Views Environment Culture Religion, no. 19, pp. 245–264, 2015. DOI: 10.1163/15685357-01903003. (In Engl.)
6. Robert, Huff R., Gulliver, S., Cohen, L. Traditional Healing Practices and Healers. The Wiley Encyclopedia of Health Psychology. Special Issues in Health Psychology, vol. 4, pp. 199–204, 2020. DOI: 10.1002/9781119057840.ch202. (In Engl.)
7. Medvedeva, L. M. Disease visualization: history and modernity. Cultural life the south of the Russia, no. 2, pp. 16–18, 2012. (In Rus.)
8. Monahov, S. A. Rheumatic diseases through the prism of fine art. Scientific and practical rheumatology, no. 4, pp. 94–96, 2008. (In Rus.)
9. Vorobyov, A. A., Petrova, I. A. Surgery in fine arts. M.: GEOTAR–Media, 2009. (In Rus.)
10. Eliade, M. Shamanism: archaic techniques of ecstasy. Kiev: Sofia, 2000. (In Rus.)

11. Haritonova, V. I. Phoenix from the ashes? Siberian shamanism at the turn of the Millennium. M: Nauka, 2006. (In Rus.)

12. Uklonskiy, A. Brief medical-topographical and partly statistical notes about Vilyui district of the Yakut region: Information about diseases among the Yakuts (worms, leprosy, trachoma) // Journal of the Ministry of Education, ch. 39., no. 1, pp. 80–106, 1841. (In Rus.)

13. Popova, L. S. Medical practice in activity of the artist I. V. Popov. In the name of the revival, preservation and development culture of the peoples of Siberia: Russian ethnographic tradition: materials of Russian scientific field seminar "In the name of the revival, preservation and development culture of the peoples of Siberia: Russian ethnographic tradition", dedicated to the 100-th anniversary of A. A. Popov and the 125-th anniversary of V. N. Vasiliev. Novosibirsk: Nauka, 2010: 220–226. (In Rus.)

14. Lavrov, A. S. Witchcraft and religion in Russia 1700–1740. M: Drevlekhramilishche, 2000. (In Rus.)

15. Hakkarajnen, M. V. Local concepts of disease and treatment (Markovo village, Chukotka). Cand. sci. diss. Sankt-Peterburg, 2005. (In Rus.)

16. Kolpakova, T. A. Epidemiological examination the Vilyui district of Yakut republic. Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1933. (In Rus.)

17. Gurvich, I. S. Yakut-Yukagir legends about smallpox: (on the question of ways to form demonological images). Social organization and culture peoples of the North: Dedicated to the memory of B. O. Dolgikh. Ed. by I. S. Gurvich; Academy of Sciences USSR. Institute of Ethnography named after N. N. Miklukho-Maklay. M: Nauka, 1974: 249–269. (In Rus.)

Received: October 30, 2020; accepted for publication December 25, 2020

Information about author

Stepanova Lena B., Candidate of History, Institute for Humanities Research and Problems of Indigenous Studies of the North, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences; 1 Petrovskogo st., Yakutsk, 677027, Russia; e-mail: solo007_79@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2826-6295>.

Reference to the article

Stepanova L. B. Diseases of the Indigenous Peoples of Yakutia in Photo Projects of the Late XIX – First Third of the XX Centuries // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 3. PP. 108–119. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-108-119.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

ARCHAEOLOGICAL CULTURE

УДК 902.034

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-120-127

Александр Алексеевич Березин,
школа № 627 г. Москвы
(г. Москва, Россия),
e-mail: Berezin-79@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1236-3813>

Особенности периодизации в современной отечественной историографии подводной археологии

Статья посвящена историографическому обзору разнохарактерных материалов, освещающих результаты деятельности отечественных подводно-археологических организаций последних лет. Актуальность объясняется важностью современного научно-обоснованного разделения истории изучения и историографии изучения памятников подводно-культурного наследия. Уделяется внимание проблемам периодизации, вызванным ключевым влиянием, оказываемым на подводно-археологические работы. Дается краткая характеристика научных трудов, использующих выводы подводной археологии и характеризующих применяемые методы исследований в вопросах датировки, реконструкции и музеефикации. Основная часть работы определяется характеристикой научно-практического наследия и биографических данных отдельных ученых, с именами которых связан процесс развития отечественной школы подводной археологии в пространстве и во времени. Профессор Р. А. Орбели и профессор В. Д. Блаватский традиционно считаются идейными вдохновителями и первыми организаторами систематического изучения подводного культурно-исторического наследия нашей страны. Оценка деятельности указанных ученых, а также сложившаяся библиографическая база, на основе которой формируется историография рассматриваемого вопроса, органично составляют основную часть данной статьи. В статье уделяется достаточное внимание истории изучения подводно-археологических исследований – от первых практических попыток, основанных на эмпирических методах, до современного состояния дел в дисциплине, с применением широкого арсенала научных исследований (JPS-навигация, магнитометры, гидролокаторы бокового обзора, неуправляемые подводные аппараты и т. д.). Выводом статьи следует условное зарождение историографии наряду с появлением разобобщенного фонда специализированной литературы, где присутствуют сначала косвенные упоминания о затопленных памятниках, а с общим развитием археологической науки появляются уже и отдельные работы аналитического и методического характера, целиком посвященные исследованиям подводных памятников истории.

Ключевые слова: периодизация, историография, подводная археология, экспериментальная археология, изучение затопленных памятников истории, анализ материалов, методы кабинетных исследований

Aleksandr A. Berezin,
School № 627 in Moscow
(Moscow, Russia),
e-mail: Berezin-79@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1236-3813>

Peculiarities of Periodization in the Modern National Historiography of Underwater Archeology

The article deals with the historiographical review of various materials describing the recent outcomes of national underwater archaeological organizations activity. Attention is given to the periodization issues caused by the key influence exerted on underwater archaeological work on technological advances. It gives a brief

© Березин А. А., 2021

description of scientific papers that use underwater archaeology conclusions and characterize research methods applied in dating, reconstruction and museumification. The main part of the work is determined by the characteristics of the scientific and practical heritage and biographical data of individual scientists, whose name is associated with the development of the national school of underwater archaeology in space and time. Professor R. A. Orbeli and Professor V. D. Blavatsky are traditionally considered to be the ideological inspirers and the first organizers of the systematic study of the underwater cultural and historical heritage of our country. The assessment of the activities of these scientists, as well as the existing bibliographic base, on the basis of which the historiography of the issue under consideration is formed, organically forms the main part of this article. This article pays sufficient attention to the history of studying underwater archaeological research from the first practical attempts based on empirical methods to the current state of Affairs in the discipline, using a wide range of scientific research: GPS navigation, magnetometers, side-view sonars, unguided underwater vehicles, etc. The article conclusion is the conditional birth of historiography along with the emergence of unrelated collections of specialized literature, where indirect references to underwater landmarks are presented firstly, and, with the development of archaeological science, separate analytical and methodological works devoted entirely to underwater historical landmarks research appear.

Keywords: periodization, historiography, underwater archaeology, research on underwater historical landmarks, materials analysis, desk research methods

Введение. Актуальность настоящей статьи характеризуется необходимостью дополнительного анализа имеющихся критериев периодизации подводной археологии и научно-обоснованного разделения истории изучения от историографии изучения. По причине отсутствия терминологической ясности затруднительно подобрать универсальную классификацию источников, привлекаемых для историографического исследования [1, с. 184]. Периодизация – важнейшая часть любой научной дисциплины, представляющая собой весьма эффективный научный инструментарий, позволяющий вскрыть взаимосвязи, наличие или отсутствие преемственности, важнейшие тенденции объекта или предмета изучения. История изучения затопленных памятников истории вполне соответствует данной закономерности, однако наделена рядом особенностей по отношению к общей археологии.

Подводная археология – особая историческая дисциплина, синтезирующая в себе комплекс различных наук, призванная на основе междисциплинарного подхода и принципа историзма изучать материальные остатки различных исторических эпох с целью определения хронологии развития [2].

В современной исторической науке доминирует мнение, что стремление к возведению чётких границ в периодизации археологии порождает кризис системы. Специалисты всё настойчивее предлагают наделять периодизацию локальными полномочиями, где каждое деление шкалы становится одновременно и территориальной и хронологической ячейкой [3, с. 58]. В подводной археологии данная постановка вопроса приемлема отчасти, т. к. здесь ключевую роль играет влияние

технологического прогресса на методику раскопок. Профессиональный историк смог практически изучать подводные памятники археологии только со второй половины XX в., когда был изобретён автономный акваланг. Однако уже в последующие десятилетия подводная археология в полной мере располагала необходимым научным, техническим и кадровым потенциалом, а главное – разработанными не только эффективными методиками исследований, но и результативными методами сохранения объектов [4, с. 279].

Методология и методы исследования. Для более критической оценки проблемы рассматриваемого вопроса, нами были использованы проблемно-хронологический и ретроспективные методы исследования. Л. С. Клейн, рассматривая проблемы историографии, на примере незначительного количества памятников подводной археологии дискутирует о размытости верхней границы между археологическим памятником и объектом материальной культуры, выпадающего из границ исторического наследия [5, с. 49]. Современные исследователи, опираясь на выводы учёного, наделили памятники кораблекрушения термином «археологический комплекс пребывания» [6]. Предметное поле историографии необходимо очерчивать непосредственно самой историей подводной археологии, хронологией развития методологии, биографистикой, развитием отдельных направлений внутри одной дисциплины [7, с. 6]. В 2015 г. А. В. Блаватским и В. Н. Таскаевым в периодической специализированной литературе была предпринята попытка систематизации известного историографического фонда подводной археологии, что способствовало созданию обзорного материала

справочного характера, наделённый характерными достоинствами и недостатками для большинства аналогичных трудов по общей археологии [8, с. 53].

Результаты исследования и их об-суждение. Историю полевых исследований подводных памятников археологии над-лежит рассматривать в контексте истории общей археологической науки, с формиро-ванием этапов исторического осмысления, основанных на анализе ретроспективных данных, относящихся к периоду вхождения в состав Российской империи Крыма в кон-це XVIII в. По мнению академика М. Б. Пи-отровского, благодаря археологическому наследию полуострова, русский народ приобрёл собственную античность и право считаться частью европейской цивилиза-ции [9, с. 6]. Первые эмпирические попытки систематизации полученных данных отожд-ествляются в отечественной историогра-фии с научным наследием П. С. Палласа [10, с. 45].

В начале XX в. полноценные работы развернулись в порту Феодосии, когда во-долазы под руководством директора музея Л. П. Колли обследовали уцелевшие фраг-менты сооружений, идентифицированных, как мол Античной эпохи [11, с. 171]. С про-межуточными итогами исследований ми-ровая общественность познакомилась на международной выставке, состоявшейся в Милане в 1906 г., где Л. П. Колли предст-авил наглядный материал (более полусотни чертежей, гравюр и фотографий), а также сделал обобщающий научный доклад [12, с. 107]. Фактически до начала советского периода истории России направление и тен-денции изучения подводных археологи-ческих памятников не претерпели каких-ли-бо существенных изменений [13, с. 62]. Они вписывались в практику накопления конкретных фактов. Вместе с тем следует отметить, что с образованием Российской академии истории материальной культу-ры – РАИМК (ГАИМК) положение стало изменяться в лучшую сторону. Отличитель-ной особенностью ГАИМК, в особенности со второй половины 1920-х гг., выступало объединение учёных естественных и гума-нитарных наук с ориентацией на коллектив-ные методы разработки научной проблема-тики. Установки руководства ГАИМК тех лет ориентировали научный коллектив на осво-ение методов исследования разнотипных источников и памятников материальной культуры, на формирование комплексного

подхода в сортировке материалов и анали-зе выводов по изучаемой проблематике на разных этапах и уровнях исследователь-ского поиска [14, с. 236]. В данный период не было предложено никаких теоретиче-ских соображений в пользу организации це-ленаправленного и тем более систематиче-ского исследования памятников подводной археологии, тем не менее, наличие, хотя и связанное с единичными и спорадически-ми находками и эпизодическим их изуче-нием, практики накопления подводно-ар-хеологических материалов свидетельству-ет о постепенно вызревавшей в недрах советской археологической науки первой половины 1930-х гг. потребности в произ-водстве специализированных подводных исследований [15, с. 58]. Рассматриваемое направление составляло сферу научных интересов Р. А. Орбели и частично было реализовано сотрудниками ЭПРОНа, когда в середине 1930-х гг. удалось практически осуществить ряд подводно-археологиче-ских исследований.

Объёмный пласт систематизированно-го материала результатов подводной архео-логии в Северном Причерноморье связан с научно-практическим наследием В. Д. Бла-ватского. С ростом опыта и накоплением фактического материала реализовалась идея о публикации монографии, посвящён-ной рассматриваемой дисциплине, с вы-держанным в символических тонах названи-ем [16, с. 35]. Год выхода монографии (1962) принято считать порубежным: именно с это-го периода археологи под водой опытным путём формируют принципы исследований затонувших памятников. Совместный труд В. Д. Блаватского и Г. А. Кошеленко долгое время являлся единственным методическим пособием по организации подводно-архео-логических исследований с легководолаз-ным снаряжением.

Рост фактического материала, вводи-мого в научный оборот, позволил использо-вать результаты изысканий при написании диссертационных исследований. Поста-раемся охарактеризовать наиболее компе-тентные: в 1975 г. К. К. Шилик защитил кандидатскую работу по географии на тему «Изменения уровня Чёрного моря в позд-нем голоцене, по материалам геоморфоло-гических и археологических исследований в западной части бассейна». М. В. Агбу-нов в 1984 г. защитил в МГУ диссертацию на тему «Античная лоция Чёрного моря», где один из параграфов посвящён анали-

зу подводно-археологических источников [1]. В 1993 г. А. В. О कोरोков защитил диссертационное исследование по проблемам истории изучения и охраны отечественных памятников гидроархеологии [17].

В 2001 г. в Воронежском государственном университете прошла защита докторской диссертации Н. П. Писаревского на тему «Морской флот античных государств Северного Причерноморья». В 2002 г. В. В. Лебединский защитил диссертацию по подводно-археологическому наследию Египта [18], через год в Петербурге С. Ю. Курносову была присуждена степень кандидата наук на основе успешной защиты исследования по развитию морских музеев России [19]. В 2004 г. в Краснодарском университете культуры прошла защита диссертации Л. А. Степко [20]. В 2009 г. доцент А. Б. Кисельников защитил диссертацию по проблемам судоходства в античную эпоху в Средиземноморском бассейне [21]. В 2014 г. в ВШЭ состоялась защита кандидатской работы по юридическим наукам И. О. Анисимова, посвящённой международной охране подводно-исторических памятников [22]. В Уральском отделении РАН прошла защита докторской Н. М. Чаиркиной: «Торфяниковые памятники Зауралья: анализ и интерпретация», где уделяется некоторое внимание необходимости подводных исследований в регионе.

Успешно проработал историографическую базу по исследованиям в Крыму преподаватель Киевского университета С. М. Зеленко [23]. Автору удалось обобщить и скомпоновать опыт различных научных организаций, осуществляющих археологические исследования на шельфе Крымского полуострова. В настоящее время историческая область акватории Крыма входит в сферу изучения сотрудников Черноморского центра подводных исследований [20, с. 203]. Серьёзную работу по обобщению и анализу разрозненного материала, освещающего историческое наследие Причерноморья, провёл профессор Харьковского университета В. И. Кадеев. Расширяя сферу научных интересов, исследователь достаточно аргументированно вводит в оборот данные подводной археологии [24].

В 2015 г. была опубликована монография О. А. Золотарева, посвящённая подводной археологии в акватории Тарханкута и приуроченная десятилетнему юбилею обнаружения 66-пушечного корабля «Святой

Александр» близ берегов полуострова исследовательской экспедицией из Тулы [25].

Обособленным направлением изучения является не территориальный признак, а временной отрезок. Античная история входила в сферу научных интересов московского исследователя В. Н. Таскаева, скомпоновавшему хронологию изысканий в монографии, опубликованной в 2010 г. [26]. Целая плеяда замечательных исследователей вышла из Фанагорийской экспедиции ИА РАН, где подводной археологией занимаются с середины XX в., отражая итоги деятельности в специализированных очерках [27, с. 58], что направляет молодых специалистов на организацию проведения экспедиций на современном уровне [20, с. 15]. С 2012 г. под редакцией профессора В. Д. Кузнецова запущен регулярный выпуск сборника «Материалы по археологии и истории Фанагории», издававшийся под эгидой ИА РАН совместно с фондом «Вольное Дело», в котором заметное внимание уделяется изучению затопленной части города.

Исследования северо-западной части Причерноморья развивались согласно общей хронологии. Вековую историю раскопок перешагнул известный греческий полис – Ольвия. Систематизации данных полевых исследований большое профессиональное внимание уделял член-корреспондент НАН Украины С. Д. Крыжицкий, широко использующий данные подводной археологии [28]. Ученику С. Д. Крыжицкого – киевлянину В. В. Назарову частично удалось создать карту известных памятников подводной археологии Крыма и Украины [29]. О необходимости выпуска подобной карты говорил ещё Р. А. Орбели, однако целесообразность реализации данного проекта в наше время не вызывает однозначной оценки и требует решения на государственном уровне.

Историография подводно-археологических исследований в Каспийском регионе формируется с началом регулярных археологических изысканий в первой половине XX в. Археология Азербайджана и его подводно-историческое наследие составляли сферу научных интересов С. Б. Ашурбейли, которой удалось наиболее полно скомпоновать имеющиеся историографические данные [30]. В 1960-х гг. под эгидой АН Азербайджанской ССР начинает функционировать подводно-археологическая экспедиция под руководством научного

сотрудника музея истории Азербайджана В. А. Квачидзе [31, с. 7], практическую помощь оказывали аквалангисты московского клуба «Катран» [32, с. 71].

В 1961 г. Эрмитаж организовал разведочные погружения на затопленную часть Дербентской крепости. Инициировал и возглавил проведение исследований Л. Н. Гумилёв. Несмотря на краткосрочность проведения экспедиции, результаты исследования оказались положительными и позволили Л. Н. Гумилёву в дальнейшем использовать их в самостоятельной работе [33, с. 83]. В период 1970-х гг., на протяжении четверти века, систематические исследования памятника проходили под руководством А. А. Кудрявцева. Учёный подчёркивает, что благодаря археологическому материалу удалось осветить ряд узловых проблем становления и развития одного из древнейших городов нашей страны. Основные результаты деятельности экспедиции отображены в совместной монографии авторов А. А. Кудрявцева и Е. А. Кудрявцева, продемонстрировавших и научную, и династическую преемственность [34].

При рассмотрении хронологии исследований на Балтике необходимо учитывать малое распространение практических подводных исследований, что обусловливается сложностями технического характера при осуществлении погружений: холод, мизерная прозрачность и коварные течения. В 1990 г. в Ленинграде контр-адмирал К. А. Шопотов организовал подводно-археологическое общество «Память Балтики» с целью локализации и исследования памятников Выборгского морского сражения. В 2013 г. К. А. Шопотов опубликовал обзорную монографию, где не только изложил хронологию археологических исследований, но и осветил ряд социальных проектов, реализованных членами общества «Память Балтики», а также историю открытия музея подводной археологии в Выборге [35].

Отдельную группу историографии составляет наследие внутренних водоёмов. В Карелии осуществляет систематическую деятельность экспедиция ИЯЛИ КарНЦ РАН, сотрудники которого без малого полвека исследуют петроглифы Онежского озера. В 2015 г. научный сотрудник Института Н. В. Лобанова в своей монографии проанализировала итоги экспедиционной деятельности, провела аналогии с однотипными памятниками, исследуемыми

зарубежными коллегами, поделилась современными методами идентификации наскальных рисунков в условиях плохой видимости [36].

В. М. Плоских за годы полевой деятельности на Иссык-Куле, создал Киргизскую национальную археологическую школу, в деятельности которой значительное внимание уделяется затопленным памятникам культуры и истории. Основные результаты полуторавековой истории археологических исследований скомпоновал в 2013 г. в монографии на основе диссертации молодой учёный В. В. Плоских [37].

В советский период наиболее масштабные работы проводились на Днепре, силами экспедиции подводно-археологических работ Запорожского музея. Известные по древнерусским летописям днепровские пороги стали могилой для многих речных судов, начиная от первых караванов «из варяг в греки» и заканчивая экземплярами парового флота, погибших в XIX в. Руководитель экспедиции Г. И. Шаповалов своевременно освещал в периодической литературе хронологию изысканий и их результаты [38].

Результат деятельности научного комитета Конфедерации подводной деятельности России характеризуется следующими материалами: Новгородское отделение в 2007 г. выпустило сборник «Подводное культурное наследие: перспективы изучения и сохранения» под редакцией А. В. Степанова, сформированный на основе более двадцати статей и очерков. Позднее С. М. Фазлуллин опубликовал доклады участников московской конференции однотомником «Подводная археология: прошлое, настоящее, будущее» [39, с. 5]. В сборнике были представлены статьи, освещающие последние результаты исследований в области подводной археологии, истории флота, раскрывающие методы проникновения на затопленные объекты с использованием современного оборудования.

В 2012 г. Институт культурологии опубликовал сборник редколлегии под научной редакцией профессора А. В. Окорочкова «Юридические и методические вопросы изучения и сохранения подводного культурного наследия», куда вошли статьи, освещающие проблемы сохранения и музеефикации объектов подводно-культурного значения.

На следующий год по результатам прошедшей в Туле конференции «Подводное

наследие» был издан одноимённый сборник под редакцией И. Н. Кочергиной. По мнению авторов, сборник призван способствовать составлению адекватной картины об уровне проводимых исследований в области подводной археологии и военно-морской истории.

В 2016 г. в Институте природного наследия приступили к публикации фундаментального «Свода объектов подводного культурного наследия России», к 2019 г. удалось опубликовать три тома документов [40].

Заключение. Таким образом, условно обозначим зарождение историографии наряду с появлением разобщённого фонда специализированной литературы, где присутствуют сначала косвенные упоминания

о затопленных памятниках, и уже с общим развитием археологической науки появляются отдельные работы аналитического и методического характера, целиком посвящённые подводным памятникам. Объяснение подобной динамики наиболее заметно на фоне осмысления результатов, вводимых в научный оборот в процессе обработки и анализа данных, получаемых с археологических комплексов [41, с. 138]. С позиций историографии гораздо большую роль играет не ход раскопок под водой, а то, какое влияние оказывают результаты полевых исследований на понимание процессов исторического развития разнотипных обществ различных исторических эпох в экономическом, социальном и других контекстах.

Список литературы

1. Агбунов М. В. Античная география северо-западного Причерноморья: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 1984. 250 с.
2. Green J. Maritime Archaeology: A Technical Handbook' London, 1990. P. 7.
3. Клейн Л. С. Археологическая периодизация в новом тысячелетии // Российский археологический ежегодник. 2014. № 4. С. 57–60.
4. Gibbings D., Adams J. Shipwrecks and maritime archaeology // World Archaeology. 2001. Vol. 32, No. 3. P. 279.
5. Клейн Л. С. Археологические источники. Ленинград: Издательство ЛГУ, 1978. 118 с.
6. Холюшкин Ю. П., Витяев Е. Е., Костин В. С. Задачи археологии и методы их решения. Новосибирск: Манускрипт, 2013. 30 с.
7. Тесленко Д. Л. История археологии: границы и принципы субдисциплины: сб. науч. тр. Киев: ИА НАНУ, 2013. С. 5–14.
8. Таскаев В. Н., Блаватский А. В. Методологическая основа подводной археологии // Вопросы подводной археологии. 2015. № 5. С. 53–71.
9. Экспедиции. Археология в Эрмитаже / М. Б. Пиотровский [и др.]. СПб.: Славия, 2014. 360 с.
10. Вернадский Г. В. Русская историография. М.: Аграф, 1998. 448 с.
11. Колли Л. П. Следы древних культур на дне морском // Известия Таврической учёной комиссии. 1909. № 43. С. 171–226.
12. Петрова Э. Б. Памяти Л. Колли // Культура народов Причерноморья. 2002. № 33. С. 105–110.
13. Березин А. А. Изучение памятников подводно-культурного наследия в дореволюционной России // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016. № 9. С. 59–63.
14. Свешников А. В., Свешникова О. С. Группа архаического земледелия: забытая страница истории советской науки 1930 гг. // Диалог со временем. 2010. № 10. С. 236–256.
15. Чаиркина Н. М. Археологическое исследование VI Разреза Горбуновского торфяника на Среднем Урале в 1927 году (по материалам раскопок Д. Н. Эдинга) // Вестник Новосибирского государственного университета. 2014. № 13. С. 58–67.
16. Блаватский В. Д., Кошеленко Г. А. Открытие затонувшего мира. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 120 с.
17. О कोरोков А. В. История изучения и охраны отечественных памятников гидроархеологии. М.: РИК ЦКПИ, 1993. 135 с.
18. Лебединский В. В. Новые методы изучения истории. Письменные и изобразительные источники по истории Египта и подводная археология: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М., 2000. 263 с.
19. Курносов С. Ю. Становление и развитие морских музеев России: дис. ... канд. культурологии: 24.00.03. СПб., 2003. 490 с.
20. Степко Л. А. Музейная коллекция морских якорей как носитель историко-культурного наследия народов Азово-Черноморского бассейна: дис. ... канд. культурологии: 24.00.03. Краснодар, 2004. 261 с.
21. Кисельников А. Б. Грузовые суда и организация морских перевозок в Средиземноморье в античную эпоху: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Саратов, 2009. 206 с.
22. Анисимов И. О. Международно-правовая охрана объектов подводно-культурного наследия: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. М., 2014. 212 с.
23. Зеленко С. М. Подводная археология Крыма. Киев: Стило, 2008. 270 с.
24. Кадеев В. И. История и археология Причерноморья: статьи разных лет. Харьков: Бизнес Информ, 2000. 392 с.
25. Золотарев О. А. Тарханкут – полуостров кораблекрушений. Тула: Борус, 2015. 176 с.

26. Таскаев В. Н. Античная подводная археология Северного Причерноморья. М.: Воронцовка-21, 2010. 170 с.
27. Кузнецов В. Д., Ольховский С. В., Завойкин А. А. Подводные археологические исследования в Фанатории // Природа. 2019. № 1. С. 57–67.
28. Крыжицкий С. Д. Архитектура Ольвийского полиса в графических реконструкциях. Симферополь: Деметра, 2012. 124 с.
29. Назаров В. В. Гидроархеологическая карта Черноморской акватории Украины. Киев: Стилюс, 2003. 160 с.
30. Ашурбейли С. Б. История города Баку. Баку: Азернешр, 1992. 408 с.
31. Ганджи И. А. Подводная одиссея Виктора Квачидзе. Подводная археология – 40 лет: сб. науч. тр. Баку, 2008. С. 7–11.
32. Квачидзе В. А., Багдасаров Р. С. Подводные находки в районе гибели старой шхуны // Спор-тсмен-подводник. 1974. № 37. С. 71–76.
33. Гумилёв Л. Н. Хазария и Каспий // Вестник Ленинградского государственного университета. 1964. № 6. С. 83–95.
34. Кудрявцев А. А., Кудрявцев Е. А. Феодальный город Северного Кавказа (средневековый Дер-бент в VI–XIII веках). Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2015. 307 с.
35. Шопотов К. А. Подвиги первых русских навигаторов. СПб.: Элексис, 2013. 80 с.
36. Лобанова Н. В. Петроглифы Онежского озера. М.: Университет Пожарского, 2015. 440 с.
37. Плоских В. В. Затонувшие памятники Иссык-Куля (исследования «Атлантиды» Центральной Азии на Великом Шёлковом пути). Бишкек: КРСУ, 2013. 200 с.
38. Шаповалов Г. И. Подводная археология Запорожья. Достижения и перспективы // Підводні до-слідження: Археологія. Історія. Дайвінг. 2010. № 2. С. 4–14.
39. Сташевский В. Г. КПДР и подводная археология. М., 2013. С. 5–7.
40. Огороков А. В. Свод объектов подводного культурного наследия России. Ч. 2. Моря российской части Арктики и Дальнего Востока. М.: Ин-т Наследия, 2019. 224 с.
41. Березин А. А. Памятники подводной археологии Азиатского Босфора: труды II и III межвуз. конф. молодых учёных памяти профессора В. Ф. Семёнова. М.: Прометей, 2005. С. 138–147.

Статья поступила в редакцию 16.09.2020; принята к публикации 18.11.2020

Сведения об авторе

Березин Александр Алексеевич, учитель истории, школа № 627 г. Москвы; Россия, 115054, г. Мо-сква, ул. Дубининская, 42; e-mail: Berezin-79@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1236-3813>.

Библиографическое описание статьи

Березин А. А. Особенности периодизации в современной отечественной историографии подво-дной археологии // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 3. С. 120–127. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-120-127.

References

1. Agbunov, M. V. Ancient geography of the North-Western black sea region. Cand. sci. diss. M., 1984. (In Rus.)
2. Green, J. Maritime Archaeology: A Technical Handbook' London, 1990. (In Engl.)
3. Klein, L. S. Archaeological periodization in the new Millennium. Russian archaeological Yearbook, no. 4, pp. 57–60, 2014. (In Rus.)
4. Gibbins D., Adams J. Shipwrecks and maritime archaeology. World Archaeology, no. 3, pp. 279, 2001. (In Engl.)
5. Klein, L. S. Archaeological sources. Leningrad: Publishing house of Leningrad state University, 1978. (In Rus.)
6. Kholyushkin, Yu. P., Vityaev, E. E., Kostin, V. S. Problems of archeology and methods of their solu-tion-Novosibirsk: Manuscript, 2013. (In Rus.)
7. Teslenko, D. L. Historiography of archeology: problems of the structure of the subject field. Proceed-ings of the International Scientific and Practical Conference: History of archaeology. Borders and principles of subdiscipline. Kiev, 2013: 5–14. (In Rus.)
8. Taskaev, V. N., Blavatsky A. V. Methodological basis of underwater archaeology. Questions of under-water archaeology, no. 5, pp. 53–71, 2015. (In Rus.)
9. Expeditions. Archeology in the Hermitage: collection of scientific Tr. ed. by M. B. Piotrovsky. St. Peters-burg: Slavia. 2014: 6–8. (In Rus.)
10. Vernadsky, G. V. Russian historiography. M: Agraf. 1998. (In Rus.)
11. Kolli, L. P. Traces of ancient cultures on the bottom of the sea. ITUAK, no. 43, pp. 171–226, 1909. (In Rus.)
12. Petrova, E. B. And L. Kolli. Culture of the peoples of the black sea region, no. 33, pp. 105–110, 2002. (In Rus.)

13. Berezin, A. A. Study of underwater cultural heritage monuments in pre-revolutionary Russia. Vestnik TSPU, no. 9, pp. 59–63, 2016. (In Rus.)
14. Sveshnikov, A. V., Sveshnikova, O. S. Group of archaic agriculture: a forgotten page in the history of Soviet science in the 1930s. Dialog with time, no. 10, pp. 236–256, 2010. (In Rus.)
15. Chairkina, N. M. An Archaeological study of the VI Section of the Gorbunovsky peat bog in the Middle Urals in 1927 (based on the materials of D. N. Edinga's excavations). Vestnik NSU, no. 13, pp. 58–67, 2014. (In Rus.)
16. Blavatsky, V. D., Koshelenko, G. A. the Discovery of the sunken world. Moscow: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1963. (In Rus.)
17. Okorokov, A. V. History of study and protection of domestic monuments of hydroarchaeology. Moscow: RIC CCPI, 1993. (In Rus.)
18. Lebedinsky, V. V. New methods of studying history. Written and pictorial sources on the history of Egypt and underwater archaeology. Cand. sci. diss. M., 2000. (In Rus.)
19. Kurnosov, S. Yu. Formation and development of Maritime museums of Russia: Cand. sci. diss. SPb., 2003. (In Rus.)
20. Stepko, L. A. Museum collection of sea anchors, as a carrier of historical and cultural heritage of the peoples of the Azov-black sea basin. Cand. sci. diss. Krasnodar, 2004. (In Rus.)
21. Kiselnikov, A. B. Cargo ships and the organization of Maritime transport in the Mediterranean in the ancient era. Cand. sci. diss. Saratov, 2009. (In Rus.)
22. Anisimov, I. O. International legal protection of underwater cultural heritage objects. Cand. sci. diss. M., 2014. (In Rus.)
23. Zelenko, S. M. Underwater archeology of the Crimea-Kiev: Stilos, 2008. (In Rus.)
24. Kadeev, V. I. History and archeology of the black sea region. Articles of different years. Kharkiv: Business inform, 2000. (In Rus.)
25. Zolotarev, O. A. Tarkhankut-shipwreck Peninsula-Tula. Borus, 2015. (In Rus.)
26. Taskaev, V. N. Ancient underwater archeology of the Northern black sea region-Moscow: Vorontsova-21, 2010. (In Rus.)
27. Kuznetsov, V. D., Olkhovsky, S. V., Zavoikin, A. A. Underwater archaeological research in Phanagoria. Nature, no. 1, pp. 57–67, 2019. (In Rus.)
28. Kryzhitsky, S. D. Architecture of the Olvian Polis in graphic reconstructions. Simferopol: Demeter, 2012. (In Rus.)
29. Nazarov, V. V. Hydroarchaeological map of the black sea water area of Ukraine. Kiev: Stilos, 2003. (In Rus.)
30. Ashurbeyli, S. B. History of the city of Baku. Baku: Azerneshr, 1992. (In Rus.)
31. Ganji, I. A. Viktor Kvachidze's Underwater Odyssey. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference Underwater archeology-40 years. Baku, 2008: 7–11. (In Rus.)
32. Kvachidze, V. A., Bagdasarov, R. S. Underwater finds in the area of the old schooner's death. Sportsman-submariner, no. 37, pp. 71–76, 1974. (In Rus.)
33. Gumilev, L. N. Khazariya I Kaspiy. Vestnik LSU, no. 6, pp. 83–95, 1964. (In Rus.)
34. Kudryavtsev, A. A., Kudryavtsev, E. A. Feudal city of the North Caucasus (medieval Derbent in the VI–XIII centuries) – Stavropol: KFU publishing house, 2015. (In Rus.)
35. Shopotov, K. A. the Exploits of the first Russian navigators-SPb: "Elexis", 2013. (In Rus.)
36. Lobanova, N. V. Petroglyphs of lake Onega-Moscow: Pozharsky University, 2015. (In Rus.)
37. Ploskikh, V. V. Sunken monuments of Issyk-Kul. Research of the "Atlantis" of Central Asia on the great Silk road. Bishkek: KRSU, 2013. (In Rus.)
38. Shapovalov, G. I. Underwater archeology of Zaporozhye. Achievements and prospects. Pddn dozen: Archaeology. Store. Diving, no. 2, pp. 4–14, 2010. (In Rus.)
39. Stashevsky, V. G. KPD and underwater archaeology. Fifty years of CPDR–FPS. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. M., 2013: 5–7. (In Rus.)
40. Okorokov, A. V. Code of objects of underwater cultural heritage of Russia-Moscow: Institute of Heritage, 2019. (In Rus.)
41. Berezin, A. A. Monuments of underwater archeology of the Asian Bosphorus. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference of young scientists in memory of Professor V. F. Semenov, Moscow: Prometheus, 2005: 38–147. (In Rus.)

Received: September 16, 2020; accepted for publication November 18, 2020

Information about author

Berezin Aleksandr A., History Teacher, School № 627 in Moscow; 42 Dubininskaya st., Moscow, 115054, Russia; e-mail: Berezin-79@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1236-3813>.

Reference to the article

Berezin A. A. Peculiarities of Periodization in the Modern National Historiography of Underwater Archeology // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 3. PP. 120–127. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-120-127.

УДК 902.01(571.55)

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-128-140

Наталья Олеговна Викулова,
Институт археологии РАН
(г. Москва, Россия),
e-mail: natasha_vikulova@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9546-5879>

Многослойный памятник Усть-Менза-6 (Груздевая): предварительные результаты изучения культурных слоёв 3 и 4

С 1980 г. Чикойская археологическая экспедиция под руководством М. В. Константинова занимается изучением Усть-Мензинского археологического комплекса на территории Западного Забайкалья. Особое внимание уделяется изучению памятников эпохи палеолита в рамках многослойных объектов. Они дают уникальную возможность для реконструкции вариативности и преемственности палеотехнологий, а также палеогеографических и палеоклиматических условий позднего плейстоцена. Особый интерес представляет поселение Усть-Менза-5, расположенное на IV террасе высотой 20–22 м. В 2012 г. начато систематическое изучение ещё более высоких уровней Усть-Мензы. В результате этих работ были изучены памятники Усть-Менза-6 (Груздевая) и Усть-Менза-15 (Кедровая). В рамках данной статьи нами будут рассмотрены предварительные результаты изучения культурных слоёв 3 и 4 многослойного памятника Усть-Менза-6 (Груздевая). В результате исследований памятника, проведённых на высотной отметке 32 м над урезом р. Менза, в рамках раскопа 100 м² было выявлено 7 культурных слоёв, изучены отложения мощностью 8 м. Культурные слои 3 и 4 отнесены к двум генерациям обитания древнего человека в рамках средней поры верхнего палеолита в диапазоне 19–27 тыс. л. н. Этот период является наименее изученным в рамках периодизации каменного века Забайкалья. Результаты изучения культурных слоёв 3 и 4 Усть-Мензы-6 (Груздевой) позволяют актуализовать и существенно дополнить представления о вариативности каменных индустрий Забайкалья финала МИС 3 – первой половины МИС 2. Автор принимал активное участие в полевых работах, камеральной обработке, подготовке научных отчётов и анализе выявленных материалов.

Ключевые слова: Западное Забайкалье, Усть-Менза-6 (Груздевая), многослойный памятник, верхний палеолит, средняя пора верхнего палеолита, каменный инвентарь, стратиграфия, абсолютное датирование

Natalia O. Vikulova,
Institute of Archeology, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia),
e-mail: natasha_vikulova@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9546-5879>

Multilayer Site Ust-Menza 6 (Gruzdevaya): Preliminary Results of the Study of Cultural Layers 3 and 4

The Chikoy archaeological expedition led by M. V. Konstantinova has been studying the Ust-Menzinsky archaeological complex in the territory of Western Transbaikalia since 1980. Particular attention is paid to the study of Paleolithic monuments within the framework of multilayer objects. They represent a unique opportunity for reconstructing the variability and continuity of paleotechnologies, as well as paleogeographic and paleoclimatic conditions of the Late Pleistocene. Of particular interest is the settlement of Ust-Menza-5, located on the IV terrace with a height of 20–22 m. In 2012, a systematic study of even higher levels of Ust-Menza began. As a result of these works, the sites Ust-Menza 6 (Gruzdevaya) and Ust-Menza 15 (Kedrovaya) were studied. In the framework of this article, we will consider the preliminary results of the study of cultural layers 3 and 4 of the multilayer site Ust-Menza 6 (Gruzdevaya). As a result of studies of the site, carried out at an altitude of 32 m above the Menza river edge, within the framework of an excavation of 100 m², 7 cultural layers were identified, deposits 8 m thick were studied. Cultural layers 3 and 4 were attributed to two generations of ancient man in the middle pore of the upper Paleolithic in the range of 19–27 thousand years ago. This period is the least studied within the periodization of the Stone Age of Transbaikalia. The results of the study of cultural layers 3 and 4 of Ust-Menza 6 (Gruzdevaya) make it possible to actualize and significantly supplement the ideas about the variability of the stone industries of Transbaikalia in the final of MIS 3 – the first half of MIS 2. The author took an active part in fieldwork, office processing, preparation of scientific reports and analysis of the revealed materials.

Keywords: Western Transbaikal, Ust-Menza 6 (Gruzdevaya), multilayer site, Middle period of the Upper Paleolithic, stone inventory, stratigraphy, absolute dating

© Викулова Н. О., 2021

Введение. Усть-Мензинский археологический комплекс широко известен российским и зарубежным специалистам по каменному веку Евразии. Памятники, изученные под руководством М. В. Константинова, регулярно входят в обобщающие работы по каменному веку Сибири и истории археологической науки [1–3]. Комплексы палеолитических жилищ, выявленные на Усть-Мензе [4], по своему значению и информативности сопоставимы с комплексами жилищ в Костенках, Елисеевичах, Юдиново на территории Восточно-Европейской равнины. В Сибири сопоставимые комплексы жилищ неизвестны.

На многих памятниках Усть-Мензы в последние годы обозначен новый этап исследований [5; 6]. Одним из важнейших направлений нового этапа исследований стало изучение памятников на высоких террасовых уровнях [7; 8]. Так, при изучении Усть-Мензы-6 (Груздевой) удалось выявить представительные технокомплексы, редкие для Забайкалья, характеризующие позднекаргинский и раннесартанский периоды (согласно изотопной шкале, финал МИС 3 и первая половина МИС 2). Этот период является одним из наименее изученных этапов верхнего палеолита Забайкалья. Проблема средней поры верхнего палеолита Забайкалья была обозначена в ряде работ М. Н. Мещерина [9; 10].

История исследований. В 1992 г. под руководством специалиста Чикойской археологической экспедиции Л. В. Семиной (Екимовой) впервые была произведена разведка отложений террасового уровня

высотой 32 м над урезом реки Менза, чтобы выявить стратотип отложений и наличие культурных остатков древних поселений. По итогам разведки было зафиксировано несколько новых археологических объектов, в том числе древнее поселение Усть-Менза-6, получившее рабочее название Груздевая¹. На поселении был поставлен разведывательный шурф размером 2×2 м. Шурф располагался в зоне террасовала, на его северо-западном склоне, обращенном к р. Чикой.

В процессе изучения рыхлых отложений в рамках шурфа было и зафиксировано 5 культурных слоёв, совокупно представленных 30 артефактами. С опорой на технико-типологические характеристики и стратиграфическую позицию находки отнесены к хронологическому диапазону от верхнего палеолита до эпохи бронзы. Согласно отчёту 1993 г., представленному в ОПИ ИА РАН, «к неолиту – бронзе отнесены уровни (1, 2), мезолиту (3), позднему палеолиту (4, 5)»².

Следующий этап изучения поселения начался в 2012 г. при участии автора. В 40 м в юго-восточном направлении от шурфа 1992 г. был поставлен новый шурф, который позволил выявить информативный археологический материал на 5 уровнях. Дальнейшее исследование памятника было продолжено в рамках раскопа, площадь которого составила 54 м². Терраса, на которой располагался памятник, была предварительно определена как V надпойменная. GPS координаты нового участка работ N50°13'524; E108°37'630 (рис. 1).

Рис. 1. Многослойный памятник Усть-Менза-6 (Груздевая) на карте Усть-Мензинского урочища

Fig. 1. Multilayer site Ust-Menza 6 (Gruzdevaya) on the map of Ust-Menza tract

¹ Семина Л. В. Научный отчёт о полевых исследованиях (Песчаная тропа, Крапивный мыс, Кабаний ключ, Звёриная тропа, Усть-Менза-6). – Чита, 1993. – 28 с.

² Там же.

В процессе раскопочных работ отложения были изучены до глубины 4 м. Выделено 7 последовательно залегающих литологических слоев, с которыми связаны 7 культуросодержащих уровней. В слое 1 представлены единичные каменные изделия и керамика эпохи бронзы. С культурным слоем 2 связано грунтовое погребение, в котором выявлен скелет человека в скорченном положении. Слой и погребение предварительно отнесены к раннему неолиту. В культурных слоях 3–7 выявлены материалы, датированные палеолитом в пределах позднего плейстоцена¹.

В 2013 г. площадь раскопа была расширена до 90 м² за счёт прирезки в западном направлении площадью 36 м². В рамках прирезки были вскрыты рыхлые отложения мощностью 135 см. В четырёх последовательно залегающих генерациях отложений зафиксировано 4 культурных слоя, которые являлись повторением уровней залегания культурного материала с основной площади раскопа.

В результате исследований, представленных в научных отчётах М. В. Константинова за 2013–2014 гг., подготовленных при участии автора, было отмечено, что основная концентрация артефактов культурных слоёв 3 и 4 связана с северной частью раскопа². Для того чтобы более полноценно представить организацию хозяйственной деятельности древнего человека на памятнике, в 2019 г. было принято решение расширить площадь раскопа в северном направлении на одну буквенную линию Ж (кв. 46–55)³, в общей сложности на 10 м². В рамках прирезки были изучены отложения мощностью до 1,4 м, содержащие культурные слои 1–4. С целью уточнения стратиграфии и границ памятника нами были поставлены два разведывательных шурфа № 4 и 5.

Методология и методы исследования. Основные полевые исследования на памятнике проводились в 2012–2013, 2019 гг. Изучение памятника производилось послойно. Слои разбирались горизонтами по 10–12 см, грунт просеивался в мелкочаеистых ситах. «Рабочая площадка»

из культурного слоя 3 и золистое пятно из культурного слоя 4(?) тщательно расчищались, фиксировались на плане, для каждой из структур выполнен продольный разрез. Все находки наносились на план с промежутками от репера. В дальнейшем проводилась камеральная обработка коллекции, типологическое и статистическое изучение археологического материала, описание, зарисовка и фотофиксация.

В 2019–2020 гг. производился отбор образцов для уточнения стратиграфической позиции, получения споро-пыльцевых спектров и абсолютного датирования методом оптически стимулированной люминесценции. Метод оптически стимулированной люминесценции (ОСЛ) был выбран для датирования в связи с возможностью не зависеть от органического материала, который в культурных слоях 3 и 4 Усть-Мензы-6 (Груздевой) представлен единичными экземплярами, либо в варианте орудия, либо плохой сохранности кости, не пригодной для датирования С14.

В общей сложности на памятнике изучена площадь 125 м² (рис. 2), выявлено 7 культурных слоёв. Культурный слой 1 предварительно отнесён к эпохе бронзы; на основании абсолютного датирования культурный слой 2 с грунтовым погребением и ритуальным комплексом – к раннему неолиту; культурные слои 3 и 4 – к средней поре верхнего палеолита, культурные слои 5–7 – к ранней поре верхнего палеолита (рис. 3).

Результаты исследования и их обсуждение. *Стратиграфия.* Стратиграфический разрез памятника (рис. 4) представлен 12 литологическими слоями, сформированными в результате делювиального и пролювиального осадконакопления, а также почвообразовательных процессов. Слои 5–7 связаны с каргинским педокомплексом; слои 3 и 4 представлены сартанскими отложениями; разрез венчается голоценовыми отложениями в виде слоёв 1–2.

Геологическая стратиграфия памятника в пределах раскопа в целом стабильная, но отмечена динамичными участками. Представляем её обобщённую характеристику с опорой на описание разреза М. В. Константиновым и Ю. В. Рыжовым.

¹ Константинов М. В. Научный отчёт. Исследование Усть-Мензинского комплекса в 2013 г. Т. 1. Усть-Менза-6 (Груздевая). – Чита, 2014. – 120 с.

² Там же, 2015. – 128 с.

³ Константинов М. В. Научный отчёт. Археологические раскопки памятников Усть-Менза-2 и Усть-Менза (Груздевая-6) в Красночикойском районе Забайкальского края в 2019 г.: в 2 т. Т. 2. Древнее поселение Усть-Менза-6 (Груздевая). – Чита, 2020. – 123 с.

Рис. 2. Усть-Менза-6 (Груздевая). План раскопа и шурфов

Fig. 2. Ust-Menza-6 (Gruzdevaya). Excavation and pits plan

Рис. 3. Усть-Менза-6 (Груздевая). Культурные слои 1–7 на профиле

Fig. 3. Ust-Menza-6 (Gruzdevaya). Cultural layers 1–7 on the profile

Рис. 4. Усть-Менза-6 (Груздевая). Профиль отложений

Fig. 4. Ust-Menza-6 (Gruzdevaya). Sediment profile

Слой 1 (0,0–0,15 м) – почвенно-пахотный слой, тёмно-коричневый, пронизан корнями современных растений и кустарника. Нижняя граница резкая. Залегает по склону на запад. Слой связан с единичными находками культурного слоя 1.

Слой 2 (0,20–0,40 м) – каштановая супесь, плотная, с двумя прослоями ожелезнения (первый прослой в средней части; второй – по подошве слоя). В сторону, вниз по склону, слой расширяется с 20 до 40 см. Нижняя граница постепенная.

Слой 3 (0,30–0,40 м) – супесь палево-бурая, плотная, карбонатизированная. В средней и нижней частях слоя отмечаются единичные мерзлотные клинья высотой 30–40 см.

Слой 4 (0,80–0,90 м) – светло-коричневый суглинок с отдельными линзами и прослойками педоседиментов. В нижней части с включением линз и прослоев песка. По нижней границе размыты.

Слой 5 (0,30–0,50 м) – тёмно-коричневая глинистая, плотная палеопочва (?) с единичными песчаными линзами длиной до 30 см. Слой наполнен щебнем и дресвой, особенно интенсивно в нижней части.

Слой 6 (0,40–0,50 м) – мелкие бурые, сизые, ожелезнённые суглинистые прослои мощностью 1–2 см, с редкими включениями мелкой дресвы. Прослои яркие, волнистые, прерывистые. Всего их около 20.

Слой 7 (0,6–0,7 м) – тёмно-коричневая глинистая палеопочва с включениями в

виде дресвы, раздвоенная на кв. 51К, вниз по склону. Чёрные почвенные прослои переслаиваются песками.

В раскопе поставлен шурф, позволивший выявить серию аллювиальных слоёв:

Слой 8 (0,20–0,25 м) – жёлто-серый сортированный, с включением чёрных и серых илистых прослоек.

Слой 9 (0,3–0,4) – супесь светло-коричневая, с двумя илистыми прослойками в центре.

Слой 10 (0,4–0,5 м) – песок светло-коричневый, с единичными включениями мелких галек и наклонной против склона линией ожелезнения.

Слой 11 (0,9–1 м) – песок серый, среднезернистый, с двумя линиями ожелезнения.

Слой 12 (1,8–2 м) видимая линия, песок плотный, мокрый, с прерывистыми линиями и пятнами ожелезнения.

Общая мощность разреза – 8 м.

Между памятниками Усть-Менза-6 и Усть-Менза-5 поставлена серия шурфов, позволившая установить отсутствие врезов в виде уступов и даже каких-либо заметных перегибов в напластованиях. Делювиальный шлейф представляется единым со слоями каргинского, сартанского и голоценового времени.

Данные наблюдения позволяют откорректировать оценку формы рельефа, с которой связан памятник Усть-Менза-6. Первоначально в связи со специфической позицией памятника на высокой отметке в притыловом шве террасы этот уровень определялся как V надпойменная терраса. В настоящее время её вполне уверенно можно отнести к IV надпойменной террасе. Судя по всему, Усть-Менза-5 располагается на фронтальной части IV террасы, т. е. приближенной к древней береговой линии, тогда как Усть-Менза-6 занимает позицию в удалённой части этой же террасы, соприкасающейся с тыловым понижением, за которым следует чётко выраженный уступ 40-метровой террасы (с поселением Усть-Менза-16). Вместе с тем на сравниваемых участках прослеживается различие в мощности каргинского педокомплекса. Так, на Усть-Мензе-6 наблюдается полный профиль каргинских отложений с подразделением на тёплые и холодные фазы, тогда как на Усть-Мензе-5 имела место деструкция этих отложений с сохранением отдельных тонких чёрных палеопочвенных прослоек.

Характеристика каменного инвентаря. Всего за период исследований на

Усть-Мензе-6 (Груздевая) выявлена археологическая коллекция из 1942 экземпляров, в числе которых каменные, антропологические и палеонтологические находки. В рамках данной работы мы рассмотрим индустрии культурных слоёв 3 и 4.

Культурный слой 3 представлен коллекцией из 979 каменных артефактов. Зафиксирован в бурой супеси мощностью 30–40 см. (литологический слой 3). Площадь вскрытия 125 м². Культурный слой 3 датирован методом ОСЛ -19,0±1,3 тыс. л. н.

В слое выделен участок, обозначенный как «рабочая площадка». По границам распространения основной массы отщепов и чешуек установлены размеры «рабочей площадки» 220×180 см, наибольшее число находок приходится на кв. 51-3. Форма площадки округлая. Часть площадки выходит за пределы раскопа в северо-западном направлении. По вертикальным промерам находки на уровне рабочей площадки зафиксированы в отложениях мощностью 36 см.

Предметный материал слоя 3 мы распределили на три группы: орудия – 33 экз. (5 %), заготовки – 55 экз. (7 %), отходы (нуклеусы, технические сколы и чешуя) – 658 экз. (88 %). Наиболее многочисленной группой являются отходы производственного процесса, что свидетельствует о деятельности направленности стоянки. Мы не определяем этот комплекс как поселение, так как считаем, что пребывание на этом участке древних обитателей было кратковременным.

Среди наиболее выразительных предметов комплекса коллекция нуклеусов (рис. 5: 11–16) из 24 экз. малых форм размерами в среднем 3×3 см. Технологические приёмы первичного расщепления вариативны. Превалирующим является плоскостное расщепление, спорадически имеет место подпризматическое. В коллекции превалируют предметы (21 экз.) на финальной стадии утилизации, меньшим количеством представлена группа предметов на основной стадии утилизации. Единичные предметы отмечены подготовительным стартовым этапом обработки.

Обращаясь к морфологии нуклевидных, отметим, что негативы единичных микропластинчатых снятий зафиксированы на двух экземплярах. Среди сколов микропластинчатых форм не выявлено, встречаются пластинки размерами 3–4 см и фрагменты. Количественно преобладают отщеповые сколы.

Рис. 5. Усть-Менза-6 (Груздевая). Культурный слой 3. Каменный инвентарь: 1–6 – остря; 7 – проколка; 8 – орудие с шипом; 9–10 – долотовидные орудия; 11–16 – нуклеусы

Fig. 5. Ust-Menza-6 (Gruzdevaya). Cultural layer 3. Stone tools: 1–6 – points; 7 – piercing; 8 – a tool with a spike; 9–10 – chisel tools; 11–16 – cores

Кремнистое плитчатое сырьё и изначально небольшие отдельные куски камня, которые выбирались для использования в качестве ядрищ, обусловили малые формы нуклеусов и соответственно морфометрические особенности снятий. Финишная фаза утилизации основной части нуклеусов даёт представление о дефиците сырьевой базы. Оформление рабочих площадок вариативно, встречаются предметы

с естественными площадками. Некоторые нуклеусы на крайней стадии утилизации переформлялись в скребки и проколки.

Все сколы слоя 3 классифицированы по способу получения, морфометрическим характеристикам и целевому признаку. Коллекция сколов включает 598 экземпляров. Мы разделили их на две группы: обработанные и необработанные. Среди необработанных 105 (18 %) отщепов, 24 (4 %)

пластинки, 22 (4 %) технических скола, 442 (74 %) – приходится на отходы производства с рабочей площадки в виде чешуек. Несмотря на большой процент отходов, можно сказать, что основной целью технологического процесса было изготовление отщепа. Основная часть орудий также изготовлена на базе отщеповых заготовок.

Орудийный набор включает 33 изделия (4 %): острие – 13 экз., скребок – 7 экз., долотовидное орудие – 3 экз., резчик – 1 экз., проколка – 3 экз., шиповидное и фрагмент пластинки с ретушью – по 1 экз. и 2 чоппера. Вторичная обработка представлена дорсальной и вентральной, мелкофасеточной, разнофасеточной, ступенчатой, ситуационной ретушью. Орудийный набор представлен серией острий на базе пластинок и отщепов. Острия имеют размеры в пределах 1–2 см. Рабочая часть оформлена разнофасеточной ретушью, также фиксируется утилитарная ретушь. Материалом для одного из орудий, размером 1×1 см. послужил горный хрусталь, рабочий край оформлен мельчайшей ретушью.

В единственном экземпляре отмечен резчик. Он выполнен на проксимально-медиальном фрагменте пластинки 3,5×1,5×0,4 см. Рабочий край сформирован ретушью. Предмет несет следы утилизационного износа.

Долотовидное орудие выполнено на отщепе подпрямоугольных очертаний из коричневого кремня 4×3,2×1 см. Рабочий край сформирован серией разнофасеточных снятий и подтёской. Вентральная сторона отмечена выкрашиванием части рабочего лезвия, вероятно, вследствие износа (рис. 5: 10).

Особенно примечателен конвергентный чоппер с двумя рабочими поверхностями на массивном долечном сколе гальки. Один рабочий край оформлен серией снятий и противолежащей уплощающей фасеткой. Второй рабочий край сформирован одним крупным снятием и ситуационной ретушью. Также в качестве рабочего мог использоваться носик орудия. Метрические характеристики 11,5×10,5×4,5 см.

Культурный слой 4 представлен коллекцией из 772 каменных изделий и одного орудия, выполненного из трубчатой кости лошади. Связан с литологическим слоем 4 (светло-коричневый суглинок) мощностью 30–40 см. Площадь вскрытия – 125 м². Для средней части культурного слоя 4 методом ОСЛ получена дата 26,6 ± 2,8 тыс. л., для

нижней части культурного слоя 4 получена дата 27,0 ± 2,2 тыс. л.

Каменный инвентарь представлен информативной коллекцией, связанной с чётко зафиксированной в рамках культурного слоя поверхностью обитания, отмеченной кострищем. Мы разделили коллекцию каменного инвентаря слоя 4 на три группы: орудия 70 экз. (15 %), заготовки 160 экз. (34 %), отходы производства (нуклеусы, технические сколы и чешуя) 241 экз. (51 %).

Технологический процесс характеризует выразительная коллекция нуклеусов. Нуклевидные формы вариативны и иллюстрируют различные приёмы первичного расщепления. Можно отметить, что 8 из 9 нуклеусов имеют от 1 до 3 заломов, что свидетельствует о некачественном сырье с внутренними жилами, трещинами и вкраплениями. Предположительно это местное сырьё было принесено с верховьев р. Менза. Также были попытки использования местной речной гальки, но в основном для изготовления массивных орудий, например чопперов. Нуклеус с фрагментом галечной корки зафиксирован в культурном слое 4 в единичном варианте. Радиальное расщепление, отмеченное на галечном ядрище, выглядит значительно архаичнее остальных примеров нуклеусов в этом слое.

В коллекции представлено подпризматическое расщепление, целью которого было изготовление средней пластинки. Нуклеусы представлены двуплощадочными формами встречного скалывания. Особое внимание привлекает нуклеус на крайней стадии утилизации, поэтому затруднительна его морфологическая характеристика, снятия совершались бессистемно. Внутренняя структура сырьевой отдельности, выбранная для нуклеуса, не позволила сделать качественных снятий, чётко фиксируется рабочая площадка, частично сохранившая естественную поверхность.

Коллекция сколов включает 247 экземпляров. Среди них 116 (47 %) отщепов, 91 (37 %) пластинка, 32 (13 %) технических скола, 8 (3 %) обломков. Несмотря на большой процент отщепов, можно сказать, что основной целью технологического процесса было изготовление пластинок. Основная часть орудий изготовлена на базе пластинчатых заготовок. Все *сколы* слоя 4 классифицированы по способу получения, морфометрическим характеристикам и по целевому признаку.

Отмечены торцовые, подпризматические нуклеусы, одноплощадочные двуфронтальные, двуплощадочные, двуфронтальные нуклеусы встречного скалывания, рёберчатые сколы и отщепы. Каменная индустрия преимущественно пластинчатая. Основой для орудий служили пластинчатые заготовки, которые широко представлены проксимальными и медиальными фрагментами.

В слое 4 выявлено золистое пятно с тяготеющими к нему находками. Слой отнесён к средней поре верхнего палеолита. По углю из золистого пятна получена дата C14 21000 ± 350 (ЛУ-7206).

Орудийный набор состоит из 70 изделий (15 %). Среди них наиболее примечательна коллекция острий (12 экз.) и концевых скребков (11 экз.), долотовидных орудий (3 экз.), резчиков (6 экз.), проколов, шиповидных отщепов с ретушью (12 экз.), пластинок и фрагментов с ретушью (6 экз.) и чопперов (5 экз.).

Особо следует отметить костяное острие 12×4×2,8 см, выполненное на сколе трубчатой кости лошади. Рабочий край сформирован несколькими снятиями и подтёской. Имеются следы утилизационного износа.

В коллекции представлено несколько комбинированных орудий. Комбинированное орудие на долечном сколе 10,5×9,5×4 см, рабочий край сформирован ситуационными сколами; второй рабочий край – скребловидное лезвие, сформированное несколькими приостряющими сколами. Обушковая часть уплощена крупным отщеповым сколом. Другое комбинированное орудие выполнено на массивной гальке 14×12×6,5 см. Поверхность орудия заполирована. Интенсивность заполированности на рабочей поверхности отличается на разных участках.

Обушковые формы выполнены на сколе плитчатой отдельности. Обушковая часть отмечена фрагментом плитчатой корки. Рабочий край сформирован серией снятий и разнофасеточной ретушью по продольному краю скола. В качестве альтернативного рабочего края мог использоваться дистальный заострённый конец орудия.

Долотовидное орудие выполнено на сколе плитчатого сырья, подтрапецевидных очертаний 5,4×4×3,5 см. Орудие высокой формы, подтреугольное в сечении. Рабочий край сформирован разнофасеточной ретушью и подтёской. Отчётливы следы утилизационного износа на рабочем лезвии.

Для культурного слоя 4 характерна группа макроорудий, выполненных на местном галечном сырье. Например, фрагмент скребла на массивном кварцитовом сколе: рабочий край сформирован серией ступенчатых снятий, возможно, орудие использовалось после повреждения. Несмотря на характер сырья, отчётливы следы утилизационного износа.

Интересен массивный чоппер подпрямоугольной формы на сколе с кварцовой гальки 13×10×5,5 см, ассиметричный в сечении за счёт большого продольного скола, который, вероятно, возник в результате повреждения рубящего орудия, рабочий край сформирован тремя противолежащими приостряющими снятиями, одним крупным отщеповым снятием с одной стороны и двумя отщеповыми снятиями – с другой. Естественная галечная поверхность сохранившаяся на части орудия, несёт следы забитости, что говорит о возможном использовании орудия в качестве отбойника на начальном этапе. После повреждения рубящего орудия на его фрагменте изготовлено конвергентное рубящее орудие, об этом говорят следы утилизационного износа на двух противолежащих поверхностях.

Рубящее орудие выполнено на фрагменте гальки продолговатой формы, ассиметричной, трапецевидной в сечении, 12,5×7,5×4,6 см, полученной в результате бипродольного расщепления. Рабочий край сформирован на продольной более узкой стороне, противоположная рабочему краю обушковая часть орудия отмечена негативами двух фасеток уплощения. Проксимальная часть орудия отмечена фрагментами негативов серии снятий, что свидетельствует о попытке использовать этот предмет в качестве нуклеуса. Вторичная обработка представлена дорсальной и вентральной, разнофасеточной, ступенчатой, ситуационной ретушью, ретушным анкошем, подтёской.

Культурный слой 4 – наиболее представительный и выразительный среди уровней на древнем поселении Усть-Менза-6 (Груздевая). Примечательна фиксация золистого пятна в рамках культурного слоя. Вероятно, пятно связано с поверхностью обитания, выявление уровня которого делает этот слой ещё более интересным для изучения. Об обитаемости этого участка на протяжении более длительного времени по сравнению с поверхностью обитания культурного слоя 3 свидетельствует и большой процент

орудий. Орудийный набор представлен серией острий, концевых скребков, несколькими долотовидными орудиями, резчиками (рис. 6: 4), проколками (рис. 6: 1), отщепами и фрагментами пластинок с выемками (рис. 6: 2–3) и ретушью. В коллекции представлены 4 чоппера различных конфигураций, выполненные на массивных речных гальках. На галечном сырье выполнено и однолезвийное овальное скребло. Встречаются примеры обушковых орудий: обушковый нож и обушковое скребло. Нож выполнен на реберчатом сколе, рабочий край

сформирован приостряющей, ступенчатой, разнофасеточной дорсальной ретушью (рис. 6: 6). Ретушь преобладает на левом маргине, который, вероятно, служил лезвием. Обушковое скребло выполнено на массивном сколе. Рабочий край имеет высокую форму, сформирован приостряющей крупнофасеточной ретушью. Несмотря на то, что в процентном соотношении сколов незначительно преобладают отщепы, основной формой заготовки для орудий служила средняя пластинка 5–8 см. Большая часть отщепов являлась отходами производства.

Рис. 6. Усть-Менза-6 (Груздевая). Культурный слой 4. Каменный инвентарь: 1 – проколка; 2, 3 – фрагменты пластинок с выемками; 4 – резчик; 5 – скребок; 6 – обушковый нож

Fig. 6. Ust-Menza-6 (Gruzdevaya). Cultural layer 4. Stone tools: 1 – piercing; 2, 3 – fragments of plates with grooves; 4 – cutter; 5 – scraper; 6 – butt knife

Заключение. В рамках данной статьи основное внимание уделено материалам культурных слоёв 3 и 4 Усть-Мензы-6 (Груздевая), материалы погребения и других культурных генераций будут рассмотрены в рамках отдельных публикаций.

Предварительные результаты изучения интерпретируются следующим образом. Культурный слой 3 можно рассматривать как поверхность обитания с «рабочей площадкой». Наличие «рабочей площадки» и специфический набор предметного материала дают возможность для реконструкции деятельности направленной обитателей этого участка террасовала на период ок. 19 тыс. л. н.

Производственный процесс, связанный с расщеплением камня в зоне рабочей площадки, иллюстрирует массовое наличие технических сколов и чешуек, а также наличие серии двуплощадочных, двуфронтальных, многофронтальных нуклеусов (23 экз.), которые срабатывались вследствие недостатка сырья до полного истощения. Применялась переориентация фронта нуклеуса на 90°. В качестве основной заготовки использовались отщепы, при этом в коллекции достаточно много фрагментов пластинок длиной 1–3 см. Спорадически встречаются негативы микропластинчатых снятий.

Превалирование среди орудийных форм острий может свидетельствовать о том, что на этом месте велась работа со шкурами или кожами. Дальнейшие трасологические исследования позволят пролить свет на эти данные. На основании имеющихся материалов можно говорить, что этот обитаемый участок являлся перевалочным пунктом, на котором короткое время велась активная трудовая деятельность, направленная на пополнение запасов заготовок для орудий, опробование нового приносного сырья; была попытка освоить местное галечное сырьё. Велась хозяйственная деятельность, возможно, с помощью острий и проколов чинилась одежда и принадлежности. Орудийный набор немногочисленен, включает в себя скобели и скребки. Примечателен скобель на галечном сколе, причём рабочими могли быть и острые, дистальные края орудия, которыми удобно раздирать мездру, такая практика отмечена в этнографических наблюдениях.

О кратковременности пребывания на этом участке обитателей свидетельствует отсутствие жилищно-хозяйственных кон-

струкций, минимальное количество орудий и качественных заготовок, они, вероятно, были унесены. Оставлены отходы производства: истощённые и неудачные нуклеусы, технические сколы и чешуйки.

Материалы культурного слоя 3 коррелируются с Куналеем (слой 2), где в основе технокомплекса лежит отщеповый принцип изготовления заготовок, среди орудий проколки, долотовидные орудия, скребки. Возможна корреляция с Мельничным 1 (слой 2), Читканом (слой 2) [11].

Индустрия культурного слоя 4 демонстрирует вариативность технологических приёмов первичного расщепления. Среди нуклеусов имеются варианты радиального, подпризматического, бипродольного расщепления. Существуют вариации многоплощадочного многофронтального расщепления с встречным скалыванием заготовок. Важно отметить, что в коллекции представлены три предмета с торцовыми снятиями.

Индустрия находит аналогии с отдельными находками Усть-Мензы-15 слой 1 [12], за исключением бифасов, которые в слое 4 не встречаются, при этом фасальная обработка имеет место на обоих памятниках. На основании пластинчатого принципа снятий, основных заготовок для орудий (слой 4) индустрию можно коррелировать с материалами Мельничного 2 (слой 2, 3). Поселение Мельничное 2 демонстрирует «мелкопластинчатую (без микротехники) индустрию» и относится к средней поре верхнего палеолита, 25–18 тыс. л. н. [13].

Слой 4 можно уверенно коррелировать с палеолитическим поселением Мастеров ключ, которое автор раскопок М. Н. Мещерин датирует «в интервале 27–28 до 23 тыс. л. н.» [9, с. 82]. Коллекция предметного материала Мастерова ключа демонстрирует серии средних пластинок и фрагментов, сочетание призматического, подпризматического расщеплений, а также большую вариативность сырья [Там же, с. 98].

Если говорить о более широких корреляциях, считаем среднепластинчатые материалы культурного слоя 4 Усть-Мензы-6 (Груздевая) близкими к мальтинскому кругу индустрий [14]. Культурный слой 3 демонстрирует этап зарождения микропластинчатых индустрий, он находит мало аналогий в регионе, единичные аналогии по первичному расщеплению отмечены со стоянкой Ачинская [15]. Таким образом, предварительно можно говорить о двух

культурных генерациях в рамках средней поры Забайкалья. Первая связана с диапазоном 28–23 тыс. л. н. с характерной среднепластинчатой индустрией, основанной на большой вариативности разнородного местного сырья. Вторая генерация связана с диапазоном 22–19 тыс. л. н., базируется в основном на приносном качественном сырье с блоком местного галечного сырья, использующегося для макроорудий. Эта индустрия является промежуточной между

среднепластинчатой и микропластинчатой, демонстрирует этап адаптации к новым сырьевым возможностям.

Подводя предварительные итоги, можно сказать, что памятник Усть-Менза-6 (Груздевая) может определяться как один из опорных в рамках Усть-Мензинского комплекса. Уникальность памятника заключается в том, что его изучение позволяет проследить в рамках одного объекта последовательную смену культурных традиций.

Список литературы

1. Васильев С. А., Абрамова З. А., Григорьева Г. В., Лисицын С. Н., Сеницына Г. В. Поздний палеолит Северной Евразии: палеоэкология и структура поселений. СПб.: ИИМК РАН, 2005. 107 с.
2. Васильев С. А. Древнейшее прошлое человечества: поиск российских ученых. СПб.: ИИМК РАН, 2008. 179 с.
3. Васильев, С. А., Березкин, Ю. Е., Козинцев, А. Г. Сибирь и первые американцы. 2-е изд. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2011. 176 с.
4. Константинов М. В., Екимов Л. В., Маслодуд С. В. Изучение древнего поселения Усть-Менза-7 в Забайкалье // Археологические открытия. 2019. Т. 2017. С. 502–503.
5. Константинов А. В. Древние жилища Забайкалья (палеолит, мезолит). Новосибирск, 2001. 224 с.
6. Маслодуд С. В. Многослойное поселение Усть-Менза-2 (новый этап изучения) // Гуманитарный вектор. 2017. № 4. С. 153–161.
7. Рыжов Ю. В., Константинов М. В., Кобылкин Д. В., Викулова Н. О. Геоморфологические и палеогеографические условия формирования четвертичных отложений археологических памятников Усть-Менза-6 и Усть-Менза-15 (Забайкальский край) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань: Отечество, 2014. Т. 4. С. 369–372.
8. Рыжов Ю. В., Кобылкин Д. В., Голубцов В. А., Константинов М. В., Викулова Н. О. Этапы формирования отложений покровного комплекса высоких террас р. Чикой (Усть-Мензинский геоархеологический район) в позднем плейстоцене и голоцене // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. Вып. 4. С. 170–183.
9. Мещерин М. Н. Палеолитическое поселение Мастерова Ключа // Древнее Забайкалье: культура и природа: сб. ст. Чита, 2009. С. 79–99.
10. Мещерин М. Н. Средняя пора верхнего палеолита в забайкальской региональной периодизации (состояние изучения) // Российская археология. 2010. № 3. С. 5–13.
11. Константинов М. В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. Чита; Улан-Удэ, 1994. 180 с.
12. Викулова Н. О., Филатов Е. А. Палеолитическое местонахождение Усть-Менза-15 (Кедровая) (Усть-Мензинский геоархеологический район, Западное Забайкалье) // Исторический журнал: научные исследования. 2019. № 2. С. 1–10.
13. Мороз П. В. Особенности каменных индустрий средней поры верхнего палеолита Западного Забайкалья (на примере стоянок Мельничная-2 и Мастерова Ключа) // Культурология и история древних и современных обществ Сибири и Дальнего Востока: материалы XLII Регион. археолог.-этнограф. студ. конф. Омск: Изд-во Омск. гос. пед. ун-та, 2002. С. 170–172.
14. Липнина Е. А. Мальтинское местонахождение палеолитических культур: современное состояние изучения и перспективы исследования: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Иркутск, 2002. 310 с.
15. Лисицын Н. Ф. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. Т. 4. 232 с.

Статья поступила в редакцию 15.03.2021; принята к публикации 27.04.2021

Сведения об авторе

Викулова Наталья Олеговна, младший научный сотрудник, Институт археологии РАН; 117292, Россия, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19; e-mail: natasha_vikulova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9546-5879>.

Источники финансирования статьи

Исследование подготовлено по государственному заданию ИА РАН. Плановая тема № AAA-A-18-118011790090-1 «Содержание и тенденции культурного процесса на территории Евразии в первобытности по данным археологических источников».

Библиографическое описание статьи

Викуллова Н. О. Многослойный памятник Усть-Менза-6 (Груздевая): предварительные результаты изучения культурных слоёв 3 и 4 // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 3. С. 128–140. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-128-140.

References

1. Vasil'ev, S. A., Abramova, Z. A., Grigor'eva, G. V., Lisitsyn S. N., Sinitsyna G. V. Late Paleolithic of Northern Eurasia: paleoecology and settlement structure. SPb: IIMK RAN, 2005. (In Rus.)
2. Vasil'ev, S. A. The most ancient past of mankind: the search for Russian scientists. SPb: IIMK RAN, 2008. (In Rus.)
3. Vasil'ev, S. A., Berezkin, Yu. E., Kozintsev, A. G. Siberia and the first Americans. SPb: Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 2011. (In Rus.)
4. Konstantinov, M. V., Ekimova, L. V., Maslodudo, S. V. Study of the ancient settlement Ust-Menza-7 in Transbaikalia. Archaeological discoveries, t. 2017, pp. 502–503, 2019. (In Rus.)
5. Konstantinov, A. V. Ancient dwellings of Transbaikalia (Paleolithic, Mesolithic). Novosibirsk, 2001. (In Rus.)
6. Maslodudo, S. V. Multilayered settlement of Ust-Menza-2 (a new stage of study). Humanitarian vector, no. 4, pp. 153–161, 2017. (In Rus.)
7. Ryzhov, Yu. V., Konstantinov, M. V., Kobylkin, D. V., Vikulova, N. O. Geomorphological and paleogeographic conditions for the formation of Quaternary deposits of archaeological sites Ust-Menza-6 and Ust-Menza-15 (Trans-Baikal Territory). Proceedings of the IV (XX) All-Russian Archaeological Congress in Kazan. Volume IV. Kazan: Otechestvo, 2014: 369–372. (In Rus.)
8. Ryzhov, Yu. V., Kobylkin, D. V., Golubtsov, V. A., Konstantinov, M. V., Vikulova, N. O. Stages of formation of sediments of the cover complex of high terraces of the river. The Chikoy (Ust-Menzinsky geoarchaeological region) in the Late Pleistocene and Holocene. Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, paleoecology, culture, vol. 4, pp. 170–183, 2015. (In Rus.)
9. Lisitsyn, N. F. Late Paleolithic of the Chulym-Yenisei interfluvium. SPb: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2000. (In Rus.)
10. Meshherin, M. N. Paleolithic settlement of Masters Klyuch. Ancient Zab. Culture and nature: collection of articles. Chita, 2009: 79–99. (In Rus.)
11. Meshherin, M. N. Middle pore of the Upper Paleolithic in the Transbaikal region (state of study). Russian archaeology, no. 3, pp. 5–13, 2010. (In Rus.)
12. Konstantinov, M. V. The Stone age of the East. the region of Baikal Asia. Chita; Ulan-Ude, 1994. (In Rus.)
13. Vikulova, N. O., Filatov, E. A. Paleolithic location of Ust-Menza-15 (Kedrovaya) (Ust-Menzinsky geoarchaeological district, Western Transbaikalia). Historical Journal: Scientific Research, no. 2, pp. 1–10, 2019. (In Rus.)
14. Moroz, P. V. Features of stone industries of the middle pore of the Upper Paleolithic of Western Transbaikalia (on the example of the sites Melnichnaya-2 and Masterov Klyuch). Culturology and history of ancient and modern islands of Siberia and the Far East: Proceedings of XLII RAESK. Omsk, 2002: 170–172. (In Rus.)
15. Lipnina, E. A. Malta location of Paleolithic cultures: The current state of study and research prospects. Cand. sci. Irkutsk, 2002. (In Rus.)
16. Lisitsyn, N. F. Late Paleolithic of the Chulym-Yenisei interfluvium. St. Petersburg: St. Petersburg Oriental Studies, 2000. (In Rus.)

Received: March 15, 2021; accepted for publication April 27, 2021

Information about author

Vikulova Natalia O., Junior Researcher, Institute of Archeology, Russian Academy of Sciences; 19 Dm. Ulyanova st., Moscow, 117292, Russia; e-mail: natasha_vikulova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9546-5879>.

Sources of article funding

The study was prepared on the basis of the state assignment of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences. The theme planned: No. AAAA-A18-118011790090-1 "The content and trends of the cultural process on the territory of Eurasia in primitiveness according to archaeological sources".

Reference to the article

Vikulova N. O. Multilayer Site Ust-Menza 6 (Gruzdevaya): Preliminary Results of the Study of Cultural Layers 3 and 4 // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 3. PP. 128–140. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-128-140.

УДК 94

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-141-151

Сергей Александрович Денисов,
Институт археологии РАН
(г. Москва, Россия),
e-mail: densera@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1080-223X>

Прусские ленники в государстве Тевтонского ордена в период Великого восстания (1242–1283)

Статья посвящена положению (составу и функциям) пруссов, перешедших на сторону Ордена и церкви в период Великого восстания и получивших земельные наделы за свою службу. Сведения о данной категории, содержащиеся в актах и хронике Петра из Дусбурга, рассмотрены при помощи просопографического, типологического и сравнительно-исторического методов, что позволило сделать вывод о положении 245 ленников. Основную часть из них составляли лица, обязанные участвовать в кампаниях братьев и защищать земли от вторжений, возводить и ремонтировать укрепления, а также дополнительно платить натурально-денежную или натуральную подати (группы 1 и 2). Данная ситуация была обусловлена потребностью братьев в военной силе, необходимой для подавления восстания и дальнейшей экспансии в Прибалтике. В свою очередь, персоны, которые были освобождены от военной службы, исполняли гражданские обязанности и/или платили налоги (группа 3), составляли меньшую часть ленников. Привлечение пруссов на сторону Ордена и церкви осуществлялось за счёт наделения их правами и обязанностями, зафиксированными в Кульмской грамоте и уточнёнными в соответствии с местной правовой спецификой, а также за счёт предоставления социальной гарантии в случае разорения их участков восставшими. Принятие данной политики пруссами было обусловлено социально-имущественной дифференциацией, происходившей внутри племенных сообществ в предшествующий период. В этих условиях нобилитет и свободные общинники видели в службе Ордену и церкви возможность улучшить своё положение, получив гарантии для своей собственности и власти над соплеменниками.

Ключевые слова: пруссы, ленники, Тевтонский орден, Великое восстание, военная служба, налог

Sergey A. Denisov,
Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia),
e-mail: densera@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1080-223X>

Prussian lieges in the State of Teutonic Order in the Period of Great Uprising (1242–1283)

Article is devoted to the condition (obligations and functions) of Prussians, who defected to the Order and church in the period of Great uprising and received the land estates for their service. The data about this category contained in acts and chronicle of Peter of Dusburg has been researched with prosopographical, typological and comparative-historical methods that allowed to form the conclusion about the condition of 245 lieges. The main part of lieges formed by persons, who were obliged to participate in the campaigns of brothers and defend lands from invasion, to build and restore fortifications and additionally to pay natural-money and natural taxes (groups 1 and 2). This situation was caused by necessity of brothers in military resource for the suppression of the uprising and further expansion in the Baltic region. In turn, persons, who were relieved from military service, performed civil duties and/or pay taxes (group 3), formed less part of lieges. Attracting Prussians on the side of Order and church was carried out by giving them rights and obligations, fixed in Culm's charter and specified in accordance with local legal features, and also by distribution of social guarantee in the case of devastation of their estates by rebels. In this situation nobles and free tribal members perceived service to the Order and church as opportunity to improve their own condition by receiving of guarantee for property and power over other tribesmen.

Keywords: Prussians, lieges, Teutonic order, Great uprising, military service, tax

Введение. Зимой 1225–1226 гг. князь Конрад Мазовецкий (1202–1247) попросил братьев Тевтонского ордена о помощи в борьбе с пруссами, совершавшими набеги на его северные земли, и обещал, со сво-

ей стороны, предоставить им Кульмскую землю, расположенную к северо-западу от его владений [1, с. 58–77; 2, № 56, с. 41–43; № 64, с. 47; № 75, с. 55–56; № 79, с. 58–60; № 80, с. 61; № 94, с. 70–71]. Данные усло-

© Денисов С. А., 2021

вия были приняты великим магистром Конрадом фон Зальца (1210–1239) и капитулом, что открыло новый период в истории Юго-Восточной Прибалтики. В течение почти 60 лет Ордену удалось покорить основную часть Пруссии, а также соседние с ней Скаловию и Судовию.

В 1283 г. последние независимые судовские вожди мигрировали в Литву или подчинились власти братьев. Покорение Пруссии подразумевало, помимо постоянных военных кампаний, привлечение Орденом на свою сторону местных жителей, что увеличивало численность его войска и ослабляло противников. В центре этих отношений находилось право пруссов на земельные наделы, предоставляемое братьями в обмен на военную службу и налог. Однако эта политика, способствовавшая росту военно-политического могущества Ордена в регионе, имела для верных ему пруссов обратную сторону.

В ходе вооружённых восстаний, совершаемых местными жителями, жизнь и имущество сторонников Ордена, подвергались значительной опасности [3, № 113, с. 109; № 142, с. 120; № 148, с. 122–123]. С другой стороны, переход на сторону восставших также не давал полных гарантий безопасности, так как грозил карательными мерами со стороны братьев. В этой ситуации позиция пруссов определялась фактически степенью риска, которая вела к выбору той или иной из противоборствующих сторон. Данная ситуация достигла пика в период Великого восстания, затронувшего почти весь регион и не оставившего местному населению возможность сохранять нейтралитет. В этом контексте возникает вопрос о том, каким образом сложные военные и политические условия повлияли на положение прусских сторонников Ордена в социальной системе, выстраиваемой братьями. Ключевым аспектом данного положения являются условия земельных пожалований, выделяемых Орденом и церковью пруссам за верную службу.

Данный вопрос получил в историографии частичное освещение. Основными выводами, сделанными в предшествующих исследованиях, стали утверждения о формировании из местного населения групп мелких и средних ленников [1, с. 101–102; 4, с. 132–133; 5, с. 76–77; 6, с. 77–78; 7, с. 187–188; 8, с. 163–164; 9, с. 414–443; 10, с. 28], обеспечивавших освоение округ орденских городов [11, с. 27, 41, 80; 12,

с. 157–160; 13, с. 30–35, 39–45; 14, с. 240–244, 253; 15, с. 132–324]. В отдельных трудах рассматривались принципы отношений, существовавших между местным населением (преимущественно нобилитетом) и Орденом и включавших в себя сопротивление, сотрудничество или лавирование между братьями и соплеменниками [16; 17, с. 43–202]. Однако условия пожалований, сделанных в период Великого восстания, отдельно не рассматривались.

Сведения о наделах, выданных пруссам Орденом и церковью за верную службу, содержатся в 102 актах, датируемых 1249–1301 гг. и фиксирующих размер, расположение участка и обязанности владельца. Данная информация дополняется сообщениями хроники Петра из Дусбурга, завершённой в 1326 г., о позиции пруссов по отношению к братьям в период покорения Орденом Прибалтики.

Методология и методы исследования. Основным критерием для выделения рассматриваемой группы в актах является пожалование пруссу земельного владения при условии исполнения военных или гражданских обязанностей и/или уплаты налога в 1249–1283 гг. В ряде документов, изданных в этот период, специально подчёркивалось, что пруссы получали участки за преданность Ордену и церкви («за службу во время восстания среди земель» (*“propter servicia in apostasia terrarium”*) [18, № 144, с. 121–122; № 145]; «за верность» (*“propter fidelitatem”*) [19, № 139, с. 140]; «за верную службу» (*“umb vleissigen dienste”*) [18, № 215, с. 164]; «за распространение веры и освоение земли» (*“propter fidei promotionem et terre utilitatem”*) [20, № 59, с. 29–30] и др.). Эти же указания использовались в документах, изданных уже после подавления восстания в 1283–1301 гг. и награждавших пруссов или их потомков постфактум. Схожим образом данная информация представлена в хронике Петра из Дусбурга: в источнике сообщается о переходе пруссов (преимущественно нобилей) на сторону братьев и их участии в военных кампаниях против соплеменников.

Для решения поставленной задачи перечисленные сведения исследованы с помощью просопографического, типологического и сравнительно-исторического методов, что подразумевает соответственно установление обязанностей и функций рассматриваемой группы на основе изучения положения её представителей, определе-

ние по данным признакам составляющих её категорий и их сопоставление друг с другом.

Результаты исследования и их об- суждение. В актах и хронике содержатся сведения о 245 ленниках, которых можно разделить на 3 группы.

Первую из них составляют персоны (73 чел., 30 % от общего числа), обязанные нести военную службу и выплачивать налог. Военная служба подразумевала участие в кампаниях Ордена и защиту его земель на коне или в пешем строю с оружием, предписанным обычаем и включавшим в себя копье, щит, шлем и броню [18, № 322, с. 218–219; № 380, с. 257–260, 381; 21, № 627, с. 173; 22, № 759, с. 431–432]¹. Среди представителей этой категории 39 персон (53 % от численности группы) были обязаны дополнительно возводить и ремонтировать укрепления [18, № 204, с. 157–159; № 314, с. 213–214; № 319, с. 217–218; № 353, с. 237–239; № 381, с. 259–260]. При этом для исполнения перечисленных обязанностей более половины ленников (44 персоны, 60 % от численности группы) сопровождалась подвластными им людьми [18, № 322, с. 218–219; № 718, с. 448; 19, № 137, с. 138–139; 20, № 73, с. 39–40; № 179, с. 87–88; № 19, с. 104–105; 24, № 59, с. 105–107, 60; № 62, с. 109–110].

Налогообложение пруссов представлено натурально-денежной и натуральной податями. Большинство ленников (50 чел., 67 % от численности группы) были обязаны выплачивать налог в натурально-денежном виде, включавшем в себя по шеффелю пшеницы и ржи (или иного зерна) за каждый гуффен (немецкий плуг) и шеффель пшеницы или ржи за каждый гакен (польский плуг), 1–2 фунта воска, 1–5 кельнских денариев или их эквивалентов в местных монетах (кёнигсбергских, эльбингских или кульмских денариях) [18, № 718, с. 448; № 842, с. 530–531; 20, № 46, с. 12–13; 24, № 42, с. 79–80; № 64, с. 111–113]. В единственном случае денежная часть подати была представлена одним фертоном, который ленники Пигант, Вайсл, Стонем и Насхом могли платить по желанию [18, № 353, с. 237–239]. Меньшая часть пруссов отдавали налог в натуральном виде, что подразумевало по шеффелю пшеницы и ржи за каждый гуффен и шеффель пшеницы или

ржи за каждый гакен [18, № 204, с. 157–159; № 262, с. 188–191, 263; № 314, с. 213–214; № 319, с. 217–218; № 538, с. 337–339; № 539, с. 339–340].

Определяемый размер владений, которыми обладали ленники, составил 1–14 гуффенов (10 персон) [18, № 144, с. 121–122; 145; № 215, с. 164; № 538, с. 337–340; № 539; № 745, с. 463–464.; № 746; 20, № 74а, с. 40; 25, с. 118] и 20–32 гуффена (10 чел.) [18, № 35, с. 237–239; 24, № 42, с. 79–80; № 62, с. 109–110]. Ещё 6 персон обладали участком размером 72 гуффена [18, № 262, с. 188–189]. Отдельным видом имущества стали прусские семьи, которые передавались леннику на положении зависимых крестьян. Из представителей рассматриваемой группы 10 пруссов стали владельцами от 5 до 20 семей [18, № 148, с. 125; 19, № 137, с. 138–139; 20, № 46, с. 12–13; № 73, с. 39–40; № 75, с. 45; № 246, с. 165–166].

Вторую группу составляли ленники, обязанные нести военную службу и освобождённые от выплаты налогов (67 персон, 27 % от общего числа). Их военные обязанности были в целом аналогичны тем, что исполняли пруссы из группы 1 [18, № 292, с. 204; № 389, с. 263–264; № 435, с. 277–278; № 781, с. 485; 20, № 133, с. 70–71; № 182, с. 89–91; 26, № 431, с. 242]; однако доля персон, обязанных возводить и ремонтировать укрепления, была большей (55 чел., 82 % от численности группы) [18, № 329, с. 223; № 347, с. 232; № 350, с. 236–237; № 369, с. 251; № 386, с. 262; № 387, с. 263]; в то время как участвовать в кампаниях вместе со своими людьми было обязано меньшее число пруссов (12 чел., 18 % от численности группы) [18, № 173, с. 141–142, 174; № 295, с. 205–206; № 362, с. 244–245; № 363, с. 245–246; 20, № 198, с. 106–107; 27, № 255, с. 183–184].

Определяемый размер их владений составлял в основном 3–6 гуффенов (18 чел.) [18, № 595, с. 373–374; № 611, с. 386–387; 20, № 111, с. 65; № 180, с. 88]. Кроме того, 3 ленника владели соответственно 16,5; 20 и 24 гуффенами [18, № 137, с. 113–114; № 718, с. 448; 20, № 179, с. 87–88; № 180; № 189, с. 97; 28, № 25, с. 15]; 6 ленников – участками в 60 гуффенов [18, № 362, с. 244–245; № 522, с. 328; № 542, с. 341–342; № 557, с. 346–348]; 3 персоны – участком в 183 гуффена [27, № 255, с. 183–184]. Кроме того, в имущество 7 ленников входили от 4 до 25 крестьянских семей [18,

¹ Подробно состав прусского вооружения, предписанного обычаем, указан в грамотах 1292 и 1348 гг. [18, № 595, с. 373; 23, № 57, с. 79–80].

№ 137, с. 113–114; № 173, с. 141; № 363, с. 245–246; № 687, с. 430; № 718, с. 448; 20, № 60, с. 31; № 64, с. 34; № 72, с. 38; № 182, с. 89–91; 21, № 519, с. 146].

Отдельную группу, отличающуюся по обязанностям её представителей, составляют 4 персоны (2 % от общего числа), освобождённые от военной службы. Из них двое, Бонсе и Герман, служили камерерами (старостами волостей) [3, № 190, с. 136; 24, № 57, с. 102–104], второй из которых платил ежегодно натуральную подать в размере 3 фунтов воска. Ещё один прусс, Пакоке, был обязан только возводить укрепления [18, № 369, с. 251], а Петр фон Кандейм был освобождён также от гражданской службы и платил ежегодно за свой участок 0,5 марки [29, № 533, с. 478–479]. Размер участков, которыми обладали перечисленные персоны, указан точно только в одном случае: в акте, пожалованном Петру фон Кандейму, о его праве собственности на 7 гуффенов.

Вне выделенных групп находится 101 прусс (41 % от общего числа), чьи обязанности не указаны точно в актах. В этих случаях речь идёт о кратком упоминании лица в грамотах, подтверждающих полученные ранее им или его предком имуще-

ство и/или привилегии, без указаний на какие-либо обязанности [18, № 296, с. 206; № 430, с. 275; № 438, с. 279; № 718, с. 448; 20, № 179, с. 87–88]. Определённые размеры владений составили в этом случае преимущественно 0,7–6 гуффенов (6 чел.) [18, № 293, с. 204; № 687, с. 430; 25, с. 112; 30, № 644, с. 528; 31, № 224, с. 135; № 343, с. 248–249]. Помимо этого, ленник Кристиан с братьями владели 15 гуффенами и полем Покарбен [18, № 100, с. 86–87], а Понат – 60 гуффенами [18, № 364, с. 246; 20, № 65, с. 34]. Ещё два прусса, Запелле и его сын, владели соответственно 5 и 4 крестьянскими семьями [18, № 293, с. 204; № 363, с. 245–246; № 718, с. 448].

Суммируя полученные данные (табл. 1), отмечаем, что основную часть ленников составляли персоны, обязанные нести военную службу и платить налог (группа 1) или освобождённые от подати (группа 2). В свою очередь, пруссы, исполнявшие только гражданские обязанности и/или платившие налог, составляли меньшую часть верных Ордену землевладельцев. Данная диспропорция была вызвана потребностью братьев в военной силе для подавления восстания и дальнейшего распространения своей власти в Прибалтике.

Таблица 1

Имущественное положение и обязанности ленников

Но- мер груп- пы	Числен- ность	Процент от обще- го числа ленников	Размеры владений (основные)	Число крестьян- ских семей	Воен- ная служба	Каме- реры	Строи- тельство укрепле- ний	Налог
1	73	30 %	1–32 гуффена	5–20 семей	73		39	Натурально-денежный и натуральный
2	67	27 %	3–6 гуффенов	4–25 семей	67		55	Нет
3	4	2 %	7 гуффенов	нет	нет	2	1	Натуральный, денежный

Географическое распределение ленников показывает, что более половины из них (153 персоны) происходили из Самбии, в то время как остальные области представлены меньшим количеством землевладельцев. В актах зафиксированы пожалования, сделанные 30 вармам, 25 погезанам, 23 помезанам и 10 наттангам. Отдельную группу составили ленники, владевшие участками сразу в двух областях: Самбии и Вармии (3 персоны), Вармии и Бартии (1 чел.). В основном лены располагались вдоль рек Пасарге, Алле, Дейма, Бледов и Зорге, а

также залива Фришес Хафф (отражено на рисунке), что было обусловлено ролью этих водных объектов как средств коммуникации, обеспечивавших интенсивное освоение прилегающих к ним территорий.

Хронологическое распределение новых пожалований, сделанных во время Великого восстания и непосредственно после его завершения, показывает, что более половины ленников (133 персоны, 54 % от общего числа) получили владения в 1249–1274 гг., в период напряжённой борьбы между прусскими вождями и Орденом (табл. 2).

Распределение владений ленников в прусских областях в 1249–1301 гг.:

○ – группа 1, ● – группа 2, ⊕ – вне групп, ★ – города и крепости Ордена

Distribution of lieges' estates in Prussian districts in 1249–1301:

○ – group 1, ● – group 2, ⊕ – outside the groups, ★ – cities and fortresses of Order

Таблица 2

Рост численности ленников в племенных землях в 1249–1301 гг.

Период	Число новых ленников						Общее количество
	Самбия	Самбия, Вармия	Наттангия	Вармия	Помезания	Погезания	
1249–1274 гг.	97	3	7	9	7	10	133
1274–1283 гг.	9			6	9	14	38
1283–1301 гг.	30		1	1		10	42

Из них наиболее многочисленными являются самбы (97 персон), что говорит о ключевом значении данного племени для братьев в этот период. Однако после 1274 г., когда основная часть восставших была разбита, число новых ленников, получивших надель за верность Ордену в Самбии, сократилось более чем в 10 раз (участки были выделены 9 ленникам), а в Наттангии выдача земель за верную службу вообще остановилась. Данная ситуация могла быть обусловлена разорением этих земель

в ходе восстания. Напротив, в Помезании, Погезании и Вармии, где сельские округа подверглись меньшему числу опустошительных походов братьев и их противников, рост численности ленников в 1249–1283 гг. оставался стабильным, от 6 до 14 чел. Однако позднее, в 1283–1301 гг., Орден и церковь вернулись к награждению самбов и наттангов, поэтому первые вновь составили основную часть лиц (30 из 42 чел.), получивших земельные надель за борьбу с соплеменниками на стороне братьев. В

этот же период увеличение численности аналогичной группы ленников остался стабильным в Погезании (10 персон), при этом в Вармии и Помезании сократился до минимума или остановился, что означало завершение раздачи участков в качестве награды пруссам в этих областях.

Как видно из географического и хронологического распределения ленников, основную часть прусского ополчения, используемого братьями для подавления восстания и дальнейшей экспансии на восток, составили жители Самбии (табл. 2). Данное обстоятельство было обусловлено многочисленностью местного населения [3, № 3, с. 52] и лояльностью основной части нобилитета к власти Ордена. Знатные самбы упоминаются в хронике Петра из Дусбурга как участники сражения на р. Дурбине в 1260 г. [Там же, № 84, с. 96–97] и как защитники крепости Бартенштейн в 1263 г. [Там же, № 119, с. 110–111]. Вероятно, они также участвовали в покорении Надровии в 1274–1277 гг., так как в упомянутом труде сообщается о замке Виллов, который местные жители построили для защиты от наступления братьев и самбов [Там же, № 73, с. 92–93].

Для того чтобы выяснить, каким образом изменилось положение ленников после их награждения за верную службу, сопоставим полученные ими привилегии с нормами Христбургского договора, заключённого в 1249 г. и определявшего статус пруссов под властью братьев. Согласно данному документу, пруссы, представлявшие Помезанию, Наттангию и Вармию, наделялись следующими правами:

1) приобретать движимое и недвижимое имущество и передавать его в наследство по мужской и женской линиям, как прямым потомкам, так и, в случае их отсутствия, ближайшим родственникам [2, № 218, с. 159];

2) свободно распоряжаться деньгами и движимым имуществом, а также продать землю при условии поручительства за новых владельцев [Там же, с. 160];

3) отдать землю по завещанию церкви, которая в течение года имела право продать этот участок наследникам [Там же].

При этом пруссы соглашались со следующими условиями Ордена:

1) в собственность Ордена переходили выморочные земли, а также движимое имущество, если относительно него не были сделаны распоряжения [Там же, № 218, с. 159–160];

2) погезане, наттанги и вармы платили десятину, выполняли работы в пользу владельца участка, несли военную службу, возводили церкви и содержали приходских священников [Там же, с. 162–164].

Более широкими правами пруссы наделялись согласно рассмотренным ранее актам:

1) они получали права большого и малого судов, что подразумевало рассмотрение дел и наказание как за незначительные проступки, так и за серьёзные преступления (кража или убийство). Соответственно в первом случае наказание подразумевало штраф, во втором случае – отсечение руки или головы. В полной мере этим правом пользовались 20 ленников [18, № 174, с. 142; № 380, с. 257–259; № 557, с. 346–348; 20, № 72, с. 38; № 182, с. 89–91; № 189, с. 97; № 198, с. 106–107; 24, № 57, с. 102–104; № 62, с. 109–110; 27, № 255, с. 183–184], в то время как 24 персоны обладали ограниченной юрисдикцией. Во втором случае землевладельцы получили судебное право, которое подразумевало отчисление им 1/3 штрафов (7 чел.) [18, № 204, с. 157–159; № 314, с. 213–214; № 319, с. 217–218] или исключало случаи, произошедшие на дороге (1 чел.) [28, № 25, с. 15] и создававшие угрозу для жизни всего поселения (2 прусса) [18, № 557, с. 346–348]. Помимо этого, 2 ленника были обязаны рассматривать дела вместе с братьями Ордена [33, № 77, с. 49–50]; 12 землевладельцам жаловалось только право малого суда [18, № 137, с. 113–114; № 295, с. 205–206; № 687, с. 430; № 718, с. 448; 20, № 59, с. 29–30; № 60, с. 31; 21, № 519, с. 146];

2) имели право передавать имущество в наследство по мужской и женской линиям (4 персоны) [18, № 173, с. 141; № 380, с. 257–259; 30, № 644, с. 528; 31, № 343, с. 248–249]; в случае отсутствия прямых потомков – ближайшим родственникам по мужской линии (15 чел.) [18, с. 448. № 718; 20, с. 87–88. № 179];

3) могли продать имущество при условии, что новый владелец примет на себя аналогичные обязанности за участок (8 персон) [18, № 145, с. 122; № 148, с. 125; № 263, с. 189–191; № 746, с. 464; 19, № 139, с. 140–141; 20, № 74а, с. 40; № 76, с. 41];

4) обладали правом использовать близлежащие угодья: рубить лес и ловить рыбу, а также охотиться на птиц и зверей (8 пруссов) [18, № 295, с. 205–206; № 314,

с. 213–214; № 322, с. 218–219; № 718, с. 448; 20, № 179, с. 87–88; 24, № 57, с. 102–104; № 62, с. 109–110];

5) имели право на выморочные земли своих крестьян (5 ленников) [18, № 263, с. 189–191; № 381, с. 259–260];

6) получали компенсацию в виде земельного пожалования за участок, который они были вынуждены покинуть во время Великого восстания (14 персон) [18, № 262, с. 188–189; № 381, с. 259–260; 19, № 139, с. 140–141; 20, № 76, с. 41; 24, № 64, с. 111–113].

Таким образом, рассматриваемые условия отличаются от положений Христбургского договора тем, что права и обязанности пруссов расширяются и значительно конкретизируются, приобретая полную зависимость от земельного надела. При этом отличия (размер налога, зависящий от величины и плодородности участка, регламентация военной службы, юрисдикция над крестьянами, использование близлежащих угодий и продажа надела другому лицу при сохранении обязанностей) представляли собой нормы Кульмского права, которое было зафиксировано в одноимённой грамоте, изданной в 1233 г. и восстановленной в 1251 г. [2, № 252, с. 184–185, 188–191]. Другое отличие, право владельца на выморочные земли крестьян, происходило из норм местного права, существовавшего в XIII–XIV вв. и зафиксированного в своде Помезанской правды в 1340-х гг. [32, № 11, с. 118]. Наконец, право на компенсацию земельных владений, разорённых во время восстания, являлось социальной гарантией, предоставляемой Орденом и церковью и позволявшей поддерживать исполнение ленниками своих обязанностей.

Таким образом, в 1249–1274 гг. была сформирована, а позднее продолжена новая политика Ордена и церкви, инкорпорирующая пруссов в социальную систему с учётом местной специфики. Эффективность этой политики зависела от процессов, происходивших внутри племенных сообществ. К XIII в. среди местных племён наблюдался процесс социально-имущественной дифференциации, в ходе которого выделялась прослойка знатных и богатых лиц, нобилей и группа зависимых общинников [4, с. 169; 34, с. 93–98, 109, 118–119; 35, с. 248; 36, с. 76–78; 37, с. 42–43; 38, с. 76–78; 39, с. 480–481]. Появление в Прибалтике Ордена стало для первых средством укрепить и улучшить своё положение, упро-

чив власть над соплеменниками. Перейдя на сторону Ордена, пруссы сохраняли право владения своими земельными участками в качестве единоличных собственников или вместе с ближайшими родственниками. Помимо этого, им предоставлялась полная или частичная юрисдикция в своих землях. Это фиксировало их привилегированное положение по сравнению с рядовыми общинниками, которые получали статус зависимых крестьян. Большинство нобилей перешло на сторону Ордена после его побед, т. к. победителям предоставлялись гарантии согласно занимаемому положению [3, № 21, с. 62–63; № 26, с. 64; № 168, с. 129]. Однако некоторые знатные лица не придавали ключевого значения поражениям братьев и переходили к ним даже в критические моменты. Так, в 1240 г. во время осады Бальги пруссами, к братьям присоединились Гедуне [23, № 2, с. 4] и Поманда [3, № 100, с. 103–104]; в 1271 г. при осаде Христбурга им тайно помогал Самиле [Там же, № 145, с. 121–122]. В то же время доля нобилитета среди ленников составляла менее половины (107 персон, 44 % от общего числа), остальную часть землевладельцев составляли незнатные общинники, для которых служба Ордену и церкви была отличным способом улучшить своё положение, о чём свидетельствуют рассмотренные ранее грамоты. Поддержка, оказываемая ими братьям в критические моменты, также отражена в хронике Петра из Дусбурга: Сиренес и Виртел защищали от восставших орденские города, соответственно Христбург [Там же, № 143, с. 121] и Эльбинг [Там же, № 169, с. 129].

Перейдя на сторону Ордена и разорвав связи с общиной, пруссы оставались с братьями вплоть до подавления восстания. Характерной в этом отношении является грамота, изданная 10 августа 1299 г. Бертольдом фон Брюгавеном, комтуром Кёнигсберга (1289–1302). В данном документе, призванном закрепить положение верных Ордену самбов, отдельно сообщается о том, что в период Великого восстания они, покинув своих родных и друзей, перешли на сторону Ордена и остались с ним вплоть до победы над соплеменниками [18, № 718, с. 448].

Заключение. Таким образом, пруссы, перешедшие на сторону братьев и церкви и сохранившие верность в период Великого восстания, были инкорпорированы в социальную систему Орденского государства

на положение мелких и средних ленников, располагавших земельными наделами преимущественно от 0,7 до 32 гуффов и 4–25 крестьянскими семьями. Основную часть землевладельцев составляли персоны, обязанные нести военную службу и платить налоги или освобожденные от них (группы 1 и 2), что было обусловлено постоянной потребностью Ордена в пополнении своего войска для борьбы с восставшими и дальнейшей экспансии в Прибалтике. Соответственно пруссы, исполнявшие гражданские обязанности и/или платившие налоги, составляли меньшую часть землевладельцев. Распределение среди пруссов наделов за службу происходило преимущественно в период 1249–1274 гг., когда братья наиболее остро нуждались в военной помощи. При этом основным источником формирования названных групп являлась Самбия, откуда происходило большинство ленников, что было обусловлено многочис-

ленностью её населения и лояльностью местного нобилитета к Ордену и церкви. Условия, на которых пруссы получали участки, значительно отличались от норм Христбургского договора и представляли собой положения Кульмского права (величина налога, зависящая от земельного надела, регламентация военной службы, юрисдикция ленников над крестьянами, право пользования близлежащими угодьями и др.). Перечисленные нормы соединялись в актах с положениями местного права, а также с социальной гарантией Ордена и церкви, что свидетельствует о гибкой политике братьев и духовенства, учитывающей локальную специфику. Данная политика позволила братьям получить поддержку со стороны пруссов, чья позиция была обусловлена последствиями расслоения внутри племенных сообществ, и успешно инкорпорировать их в социальную систему Орденского государства.

Список литературы

1. Бокман Х. Немецкий орден / пер., предисл. и коммент. В. И. Матузовой. М.: Ладомир, 2004. 273 с.
2. Preussisches Urkundenbuch. Bd. 1. Hft. 1 / Hrgb. von R. Philippi. Königsberg: Hartungsche Verlagsdruckerei, 1881. 251 s.
3. Petri de Dusburg Chronicon terrae Prussae // Scriptores rerum Prussicarum / Hrgb. von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1861. Bd. 1. S. 21–219.
4. Кирсанова Т. И. Социально-экономическое положение Тевтонского Ордена второй половины XIV – первой половины XV вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.00. М.: Моск. обл. пед. ин-т им. Н. К. Крупской, 1966. 316 с.
5. Пашуто В. Т. Борьба прусского народа за независимость (до конца XIII века) // История СССР. 1958. № 6. С. 54–81.
6. Dygo M. Początki i budowa władztwa zakonu krzyżackiego (1226–1309) // Państwo zakonu krzyżackiego w Prusach. Władza i społeczeństwo / Red. M. Biskup, R. Czaja. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN SA, 2008. S. 53–78.
7. Kwiatkowski K. Wojska Zakonu Niemieckiego w Prusach 1230–1525. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2016. 674 s.
8. Lohmeyer K. Geschichte des Ost- und Westpreussen. Gotha: Friedrich Andreas Perthes, 1880. 290 s.
9. Voigt J. Geschichte Preussens von den ältesten Zeiten bis zum Untergange der Herrschaft des Deutschen Ordens. Königsberg: Verlag der Gebrüder Vorntreger, 1828. Bd. 3. 628 s.
10. Zajaczkowski S. Podbój prus i ich kolonizacja przez krzyżaków. Toruń: Biblioteka Polska Publ., 1935. 57 s. 1 il.
11. Kasiske K. Die Siedlungstätigkeit des Deutschen Ordens im östlichen Preussen bis zum Jahre 1410. Königsberg: Gräfe und Unzer, 1934. 176 s.
12. Kerner-Żuralska M. Materiały do dziejów osadnictwa Pomezanii (pow. kwidzyński, iławski oraz część grudziądzkiego) // Komunikaty Mazursko-Warmińskie. 1964. Nr. 2. S. 150–167.
13. Rousselle M. Die Besiedlung des Kreises Preussisch-Eilau in der Ordenzeit // Altpreussische Forschungen. 1926. Jahrgang 3. Hft. 2. S. 5–44.
14. Rousselle M. Das Siedlungswerk des Deutschen Ordens in Lande Gerdauen // Altpreussische Forschungen. 1929. Jahrgang 6. Hft. 1. S. 220–255.
15. Szczepański S. Pomezania Pruska. Dzieje osadnictwa w XIII–XV wieku. Olsztyn: Ośrodek Badań Naukowych im. Woiciecha Kętrzyńskiego w Olsztynie, 2016. 412 s., mapa.
16. Матузова В. И. Прусские нобили и Тевтонский орден // Древнейшие государства на территории СССР. 1987 / отв. ред. А. П. Новосельцев. М.: Наука, 1989. С. 281–287.
17. Dobrosielska A. Opór – Oportunizm – Współpraca. Prusowie wobec zakonu krzyżackiego w dobie podboju. Olsztyn: Oficyna Wydawnicza Pruthenia, 2017. 239 s.
18. Preussisches Urkundenbuch. Bd. 1. Hft. 2 / Bearb. H. Seraphim. Königsberg: Hartungsche Verlagsdruckerei, 1909.

19. Codex Diplomaticus Prussicus / Hrgb. von J. Voigt. Bd. 1. Königsberg: Verlag der Gebrüder Vorländer, 1836. 223 s.
20. Urkundenbuch des Bisthums Samland / Hrgb. von C. P. Woelky, H. Mendthal. Hft. 1. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1891.
21. Preussische Regesten bis zum Ausgange des dreizehnten Jahrhundert / Hrgb. von M. Perlach. Königsberg: Ferd. Beyer vormals Th. Theile's Buchhandlung, 1876. 400 s.
22. Preussisches Urkundenbuch / Hrgb. von K. Conrad. Marburg: N. G. Elwert Verlag, 2000. Bd. 6. Lief. 2. 580 s.
23. Codex Diplomaticus Prussicus / Hrgb. von J. Voigt. Königsberg: Verlag der Gebrüder Vorländer, 1848. Bd. 3. 200 s.
24. Codex Diplomaticus Warmiensis / Hrgb. von C. P. Woelky, J. M. Saage. Bd. 1. Mainz: Verlag von Franz Kirchheim, 1860. 604 s., 2 Taff.
25. Voigt J. Geschichte Preussens von den ältesten Zeiten bis zum Untergange der Herrschaft des Deutschen Ordens. Königsberg: Verlag der Gebrüder Vorländer, 1830. Bd. 4. 637 s.
26. Preussisches Urkundenbuch/ Hrgb. von K. Conrad. Marburg: N. G. Elwert Verlag, 1969–1975. Bd. 5. Lief. 1–3. 756 s.
27. Preussisches Urkundenbuch/ Hrgb. von M. Hein. Königsberg: Gräfe und Unzer, 1944. Bd. 3. Lief. 1. 288 s.
28. Preussisches Urkundenbuch/ Hrgb. von K. Conrad. Marburg: Hartung, 1986. Bd. 6. Lief. 1. 289 s.
29. Preussisches Urkundenbuch / Hrgb. von H. Koeppen. Marburg: N. G. Elwert Verlag, 1964. Bd. 4. 620 s.
30. Preussisches Urkundenbuch / Hrgb. von H. Koeppen. Marburg: N. G. Elwert Verlag, 1958. Bd. 3. Lief. 2. 650 s.
31. Urkundenbuch des Bisthums Samland / Hrgb. von C. P. Woelky, H. Mendthal. Hft. 2. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1898. 256 s.
32. Пашуто В. Т. Помезания. Помезанская Правда как исторический источник. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 184 с.
33. Preussisches Urkundenbuch / Hrgb. von M. Hein, E. Maschke. Königsberg: Gräfe und Unzer, 1932. Bd. 2. Lief. 1. 328 s.
34. Перцев В. Н. Внутренний строй Пруссии перед завоеванием её немцами // Учёные записки Белорусского государственного университета. 1955. Вып. 23. С. 90–123.
35. Трокаль Т. В. Государство Тевтонского Ордена в Пруссии в XIII – начале XIV века: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М., 2004. 269 с.
36. Biskup M., Labuda G. Dzieje Zakonu krzyżackiego w Prusach. Gdańsk: Wydawnictwo Morskie Gdańsk, 1988. 624 s.
37. Długokęcki W. Prusy w starożytności i we wczesnym średniowieczu // Państwo zakonu krzyżackiego w Prusach. Władza i społeczeństwo / Red. M. Biskup, R. Czaja. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN SA, 2008. S. 25–50.
38. Łowmiański H. Prusy–Litwa–Krzyżacy / Wyb. doc., oprac., wstęp. i posł. opatr. M. Kosman. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1989. 480 s.
39. Voigt J. Geschichte Preussens von den ältesten Zeiten bis zum Untergange der Herrschaft des Deutschen Ordens. Königsberg: Verlag der Gebrüder Vorländer, 1827. Bd. 2. 672 s.

Статья поступила в редакцию 19.02.2021; принята к публикации 10.04.2021

Сведения об авторе

Денисов Сергей Александрович, кандидат исторических наук, Институт археологии РАН; Россия, 117036, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19; e-mail: densera@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1080-223X>.

Библиографическое описание статьи

Денисов С. А. Прусские ленники в государстве Тевтонского ордена в период Великого восстания (1242–1283) // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 3. С. 141–151. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-141-151.

References

1. Bokman, Kh. Nemetskiy orden. Translation, comments, and preface V. I. Matuzov. M: Lodomir, 2014. (In Rus.)
2. Preussisches Urkundenbuch. Bd. 1. Hft. 1 / Hrgb. von R. Philippi. Königsberg: Hartung'sche Verlagsdruckerei, 1881. (In Germ.)
3. Petri de Dusburg Chronicon terrae Prussiae. Scriptores rerum Prussicarum. Bd. 1. Hrgb. von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1861: 21–219. (In Germ.)

4. Kirsanova, T. I. Social-economic condition of Teutonic state in the second half of the XIVth – first half of the XVth centuries. Cand. sci. diss. Moscow, 1966. (In Rus.)
5. Pashuto, V. T. Struggle of Prussians for independence (until to the end of XIIIth century). History of USSR, no. 6, pp. 54–81, 1958. (In Rus.)
6. Dygo, M. Początki i budowa władztwa zakonu krzyżackiego (1226–1309). Państwo zakonu krzyżackiego w Prusach. Władza i społeczeństwo / Red. M. Biskup, R. Czaja. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN SA, 2008: 53–78. (In Polish)
7. Kwiatkowski, K. Wojska Zakonu Niemieckiego w Prusach 1230–1525. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2016. (In Polish)
8. Lohmeyer, K. Geschichte des Ost- und Westpreussen. Gotha: Friedrich Andreas Perthes, 1880. (In Germ.)
9. Voigt, J. Geschichte Preussens von den ältesten Zeiten bis zum Untergange der Herrschaft des Deutschen Ordens. Bd. 3. Königsberg: Verlag der Gebrüder Vorträger, 1828. (In Germ.)
10. Zajączkowski, S. Podbój prus i ich kolonizacja przez krzyżaków. Toruń: Biblioteka Polska Publ., 1935. (In Polish)
11. Kasiske, K. Die Siedlungstätigkeit des Deutschen Ordens im östlichen Preussen bis zum Jahre 1410. Königsberg: Gräfe und Unzer, 1934. (In Germ.)
12. Kerner-Żuralska, M. Materiały do dziejów osadnictwa Pomezanii (pow. kwidzyński, iławski oraz część grudziądzkiego). Komunikaty Mazursko-Warmińskie, nr. 2, s. 150–167, 1964. (In Polish)
13. Rousselle, M. Die Besiedlung des Kreises Preussisch-Eilau in der Ordenzeit. Altpreussische Forschungen. Jahrgang 3, hft. 2, s. 5–44, 1926. (In Germ.)
14. Rousselle, M. Das Siedlungswerk des Deutschen Ordens in Lande Gerdauen. Altpreussische Forschungen. Jahrgang 6, hft. 1, s. 220–255, 1929. (In Germ.)
15. Szczepański, S. Pomezania Pruska. Dzieje osadnictwa w XIII–XV wieku. Olsztyn: Ośrodek Badań Naukowych im. Woiciecha Kętrzyńskiego w Olsztynie, 2016. (In Polish)
16. Matuzova, V. I. Prusskie nobili i Nemeckij orden (Prussian noblemen and German order). Drevnejšie gosudarstva na territorii SSSR. Moscow: Nauka, 1989: 281–287. (In Rus.)
17. Dobrosielska, A. Opór – Oportunizm – Współpraca. Prusowie wobec zakonu krzyżackiego w dobie podboju. Olsztyn: Oficyna Wydawnicza Pruthenia, 2017. (In Polish)
18. Preussisches Urkundenbuch. Bd. 1. Hft. 2 / Bearb. H. Seraphim. Königsberg: Hartungsche Verlagsdruckerei, 1909. (In Germ.)
19. Codex Diplomaticus Prussicus / Hrgb. von J. Voigt. Bd. 1. Königsberg: Verlag der Gebrüder Vorträger, 1836. (In Germ.)
20. Urkundenbuch des Bisthums Samland / Hrgb. von C. P. Woelky, H. Mendthal. Hft. 1. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1891. (In Germ.)
21. Preussische Regesten bis zum Ausgange des dreizehnten Jahrhundert / Hrgb. von M. Perlach. Königsberg: Ferd. Beyer vormals Th. Theile's Buchhandlung, 1876. (In Germ.)
22. Preussisches Urkundenbuch. Bd. 6. Lief. 2 / Hrgb. von K. Conrad. Marburg: N. G. Elwert Verlag, 2000. (In Germ.)
23. Codex Diplomaticus Prussicus / Hrgb. von J. Voigt. Bd. 3. Königsberg: Verlag der Gebrüder Vorträger, 1848. (In Germ.)
24. Codex Diplomaticus Warmiensis / Hrgb. von C. P. Woelky, J. M. Saage. Bd. 1. Mainz: Verlag von Franz Kirchheim, 1860. 604 s., 2 Taff. (In Germ.)
25. Voigt, J. Geschichte Preussens von den ältesten Zeiten bis zum Untergange der Herrschaft des Deutschen Ordens. Bd. 4. Königsberg: Verlag der Gebrüder Vorträger, 1830. (In Germ.)
26. Preussisches Urkundenbuch. Bd. 5. Lief. 1–3 / Hrgb. von K. Conrad. Marburg: N. G. Elwert Verlag, 1969–1975. (In Germ.)
27. Preussisches Urkundenbuch. Bd. 3. Lief. 1 / Hrgb. von M. Hein. Königsberg: Gräfe und Unzer, 1944. (In Germ.)
28. Preussisches Urkundenbuch. Bd. 6. Lief. 1 / Hrgb. von K. Conrad. Marburg: Hartung, 1986. (In Germ.)
29. Preussisches Urkundenbuch. Bd. 4 / Hrgb. von H. Koeppen. Marburg: N. G. Elwert Verlag, 1964. (In Germ.)
30. Preussisches Urkundenbuch. Bd. 3. Lief. 2 / Hrgb. von H. Koepen. Marburg: N. G. Elwert Verlag, 1958. (In Germ.)
31. Urkundenbuch des Bisthums Samland / Hrgb. von C. P. Woelky, H. Mendthal. Hft. 2. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1898. (In Germ.)
32. Pashuto V. T. Pomezania. Pomezanian Law as historical source. Moscow: Publishing of AS USSR, 1955. (In Rus.)
33. Preussisches Urkundenbuch. Bd. 2. Lief. 1 / Hrgb. von M. Hein, E. Maschke. Königsberg: Gräfe und Unzer, 1932. (In Germ.)
34. Percev V. N. Internal structure of Prussia before its conquest by Germans. Academic notes of the Belorussian State University, vol. 23, pp. 90–123, 1955. (In Rus.)
35. Trokal, T. V. State of Theutonic order in Prussia in XIII–begin of XIV centuries. Cand. sci. diss. Moscow, 2004. (In Rus.)

36. Biskup, M., Labuda, G. Dzieje Zakonu krzyżackiego w Prusach. Gdańsk: Wydawnictwo Morskie Gdańsk, 1988. (In Polish)
37. Długokęcki, W. Prusy w starożytności i we wczesnym średniowieczu. Państwo zakonu krzyżackiego w Prusach. Władza i społeczeństwo. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN SA, 2008: 25–50. (In Polish)
38. Łowmiański, H. Prusy–Litwa–Krzyżacy / Wyb. doc., oprac., wstęp. i postł. opatr. M. Kosman. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1989. (In Polish)
39. Voigt, J. Geschichte Preussens von den ältesten Zeiten bis zum Untergange der Herrschaft des Deutschen Ordens. Bd. 2. Königsberg: Verlag der Gebrüder Vorländer, 1827. (In Germ.)

Received: February 19, 2021; accepted for publication April 10, 2021

Information about author

Denisov Sergey A., Candidate of History, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences; 19 Dmitry Ulyanov st., Moscow, 117036, Russia; e-mail: densera@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1080-223X>.

Reference to the article

Denisov S. A. Prussian lieges in the State of Teutonic Order in the period of Great uprising (1242–1283) // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 3. PP. 141–151. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-141-151.

УДК 902

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-152-166

Всеволод Игоревич Лясович,*Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального
Исследовательского центра Российской академии наук
(г. Уфа, Россия),**e-mail: vsevolodlyasovich@yandex.ru**<https://orcid.org/0000-0003-4747-0926>*

Погребения с оружием и конской уздой Юлдашевского могильника в лесостепи Южного Приуралья

Изучение особенностей вооружения пьяноборских племён – актуальное направление современной археологической науки. Цель данной статьи – выделение и последующий анализ наборов вооружения мужских погребений Юлдашевского могильника пьяноборской археологической культуры эпохи раннего железа. Проблема исследования состоит в реконструкции характера военной культуры одной из локальных групп пьяноборского общества. Новизна работы заключается в том, что совокупность предметов вооружения в погребении – оружейный набор – рассматривается в рамках одного конкретного памятника археологии, а не в целом по указанной культуре. Юлдашевский могильник относится к одному из некрополей пьяноборской культуры, где отмечено повышенное содержание оружия. Встречаемость, а также сочетание определённого вида оружия в погребальном инвентаре позволяют выделить оружейные наборы, а также обозначить популярные виды вооружения среди конкретной группы пьяноборского населения. Применяя сравнительно-исторический метод, а также метод статистики и хронологии, удалось заострить внимание на количестве оружейных наборов, их наполняемости предметами вооружения, временных рамках некоторых экземпляров оружия, и его схожести с кара-абызским набором вооружения. Как и кара-абызская, пьяноборская культура унаследовала характерный ещё для ананьинского времени набор вооружения. Его неизменными атрибутами являются: а) древковое оружие в виде копий с небольшими наконечниками; б) наконечники стрел из разного материала – бронзы, железа и кости, с доминированием последней в колчаных наборах; в) длинные однолезвийные клинки – боевые ножи. Несмотря на относительную близость ареала обитания пьяноборских племён с сарматским миром, последний не оказывал существенного влияния на комплекс вооружения пьяноборских племён. Более того, в пьяноборской среде сформировался свой стандартизированный оружейный набор, представленный различными вариациями взаимовстречаемости лука, копья и боевого ножа.

Ключевые слова: пьяноборская археологическая культура, вооружение, могильник, воинские погребения, ранний железный век, Юлдашевский могильник, южный Урал

Vsevolod I. Lyasovich,*Institute of History, Language and Literature,
Ufa Federal Center, Russian Academy of Sciences
(Ufa, Russia),**e-mail: vsevolodlyasovich@yandex.ru**<https://orcid.org/0000-0003-4747-0926>*

Burials with Weapons and Horse Bridle of Yuldashevsky Burial Ground in the South Ural Region

The study of the peculiarities of the armament of the Pianobor tribes is an urgent direction of modern archaeological science. The purpose of this article is to isolate and then analyze the sets of weapons for the male burials of the Yuldashevsky burial ground of the Pianobor archaeological culture of the Early Iron Age. The problem of the study is to reconstruct the nature of the military culture of one local group in the Pianobor society. The novelty of the work is the fact that the totality of weapons in the burial, the weapon set, is considered within the framework of one specific archaeological monument, and not as a whole in terms of culture. The Yuldashevsky burial ground belongs to one of the necropolises of the Pianobor culture, where an increased content of weapons is noted. The occurrence as well as the combination of a certain type of weapon in the burial inventory makes it possible to distinguish weapon sets, as well as to designate popular types of weapons among a specific group of the drunken population. Applying the comparative-historical method, including the method of statistics and chronology, it was possible to focus on the number of weapon sets, their filling with weapons, the time frame of some weapons, and its similarity with the Kara-Abyz set of weapons. As well as the Kara-Abyz, the Pianobor culture inherited a set of weapons characteristics of the Ananyin time. Its indispensable attributes are: a) polearms in the form of spears with small points; b) arrowheads made of

© Лясович В. И., 2021

different materials – bronze, iron and bone, with the domination of the latter in quiver sets; c) long single-edged blades – combat knives. Despite the relative proximity of the habitat of the Pianobor tribes to the Sarmatian world, the latter did not have a significant impact on the armament complex of the Pyanobor tribes. Moreover, in the drunken environment, its own standardized weapon set was formed, represented by various variations in the mutual occurrence of a bow, spear and a combat knife.

Keywords: Pianobor archaeological culture, weapons, burial ground, military burials, early Iron Age, Yuldashevsky burial ground, southern Urals

Введение. Реконструкция особенностей военного дела культур постананьинского времени давно привлекает внимание исследователей. Почти 40 лет назад В. А. Ивановым была написана первая и пока единственная монография оружейведческой направленности, где обозначен ряд важных фактов, приближающих нас к общему пониманию военной культуры, в том числе и пьяноборских племён: 1) едва ли не единственным видом вооружения у пьяноборцев является лук со стрелами; 2) вооружение пьяноборских мужчин было весьма разнообразным и хаотичным [1, с. 74]. Эти два положения – одни из тех, которые иллюстрируют военную культуру пьяноборского общества.

Теоретические разработки В. А. Иванова о военном деле приуральских племён эпохи раннего железа актуальны до сих пор. Однако после его исследований археологическая наука в Приуралье пополнилась новыми материалами раскопок, свежими теориями и гипотезами, которые могут разнообразить представление по исследуемой проблеме.

К сожалению, оружие само по себе исключает какие-либо прямые и косвенные свидетельства о характере боевых действий, тактике, стратегии и прочих аспектах военного дела в Приуралье в эпоху раннего железа. Археолог располагает только определёнными артефактами из конкретного погребения или погребений. Последнее обстоятельство весьма затрудняет понимание поставленного вопроса, так как точных данных о функциональности оружия, его употреблении, а также сочетании друг с другом нет.

Одна из последних работ на данную тему была опубликована С. Э. Зубовым в 2012 г. [2, с. 108]. Однако касалась она, в большей степени, ранжирования кара-абызского войска – южных соседей пьяноборской культуры. С помощью статистических подсчётов, а также балльной системы Л. Гуттмана исследователю удалось выделить оружейные наборы самого крупного и наиболее исследованного могильника эпохи раннего железа на Южном Урале –

Охлебининского [Там же, с. 117]. Использованная методика позволила определить оружейные наборы воинов кара-абызской культуры, а также воинские специализации [Там же, с. 122]. Отметим, что теоретические выкладки указанной работы никем не опровергнуты, а использованная методика универсальна по отношению к любому могильнику.

В некоторой степени можно согласиться с В. А. Ивановым [1, с. 69], Б. Б. Агеевым [3, с. 96] и С. Э. Зубовым [2, с. 108] в том, что оружие в погребении должно отражать специализацию воина, а также его положение в обществе. Попадание случайной вещи в жестко-детерминированную погребальную практику практически исключается исследователями [4, с. 14]. Однако нас интересует не социальная реконструкция, а именно определение оружейных наборов пьяноборских племён и связанные с ними статистические закономерности.

Поэтому так же, как и в случае с предметами вооружения Охлебининского могильника, анализ оружия пьяноборской культуры, находящегося в погребениях Юлдашевского могильника, должен привести нас к пониманию военной культуры пьяноборского общества.

Методология и методы исследования. В данной работе применяются несколько методов, типичных для археологических исследований. Во-первых, проведено статистическое наблюдение изучаемых материалов, то есть учтены все предметы вооружения из погребений Юлдашевского могильника. Во-вторых, с помощью метода статистических группировок стала возможной классификация предметов вооружения. В-третьих, применение метода обобщающих статистических показателей позволило охарактеризовать оружейные наборы Юлдашевского могильника, а также показать взаимосвязь между отдельными находками оружия из воинских комплексов.

Кроме того, в статье используется метод хронологии, благодаря которому удалось установить хронологические рамки для некоторых погребений с вооружением Юлдашевского могильника.

Сравнительно-исторический метод используется в работе для сравнения оружейного набора пьяноборской, её южного соседа – кара-абызской археологической культуры.

Результаты исследования и их об-суждение. Могильник находится на правом берегу р. Сюнь, на северной окраине бывшей деревни Нижнее Юлдашево Илишевского района Республики Башкортостан. Впервые упомянут в отчёте В. Ф. Генинга 1958 г. Опираясь на сведения В. Ф. Генинга, в 1970 г. А. Х. Пшеничнюк заложил раскоп и вскрыл 50 погребений. В 1971 г. раскопки продолжились, удалось выявить уже 81 погребение. Общая исследованная площадь составила 800 м² [5, с. 45]. А. Х. Пшеничнюком отмечено, что могильник почти полностью раскопан. Данное обстоятельство требует уточнения, так как на имеющемся плане раскопа часть погребений упирается в его стенки, а автором раскопок предположено захоронение около 200 чел. [Там же, с. 46–47].

Выбор данного памятника в качестве объекта исследования объясняется тем, что Юлдашевский могильник относится к могильникам с представительным составом предметов вооружения. Р. Д. Голдина относит его к могильникам с повышенным содержанием оружия [6, с. 59]. С этим утверждением сложно не согласиться. В первую очередь, в Юлдашевском могильнике встречен практически весь ассортимент оружия, а также конская амуниция, характерная для пьяноборской культуры: наконечники стрел из всех известных видов материала, наконечники копий, кинжалы, боевые ножи, конская узда.

На 131 погребение приходится 28 погребений с предметами вооружения. Фактически четвертая часть погребённых была вооружена. Для сравнения, в Нырғындынском I могильнике из 323 погребений выделяется всего 14 комплексов с оружием [7, с. 12–39]. Вместе с этим, оружие и снаряжение представлено небольшим количеством наконечников стрел, боевых ножей и конской узды [Там же].

Хронология погребений Юлдашевского могильника неоднозначна. А. Х. Пшеничнюк предлагает соотносить полученные артефакты с III в. до н. э. по I в. н. э. Причём на раннюю дату указывает наличие бронзовых наконечников стрел. В специальной литературе их исчезновение из инвентаря стало своеобразным хрономаркером [5, с. 73].

Поздние типы бронзовых наконечников стрел у кочевников-сармат, бывших в ходу и у пьяноборских племён, датируются III–II вв. до н. э. [8, табл. 14, 15]. Автором раскопок показано, что повсеместное господство железных наконечников стрел у сармат наступает с конца II по I в. до н. э. [5, с. 82].

О постепенном снижении к III в. до н. э. количества бронзовых наконечников стрел в колчаных наборах сармат писал и А. С. Скрипкин. Анатолий Степанович утверждает, что во II в. до н. э. они совершенно исчезают [9, с. 139, 171].

Немногим позднее Б. Б. Агеев усомнился в однозначности датировки Юлдашевского могильника. По его мнению, бронзовые наконечники стрел не выступают надёжным хронологическим указателем пьяноборских древностей, так как их использование местным населением могло растянуться вплоть до первых веков н. э. [3, с. 74]. Исходя из особенностей планиграфии могил с бронзовыми наконечниками стрел, а также состава погребального инвентаря, могильник продатирован им в пределах I в. до н. э. – II в. н. э. [Там же].

Требуется отметить, что с концепцией «запаздывания» бронзовых наконечников стрел в пьяноборье согласны А. А. Краснов [10, с. 92], С. Э. Зубов и Р. Р. Саттаров. Их совместные исследования Кипчак-овского I курганно-грунтового могильника показали, что между погребениями с бронзовыми и железными наконечниками стрел лежит группа погребений, в колчаных наборах которых фиксируются и бронзовые, и железные наконечники стрел [11, с. 213]. А одно из погребений, где сочетаются оба вида наконечников стрел (бронза – железо), датируется рубежом эр [Там же].

В Юлдашевском могильнике из 131 погребения выделено 28 с оружием и конской уздой. К сожалению, костяки не подвергались антропологическому анализу, поэтому однозначно говорить об их половой принадлежности не представляется возможным. Тем не менее, состав погребального инвентаря позволил А. Х. Пшеничнюку условно поделить погребения на мужские и женские.

Предметы вооружения и конской узды представлены следующими артефактами: копьями (рис. 1: 1–4), боевыми ножами (рис. 2: 1–3), кинжалами (рис. 3: 1–2), наконечниками стрел (рис. 4: 1–26), удилами и псалиями (рис. 3: 3–7). Защитного вооружения не обнаружено.

Рис. 1. Наконечники копий Юлдашевского могильника: 1 – п. № 2; 2 – п. № 60; 3 – п. № 36; 4 – п. № 64; 1–4 железо

Fig. 1. Spearheads of the Yuldashevsky burial ground: 1 – burial № 2; 2 – burial № 60; 3 – burial № 36; 4 – burial № 64; 1–4 iron

Рис. 2. Боевые ножи Юлдашевского могильника: 1 – п. № 3; 2 – п. № 4; 3 – п. № 38; 1–3 железо

Fig. 2. Combat knives of the Yuldashevsky burial ground: 1 – burial № 3; 2 – burial № 4; 3 – burial № 38; 1–3 iron

Рис. 3. Кинжалы и конская узда Юлдашевского могильника: 1 – п. № 75; 2 – п. № 85; 3 – п. № 36; 4 – п. № 75; 5 – п. № 47; 6 – п. № 2; 7 – п. № 69; 1–7 – железо; 5А – кость

Fig. 3. Daggers and a horse bridle of the Yuldashevsky burial ground: 1 – burial № 75; 2 – burial № 85; 3 – burial № 36; 4 – burial № 75; 5 – burial № 47; 6 – burial № 2; 7 – burial № 69; 1–7 – iron; 5A – bone

Количественные данные погребений с присутствующим в них оружием свидетельствуют о фактах, представленных в табл. 1.

Таблица 1

Количество предметов вооружения и воинской амуниции в погребениях Юлдашевского могильника

Предмет вооружения	Общее количество	% от всего количества предметов вооружения*	Количество погребений
Наконечник копья	10 экз.	3,53	10
Конская узда	12 экз.	4,22	12
Боевой нож	10 экз.	3,53	10
Кинжал	2 экз.	0,70	2
Наконечники стрел	250 экз.	88,02	26
В том числе			
Костяные наконечники стрел	138 экз.	48,7	19
Железные наконечники стрел	86 экз.	30,27	14
Бронзовые наконечники стрел	26 экз.	9,25	5
Всего	284 экз.	100 %	60 экз.

* Проценты округлены в пользу целостности числа

Основной массив предметов вооружения – наконечники стрел. Они присутствуют в 26 из 28 погребений с оружием. Эта закономерность делает лук самым популярным видом вооружения у населения, оставившего Юлдашевский могильник. Отметим, что в некоторых случаях в погребении содержатся только наконечники стрел (табл. 3).

Наиболее используемыми являлись костяные наконечники стрел (рис. 4: 11–

19). На 28 погребений приходится 19 костяков, у которых в колчанах присутствуют костяные наконечники стрел. Следующими по количеству идут железные и бронзовые наконечники стрел (табл. 1).

Наконечников копий и боевых ножей найдено в одинаковом количестве – по 10 экз. Причём в двух погребениях (п. № 60 и 64) наконечники копий выступали единственным предметом вооружения, что ука-

зывает на самостоятельность и значимость копья как вида вооружения. Такая же картина наблюдается и в погребениях со стрелами. Этого не скажешь о боевых ножах и кинжалах, которые на данном могильнике всегда фиксируются совместно с каким-либо другим видом оружия. Скорее всего, они

играли вспомогательную роль. Учитывая, что и боевые ножи, и кинжалы сосредоточены вместе с наконечниками стрел (табл. 3), вероятно, главной задачей вооружённого воина было удержать или поразить цель на расстоянии и при необходимости воспользоваться оружием ближнего боя.

Рис. 4. Наконечники стрел из погребений Юлдашевского могильника: 1–10 – п. № 128; 11–15 – п. № 32; 16 – п. № 30; 17–18 – п. № 91; 19 – п. № 24; 20–22 – п. № 47; 23–26 – п. № 59; 1–10 – бронза; 11–19 – кость; 20–26 – железо

Fig. 4. Arrowheads from the burials of the Yuldashevsky burial ground: 1–10 – burial № 128; 11–15 – burial № 32; 16 – burial № 30; 17–18 – burial № 91; 19 – burial № 24; 20–22 – burial № 47; 23–26 – burial № 59; 1–10 – bronze; 11–19 – bone; 20–26 – iron

Конская узда обнаружена только с костяками, в инвентаре которых есть либо предметы ближнего, либо дальнего боя. В то же время, находки конской узды в некрополях пьяноборской культуры нельзя соот-

носить исключительно с комплексом вооружения. Например, в п. № 222 и 305 могильника Нырғында I узда вообще обнаружена с элементами костюма [7, с. 29, 37]. Аналогичная ситуация характерна и для погребе-

ний I–II вв. н. э. Тарасовского могильника: п. № 610, 611, 688, 1059 и др. [12, с. 260, 293, 436].

Наименее популярным оружием являлся кинжал, так как кинжалы эпохи железа на Южном Урале являются типично сарматским оружием и широкого распространения в пьяноборской культуре не получили. На все известные могильники приходится 11 находок кинжалов разных типов. Чего не скажешь о гораздо большей распространённости боевых ножей.

К сожалению, кинжал из п. № 75 идентифицируется только по отчётным данным: с плохо сохранившимся прямым перекрестием и, по-видимому, кольцевым навершием (рис. 3: 1) [5, с. 63]. Описать его не представляется возможным, поэтому в работе он учитывается только как количественный показатель. С другой стороны, кинжал из п. № 85 имеет кольцевое навершие, прямое брусковидное перекрестие и прямую рукоять. Особенности данного

кинжала являются его вытянуто-треугольный клинок, на поверхности которого фиксируются два дола, идущих от перекрестия и заканчивающихся у начала нижней трети клинка (рис. 3: 2).

Так или иначе, кинжалы с кольцевым навершием и прямым перекрестием получают наибольшее распространение в средне-сарматской культуре. Самые поздние находки датируются концом II – началом III в. н. э. [9, с. 123–125].

Наконечники стрел в колчанах представлены: 1) только костяными – 10 погребений; 2) только железными – 3 погребения; 3) только бронзовыми – 2 погребения; 4) костяными и железными с преимуществом костяных – 4 погребения; 5) костяными и железными с преимуществом железных – 4 погребения; 6) железными и бронзовыми в равном количестве – 1 погребение; 7) бронзовыми, железными и костяными с преобладанием последних – 2 погребения (табл. 2).

Таблица 2

Соотношение видов наконечников стрел в колчанах

Номер погребения	Бронзовые наконечники стрел (в ед.)	Железные наконечники стрел (в ед.)	Костяные наконечники стрел (в ед.)	Количество наконечников стрел
79	-	1	-	1
99	-	-	1	1
130	1	-	-	1
3	-	2	-	2
69	-	-	2	2
42	-	-	3	3
4	-	-	4	4
16	2	2	-	4
76	-	-	4	4
9	-	-	5	5
32	-	-	5	5
75	-	1	5	6
118	2	1	4	7
91	-	-	10	10
38	-	7	4	11
85	1	3	7	11
47	-	3	10	13
107	-	7	6	13
100	-	-	14	14
36	-	-	15	15
70	-	12	3	15
59	-	13	5	18
66	-	1	18	19
128	20	-	-	20
2	-	23	-	23
68	-	10	13	23

В количественном соотношении преобладают колчаны до 10 наконечников стрел – 13 погребений; 10–20 наконечников стрел – 11 погребений; более 20 наконечников стрел – 2 погребения (табл.2). Причём погребения с наибольшим количеством наконечников стрел – № 2 и 68 – диаметрально противоположны друг другу по качественному составу сопутствующих предметов вооружения. Кроме наконечников стрел в погребении № 2 обнаружены: рамчатая пряжка, боевой нож, нож, умбоновидная пряжка, 3 бронзовые обоймочки, железные удила со стержневыми псалиями, наконечник копья, круглые пластинчатые пряжки. С другой стороны, погребение № 68 не так богато на количество сопутствующих находок. Вместе с наконечниками стрел там найдены только 3 бронзовые обоймочки и 2 пластинчатые пряжки.

Что касается древкового оружия, то оно представлено наконечниками копий в количестве 10 экземпляров. Как уже говорилось ранее, копье могло выступать как самостоятельным видом вооружения (п. № 60 и 64), так и в совокупности с боевым ножом, луком, уздой (п. № 2, 3, 36, 59, 69, 70, 75, 128) (табл. 3).

Как и лук со стрелами, копье можно считать универсальным орудием. Полифункциональность копья заключается в удержании и поражении противника на расстоянии. А. М. Белавин и Н. Б. Крыласова полагают, что для копья как боевого оружия важно было вывести противника из строя любым способом. Если говорить об охоте, то здесь необходимо обязательно убить зверя, чтобы избежать поисков подранка [13, с. 69]. Более того, в местах преимущественного проживания крупной дичи, а это лесная и лесостепная зоны, длина копья должна была быть максимально приемлемой как для поражения врага или добычи на расстоянии, так и для продуктивного использования копья в условиях плотной залесенности территории.

Свидетельства применения копья на охоте сохранились в разных изобразительных и письменных источниках. На кинжале

VIV вв. до н. э. из кургана № 4 погребения № 2 Филипповского комплекса, сохранилась сцена охоты, где изображён всадник, пронзающий копьем кабана [14, с. 98]. В галерее Дориа-Памфили г. Рима сохранился саркофаг, датирующийся 170–180 гг. н. э., где изображён миф о Мелеагре. Одним из центральных сюжетов композиции является охота с копьем на кабана [15, с. 312].

В трактате древнегреческого философа Ксенофонта (V-IV вв. до н. э.) «Синегетика» сказано, что копья для охоты на кабана должны иметь широкие, острые наконечники, длиной с пять ладоней [16, с. 73]. На римской чаше из музея Бонна зафиксирована сцена охоты, где всадник, вооружённый копьем, преследует кроликов [17, с. 15]. Копье применялось и гладиаторами-венаторами в боях на арене. Об этом свидетельствует одна из мозаик Большого дворца в Константинополе [18, рис. 107]. Найдена мозаика с изображением всадника-копьемосца, охотящегося на оленей [19, рис. 18].

Данные этнографии также демонстрируют то, что копье являлось одним из самых распространённых видов оружия у охотников. Цель применения копья на охоте – поражение крупного зверя.

В охоте на медведя тунгусы, маньчжуры и нивхи упирали основание древка копья под углом в землю, придерживая ступней. Медведь фактически сам убивал себя, наваливаясь всем телом на острие [20, с. 65–66].

Амурские нанайцы представляли себе хозяина лесов и гор Онку в виде человека средних лет, живущего среди скал в горах или местах с каменистыми россыпями. Вооружён Онку копьем, стрелами и пешней [21, с. 39].

При исследовании встречаемости определённых видов вооружения и конской узда в погребениях выделяются следующие наборы (табл. 3): 1) лук; 2) узда+лук+копье+боевой нож; 3) узда+лук+боевой нож; 4) узда+лук+копье; 5) лук+копье+боевой нож; 6) копье; 7) узда+лук+копье+кинжал; 8) узда+лук+кинжал; 9) узда+лук; 10) лук+боевой нож.

Таблица 3

Распределение предметов вооружения по погребениям Юлдашевского могильника

Номер погребения	Узда	Лук	Копье	Боевой нож	Кинжал
9	-	+	-	-	-
32	-	+	-	-	-
42	-	+	-	-	-

Окончание табл. 3

Номер погребения	Узда	Лук	Копьё	Боевой нож	Кинжал
66	-	+	-	-	-
68	-	+	-	-	-
91	-	+	-	-	-
99	-	+	-	-	-
100	-	+	-	-	-
107	-	+	-	-	-
118	-	+	-	-	-
130	-	+	-	-	-
16	+	+	-	-	-
60	-	-	+	-	-
64	-	-	+	-	-
36	+	+	+	-	-
59	+	+	+	-	-
38	+	+	-	+	-
76	-	+	-	+	-
4	+	+	-	+	-
47	+	+	-	+	-
79	-	+	-	+	-
85	+	+	-	-	+
3	-	+	+	+	-
128	-	+	+	+	-
2	+	+	+	+	-
69	+	+	+	+	-
70	+	+	+	+	-
75	+	+	+	-	+

Наиболее стабильный результат даёт набор, состоящий просто из лука – 11 погребённых. Четырём другим погребённым присущ набор, состоящий из удила, лука и боевого ножа. Ещё для трёх характерным является набор, включающий удила, лук, копье и боевой нож. На 10 остальных костяков приходится целых 7 оружейных наборов.

Данные табл. № 4 демонстрируют: 1) «полный набор» вооружения пьяноборского мужчины, погребённого в Юлдашевском могильнике – это удила, лук, копье и боевой нож; 2) в 9 из 10 оружейных наборов

фиксируются наконечники стрел – то есть лук; 3) проявляются два самостоятельных предмета вооружения – лук и копье; 4) набор вооружения почти каждого третьего погребённого отличался друг от друга; 5) в 6 из 10 наборов встречается конская узда. Последний пункт вызывает наибольший интерес, так как 11 погребённых из 28 могли быть всадниками. При этом каждый из всадников был обязательно вооружён луком. Из 17 условно пеших воинов 15 были также вооружены луком. Таким образом, лук почти одинаково широко использовался как всадниками, так и пешими воинами.

Таблица 4

Соотношение оружейных наборов Юлдашевского могильника

№ п/п	Набор	Всего погребений	% от общего количества погребений с предметами вооружения
1	Лук	11	39,28
2	Узда+лук+копье+боевой нож	3	10,73
3	Узда+лук+боевой нож	3	14,29
4	Узда+лук+копье	2	7,14
5	Лук+копье+боевой нож	2	7,14
6	Копье	2	7,14
7	Узда+лук+копье+кинжал	1	3,57

Окончание табл. 4

№ п/п	Набор	Всего погребений	% от общего количества погребений с предметами вооружения
8	Узда+лук+кинжал	1	3,57
9	Узда+лук	1	3,57
10	Лук+боевой нож	1	3,57

Хронология погребений с предметами вооружения Юлдашевского могильника также требует детального осмысления. В первую очередь нужно отметить, что в специальной литературе [8] устоялась точка зрения о смене бронзовых наконечников стрел на железные в пределах III–II вв. до н. э. [22, с.95]. Последние исследования О. И. Куринских по колчанным наборам из могильника Покровка также подтверждают эту дату [23, с. 51]. Однако, как отмечалось ранее, Б. Б. Агеевым логично обосновано, что смена наконечников стрел с бронзовых на железные могла запаздывать [3, с. 74]. С этой точкой зрения солидарен и Р. Р. Саттаров. Совместно с С. Э. Зубовым на материалах Кипчаковского I могильника ими было доказано, что бронзовые наконечники стрел в пьяноборской культуре могли доживать до рубежа эр. [24, с. 76].

Погребения только с бронзовыми наконечниками стрел фиксируются в юго-восточной части могильника, вплотную друг к другу: № 128 и 130 (рис. 5). Их можно отнести к самым ранним. К переходному времени – рубеж эр – относятся п. № 16, 85 и 118. В полутора метрах от п. № 128 и 130 находится погребение № 118, где в колчане есть и бронзовые, и железные наконечники стрел (рис. 5). У западного края раскопа расположено п. № 85, где вообще найдены все виды наконечников стрел. Оно также относится к переходному времени.

В погребении № 118 найдена кругло-рамчатая бесщитковая железная пряжка с подвижным язычком. Её упоминание здесь не случайно, так как хронологические рамки появления этих пряжек определены Р. Д. Голдиной I в. н. э. по аналогии с Кавказом [7, с. 64]. Вероятно, такая датировка преждевременна, так как круглорамчатые железные пряжки с подвижным язычком известны и в памятниках позднего этапа скифской культуры и отнесены к концу IV – первой половине III в. до н. э. [25, с. 208]. Начало их широкого распространения отнесено Н. Е. Берлизовым к концу II – середине I в. до н. э. [26, с. 176]. Соседние погребения не дают выразительного в

хронологическом плане инвентаря, планиграфически п. № 118 ближе к погребениям только с бронзовыми наконечниками стрел, что может натолкнуть на мысли о его удревнении, но не омоложении.

Сложность описанной ранее ситуации добавляет нахождение в п. № 16 бронзовых, и железных наконечников стрел вместе с ажурной круглой пластинчатой сюльгамой [5, рис. 4: 23]. Она же датирована В. Ф. Генингом, как и все сюльгамы, I–II вв. [27, табл. VI-2]. Такая же была обнаружена в могильнике Чеганда II и близкие ей известны также из Ныргындинского I и Ново-Сасыкульского могильников [7, с. 53].

Малая хронологическая информативность набора погребального инвентаря вообще не позволяет установить точную хронологию для следующих многих погребений с оружием: № 2, 3, 38, 47, 59, 66, 68, 70, 75, 79 и 107. Тем не менее, они из-за наличия в некоторых из них железных наконечников стрел не могут датироваться раньше I в. до н. э. Необходимо обратить внимание на то, что большинство из них находятся в северо-западной части могильника. Лишь одно – п. № 107 – по планиграфии находится между погребением переходного времени (№ 118) и погребениями с железными наконечниками стрел (рис. 5).

В некоторых случаях хронологические рамки погребений с вооружением могут быть растянуты на несколько веков. Особенно это касается погребений, в которых найдены бронзовые пряжки с неподвижным крючком. Например, в п. № 4 встречена застёжка с неподвижным крючком, относящаяся к типу 2 (I в. н. э.) по Р. Д. Голдиной [28, с. 155]. Однако бронзовые застёжки с неподвижным крючком появились в Прикамье в I в. до н. э. и использовались вплоть до II в. н. э. [29, с.46].

Точные хронологические рамки удалось установить для погребений № 64 и 75. В них найдены: а) п. № 64 – бусина из стекла с металлической прокладкой (тип 4 по Р. Р. Саттарову) – I–II в. н. э. [24, с. 114]; б) стеклянная бусина усечённо-биконической формы из глухого голубого стекла в п. № 75 – I в. н. э. [Там же].

Рис. 5. Планиграфия погребений с предметами вооружения в Юлдашевском могильнике. А. Цветом отмечены: черным – погребения раннего времени (с бронзовыми наконечниками стрел); в черно-белую клетку – погребения переходного периода (бронзовые и железные наконечники стрел); в темно-серую клетку – погребения заключительного этапа существования могильника (только с железными наконечниками стрел). План составлен А. Х. Пшеничником

Fig. 5. Planigraphy of burials with weapons in the Yuldashevsky burial ground. A. Marked in color: black - early burials (with bronze arrowheads); black and white checkered burials of the transition period (bronze and iron arrowheads); in a dark gray cage - burials of the final stage of the burial ground (only with iron arrowheads). The plan was drawn up by A. Kh. Pshenichnyuk

Из всего вещевого инвентаря п. № 85 наиболее показательным в качестве хроно-индикатора является бронзовая умбоновидная пряжка с дужкой, которая, по мнению В. Ф. Генинга, относится к I в. н. э. [29, рис. 20: 51]. Этой датировке не противоречат последние теоретические выкладки Р. Д. Голдиной и В. А. Бернц на данную тему [30, рис. 6: 1].

Таким образом, погребения № 128 и 130 можно отнести к самым ранним погребениям с предметами вооружения Юлдашевского могильника. Для них характерно наличие бронзовых наконечников стрел, боевого ножа и копья. К погребениям переходного времени относятся № 16, 85 и 118.

В них встречаются принадлежности конской упряжи, лук и кинжал. Основная часть остальных погребений концентрируется ближе к северо-западной части могильника и связана с последним этапом его существования. Об этом факте может говорить концентрация могил вокруг погребений, где в колчанах присутствуют только железные наконечники стрел (рис. 5). С этой группой погребений связаны все известные виды вооружения Юлдашевского могильника, а также и «полный набор вооружения», что отмечалось ранее.

Планиграфия погребений с предметами вооружения также показала, что могильник расширялся от юго-восточного угла

к северо-западному (рис. 5). Одной из особенностей Юлдашевского могильника является то, что мужские погребения составляют значительную часть всех погребений в северо-западной части некрополя.

Заключение. Таким образом, статистические данные говорят об отсутствии специализированных воинов у группы пьяноборского населения, оставившей данный некрополь. Большая часть из погребённых сопровождается разнообразными набором вооружения. У 11 погребённых фиксируется устойчивый набор вооружения, состоящий только из лука. В остальных случаях наблюдаются единичные сочетания копья, лука, кинжала, узды и боевого ножа. При этом на 131 погребение приходится всего 28 погребений с вооружением, которые и без того растянуты хронологически. Эти же материалы свидетельствуют о существенном отличии пьяноборского комплекса вооружения от сарматского: отсутствие мечей и единичность кинжалов. Не следует исключать наличия в пьяноборской среде предметов вооружения, которые могли не сохраниться до нашего времени: деревянные дубины, рогатины и т. д.

Похоже на то, что половина из погребённых в Юлдашевском могильнике были простыми охотниками, которые немногим могли противостоять возможному противнику. Таким противником, судя по работам Д. Г. Бугрова, вполне могли происходить локальные конфликты внутри пьяноборского общества. Материалы Тойгузинского II городища наглядно продемонстрировали массовое применение пьяноборских косяных наконечников стрел, направленных против своих же воинов [31, с. 136]. Со сто-

роны степи в это время наблюдается относительная стабильность, связанная с уходом кочевников с территории дёмско-бельского языка [32, с. 376].

Похожая ситуация относительно популярности конкретных предметов вооружения наблюдается в оружейных наборах кара-абызской археологической культуры. Из 635 погребений Охлебнинского могильника выделено 200 с предметами вооружения [2, с. 109]. Располагая гораздо большей выборкой, С. Э. Зубов доказал, что среди кара-абызцев луком пользовались также почти все погребённые мужчины [Там же, с. 110]. Далее по популярности идет копье – встречается в более чем в половине воинских могил. Погребения с удилами составляют 39,5 % (79 п.) от всех погребений с оружием. Следующими по массовости идут боевые ножи – 38 погребений из 200. Остальные предметы клинкового оружия – мечи, кинжалы и палаши представлены крайне незначительно [Там же, с. 108–116]. Разумеется, корректнее было бы сравнивать оружейные наборы пьяноборской культуры на примере материалов Тарасовского и Охлебнинского или Кушулевского III и Ново-Сасыкульского могильников. Однако анализ оружейных наборов даже такого сравнительного небольшого некрополя как Юлдашевский показал: 1) популярность лука у пьяноборцев была такой же, как и у кара-абызцев; 2) распространение удил среди погребений с оружием примерно соответствует пропорции 1:3; 3) копья имели большее распространение в кара-абызской среде; 4) боевые ножи встречаются в мужских погребениях с вероятностью 1:5; 5) количество кинжалов также незначительно – 6 экз. [Там же, с. 117–122].

Список литературы

1. Иванов В. А. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа. М.: Наука, 1984. 87 с.
2. Зубов С. Э. О военной структуре среднебельских племён раннего железного века (по материалам Охлебнинского могильника) // Уфимский археологический вестник. 2012. Вып. 12. С. 108–123.
3. Агеев Б. Б. Пьяноборская культура. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. 140 с.
4. Рындина О. М., Боброва А. И., Ожередов Ю. И. Ханты салымского края: культура в археолого-этнографической ретроспективе. Томск: Изд-во ТГУ, 2008. 412 с.
5. Пшеничнюк А. Х. Юлдашевский могильник // Археологические работы в низовьях Белой: сб. науч. ст. / отв. ред. А. Х. Пшеничнюк. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1986. С. 45–94.
6. Голдина Р. Д., Сабиров Т. Р., Сабирова Т. М. Погребальный обряд Тарасовского могильника I–V вв. на Средней Каме. Казань; Ижевск: Удмурт. гос. ун-т, 2015. Т. 3. 297 с.
7. Голдина Р. Д., Красноперов А. А. Нырғындынский I могильник II–III вв. на Средней Каме. Ижевск: Удмурт. гос. ун-т, 2012. 364 с.
8. Мошкова М. Г. О раннесарматских втульчатых стрелах // Краткие сообщения института археологии. 1962. № 89. С. 77–82.

9. Скрипкин А. С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и её исторический аспект. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1990. 300 с.
10. Красноперов А. А. К вопросу о хронологии пьяноборской культуры: заметки к констатации ответа // Археология евразийских степей. 2009. Вып. 10. С. 92–105.
11. Зубов С. Э., Саттаров Р. Р. Наконечники стрел пьяноборской культуры как хронологические маркеры (по материалам погребальных комплексов Кипчаковского I курганно-грунтового могильника) // XXI Уральское археологическое совещание: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием / под ред. А. А. Выборнова. Самара: Изд-во СГСПУ, 2018. С. 210–214.
12. Голдина Р. Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Ижевск: Ижевская респ. тип., 2003. Т. 2. 722 с.
13. Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Орудия охоты средневекового Предуралья (археологический очерк) // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства. 2017. № 3. С. 66–80.
14. Яблонский Л. Т. Сокровища сарматских вождей (материалы раскопок Филипповских курганов). Оренбург: Димур, 2008. 144 с.
15. Lorenz K. The death of Meleager on Roman sarcophagi. In: Life, death and representation: some new work on Roman sarcophagi // Millenium-Studien. 2011. No. 2. Pp. 305–332.
16. Xenophon, Cynegetica, X. Xenophon and Arrian On Hunting. Warminster: Aris & Phillips Ltd, 1999. 208 p.
17. Ginsburg M. Hunting scenes on Roman glass in the Rheinland. 1941. No. 2. Pp. 3–31.
18. Westbrook B. An Architectural Interpretation of the Early Byzantine Great Palace in Constantinople, from Constantine I to Heraclius. Dr. phil. sci. diss. Perth, 2013.
19. Trilling J. The Soul of the Empire: Style and Meaning in the mosaic pavement of the Byzantine Imperial Palace in Constantinople // Dumbarton oaks paper. 1989. Vol. 43. Pp. 27–72.
20. Гвоздев Р. В. Традиционное оружие ближнего боя у тунгусо-маньчжуров и нивхов (по материалам середины XIX–XX вв.) // Siberian Studies. 2014. Vol. 2. Pp. 63–79.
21. Старцев А. Ф. Этнические представления тунгусо-маньчжуров о природе и обществе. Владивосток: Дальнаука, 2017. 232 с.
22. Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971. 172 с.
23. Куринских О. И., Куринских О. И. Наконечники стрел ранних кочевников Левобережного Илека VI–I вв. до н. э. (по материалам могильников у с. Покровка) // Российская археология. 2011. № 3. С. 42–54.
24. Саттаров Р. Р. Импортные предметы в пьяноборской культуре (конец II в до н. э. – II в. н. э.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Казань, 2019. 324 с.
25. Пеляшенко К. Ю. Древности III–I вв. до н. э. лесостепного Подонцовья // Археологія і давня історія України. 2018. Вип. 2. С. 204–218.
26. Берлизов Н. Е. Ритмы Сарматии. Савромато-сарматские племена Южной России в VII в. до н. э. – V в. н. э. Краснодар: КГУКИ: Парабеллум, 2011. 320 с.
27. Генинг В. Ф. История населения удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. 2. Археологические памятники чегандинской культуры // Вопросы археологии Урала. 1971. Вып. 11. С. 1–158.
28. Голдина Р. Д. Застёжки с крючком Тарасовского могильника // Поволжская археология. 2018. № 1. С. 150–177.
29. Генинг В. Ф. История населения удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. 1. Чегандинская культура (III в. до н. э. – II в. н. э.) // Вопросы археологии Урала. 1970. Вып. 10. С. 3–224.
30. Голдина Р. Д., Бернц В. А. Хронология погребений I–II вв. Тарасовского могильника // Поволжская археология. 2016. № 1. С. 41–89.
31. Бугров Д. Г. Поселения пьяноборской культуры в Иско-Бельском междуречье: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Казань, 2006. 351 с.
32. Овсянников В. В. Культурно-исторические процессы в лесостепном Предуралье в середине I тыс. до н. э. – середине I тыс. н. э. // Труды IV Всероссийского археологического съезда в Казани / отв. ред. А. Г. Ситдилов, Н. А. Макаров, А. П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 375–377.

Статья поступила в редакцию 20.03.2021; принята к публикации 10.05.2021

Сведения об авторе

Лясович Всеволод Игоревич, научный сотрудник, Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального Исследовательского центра Российской академии наук; 450054, Россия, г. Уфа, пр-т Октября, 71 лит. У; e-mail: vsevolodlyasovich@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4747-0926>.

Библиографическое описание статьи

Лясович В. И. Погребения с вооружением и конской уздой Юлдашевского могильника в лесостепи Южного Приуралья // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 3. С. 152–166. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-152-166.

References

1. Ivanov, V. A. Weapons and military affairs of the Finno-Ugric peoples of the Urals in the early iron era. M: Nauka, 1984. (In Rus.)
2. Zubov, S. E. On the military structure of the Middle Belian tribes of the early Iron Age (based on materials from the Okhlebininskiy burial ground). Ufa archaeological bulletin, vol. 12, pp. 108–123, 2012. (In Rus.)
3. Ageev, B. B. The Pyanobor culture. Ufa: BSC URD RAS, 1992. (In Rus.)
4. Ryndina, O. M., Bobrova, A. I., Ozheredov, Yu. I. Khanty of the Salym region: culture in an archaeological and ethnographic retrospective. Tomsk, TSU, 2008. (In Rus.)
5. Pshenichnyuk, A. H. Yuldashevskiy burial ground. In A. H. Pshenichnyuk edition. Archeological works in lower Belaya river: collection of scientific articles. Ufa: IHLL BDAS USSR, 1986: 45–94. (In Rus.)
6. Goldina, R. D., Sabirov, T. R., Sabirova, T. M. Funeral rite of the Tarasovsky burial ground IV centuries on the Middle Kama. Ch. III. Kazan, Izhevsk, Udmurt State University, 2015. (In Rus.)
7. Goldina, R. D., Krasnoperov, A. A. Nyrgyndinskiy I burial ground II–III AD on the middle Kama. Izhevsk, Udmurt university, 2012. (In Rus.)
8. Moshkova, M. G. About early Sarmatian socketed arrows. Brief reports of the Institute of Archeology, no. 89, pp. 77–82, 1962. (In Rus.)
9. Skripkin, A. S. Asian Sarmatia. Problems of chronology and its historical aspect. Saratov: publ. Saratov State University, 1990. (In Rus.)
10. Krasnoperov A. A. On the question of the chronology of the Pianobor culture: notes on the statement of the answer. Archeology of the Eurasian steppes, vol. 10, pp. 92–105, 2009. (In Rus.)
11. Zubov, S. E., Sattarov, R. R. Arrowheads of the Pianobor culture as chronological markers (based on materials from the burial complexes of the Kipchakov I Kurgan-ground burial ground). In A. A. Vybornov ed. XXI Ural Archaeological Meeting. Materials of the All-Russian scientific conference with international participation. Samara: Izd-vo SGSPU, 2018: 210–214. (In Rus.)
12. Goldina, R. D. Tarasovskiy burial ground I–V AD on the middle Kama. Ch. II. Izhevsk: Izhevskaya resp. tip., 2003. (In Rus.)
13. Belavin, A. M., Krylasova N. B. Hunting tools of the medieval Cis-Urals (archaeological sketch). Humanitarian aspects of hunting and game management, no. 3, pp. 66–80, 2017. (In Rus.)
14. Yablonskiy, L. T. Treasures of the Sarmatian leaders (Excavation materials of the Filippovskiy kurgans). Orenburg, Dimur, 2008. (In Rus.)
15. Lorenz, K. The death of Meleager on Roman sarcophagi. In: Life, death and representation: some new work on Roman sarcophagi. Millenium-Studien, no. 2, pp. 305–332, 2011. (In Engl.)
16. Xenophon, Cynegetica, X. Xenophon and Arrian on Hunting. Warminster: Aris & Phillips Ltd, 1999. (In Engl.)
17. Ginsburg M. Hunting scenes on Roman glass in the Rheinland, no. 2, pp. 3–31, 1941. (In Engl.)
18. Westbrook, B. An Architectural Interpretation of the Early Byzantine Great Palace in Constantinople, from Constantine I to Heraclius. Dr. phil. sci. diss. Perth, 2013. (In Engl.)
19. Trilling, J. The Soul of the Empire: Style and Meaning in the mosaic pavement of the Byzantine Imperial Palace in Constantinople. Dumbarton oaks paper, vol. 43, pp. 27–72, 1989. (In Engl.)
20. Gvozdev, R. V. Traditional melee weapons among the Tungus-Manchus and Nivkhs (based on materials from the middle of the 19th–20th centuries). Siberian Studies, no. 2, pp. 63–79, 2014. (In Rus.)
21. Startsev A. F. Ethnic views of the Tungus-Manchus about nature and society. Vladivostok: Dal'nauka, 2017. (In Rus.)
22. Hazanov A. M. Essays about the warfare of the Sarmatians. M: Science, 1971. (In Rus.)
23. Kurinskikh, O. I. Arrowheads of the early nomads of the Left Bank Ilek, 6th – 1st centuries. BC. (based on materials from burial grounds near the village of Pokrovka). Russian archeology, no. 3, pp. 42–54, 2011. (In Rus.)
24. Sattarov, R.R Imported items in the Pianobor culture (late 2nd century BC – 2nd century AD). Cand. hist. sci. diss. Krasnodar. Kazan, 2019. (In Rus.)
25. Pelyashenko, K. Yu. Antiquities of the III–I centuries. BC e. forest-steppe Podontsovy, no. 2, pp. 204–218, 2018. (In Rus.)
26. Berlizov, N. E. Rhythms of Sarmatia. Sauromato-Sarmatian tribes of southern Russia in VII v. BC. – V AD. Krasnodar: KGUKI, Parabellum, 2011. (In Rus.)
27. Gening, V. F. The history of the population of the Udmurt Kama region in Pianoborsk era. Ch. 2. Archeological objects of the chegandinskaya culture, vol. 11, pp. 1–158, 1971. (In Rus.)
28. Goldina, R. D. Clasps with a hook from the Tarasov burial ground. Volga archeology, no. 1, pp. 150–177, 2018. (In Rus.)
29. Gening, V. F. The history of the population of the Udmurt Kama region in Pianoborsk era. Ch. 1: Chegandinskaya culture (III BC – II AD.) Archeological issues of the Urals, vol. 10, pp. 3–224, 1970. (In Rus.)
30. Goldina, R. D., Bernc, V. A. Chronology of burials of the AD 1 – 2. Tarasovsky burial ground. Volga archeology, no. 1, pp. 41–89, 2016. (In Rus.)

31. Bugrov, D. G. Settlements of the Pianobor culture in the Iksko-Belsk interfluvium. Cand. hist. sci. diss. Krasnodar. Kazan, 2006. (In Rus.)
32. Ovsyannikov, V. V. Cultural and historical processes in the forest-steppe Cis-Urals in the middle of the 1st millennium BC – the middle of the 1st millennium AD. In A. G. Sitdikov, N. A. Makarov, A. P. Derevyanko edition. Proceedings of the IV (XX) All-Russian Archaeological Congress in Kazan. Kazan, 2014: 375–377 (In Rus.)

Received: March 20, 2021; accepted for publication May 10, 2021

Information about author

Lyasovich Vsevolod I., Research Assistant, Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Center, Russian Academy of Sciences; 8 lit.U, 71 Prospekt Oktyabrya, Ufa, 450054, Russia; e-mail: vsevolodlyasovich@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4747-0926>.

Reference to the article

Lyasovich V. I. Burials with Weapons and Horse Bridle of Yuldashevsky Burial Ground in the South Ural Region // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 3. PP. 152–166. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-152-166.

УДК 94

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-167-175

Оксана Владимировна Федченко,*школа № 25**(г. Балашиха, Россия),**e-mail: tiberis30@yandex.ru**<https://orcid.org/0000-0001-9863-6573>***Очаг в сакральной топографии римского дома и ритуальной практике *familia***

Статья посвящена анализу домашнего очага как важнейшего сакрального центра внутреннего пространства римского жилища. В ней рассматриваются такие вопросы, как роль очага в *sacra privata* римской семьи; особенности ритуальной практики *paterfamilias*, *materfamilias* и их детей. Уделяется внимание пантеону богов, имеющему отношение к домашнему очагу, и ритуалам, направленным на их почитание. Актуальность исследования заключается в обращении к религиозной составляющей римского жилого пространства, что, к сожалению, не является приоритетной темой специалистов римской истории, обращающихся в большей степени к анализу социальных аспектов пространства римского дома. Методологической основой исследования послужил принцип историзма и научной объективности, также применялся сравнительно-исторический метод. Изучение домашней религии римлян позволило установить, что все значимые события в семье сопровождались ритуалами у очага; также к нему обращались в случае угрозы за помощью; очаг мог предупредить семью об опасности – он мог «кровоточить» или быть «опрокинутым». Важно отметить, что сакральность очага подтверждается и фактом перенесения огня из дома для совершения ритуальных действий, а не разведением его на месте. Несмотря на главенствующую роль *paterfamilias* в сакральной сфере, именно его дочери в большей степени, нежели жена, были привлечены к ежедневным ритуалам у очага, вероятно, в силу их «чистоты», которую они хранили до замужества. Результатом данного исследования является частичная реконструкция элементов сакральной сферы семьи, особенно её ритуальной практики. Проведение данной реконструкции весьма проблематично и условно, что связано с состоянием источников, но важно отметить, что даже частичная реконструкция позволяет определить основные функции участников ритуальной практики, а также утверждать, что сакральная сфера *familia* была прежде всего связана с домашним очагом, который являлся основой *sacra privata* древних римлян.

Ключевые слова: атриум, focus, ритуал, *paterfamilias*, *materfamilias*, Лары, Пенаты, Веста

Oksana V. Fedchenko,*Secondary School 25**(Balashikha, Russia),**e-mail: tiberis30@yandex.ru**<https://orcid.org/0000-0001-9863-6573>***Hearth in the Sacral Topography of a Roman House and Ritual Practice of Familia**

The article is devoted to the analysis of the hearth as the most important sacred center of Roman dwelling interior space. It addresses such issues as the role of the hearth in a Roman family's *sacra privata*; peculiarities of the ritual practice of *paterfamilias*, *materfamilias* and their children. Attention is paid to the pantheon of gods related to the hearth and rituals aimed at their veneration. The relevance of this study lies in addressing the religious component of Roman living space, which, unfortunately, is not a priority for the specialists in Roman history who focus more on social aspects analysis of the space of a Roman house. Historicism and scientific objectivity principles served as a methodological basis for the research, the comparative-historical method was also used. A study of Romans' home religion made it possible to establish that all significant events in the family were accompanied by rituals at the hearth; they also turned to it for help in the event of a threat; the hearth could warn a family of danger – it could “bleed” or be “overturned”. It is important to note that the sacredness of the hearth is also confirmed by the fact that they should have bring it from home and not light a fire on the spot. The *paterfamilias*' daughters and not his wife, were involved in daily rituals at the hearth, probably due to their “purity” which they kept until marriage. Research result is the partial reconstruction of family's sacred sphere, especially ritual practice. Conducting this reconstruction is very problematic and conditionally due to the lack of sources, but it is important to note that even a partial reconstruction allows us to define the main functions of participants in ritual practice and claim that family's sacred sphere was primarily associated with the hearth, which was the basis of the ancient Romans' *sacra privata*.

Keywords: atrium, focus, ritual, *paterfamilias*, *materfamilias*, Lares, Penates, Vesta

© Федченко О. В., 2021

Введение. В представлении древних римлян дом являлся центром религиозной жизни, где обитали домашние божества, и каждая часть жилища была священна: «Есть ли что-нибудь более святое, более ограждённое всяческими религиозными запретами, чем дом любого гражданина? Здесь находятся алтари, очаги, боги-пены, здесь совершаются религиозные обряды, священнодействия, моления...» (*Cic. De Domo Sua*. 109). Древние авторы с разных позиций освещали вопросы римского внутреннего пространства. Наиболее ценными для нас являются сведения Витрувия, Плиния, Варрона, Катона, Колумеллы и Цицерона [1, с. 55]¹. Богатый материал для анализа очага в контексте сакральной топографии дома предоставляют археологические открытия, сделанные в Помпеях (и в Кампании в целом), Остии и Риме. Исследования внутреннего римского пространства значительно продвинулись в последние десятилетия, но религиозный аспект остаётся затронутым в меньшей степени, чем социальный [2–5]. Наша задача – проанализировать роль римского домашнего очага как важнейшего сакрального центра жилища и проследить отдельные элементы ритуальной практики членов римской *familia*.

Методология и методы исследования. С методологической точки зрения для исследования важны труды А. К. Байбурина, К. Белл и Дж. Шайда [6–8]. Для характеристики ритуальной практики древних римлян использовались методы сравнительно-исторического анализа и историко-типологическое сравнение, что помогло не только определить цель самого ритуала, но и расширить сведения о религиозных представлениях древних римлян в рамках *sacra privata*. Применялся ретроспективный анализ, так как изучение римской частной религии затрудняет состояние источников.

Результаты исследования и их обсуждение. Помпеи и Геркуланум – провинциальные города, которые дают достаточно информации о домашней архитектуре, начиная с IV в. до н. э. и до момента катастрофы. Анализ помпеянских домов подтверждает, что важной жилой единицей

римского жилища был атриум [9], в котором находился очаг [4, с. 78]: «А поначалу очаг прямо в прихожей горел...» (*Ovid. Fast. VI. 303–304*). У огня собиралась вся семья (*familia*): «Некогда пред очагом сидели на длинных скамейках, / Веруя, что за столом с нами и боги сидят» (*ibid. VI. 302–308*). Домочадцы, принимая пищу, совершали ежедневные священнодействия, жертвуя часть еды домашним богам и молясь о благополучии семьи (*Ovid. Trist. V. 11–16; Serv. Ad Aen. I. 730*).

Развитие домашней архитектуры меняет сакральную топографию жилища, пищу уже не готовят в атриуме, а используют отдельно выделенную для этих целей комнату – кухню (*culina*) [10, с. 47–48; 11]². Пенелопа Эллисон считает, что атриум уже не мог претендовать на исключительное право наличия очага, теперь он мог находиться в перистиле, крыльях атриума или другой части дома одновременно [2; 4, с. 69]. Таким образом, римская семья, сохранив очаг в атриум, продолжала его рассматривать в качестве сакрального объекта домашней религии, исключив при этом хозяйственно-бытовую функцию³. Кроме того, в Помпеях непосредственно на кухне имелись очаги, анализ биоматериала из которых показал, что они не служили своему целевому назначению, т. е. не использовались для приготовления пищи [2]. На очаге были обнаружены остатки кедровых и грецких орехов, фундук, инжир, виноград, оливки. Некоторые из указанных продуктов перед сжиганием не подвергались кулинарным манипуляциям, что говорит не о процессе подготовки ингредиентов для приготовления блюда, а подтверждает ритуальные цели жертвователя [12, с. 117–118]. Изменение топографии сакральных объектов в доме и способы их представления меняют статус очага, который, оставаясь в атриу-

¹ Katsi N. *Mediterranean Houses and Society. A Comparative study between Houses in Classical Olynthos and Roman Pompeii*. – Leiden: University of Leiden, 2014. По мнению Н. Каци, в период жизни Плиния и Витрувия дом римлянина становится важным инструментом демонстрации социального статуса, что способствовало усилению внимания к римскому жилому пространству со стороны интеллектуальной элиты Рима.

² Scheffer Ch. *Cooking stands and braziers in Greek sanctuaries*. Stockholm University, Faculty of Humanities, Department of Archaeology and Classical Studies // *Opuscula: Annual of the Swedish Institutes at Athens and Rome*. – 2000. – Vol. 7. – Pp. 175–183. К. Шеффер полагает, что в Средиземноморском ареале до V–IV вв. до н. э. мы не можем идентифицировать конкретную комнату в доме в качестве кухни; Ricotti S. *Ricette della cucina romana a Pompei e come eseguirle. Atti della Pontificia accademia romana di archeologia*. – Paperback, 1978. – 116 p. Рикотти предлагает иную хронологию и называет II в. до н. э. временем появления римской кухни, хотя Плавт уже использует слово “culina” в комедии «Грубиян» (*Truc. 615*), а это уже рубеж III в. до н. э.

³ См.: Сакральный оттенок focus: *Serv. Ad Aen. I. 726; Serv. Ad Aen. III. 134; Serv. Ad Ecl. V. 65; CIL VI. n. 2041; Cic. De dom. 1. 1; Ovid. Fast. II. 560*.

ме, становится средством презентации *sacra privata* семьи.

Американский филолог Грегори Надь считает, что лат. *"focus"* («очаг») является прямой корреляцией лат. *"ara"* («алтарь»). Главное их отличие в том, что *"focus"* – это подвижный алтарь, а *"ara"* – нет, при этом автор не исключает практическую сторону лат. *"focus"*. На наш взгляд, алтарь является продолжением и развитием домашнего очага, он способствовал расширению внутреннего сакрального пространства, добавляя новые архитектурные единицы, вероятно, древние римляне не делали между ними принципиального различия.

Очаг – это сакральный объект, который доставлял жертву богам, ведь римляне считали: *"...nullum sacrificium sine igne est"* («...нет жертвы без огня») (*Serv. Ad Aen. I. 292*). Жертвоприношение могло происходить перед *lararium*, который обычно размещался вблизи очага или непосредственно на очаге с использованием переносной жаровни (*foculus*) или жертвенника. У Петрония есть рассказ о старухе, которая готовится принести жертву: «...Энотея поставила посреди алтаря старый жертвенник, насыпала на него доверху горячих углей» (*Petr. Sat. 135*), а из дальнейшего повествования становится очевидным, что Петроний имел в виду очаг, когда писал об алтаре.

23 февраля приносили жертвы Термину «С той и другой стороны тебя два господина венчают, / По два тебе пирога, по два приносят венка» (*Ovid. Fast. II. 643–644*). После того как на границе участка был поставлен алтарь: «...и сюда огонь в черепке поселянка, / С тёплого взяв очага, собственноручно несет» (*ibid. 645–646*). Вызывает интерес факт перенесения огня из дома, а не разведение его на месте, что, безусловно, укрепляет священный статус домашнего очага.

Когда заканчивался старый год, зажигался новый огонь в храме Весты. Макробий пишет: *"Vesta aris accendebant"*, – где *"aris"* используется автором во множественном числе (*plur.*), при этом не указывается, о каких конкретно алтарях идёт речь. Возможно, что это очаги частного характера, а это повышало статус главы дома как хранителя священного огня. Огонь для домашнего очага могли принести из очага храма Весты, и сделать это могла хозяйка дома. Допустима и другая ситуация, когда *paterfamilias* в день нового года сам

разжигал новый огонь в очаге (*Ovid. Fast. III. 141–144; Serv. Ad Aen. II. 296–297*), используя достаточно трудоёмкий способ: трением одного куска дерева о другой (*Fest. P. 106M*). Кэтрин Белл считает, что сакральный символизм обретается через ритуал, потому что он имеет способность «изменять профанное, превращая его в сакральное» [7, с. 156]. В римском доме очаг не приобретёт сакральность, пока огонь не будет разожжён по специальным правилам. Пока отец совершал ритуальное зажжение огня, женщины проводили уборку и обновляли старые очаги, чтобы подготовить их для нового огня [13, с. 152]. После приёма пищи, в тишине, приносили в жертву часть священного солёного пирога, сделанного руками дочерей: его помещали на тарелочке и ставили в огонь для Весты (*Serv. Ad Aen. I. 730*). О связи огня, очага и Весты пишет Сервий: «...ни одно священнодействие не совершается без огня. Поэтому и она сама (Веста), и Янус вызываются во всех жертвоприношениях» (*ibid. 292*).

Огонь и очаг могли выступать в качестве предзнаменования. Ливий пишет, что «...из Калатии с общественного поля римский гражданин Марк Валерий донес, что очаг его три дня и две ночи сочился кровью» (*Liv. 45. 16. 5–6*). Эти знамения, согласно Сивиллиным книгам, требовали молитв и обильных жертвоприношений животных; было назначено однодневное всенародное молебствие, а на форуме в жертву принесли пятьдесят коз. На следующий день пред всеми ложами богов были вознесены молитвы с последующим обрядом очищения города. Эти *sacra* были совершены в целях соблюдения интересов гражданской общины, где римская семья в лице *paterfamilias* тесно взаимодействовала с гражданским коллективом. В данном случае знак в виде кровоточащего очага был явлен частному лицу в его доме, но требуемые ритуалы совершались в рамках *sacra publica*, что добавляет новые аргументы в защиту священного статуса домашнего очага. Интересен также случай, произошедший во время войны с тирренами, когда в палатку консула Гнея Манлия ударила молния, опрокинув очаг и осквернив предметы воинского вооружения. Тиррены, вернее их прорицатели, увидели в этом хороший знак (*Cic. De Div. II. 28–29*). Палатка, поражённая молнией, теперь была отмечена смертью: римляне называли подобные места *"religious"* [8, с. 38]. Символичен «опрокинутый очаг»,

хотя «палатка» является, скорее, временным жилищем, и весь сюжет имеет отношение к публичной сфере. Тем не менее, семантика образа весьма значительна, не говоря о последствиях – возможной смерти.

Вся семья обращалась за помощью к очагу и домашним богам: «Скорый возврат отца, – подхватил Асканий, – молю вас / Весты седой очагом, Ассарака ларом, святыней / наших пенатов, ко мне воротите родителя, дайте / снова увидеть его! Вся судьба моя, все упования / в ваших руках» (*Verg. Aen. IX. 253–262*). К очагу и ларам обращаются с молитвой перед отъездом «на алтаре и лара почтил, и малых пенатов / Радости полный; и с ним Эвандр и юноши Трои / В жертву богам принесли овец по обряду отборных» (*ibid. VIII. 543–545*). Дионисий рассказывает о Марции, который, прощаясь со своей семьёй, прощается и с покровителями дома, отчим очагом и божеествами, обитающими в этом месте (*Dion. II. 230*). Тибулл перед отъездом на войну молит ларов: «Но сохраните, о Лары родные! Меня вы хранили / Нежным младенцем. Тогда бегал у ваших я ног... Лары, молю, отклоните от нас медноострые копья» (*Tib. I. 10. 15–28*) [14].

У очага совершались жертвоприношения гению отца. Тибулл пишет: «...Гения славь игрою и пляской, / Гения славь и виски чистым вином ороси... / Дня сего Гений, приди: почту я тебя фимиамом, / Сладкий пирог испеку на мопсопийском меду» (*Tib. I. 7. 49–57*). Гений занимал особое место в семейном пантеоне, он был воплощением мужской производительной силы отца семейства. Бэkker предполагает, что гении и пенаты, в отличие от ларов, были тесно связаны с привилегированной римской верхушкой, т. е. свободнорожденными римлянами [15, с. 43]. Почтить гений отца могли в дни поминовения мёртвых, совершив при этом жертвоприношение: «Духу отца приносил Эней ежегодные жертвы / С этой поры и пошел сей благочестный обряд / Некогда, впрочем, пока велись упорные войны / Долгие, был позабыт день почитанья отцов» (*Ovid. Fast. II. 545–548*).

Ювенал, Проперций и Катон пишут об украшении очага гирляндами (*Juv. 12. 83–88; Prop. 4. 3. 53–58; Cato. Agr. 143*), также об этом свидетельствуют фрески в Помпеях, на которых изображены очаги с цветами. Овидий описывает обряд, когда перед каждым приёмом пищи домохозяева ставили тарелку (*patella*) на очаг или бросали кусоч-

ки трапезы в огонь: «Ставьте тарелку для них (Ларов) – почести знак и любви» (*Ovid. Fast. II. 634*). Автор связывает домашний очаг с ларами¹, о чём писали Плиний Старший (*N. H. XXVIII. 267*) и Вергилий (*Verg. Aen. V. 743–745*)² [16], Сервий же относит очаг к Пенатам (*Serv. Ad Aen. XI. 211*)³. Во время жертвоприношения, если пища падала на пол, её поднимали после специальных заклинаний, клали на стол, а потом снова бросали в огонь (*Plin. N. H. XXVIII. 27*). Подношения ларам могут быть дополнены сведениями Ювенала: «О наши скромные лары! Как часто я вас почитаю / Ладана скромным дымком, или зёрнами, или веночком» (*Juv. IX. 138*) [17]; поэта Тибулла: «Бог деревянный, простой в скромной божнице стоял. / Добрым он делался вмиг, посвящал ли молящийся грозди / Иль из колосьев венки в волосы бога вплетал. / Тот, чьи желанья сбылись, приносил пироги в благодарность, / Девочка-дочка вослед чистые соты несла» (*Tib. I. 10. 21*).

Плавт пишет о первых фруктах, вине и крови жертвенного животного. Его герой Демонес говорит своей жене: «Как приду я, приготовь мне всё, для жертвы нужное / Нашим божествам семейным, нам семью умножившим. / Поросята есть для жертвы и ягнята» (*Plaut. Rud. 1205–1208*). О бескровной жертве упоминает Сервий: лепёшки и мёд (*Serv. Ad Aen. VII. 109*), в другом месте он говорит, что богам, когда им было трудно получить надлежащее животное для жертвоприношения, приходилось довольствоваться имитацией (*simulata*) из хлеба или воска (*ibid. II. 116*).

Жертвоприношением сопровождалось любое событие в семье. Жертвующий, если мы говорим о домовладыке, приближаясь к очагу, находился, вероятнее, немного впереди остальных, учитывая его социальный и религиозный статус. Дж. Шайд пишет о том, что *paterfamilias* – это и есть

¹ В древние времена останки умершего члена семьи могли похоронить внутри жилища под очагом (*Serv. Ad Aen. V. 64; VI. 152*). Возможно, что *lares familiares* являются пережитком данной ритуальной практики.

² В Помпеях лары не были представлены только в ларариях. Вероятно, что помимо ларария они имели тесную связь с очагом, где находился небольшой шкафчик (*Juv. Sat. III. 8. 110–111; Petr. Sat. 29*), в котором хранились статуэтки этих богов, что подтверждается находками в некоторых помпеянских домах.

³ Dubourdieu A. Les origines et le développement du culte des Pénates à Rome. – Rome: Ecole française de Rome, 1989. См.: Данные А. Дюбурдьё: статуэтки Пенатов можно было найти за пределами *lararia*, по статистике они были локализованы только в 116 ларариях из 505 изученных.

сам очаг [8, с. 89]. Перед этим члены семьи совершали омовение, о чем сообщает Ливий (*Liv.* I. 45. 6–7). Совершение молитвы – важная часть жертвоприношения, но перед этим обращающийся к божеству должен был коснуться очага (алтаря) или ларариума (*Gor. Carm.* III. 23; *Verg. Aen.* IV. 219), Сервий пишет, ссылаясь на Варрона, отмечает: “...necesse enim erat aras a sacrificantibus teneri”¹. Члены семьи могли совершить ритуальное шествие вокруг очага, которое, вероятно, имело цель – создать имитацию магического круга. Сервий сообщает о женщинах, которые с факелами ходили вокруг алтаря: “...spatiatur ad aras matronae enim sacrificaturae circa aras faculas tenentes ferebantur, quod cum quodam gestu fiebat...” (*Serv. Ad Aen.* IV. 62).

Важным событием в семье был приход новобрачной в дом. Сопроводительные ритуалы имели отношение к двум природным стихиям: воде и огню, что говорит о глубокой архаичности обряда (*Var. LL.* V. 61). Невеста приходила в дом вместе с тремя мальчиками (*patrimi et matrimi*) (*Fest.* P. 245M). Двое вели её за руки, а третий нёс перед ними факел из белого терновника (*spina alba*), который зажигали в доме невесты от огня в очаге (*Non.* P. 161L; *Tib. Car.* LXI. 15). Фест указывает, что факел (*fax*) после того, как процессия заходила в дом жениха, выносили, потому что его присутствие могло принести смерть одному из новобрачных (*Fest.* P. 87M.). По мнению Дж. Гудолл, эта церемония напоминает современный обряд, когда невеста бросает свадебный букет, и тот, кто его поймает, получит благословение и удачу. Автор приводит примеры из фольклора, когда невеста могла положить факел под супружеское ложе, чтобы умер жених, а он со своей стороны мог отнести факел на могилу, оставив его там догорать, тогда должна была умереть невеста [18]. У римлян, по сообщению Сервия, есть схожие верования: веточка из погребального костра, принесённая на крышу дома, приведёт к пожару, сделать это могут злые силы (*Serv. Ad Aen.* IV. 462). Сервий сообщает также о девушке, которая несла

чистую воду (*ibid.* 165–167). Таким образом, невеста приходила в дом жениха со своими огнём и водой. Известно о жертвоприношении у очага новобрачной, когда она в переданном Нонием Марцеллом обычае, переходя в дом мужа, оставляла один асс на очаге новой семьи, а другой – на перекрёстке, вверяя себя покровительству Ларов (*Non.* P. 852 L).

Важным моментом ритуала является вопрос о том, кто исполнял приобщение новобрачной к новому очагу, следовательно, к новому семейному культу. Благодаря сообщению Сервия мы знаем, что на свадьбе присутствовала пронуба (*pronuba*) – женщина, которая совершала некоторые ритуальные действия: например, накрывала покрывалом новобрачных (*Serv. Ad Aen.* IV. 166). Известно также о камилле (*camillus*), который нёс свадебный сосуд вокруг алтаря перед новобрачными (*Fest.* P. 50M). Но кто проводил ритуал с огнём, традиция умалчивает, что может быть обусловлено следующими причинами. «Во-первых, очевидность для античных авторов главной роли *paterfamilias* или его жены; во-вторых, ясное представление о контролирующей функции отца в совершении некоторых ритуалов, через определённый круг посредников: жену, детей, приглашённых лиц (жрецы, пронуба и т. д.), слуг и рабов. Важно определить, как поступать в тех достаточно частых случаях, когда традиция сообщает о важных ритуалах частного характера и не упоминает главных действующих лиц, которые его исполняют. Всегда ли возможно говорить об отце семейства как главном исполнителе ритуала? Ответить на поставленный вопрос весьма затруднительно, в силу состояния источников, которые не позволяют в полной мере, например, через сопоставление или сравнение тех или иных ритуалов выяснить роль *paterfamilias*. Поэтому отметим следующее: если в источнике не сообщается об исполнителе ритуала, мы, вероятнее всего, можем говорить о контролирующей функции отца семейства. Но эта функция не может умалить его значение в ритуальной практике *familia*, так как даже контроль максимально включает его в совершение ритуала, более того, нельзя выделить в качестве главенствующей контролирующую или техническую сторону ритуала. Что касается технической стороны ритуала, в котором присутствие отца предполагается, но не упоминается, то она остаётся в области предположений. Отно-

¹ *Serv. Ad Aen.* IV. 219: “...orantem perorantem, non precantem, ut supra dictum est: ‘talibus orabat luno’ arasque tenentem veteres aras ‘asas’ dicebant; postea inmutata littera ‘s’ in ‘r’ ‘aras’ dixerunt, sicut Valesios Valerios, Fusios Furios: quod Varro rerum divinarum in libro quinto plenius narrat: necesse enim erat aras a sacrificantibus teneri: quod nisi fieret, diis sacrificatio grata non esset. quod plenius intellegi voluit, gratum hoc esse numinibus, subiungendo ‘arasque tenentem audiit omnipotens’”.

сительно рассматриваемого случая допустимо, что перечисленные действующие лица могли совершить данное ритуальное действие, а хозяин дома *paterfamilias* или жених новобрачной оставались контролёрами или гарантами исполнения ритуала. Совершение обряда главой семьи, на наш взгляд, привлекло бы внимание многих античных авторов, чего нельзя сказать о женском варианте исполнения ритуала.

Очаг также становился объектом ритуальных действий, когда в семье появлялся новорождённый. Поэт Стаций сообщает, что в день рождения младенца разжигали огонь на жертвеннике и совершали возлияние вина, при этом благодарили богов¹. На ритуальное обращение к очагу в данном случае указывает и известная легенда о рождении Сервия Туллия: «...в царском жилище из домашнего очага... над огнём поднялся мужской детородный орган...» (*Dion.* I. 206). Можно предположить, что в основу указанной легенды положен распространённый европейский обычай прикладывать младенцев к очагу [6]², который, вероятно, проходил в Риме в день *nominalia*. После того как ребёнку давали имя, видимо, и совершался данный обряд, но в источниках нет сообщения о том, как происходила эта часть праздника. А. Энман предполагает, что она, по крайней мере производилась у италийских народов таким же способом, как и в греческие амфидромии, — прикладыванием ребёнка к огню (очагу) [19]. Согласно староримским обычаям кормить младенца должна сама мать (*Plut.* Cato mai. 20), но некоторые семьи использовали кормилицу. Кто же совершал ритуалы, связанные с появлением нового члена семьи? По значимости ритуал достаточно важен и, более того, в случае рождения мальчика речь идёт о наследнике не только имущества отца, но и

родовых святынь. Таким образом, проведя параллель между двумя обрядами, можно допустить, что *paterfamilias* контролирует данный этап ритуала, несёт ответственность за его обязательное проведение, используя посредника — кормилицу или члена своей семьи. Авсоний, вспоминая о своей бабушке Эмили Коринфе, пишет: «От колыбели меня, с материнского самого лона / Ласково ты приняла в твёрдые руки свои» (*Auson.* V. 10), что допускает близких родственников к совершению данного ритуала.

Жертвователем мог быть не только *paterfamilias*, но и *materfamilias*: она могла принести жертву Юноне (*Hor.* III. 8. 2–6) или принять участие в общих семейных празднествах и совершить возлияние вина на очаг (алтарь) (*Fest.* P. 455. 14L; *Plut.* RQ. 57). В современной историографии существует дискуссия о религиозной состоятельности римской женщины. Ребекка Флемминг в своей работе «Фест и роль женщины в римской религии» утверждает, что древние свидетельства не обязательно поддерживают идею о том, что женщины были отстранены от главной части ритуала — жертвоприношения [20]. «Exesto, extra esto. Sic enim lector in quibusdam sacris clamitabat hostis, vinctus, mulier, virgo exesto; scilicet interesse prohibebatur» (*Fest.* P. 72L). Как считает Флемминг, «Exesto/прочь» нельзя интерпретировать как общий запрет на участие в ритуале, использование «quibusdam/определённый», показывает, что только в определённых случаях, перечисленные категории, в том числе женщины, были отстранены от участия в ритуале. Чтобы укрепить свою позицию, автор исследования обращается к источнику «Римские вопросы» (*Plut.* QR. 85): «Διὰ τί τὰς γυναῖκας οὐτ' ἀλεῖν εἶων οὐτ' ὀψοποιεῖν τὸ παλαιόν» («Почему в древние времена женщины не допускаются, чтобы размолоть или приготовить?»). Плутарх, по мнению Флемминг, пишет именно о древнем прошлом (τὸ παλαιόν), и он не стал бы делать пояснение, если бы это касалось современных ему событий. Кроме того, по мнению автора слово «ἀλεῖν» не является техническим термином, а имеет исключительно бытовой оттенок, важно заметить, что в пояснении Плутарх использует другой глагол, который как раз и употребляется в контексте жертвоприношения «μαγειρεύειν». Таким образом, правильнее будет сделать вывод о том, что женщину не исключали из жертвоприношения, а только ограничили её бытовую сферу деятельно-

¹ Stat. Silv. IV. 8. 35–40 «Cumque tibi vagerit tertius infans / protinus ingenti nonvenit nuntia cursu / littera, quae festos cumulare altaribus ignes / et redimire chelyn postesque ornare iuberet / Albanoque cadum sordentem promere fumo / et cantu signare diem?»

² Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. — СПб.: Наука, 1993. — 237 с. А. К. Байбурин приводит пример возможного практического значения данного действия: «...быстро закричавший ребёнок будет долго жить, а родившийся в обмороке и лишь потом оживший будет болезненным и рано умрёт. Многочисленны описания приёмов повитухи, направленных на то, чтобы младенец подал признаки жизни... Иногда совершаются действия с последом — «двойником» новорождённого: не перерезая пуповину, послед кладут на угли, чтобы согреть, затем поливают водкой. Считалось, что после этих процедур ребёнок должен «ожить» и громко закричать».

сти. Поэтому упоминание Авла Геллия (X. 23) о запрете употребления женщинами неразбавленного вина (*temetum*) надо трактовать не как полный запрет, а лишь предостережение от чрезмерного употребления.

Дж. Шайд, обращаясь к данной проблеме, замечает, что существовала прямая зависимость между социальным положением женщины и её религиозной дееспособностью; вдова, женщина, жившая без мужа, женщина пожилого возраста или низкого происхождения были несостоятельны в религиозной сфере, в то время как матроне (*matrona*) разрешалось совершать некоторые жертвоприношения и присутствовать в качестве стороннего наблюдателя в любых культах [21, с. 405].

При совершении жертвоприношения рядом со взрослыми могли находиться и дети, которые были не только сторонними наблюдателями, но и помощниками, как например, это происходило во время Терминалий. Овидий рассказывает о детях как достаточно активных участниках ритуала: мальчик (сын) держит в руках корзины, а затем бросает в огонь три горстки пшеницы, после чего девочка (дочь) жертвует на алтарь куски медовых сот. Ритуал совершается в тишине («чинно молчат»: *Ovid. Fast. II. 654*), присутствующие одеты в белые одежды, каждый из них помимо указанных жертв совершает возлияние по чаше вина (*ibid. 653–654*). Овидий, прямо указывая на присутствие детей во время обряда, позволяет сделать следующие выводы: во-первых, дети в той или иной степени могли быть вовлечены отцом в исполнение ритуала; во-вторых, присутствие детей во время обряда помогало приобрести им соответствующий опыт, ведь в будущем они станут самостоятельными и должны будут отправлять собственный культ; в-третьих, совместное ритуальное действие сплачивало членов семьи, что не только социализировало её младших членов, но и отводило *paterfamilias* важную роль в этом процессе.

Домашняя религия римлян имеет примеры, когда дети достаточно автономно совершали определённые ритуальные действия. Эти ритуалы имели отношение к совершеннолетию мальчика и девочки: достигнув зрелости, юноша приносил жертву ларам в виде буллы (*Fest. P. 32 L*) и первой бороды¹, которую он мог совершить на оча-

ге (*Pers. V. 31*), а девушка перед вступлением в брак жертвовала свою детскую одежду и игрушки (*Non. P. 189; 538. 14; Arnob. II. 67; Pers. II. 70*).

Необходимо отметить и роль дочерей в отправлении ритуалов у очага. Э. Фантэм считает, что именно дочери в большей степени, нежели жёны, были привлечены к ежедневным обрядам, например, к культу Весты и ларов [22, с. 227–228]. Вероятно, определяющим фактором являлась их чистота, которую они хранили до замужества [23]². По свидетельству Плутарха, огонь имеет прямую корреляцию к девственности (весталок): «...чистую и нетленную сущность огня заботам тела непорочного и незапятнанного, или, быть может, находил нечто общее между бесплодием пламени и девством» (*Plut. Num. 9. 5*) (пер. С. П. Маркиша). В комедии «Клад» Плавт делает акцент на пренебрежении семейным культом со стороны Эвклиона, даже несмотря на то, что он является *paterfamilias*. Лар открывает секрет хозяину дома Эвклиону о богатстве под очагом, потому что его дочь Федра «каждодневно в дар вино приносит, ладан или ...венки кладёт» (*Plaut. Aul. 26–27*). В этом сюжете именно дочь выступает в качестве исполнителя ритуалов, совершаемых у очага, показательно отсутствие среди героев Плавта жены главы дома – *materfamilias*, что усиливает связь дочери с очагом.

Заключение. Таким образом, ритуальная практика членов римской семьи была связана с очагом, который являлся связующим звеном внутреннего сакрального пространства и центром ритуальной практики римской *familia*. Члены семьи, совершая каждодневные ритуалы, обладали различной степенью включённости в *sacra privata*. Определяя роли каждого участника домашней религии древних римлян, необходимо отметить, что реконструкция элементов сакральной сферы семьи, особенно её ритуальной практики, весьма проблематична

но большая засмоленная золотая скамеечка, где, как говорили, хранилась первая борода самого хозяина» (пер. В. А. Амфитеатрова-Кадашева).

² Joshel S. R. *The Body Female and the Body Politic: Livy's Lucretia and Verginia // Pornography and Representation in Greece and Rome / A. Richlin (ed). – Oxford: Oxford University Press, 1992. – Pp. 163–190.* Сандра Джошел, анализируя историю трёх римлянок в трудах Тита Ливия: Тарпеи, Реи Сильвии и Лукреции – проводит параллель между целомудрием девушки и пространством римской ойкумены, сравнивая нарушение весталками девства с возможной угрозой территории Рима, что, на наш взгляд, сопоставимо с девственностью дочерей и сохранением сакральных границ домашнего пространства *familia*.

¹ Petr. Sat. 29: «Кроме того, увидел я в углу большой шкаф, в нише которого стояли серебряные Лары, мраморное изображение Венеры и доволь-

и условна, что связано с состоянием источниковой базы вопроса. Это создаёт определённые трудности в попытке восстановить её элементы. Поэтому важно отметить, что даже частичная реконструкция позволяет сформулировать некоторые закономерности функционирования *sacra privata* древних римлян. Во-первых, *paterfamilias* являлся гарантом отправления культа оча-

га и объединял вокруг него членов семьи; во-вторых, необходимо заметить, что в отдельных случаях допускалось достаточно независимое участие *materfamilias* и детей в ритуальной практике, связанной с *focus*; в-третьих, сакральная сфера *familia* прежде всего была связана с домашним очагом, который являлся основой *sacra privata* древних римлян.

Список литературы

1. Katsi N. *Mediterranean Houses and Society. A Comparative study between Houses in Classical Olynthos and Roman Pompeii*, 2014. 118 p.
2. Allison P. *The Distribution of Pompeian House Contents and its Significance*. Ph. D Dissertation. Sydney: University of Sydney, 1994. Vol. I, II.
3. Allison P. Using the Material and Written Sources: Turn of the Millennium Approaches to Roman Domestic Space // *American Journal of Archaeology*. 2001. Vol. 105. No. 2. Pp. 181–208.
4. Foss P. W. *Kitchens and dining rooms at Pompeii: the spatial and social relationship of cooking to eating in the roman household*. A dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy (Classical Art and Archaeology) in The University of Michigan. 1994. 922 p.
5. Romanowski R. E. *Room function. The roman domus: a study of the Pompeian houses*. Ontario: McMaster University Hamilton, 1999. 123 p.
6. Байбулин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 237 с.
7. Bell C. *Ritual: Perspectives and Dimensions*. New York: Oxford, 1997. 368 p.
8. Шайд Дж. Религия римлян / пер. с фр. О. П. Смирновой. М.: Новое издательство, 2006. 280 с.
9. Santoro S. *Sacra privata nell' Italia romana: lo stato degli studi archeologici in Italia* // *Dialogues d'histoire ancienne*. 2013. Vol. 39. Pp. 49–66.
10. Ricotti S. *Ricette della cucina romana a Pompei e come eseguirle*. Rendiconti: Atti della Pontificia accademia romana di archeologia, 1978. 116 p.
11. Scheffer Ch. *Cooking stands and braziers in Greek sanctuaries*. Stockholm University, Faculty of Humanities, Department of Archaeology and Classical Studies // *Opuscula: Annual of the Swedish Institutes at Athens and Rome*. 2000. Vol. 7. Pp. 175–183.
12. Robinson M. *Fosse, piccole fosse e peristili a Pompei*. In: P. G. Guzzo M. P. Guidobaldi (a cura di), *Nuove ricerche a Pompei ed Ercolano, Atti del Convegno internazionale (Roma 2002)*. Napoli, 2005. Pp. 109–119.
13. Fowler W. W. *Roman Festivals of the Period of the Republic: An Introduction to the Study of the Religion of the Romans*. New York: Macmillan, 1899. 401 p.
14. Descoedres J.-P. *Pompeii Revisited: The Life and Death of a Roman Town*. Sydney: Meditarch, 1994. 185 p.
15. Bakker J. Th. *Living and Working with the Gods. Studies of Evidence for Private Religion and its Material Environment in the City of Ostia*. Amsterdam, 1994. 311 p.
16. Dubouddieu A. *Les origines et le développement du culte des Pénates à Rome*. Publications de l'École française de Rome, 1989. 566 p.
17. Naiden F. S. *Smoke signals for the gods: ancient Greek sacrifice from the Archaic through Roman periods*. Oxford: Oxford University Press, 2013. 421 p.
18. Goodall J. *Ancient Weddings*. Winner of the AbleMedia's Bronze, Silver, and Gold Chalice Awards. SUNY Albany, 1997. URL: <http://www.ablemedia.com/ctcweb/consortium/ancientweddings5.htm> (дата обращения: 14.02.2021). Текст: электронный.
19. Энман А. *Легенда о римских царях, её происхождение и развитие*. СПб.: Тип. Балашева и Ко, 1896. 380 с.
20. Flemming R. *Festus and women's role in Roman religion* // *Bulletin of the Institute of Classical Studies / F. Glinister, C. Wood, Verrius, Festus and Paul*. 2007. Supplement 93. Pp. 87–108.
21. Scheid J. *The Religious Roles of Roman Women* // *A History of Women in the West / P. Schmitt*. 1992. Vol. 1. Pp. 377–408.
22. Fantham E. *Women in the Classical World*. Oxford, Oxford University Press, 1994. 430 p.
23. Joshel S. R. *The Body Female and the Body Politic: Livy's Lucretia and Verginia* // *Pornography and Representation in Greece and Rome / A. Richlin (ed)*. New York: Oxford University Press. 1992. Pp. 163–190.

Статья поступила в редакцию 14.03.2021; принята к публикации 25.04.2021

Сведения об авторе

Федченко Оксана Владимировна, учитель истории, школа № 25; 143900, Россия, Московская обл, г. Балашиха, ул. Солнечная, 10; e-mail: tiberis30@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9863-6573>.

Библиографическое описание статьи

Федченко О. В. Очаг в сакральной топографии римского дома и ритуальной практике familia // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 3. С. 167–175. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-167-175.

References

1. Katsi, N. Mediterranean Houses and Society. A Comparative study between Houses in Classical Olynthos and Roman Pompeii. 2014. (In Engl.)
2. Allison, P. The Distribution of Pompeian House Contents and its Significance. Ph. D. Dissertation. Sydney: University of Sydney. 1994. Vol. I and II. (In Engl.)
3. Allison P. Using the Material and Written Sources: Turn of the Millennium Approaches to Roman Domestic Space. American Journal of Archaeology, no. 2, pp. 181–208, 2021. (In Engl.)
4. Foss P. W. Kitchens and dining rooms at Pompeii: the spatial and social relationship of cooking to eating in the roman household. A dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy (Classical Art and Archaeology) in The University of Michigan, 1994. (In Engl.)
5. Romanowski, R. E. Room function. The roman domus: a study of the Pompeian houses. McMaster University Hamilton, Ontario. 1999. (In Engl.)
6. Baiburin, A. K. The Ritual in Traditional Culture. A Structural and Semantic Analysis of the Eastern Slavic Rites. SPb: Science, 1993. (In Rus.)
7. Bell, C. Ritual: Perspectives and Dimensions. New York. Oxford, 1997. (In Engl.)
8. Scheid, J. The Romans Religion. Translated from the French by Smirnova O. P. M: New publishing, 2006. (In Rus.)
9. Santoro S. Sacra privata nell' Italia romana: lo stato degli studi archeologici in Italia. In: Dialogues d'histoire ancienne, vol. 39, no. 2, pp. 49–66, 2013. (In Ital.)
10. Ricotti, S. Ricette della cucina romana a Pompei e come eseguirle. Atti della Pontificia accademia romana di archeologia. Roma. L'Erma di Bretschneider, 1997. (In Ital.)
11. Scheffer, Ch. Cooking stands and braziers in Greek sanctuaries. Stockholm University, Faculty of Humanities, Department of Archaeology and Classical Studies. In: Opuscula: Annual of the Swedish Institutes at Athens and Rome, vol. 7, pp.175–183, 2000. (In Engl.)
12. Robinson, M. Fosse, piccole fosse e peristili a Pompei. In: P. G. Guzzo M. P. Guidobaldi (a cura di), Nuove ricerche a Pompei ed Ercolano, Atti del Convegno internazionale (Roma 2002). Napoli, 2005: 109–119. (In Ital.)
13. Fowler W. W. Roman Festivals of the Period of the Republic: An Introduction to the Study of the Religion of the Romans. NY. Macmillan, 1899. (In Engl.)
14. Descoeudres, J.-P. Pompeii Revisited: The Life and Death of a Roman Town. Sydney: Meditarch, 1994. (In Engl.)
15. Bakker, J. Th. Living and Working with the Gods. Studies of Evidence for Private Religion and its Material Environment in the City of Ostia. Amsterdam, 1994. (In Engl.)
16. Dubourdieu, A. Les origines et le développement du culte des Pénates à Rome. Publications de l'École française de Rome, 1989. (In French)
17. Naiden, F. S. Smoke signals for the gods: ancient Greek sacrifice from the Archaic through Roman periods. Oxford/New York, Oxford University Press, 2013. (In Engl.)
18. Goodall J. Ancient Weddings. Winner of the AbleMedia's Bronze, Silver, and Gold Chalice Awards. SUNY Albany, 1997. <http://www.ablemedia.com/ctcweb/consortium/ancientweddings5.htm> (In Engl.)
19. Enman, A. Legend of the Roman Kings: Its Origin and Development. SPb: Printed by Balashev & Co, 1896. (In Rus.)
20. Flemming, R. Festus and women's role in Roman religion. In: F.Glinister, C.Wood (eds). Verrius, Festus and Paul. Bulletin of the Institute of Classical Studies, supplement 93, pp. 87–108, 2007. (In Engl.)
21. Scheid, J. The Religious Roles of Roman Women In: P. Schmitt A History of Women in the West. London, vol. 1, pp. 377–408, 1992. (In Engl.)
22. Fantham, E. Women in the Classical World. Oxford, Oxford University Press, 1994. (In Engl.)
23. Joshel, S. R. The Body Female and the Body Politic: Livy's Lucretia and Verginia. In: A. Richlin (ed). Pornography and Representation in Greece and Rome. New York. Oxford University Press. 1992: 163–190. (In Engl.)

Received: March 14, 2021; accepted for publication April 25, 2021

Information about author

Fedchenko Oksana V., History teacher, Secondary School 25; 10 Solnechnaya st., Balashikha, Moscow region, 143900, Russia; e-mail: tiberis30@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9863-6573>.

Reference to the article

Fedchenko O. V. Hearth in the Sacral Topography of a Roman House and Ritual Practice of Familia // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 3. PP. 167–175. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-167-175.

АРХЕОГРАФИЯ: КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ АЗИИ

ARCHEOGRAPHY: CULTURAL CODES OF ASIA

УДК 903.15(395.1)

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-176-183

Гульнар Тулегеновна Каженова,

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилёва

(г. Нур-Султан, Республика Казахстан),

e-mail: gkazhenova@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4124-0460>

Любомир Степанович Добровольский,

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилёва,

(г. Нур-Султан, Республика Казахстан),

e-mail: lubomirdobrovolskiy@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-1392-5355>

Скифские захоронения: проблема локализации царских курганов

Локализация Скифского Герроса всё ещё остаётся окончательно неопределённой. Связанная с ним проблематика охватывает обширный круг неразрешённых в настоящее время актуальных вопросов, обусловленных как состоянием сохранности богатых захоронений, так и отсутствием чётких критериев их определения, в частности социального ранжирования, — т. е. вопросов, касающихся идентификации, количества и локализации царских курганов. Исследование построено по логике общенаучного индуктивно-дедуктивного метода как концептуального ядра получения исходных и выводимых знаний об объекте нашего исследования — локализации курганов скифских царей. Предмет изучения — общекультурные и археологические признаки скифских царских курганов. В результате делается вывод, что применение краниологических исследований антропологического материала из погребальных памятников, находящихся в пределах скифского «квадрата» Геродота, на предмет их близости к тувинским окуневцам позволит, во-первых, идентифицировать и отобрать из всего массива скифского материала скифов царских, а последующее картографирование данных даст возможность определить ареал их расселения. Во-вторых, с помощью краниологического анализа можно определить захоронения скифских царей, которые должны, согласно Геродоту, содержать однородный антропологический материал в пределах одного погребального помещения. В-третьих, в процессе поисков скифских захоронений за пределами степи нам также помогут краниологические исследования материала, изначально не классифицированного как «скифский» из-за отсутствия чётких критериев его отбора. В-четвёртых, картографирование захоронений царских скифов и систематизация всех признаков у групп, находящихся в одном векторе их ближайших связей, приблизит нас к решению ещё более обширной задачи — определения понятий «скиф», «скифская культура» и «скифская археологическая культура».

Ключевые слова: Геррос, курган, локализация, царские курганы, царские скифы

© Каженова Г. Т., Добровольский Л. С., 2021

Gulnar T. Kazhenova,

L. N. Gumilyov Eurasian National University
(Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan),
e-mail: gkazhenova@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4124-0460>

Lubomir S. Dobrovolskiy,

L. N. Gumilyov Eurasian National University
(Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan),
e-mail: lubomirdobrovolskiy@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-1392-5355>

Scythian Burials: The Problem of Localization of the Royal Mounds

The localization of the Scythian Gerros is still completely uncertain. The problems associated with it cover a wide range of currently unresolved topical issues due to both the state of preservation of rich burials and the lack of clear criteria for their definition, in particular, social ranking, i. e. issues related to the identification, number and location of the royal mounds. The study is based on the logic of the general scientific inductive and deductive method as the conceptual core of obtaining the initial and inferred knowledge about the object of our research – the localization of the mounds of the Scythian kings, the subject of which is the general cultural and archaeological signs of the Scythian kings' mounds. We have come to the conclusion that the use of craniological studies of anthropological material from burial monuments located within the Scythian "square" of Herodotus, for their proximity to the Tuvan Okunevians will firstly allow us to identify and select the royal Scythians from the entire massif of Scythian material, then subsequent mapping of the data will make it possible to determine the area of their settlement. Secondly, with the help of craniological analysis, it will be possible to determine the burials of the Scythian kings, which should contain homogeneous anthropological material within the same burial room. Thirdly, in the process of searching for Scythian burials outside the steppe, we will also be helped by craniological studies of material that was not initially classified as "Scythian" due to the lack of clear criteria for its selection. Fourthly, the mapping of the burials of the royal Scythians and the systematization of all the signs of groups located in the same vector of their closest ties will bring us closer to solving an even more extensive problem – the definition of the concepts of "Scythian", "Scythian culture" and "Scythian archaeological culture".

Keywords: Gerros, mound, localization, Scythian kings' mounds, royal Scythians

Введение. Ещё в 455–445 гг. до н. э. во время своих путешествий Геродот писал о существовании в стране скифов таинственной местности под названием Герр (Геррос, Герхой), представлявшей собой некрополь скифских царей. По легенде в этом «городе мёртвых» скрывались несметные скифские сокровища из золота, серебра и меди. Это сакральное место древний историк локализовал так: «Могилы царей находятся в [области] геррос, в том месте, до которого Борисфен судоходен»¹ (Борисфен – современная река Днепр). О реке Герр писал Птолемей, но она определяется как р. Молочная. Более точной информации не имеется. Скифы тщательно скрывали местонахождение страны Герр. Поэтому авторы, писавшие о Герросе, сами там никогда не были. Вопрос локализации скифского Герроса – «отчих могил» царских скифов – несмотря на длительность его рассмотрения до сих пор является актуальным в связи с обширной проблематикой, раскрывшейся в ходе его решения. С помощью анализа различных полей этой проблематики можно вы-

делить точки их пересечения и определить возможный путь их решения.

Методология и методы исследования. Методологическим базисом нашего исследования служит *историко-диалектический подход*, основанный на *принципе историзма и системности* и подразумевающий объективно-исторический анализ конкретных фактов, которые определили характер и специфику изучаемой проблемы, а также системную обработку исторических источников и научной литературы. Исследование построено по логике общенаучного *индуктивно-дедуктивного метода* как концептуального ядра получения исходных и выводимых знаний об объекте нашего исследования – локализации (местонахождении) курганов скифских царей, – предметом которого являются общекультурные и археологические признаки скифских царских курганов. При общем *системно-функциональном* и *синхронно-диакроническом* подходе к рассмотрению исторических фактов использованы приёмы теоретико-эмпирического *индуктивно-дедуктивного* метода как магистрального в исследовании: приём выборки из историографических источников, теорети-

¹ Геродот. История в девяти книгах / пер. Г. А. Стратановского. – Л.: Наука, 1972. – 600 с.

ческий анализ научной литературы, анализ результатов полевых исследований, приём научной интерпретации исторических фактов, анализ теоретических и исторических данных и приём культурно-исторической интерпретации фактов археологии. Они применяются нами в логической последовательности этапов комплексного исследования всей проблематики локализации царских курганов, направленного на выявление их релевантных характеристик, и в своей совокупности составляют его методологическую основу.

Результаты исследования и их об- суждение. *Проблема локализации царских курганов.* В результате длительного исследования и горячих дискуссий на протяжении последних 300 лет, начиная с локализации Герроса на восток от среднего течения Днепра на его Левобережье (мысль высказана Г. З. Байером в 1728 г.), исследователи приходят к выводу о существовании нескольких разновременных Герросов. Так, Б. Д. Михайлов предложил различать Геррос Азиатский, простирающийся от Саяно-Алтая до Тянь-Шаня (IX–VI вв. до н. э.), Геррос Геродота на Северном Кавказе – Кубани (VII–VI вв. до н. э.) и Геррос Птолемея на р. Молочной [1].

Очевидно, что название «Геррос Геродота» применительно к кубанским могильникам противоречит локализации Герроса самим Геродотом, т. е. в пределах скифского «квадрата» (со сторонами 700 км вписывающегося в большую часть земель современной Украины, вне зависимости от принципа его построения [2, с. 101]). Кроме того, Запорожской экспедицией ИА АН УССР 1980–1991 гг. доказано отсутствие скифских некрополей вдоль р. Молочной (за исключением одной Мелитопольской Могины).

Современной археологией не отрицается вероятность функционирования разновременных Герросов в пределах Великой Скифии [3, с. 153]. Во-первых, на Посулье (р. Сула) локализуют Геррос Геродота, где царские, по критериям Б. Н. Мозолевого [4, с. 237–238], могилы уже существовали ко времени скифо-персидской войны 513 г. до н. э. (т. е. периода, к которому относится описанный Геродотом архаичный погребальный ритуал царских скифов).

На Нижнем Днепре по сторонам Каменско-Никопольской переправы локализуют Геррос Мозолевого IV–III вв. до н. э., начало которому положил, по мнению В. В. Отрощенко [3, с. 153], курган Солоха

(как вероятное захоронение царя Лика [5, с. 146, 166]). Здесь также находится большая концентрация скифских курганов V в. до н. э., которые, согласно критериям вы- сотности Б. Н. Мозолевого, нельзя на- зывать царскими.

Однако вопрос о локализации скиф- ского Герроса не закрыт после размеже- вания царских захоронений во времени. Обозначая элитные курганы как марке- ры территориальной структуры Скифии, Ю. В. Болтрик признаёт, что «убедитель- ной локализации легендарного кладбища скифских царей периода архаики на архе- ологической карте не существует и поны- не» [2, с. 102].

Проблема количества царских кур- ганов. По подсчётам Ю. В. Болтрика, в степях Северного Причерноморья могли быть погребёнными 14 из 17 упомянутых Геродотом царей скифов. Причём со вре- менем правления династии Ариапифа, т. е. начала активного строительства скиф- ских курганов, соотносятся 6–8 верховных царей Скифии, а курганов, которые можно считать усыпальницами царей, насчитыва- ется 60 [2, с. 101–102].

Очерчивая зоны в междуречье Дне- стра и Дона, где сконцентрированы боль- шие погребальные насыпи, Ю. В. Болтрик отмечает тяготение значительной части наиболее крупных из них к двум ключевым географическим осям [Там же, с. 101, 107].

Во-первых, к основным переправам нижнего течения Днепра, где находились центральные поселенческие структуры Степной Скифии – столичное по своему статусу Капуловское городище как поли- тический, административный и экономи- ческий центр жизни скифов времён царя Атея и его преемников, а также Каменское городище как его торгово-ремесленный партнёр [6].

Во-вторых – к водоразделу между Днепром и Южным Бугом, где Б. Н. Мозо- левским было открыто скопление десятка 8–11-метровых насыпей вблизи от впа- дающей в Ингулец степной речки Висунь. Здесь, по водоразделу Ингул – Ингулец, как предполагает Ю. В. Болтрик, пролегал торговый путь из Ольвии к городищам Ле- состепи, а захоронения могли быть «или родовым могильником вождей каллипидов, или правителей всей Скифии раннего пери- ода, или же элитным погребальным соору- жением финальной фазы истории скифов» [2, с. 101, 107].

Не исключена возможность усматривать могилы лидеров скифских царей также и в неисследованных насыпях высотой до 9 м, находящихся возле Донецкого края [2, с. 108].

Проблема признаков скифской культуры. В современной исторической науке многие учёные неоднократно прямо или косвенно обращают внимание на острую необходимость определения чётких признаков скифской культуры и понятия «скифская археологическая культура».

Как отмечает Т. М. Кузнецова, в археологии нет набора признаков, которые характеризуют и доказывают «скифскую археологическую культуру», принадлежащую как к памятникам Северного Причерноморья, так и к памятникам других территорий, и даже не ставился вопрос о сходстве или различии понятий «скифы», «скифская культура» и «скифская археологическая культура» [7, с. 228]. Вместо этого общепринято интуитивно переносить понятие «скифы» на любой археологический материал, имеющий кочевнический облик или же содержащий определённого типа элементы вооружения или конской упряжи [8, с. 80].

Результаты анализа всех элементов «скифской триады», т. е. звериного стиля, конской упряжи и предметов вооружения, а также антропоморфных стел и изменений в погребальном обряде, по мнению Н. С. Бандриковского, «противоречат не только идее “завоевания”, но и самой мысли об этой триаде как о целостном комплексе – своего рода индикаторе конкретного этноса»; да и сама «скифская триада», по его мнению, это «лишь абстрактный образ, созданный не так скифами, как самими скифологами» [Там же, с. 77].

Проблема критериев социальной стратификации захоронений. В настоящее время со стратификацией курганных захоронений рядовых скифов, как отмечает В. Ю. Мурзин, особых проблем не возникает, однако нельзя говорить о каких-то определённых критериях выделения курганов того или иного ранга среди курганных памятников скифской аристократии, в частности о маркировке захоронений скифских номархов [9, с. 22, 27].

А. Ю. Алексеев, изучавший соотношение династической истории Европейской Скифии с эталонными памятниками скифов, небезосновательно подчёркивал особую деликатность этой проблемы [10,

с. 279]; В. Ю. Мурзин называл попытки идентификации гробниц скифских царей «делом, безусловно, интересным, но слегка напоминающим гадания» [9, с. 24].

Так, Б. Н. Мозолевский распределил курганы скифской знати на четыре группы в зависимости от высоты курганной насыпи и отметил, что ранг погребённых невозможно определить только лишь по этому признаку [4, с. 152, 157, табл. IV].

Г. Н. Курочкин внёс в список признаков, определяющих ранг погребённых в курганах кочевой аристократии, трудовые затраты при сооружении погребальных комплексов, а также количество сопроводительных человеческих погребений и богатство погребального инвентаря, в частности количество изделий из драгоценных металлов [11].

Но, как разъясняет В. Ю. Мурзин, поскольку курган является довольно сложным архитектурным сооружением, то при подсчёте трудовых затрат, вложенных в сооружение погребального комплекса, нужно учитывать размеры (площадь) подземных сооружений – скифских катакомб, характерных для конца V–IV в. до н. э. [9, с. 23].

В. Ю. Мурзин [Там же, с. 25] приводит данные основных критериев социального ранжирования курганов, по результатам наблюдений А. Ю. Алексеева [12, с. 143]. Их использовали В. А. Ильинская и А. И. Тереножкин [13, с. 124–139] для определения четырёх памятников погребения верховных скифских царей – курганов Солоха, Чертомлык, Александропольский и Огуз. Однако, разделяя скифские погребения на царские курганы и курганы скифской знати, а также курганы богатых скифов и рядового населения, дополнительную градацию усыпальниц скифской знати они не производили [Там же, с. 360].

Ю. В. Болтрик считает перспективным путь картографирования престижных артефактов, который в сочетании с другими признаками станет надёжным способом структурирования территории Скифии [2, с. 108–109]. Но из-за нечёткости принципов подсчёта (как единичных изделий, так и множественных элементов декора) ещё более «размытым» становится признак определения богатства погребального инвентаря на основе количества обнаруженных изделий из золота и серебра [10, с. 25] (viz. богатство захоронений кочевников Азии [14]).

Проблемы сохранности богатых захоронений. Из-за тотального ограбления ещё в древности практически всех центральных могил в курганах скифской аристократии не всегда возможно, как отмечает В. Ю. Мурзин, установить такие признаки богатых захоронений, как количество слуг, погребённых вместе с основным покойником, и количество захоронений лошадей, хорошо сохранившихся лишь в отдельных могилах; сложно подметить определённые закономерности и в более показательном признаке – составе конской узды [9, с. 25].

Поиск таких статусных артефактов, как парадные гориты с золотыми накладками, золотые ножны мечей, золотые пластинчатые конские налобники, а также серебряные кубки, затруднён почти тотальным ограблением погребальных комплексов скифской аристократии, поэтому ключевым и наиболее объективным критерием социальной дифференциации, по мнению Ю. В. Болтрика, выступают объёмы погребальных насыпей [2, с. 108–110].

Проблема хронологии скифской культуры. «Пестроту погребальному обряду скифов добавлял, – как заметил Ю. В. Болтрик, – помимо микроэтнического, ещё и хронологический компонент, тогда и в пределах одного региона отмечаются различные формы основных или центральных могил кургана Скифии» [Там же, с. 103]. В связи с этим он уверен, что хронологическая, социологическая и географическая систематизация погребального массива Скифии даст возможность «с иной стороны подойти к поиску исторических персонажей Скифии» [Там же, с. 108–109].

Поскольку эта проблема связана с пердатировкой памятников скифской архайки (вследствие чего время их появления всё больше отодвигается к началу VII в. до н. э.), необходимо тщательно пересмотреть хронологию раннескифской культуры [8, с. 78–79].

Проблема антропологической однородности скифов. Как было подмечено исследователями, в различных районах погребальные сооружения отличаются друг от друга своим устройством, что указывает на принадлежность курганных полей различным группам кочевников [2, с. 103]. Но отсутствие чётких критериев отнесения археологического материала к скифской культуре и зачисление её носителей к скифам привело к тому, что среди краниологов

продолжаются дискуссии о происхождении причерноморских скифов, в частности связанные с вопросом об антропологической однородности данной группы.

«Прежде всего, – пишет А. Г. Козинцев, – следует оценить масштаб внутрискифской дифференциации, чтобы соотнести его с “внешним” масштабом; выявляя сначала внешние связи для скифов в целом, потом для их крупных территориальных подразделений». Для локальных популяций исследователь отмечает «существование множества нескифских групп, которые к скифам в целом и к отдельным скифским популяциям в среднем гораздо ближе, чем те – друг к другу» [15, с. 146].

Констатируя неоднородность носителей скифской культуры Северного Причерноморья в антропологическом отношении, А. Г. Козинцев отмечает, что наиболее отчётливыми являются различия между степными и лесостепными группами – предположительно из-за их разного происхождения [Там же, с. 155]. По мнению учёного, «“скифы” – понятие, как выясняется, довольно неопределённое. Именно к степным скифам и применимо в первую очередь то, что говорится обо всех скифах в целом» [Там же, с. 146].

Антропологическая неоднородность степного скифского населения – возможное свидетельство множественности миграций либо неодинакового участия местных групп в его сложении [Там же, с. 153]. При обобщённом рассмотрении скифского массива им было выявлено, что две из тувинских серий попали в десятку групп, наиболее близких к скифам, а одна из них (относящаяся к окуневской культуре Тувы) заняла по степени сходства со скифами первое место среди всех анализируемых 98 нескифских серий [Там же, с. 146].

При рассмотрении направления связей каждой степной скифской группы по отдельности (у лесостепных таких параллелей нет) было установлено, что наибольшее число близких параллелей при сопоставлении с 17 степными скифскими сериями обнаружила окуневская серия из Тувы, она характеризовалась исключительной близостью к степным скифским сериям по всем использованным критериям [Там же, с. 149–150]. Эта близость находит подтверждение и в археологическом материале [16–19].

Полученные А. Г. Козинцевым результаты, несомненно, являются тем базисом,

на котором будут строиться последующие изыскания скифологов.

Перспективы решения проблем и новизна нашего подхода. Возвращаясь к теме нашей статьи, обратимся вновь к Геродоту. Царские скифы во время Геродота, как и ранее, считались «самыми лучшими и многочисленными», тогда как все остальные племена Скифии являлись их «рабами»¹. В степях Причерноморья кочевали скифы-кочевники и царские скифы, левобережную Лесостепь занимали скифы-земледельцы, постепенно продвигавшиеся на юг и достигшие ко времени Страбона территории Степного Крыма [20, с. 4–5].

Основной очаг распространения скифской культуры находился в степной культурной среде, т. к. «находки предметов скифского вооружения и снаряжения верхового коня значительно уменьшаются в известных нам памятниках по мере продвижения в Лесостепь от её южной окраины на север, почти совсем отсутствуют в лесной зоне» [Там же, с. 7].

Под скифами в Северном Причерноморье, как предполагал Г. Коте, нужно подразумевать только царских скифов, которых он сопоставлял с саками древнеперсидских надписей [21; 22, с. 26].

Данные краниологических исследований почти однозначно приводят нас к мысли, что скифы царские были в антропологическом плане идентичны окуневцам из Тувы. В связи с этим несомненно, что применение краниологических исследований антропологического материала из погребальных памятников, находящихся в пределах скифского «квадрата» Геродота, на предмет их близости к тувинским окуневцам позволит, *во-первых*, идентифицировать и отобрать из всего массива скифского материала *скифов царских*, а последующее картографирование данных даст возможность определить ареал их расселения.

Во-вторых, с помощью краниологического анализа можно будет определить *захоронения скифских царей*, которые должны содержать однородный антропологический материал в пределах одного погребального помещения. Ведь, как пишет Геродот, царю служат только «природные скифы, ибо царю служат те, которым он сам прикажет, а покупных рабов у них вовсе нет». В числе слуг, сопровождавших царя в могилу, Геродот называет вино-

черпия, конюха, слугу и вестника; а через год из оставшихся слуг выбирали самых способных пятьдесят человек, душили и расставляли в виде конной стражи вокруг кургана².

В-третьих, бесспорно, что в процессе поисков скифских захоронений за пределами степи нам также помогут краниологические исследования *материала, изначально не классифицированного как «скифский» из-за отсутствия чётких критериев его отбора*. Ведь не будем также забывать сообщение Геродота о том, что кладбище скифских царей находилось не на юге степи, а в самой отдалённой части Скифии, в Герросе. Как отмечает А. И. Тереножкин, это объясняет и «редкость могил рядовых общинников раннего времени в степи, т. к. очевидно, и их кладбища находились на иных территориях, в первую очередь, по-видимому, в Лесостепи, где известно особенно много погребальных памятников скифского типа, принадлежность которых только местным лесостепным племенам никем ещё не доказана» [20, с. 11–12].

В-четвёртых, теперь уже нет сомнения, что скифская культура является лишь наиболее выдвинутой на запад частью огромного скифо-сибирского культурного мира [Там же, с. 15]; и в связи с этим считаем, что картографирование захоронений царских скифов и систематизация всех признаков у групп, находящихся в одном векторе их ближайших связей (*viz.* данные А. Г. Козинцева [15, с. 148–149]), приблизит нас к решению ещё более обширной задачи – определения понятий «скиф», «скифская культура» и «скифская археологическая культура».

Заключение. Локализация Скифского Герроса всё ещё остаётся окончательно неопределённой. Связанная с ним проблематика охватывает обширный круг неразрешённых в настоящее время актуальных вопросов, обусловленных как состоянием сохранности богатых захоронений, так и отсутствием чётких критериев их определения, в частности социального ранжирования, – т. е. вопросов, касающихся идентификации, количества и локализации царских курганов.

Актуальны вопросы очень обширной и глубокой общей проблематики скифологии – происхождение скифов и их антропологическая однородность, а также содержание таких ключевых понятий, как «скиф»,

¹ Геродот. История в девяти книгах / пер. Г. А. Стратановского. – Л.: Наука, 1972. – 600 с.

² Там же.

«скифская культура» и «скифская археологическая культура», связанные в целом с проблемой хронологии скифской культуры.

Таким образом, в свете новейших достижений современной науки перспектив-

ным считаем решение целого множества вопросов скифологии, в частности, с локализацией царских курганов, с помощью краниологического анализа антропологического материала древних захоронений.

Список литературы

1. Михайлов Б. Д. Загадки древнего Герроса. Киев, 2009. 144 с.
2. Болтрик Ю. В. Элитные курганы как маркеры территориальной структуры Скифии // *Recherches Archéologiques*. Kraków. 2011. NS 3, S. 101–112.
3. Отрощенко В. В. Геррос Мозолевого // *Археологія і давня історія України*. 2016. Вип. 2. С. 152–154.
4. Мозольский Б. М. Товста Могила. Київ, 1979. 252 с.
5. Алексеев А. Ю. Скифская хроника. СПб., 1992. 206 с.
6. Болтрик Ю. В. До питання про політичний центр Скіфії // *Старожитності степового Причорномор'я і Криму*. Запоріжжя. 2004. Вип. XI. С. 38–41.
7. Кузнецова Т. М. Некоторые аспекты скифской археологической культуры // *Kimmerowie, scytowie, sarmaci*. Kraków, 2004. S. 219–230.
8. Бандрівський М. С. Сучасне розуміння «скіфського» і проблема етно-культурної приналежності носіїв середньодністровської групи // *Матеріали і досл. з археології Прикарпаття і Волині*. Львів, 2007. Вип. 11. С. 77–100.
9. Мурзин В. Ю. Проблема визначення поховань скіфських номархів // *Археологія*. 2015. № 1. С. 19–112.
10. Алексеев А. Ю. Хронография европейской Скифии. СПб., 2003. 416 с.
11. Курочкин Г. Н. Гипотетическая реконструкция погребального обряда скифских царей VIII–VII вв. до н. э. и курган Аржан // *Скифо-сибирское культурно-историческое единство*. Кемерово, 1980. С. 105–117.
12. Алексеев А. Ю., Мурзин В. Ю., Ролле Р. Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н. э. Киев, 1991. 416 с.
13. Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Скифия VII–IV вв. до н. э. Киев, 1983. 378 с.
14. Акишев К. А. Курган Иссык. М.: Искусство, 1978. 142 с.
15. Козинцев А. Г. Скифы Северного Причерноморья: межгрупповые различия, внешние связи, происхождение // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2007. Вып. 4. С. 143–157.
16. Мандельштам А. М., Стамбульник Э. У. О некоторых проблемах истории ранних кочевников Тувы // *Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев*. Кызыл, 1980. С. 43–59.
17. Савинов Д. Г. Тува раннескифского времени на «перекрестке» культурных традиций (алдыбельская культура) // *Культурные трансляции и исторический процесс (палеолит – средневековье)*. СПб., 1994. С. 76–92.
18. Стамбульник Э. У., Чугунов К. В. Погребения эпохи бронзы на могильном поле Аймырлыг // *Окуневский сборник 2*. СПб., 2006. С. 292–302.
19. Чугунов К. В., Наглер А., Парцингер Г. Аржан-2: материалы эпохи бронзы // *Окуневский сборник 2. Культура и её окружение*. СПб., 2006, С. 303–311.
20. Тереножкин А. И. Общественный строй скифов // *Скифы и сарматы*. Киев: Наукова думка, 1977. 232 с.
21. Kothe H. Pseudoskythen // *Klio*. 1967. Bd. 48. S. 61–79.
22. Kothe H. Appolons ethnokultureller Herkunft // *Klio*. 1970. Bd. 52. S. 18–29.

Статья поступила в редакцию 31.03.2021; принята к публикации 10.05.2021

Сведения об авторах

Каженова Гульнар Тулегеновна, кандидат исторических наук, доцент, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилёва; 010008, Республика Казахстан, г. Нур-Султан, ул. Пушкина, 11; e-mail: gkazhenova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4124-0460>.

Добровольский Любомир Степанович, студент, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилёва; 010008, Республика Казахстан, г. Нур-Султан, ул. Пушкина, 11; e-mail: lubomirdobrovolskiy@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-1392-5355>.

Вклад авторов в статью

Г. Т. Каженова – основной автор и организатор исследования, формулировала выводы и обобщала итоги реализации коллективного проекта.

Л. С. Добровольский осуществлял сбор материала исследования, его анализ и систематизацию, оформление статьи.

Библиографическое описание статьи

Каженова Г. Т., Добровольский Л. С. Скифские захоронения: проблема локализации царских курганов // *Гуманитарный вектор*. 2021. Т. 16, № 3. С. 176–183. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-176-183.

References

1. Mikhailov, B. D. *Mysteries of Ancient Gerros*. Kiev, 2009. (In Rus.)
2. Boltrik, Yu. V. Elite burial mounds as markers of the territorial structure of Scythia. *Recherches Archéologiques*. Kraków, NS 3, pp. 101–112, 2011. (In Rus.)
3. Otroshchenko, V. V. *Mozolevsky's Gerros*. Archeology and ancient history of Ukraine, vol. 2, pp. 152–154, 2016. (In Ukr.)
4. Mozolevskii, B. M. *Tovsta Grave*. Kiev, 1979. (In Ukr.)
5. Alekseev, A.Yu. *Scythian Chronicle*. SPb, 1992. (In Rus.)
6. Boltrik, Yu. V. On the question of the political center of Scythia. *Antiquities of the steppe Black Sea coast and Crimea*. Zaporozhye, is. XI, pp. 38–41, 2004. (In Ukr.)
7. Kuznetsova, T. M. Some aspects of the Scythian archaeological culture. *Kimmerowie, scytowie, sarmaci*. Kraków, 2004: 219–230. (In Rus.)
8. Bandrivskii, M. S. Modern understanding of the “Scythian” and the problem of ethno-cultural affiliation of the bearers of the Middle Dniester group. *Materials and research on the archaeology of Prykarpattia and Volyn*, issue 11, pp. 77–100, 2007. (In Ukr.)
9. Murzin, V.Yu. The problem of determining the burials of Scythian nomarchs. *Archeology*, no. 1, pp. 19–112, 2015. (In Ukr.)
10. Alekseev, A.Yu. *Chronography of European Scythia*. SPb, 2003. (In Rus.)
11. Kurochkin, G. N. A hypothetical reconstruction of the funeral rite of the Scythian kings of the 8th–7th centuries. BC. and the Arzhan mound. *Scythian-Siberian cultural and historical unity*. Kemerovo, 1980: 105–117. (In Rus.)
12. Alekseev, A.Yu., Murzin, V.Yu., Rolle R. Chertomlyk. *Scythian royal mound of the 4th century. BC*. Kiev, 1991. (In Rus.)
13. Il'inskaya, V. A., Terenozhkin A. I. *Scythia 7–4 centuries BC*. Kiev, 1983. (In Rus.)
14. Akishev, K. A. *Issyk Mound*. M., 1978. (In Rus.)
15. Kozintsev, A. G. Scythians of the Northern Black Sea Region: Intergroup Differences, External Relations, Origin. *Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*, is. 4, pp. 143–157, 2007. (In Rus.)
16. Mandel'shtam, A. M., Stambul'nik E. U. On some problems of the history of the early nomads of Tuva. *The latest research on the archaeology of Tuva and the ethnogenesis of Tuvans*. Kyzyl, 1980: 43–59. (In Rus.)
17. Savinov, D. G. Tuva of the early Scythian time at the “crossroads” of cultural traditions (aldy-bel culture). *Cultural broadcasts and historical process (Paleolithic – Middle Ages)*. SPb., 1994: 76–92. (In Rus.)
18. Stambul'nik, E. U., Chugunov, K. V. Burials of the Bronze Age at the Aimyrlyg burial field. *Okunev collection 2*. SPb, 2006: 292–302. (In Rus.)
19. Chugunov, K. V., Nagler, A., Partsinger, G. *Arzhan-2: Materials of the Bronze Age*. *Okunev collection 2*. SPb, 2006: 303–311. (In Rus.)
20. Terenozhkin, I. A. The social structure of the Scythians. *Scythians and Sarmatians*. Kiev, 1977: 3–28. (In Rus.)
21. Kothe, H. *Pseudoskythen*. *Klio*, Bd. 48, pp. 61–79, 1967. (In Germ.)
22. Kothe, H. *Appolons ethnokultureller Herkunft*. *Klio*, Bd. 52, pp. 18–29, 1970. (In Germ.)

Received: March 31, 2021; accepted for publication May 10, 2021

Information about author

Kazhenova Gulnar T., Candidate of History, Associate Professor, L. N. Gumilyov Eurasian National University; 11 Pushkina st., Nur-Sultan, 010008, Republic of Kazakhstan; e-mail: gkazhenova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4124-0460>.

Dobrovolskiy Lubomir S., Student, L. N. Gumilyov Eurasian National University; 11 Pushkina st., Nur-Sultan, 010008, Republic of Kazakhstan; e-mail: lubomirdobrovolskiy@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-1392-5355>.

Contribution of authors to the article

G. T. Kazhenova the main author and organizer of the study, formulated conclusions and generalized the results of the implementation of the collective project.

L. S. Dobrovolskiy collected the research material, analyzed and systematized it, and designed the article.

Reference to the article

Kazhenova G. T., Dobrovolskiy L. S. *Scythian Burials: The Problem of Localization of the Royal Mounds* // *Humanitarian Vector*. 2021. Vol. 16, No. 3. PP. 176–183. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-176-183.

УДК 930

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-184-190

Марина Васильевна Аюшеева,*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии**СО РАН**(г. Улан-Удэ, Россия),**e-mail: ayagma@yandex.ru**<https://orcid.org/0000-0003-3760-9867>*

Концепция Чахар-гэбши о благочестивом монахе

Буддизм в истории культуры монгольских народов занимает важное место, в частности с XVI в., что соответствует третьему этапу распространения буддийской религии среди монголов. Несмотря на широкое влияние буддийского учения на повседневную жизнь, сложные догматы философии буддизма были доступны весьма малому кругу посвящённых лиц. Для большинства населения гораздо большее значение имела этико-дидактическая литература и авторитеты учителей. В этом плане образ духовенства должен был являться эталоном буддийского поведения. Существует обширная неканоническая литература, посвящённая наставлениям о праведном поведении, обращённая как к мирянам, так и к духовным лицам. В статье проанализирован идеальный образ монаха, согласно предписаниям Чахар-гэбши Лубсанцультима на основе двух работ: «Биографии Чахар-гэбши», составленной его ближайшим учеником Лубсансамдубнимой в 1818 г., и сочинения Чахар-гэбши «Синяя книга, история монастыря Эрдэни Души». Биографический метод, привлечённый для характеристики Чахар-гэбши, позволил показать его жизненный путь и личность благочестивого монаха как образца для подражания. Для анализа и конструирования модели монашеского поведения были привлечены методы источниковедения и сравнительно-сопоставительного анализа. Материалы из «Синей книги», сочинения уставного характера являются универсальными для монастырского образования и монашеской среды в монгольском буддизме. Важность соблюдения учения и религии Будды в чистоте и поддержания морального образа его последователей как авторитета для мирян неоднократно подчёркивалась в сочинениях разных авторов. В этом плане изложенные Чахар-гэбши определения благочестивого монаха представляют собой завершённую систему, объединяющую в себе основные буддийские заповеди.

Ключевые слова: Чахар-гэбши, наставления, биография, монгольский буддизм, монахи, уставы

Marina V. Ayusheeva,*Institute for Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology,**Siberian Branch, Russian Academy of Sciences**(Ulan-Ude, Russia),**e-mail: ayagma@yandex.ru**<https://orcid.org/0000-0003-3760-9867>*

Chakhar-Gebshi 's Concept of a Pious Monk

Buddhism occupies an important place in the history of culture of the Mongolian peoples, in particular from the 16th century, which corresponds to the third stage of the spread of the Buddhist religion among the Mongols. Although Buddhist teachings have wide influence on everyday life, the philosophy of Buddhism was understandable to a very small circle of adherents. For the majority of the population, ethical and didactic literature and the authority of teachers were much more important. In this regard, the image of the clergy was to be the standard of Buddhist behavior. There are amounts of non-canonical literature on the rules and instructions for righteous behavior, addressed to both laity and clergy. The article analyzes the ideal image of a monk, according to the requirements of Chakhar-gebshi Lubsantsultim on the basis of two works: "Biography of Chakhar-gebshi", compiled by his disciple Luvsansamduvima in 1818, and the work of Chakhar-gebshi entitled as a "Blue Book, History of Erdeni Dushi Monastery". The biographical method used for characterizing Chakhar-gebshi allowed to show his life and him as a strict monk as a model to be followed. The methods of source study and comparative analysis were used for constructing and estimating of a model of religious behavior. The materials from "The Blue Book" – a work of a monastic charter – are general for monastic education and monastic environment in Mongolian Buddhism. The importance of keeping the teachings and religion of Buddha in purity and maintaining the moral image of his followers as an authority for the laity has been emphasized many times in the works of various authors. In this regard, the definitions of a pious monk written down by Chakhar-gebshi represent a complete system that combines basic Buddhist precepts.

Keywords: Chakhar-gebshi, moral prescription, biography, Mongolian Buddhism, monks, charter

© Аюшеева М. В., 2021

Введение. Значение буддизма в традиционном монгольском обществе сложно переоценить. Проникая во все сферы жизненного цикла монголов, буддизм вносил и этические элементы в воспитательную среду, широко распространялись буддийские этико-дидактические сочинения, проповедующие буддийские идеи и смыслы на понятном для обывателя уровне, многие мотивы вошли в народную среду и стали частью фольклорной традиции. Через заповеди и разного рода запреты формировался образ правильного и неправильного восприятия ценностей жизни и отношения к ней, к обществу, к самому себе. Буддийские ламы сочиняли труды, направленные на сохранение традиционного уклада, как например, бурятский лама Л. Данжинов. В своих сочинениях он пропагандировал ношение традиционных одеяний и украшений, писал о вреде курения табака и принятия алкогольных напитков, об употреблении мяса на свадьбах. Наставляя прихожан на путь накопления благих заслуг и проповедуя соблюдение этических предписаний, буддийские монахи со своей стороны должны были быть эталоном морального поведения. Несмотря на то, что многое могло объясняться религиозностью и сакральностью, буддийские деятели писали о духовной чистоте монашеской общины и праведном поведении самих лам, прежде всего, требуя соблюдения принятых ими духовных обетов.

Сочинения дидактического характера входили в репертуар многих учёных лам. В уставах монастырей регламентировался также порядок проведения хуралов, иерархия занятия мест при хуралах, обязанности разных монастырских должностей, распределение доходов, в подобного рода сочинениях были разделы, посвящённые соблюдению чистоты монашеских рядов и меры наказания за проступки. Например, в собрании сочинений внутреннемонгольского ламы Мэргэн-гэгэна Лубсамдамбижалцана (1717–1766) из уратского барун гун хошуна имеется ряд сочинений уставного характера, в которых автор указывает, что «нравы в монастыре должны быть чистыми». В сочинённом им уставе для монастыря Улдзей бадараксан перечислены провинности лам, соответствующие наказания и искупления. Другой крупный буддийский деятель, учёный лама XVIII в. Чахар-гэбши Лубсанцультим (1740–1810) являлся автором многих разнообразных сочинений на

тибетском и монгольском языках. Его тибетоязычное письменное наследие было собрано и отксилографировано в десяти томах – сумбуме в печатне при монастыре Цаган-ула, одном из трёх крупных центров монгольского книгопечатания в Китае [1, с. 81]. Монголоязычное наследие автора обширно и, по свидетельству биографов, составляет 5–6 больших томов. Являясь строгим последователем учения Будды и блюстителем монашеских обетов, Чахар-гэбши оставил ряд сочинений уставного характера и переводов этико-дидактической литературы.

Методология и методы исследования. Одним из ценных источников по истории буддизма являются намтары – жизнеописания буддийских деятелей [2]. Биография Чахар-гэбши Лубсанцультима содержит богатейший материал о внутренней жизни буддийских лам, состоянии религии и монгольского общества, описания храмов и монастырей, проводимых обрядах и духовных практиках и т. д. Чахар-гэбши являлся высокообразованным монахом, автором многочисленных сочинений, в которых он проповедовал буддийское учение и моральные принципы. Его творчество и биография, составленная Лубсансамдубнимой, привлекались для освещения истории буддизма в Монголии, оценки вклада Чахар-гэбши в развитие духовного наследия буддизма, значения его творчества для истории культуры монголов. В работах Ш. Биры [3, с. 44], Д. Цэрэнсоднома [4; 5], А. Д. Цендиной [6; 7], Р. Отгонбаатара [7], О. Дэмчигмаа [8; 9] и других исследователей рассматривались отдельные сочинения Чахар-гэбши, проводился сравнительно-сопоставительный анализ его творчества в монгольской литературе. Комплексному анализу его биографии и собранию сочинений были посвящены работы Б. Очи [10]. В статье рассмотрена личность Чахар-гэбши как благочестивого монаха, отмечены его моральные наставления по образу идеального последователя учения Будды. Текстологический анализ ряда мест из составленной Чахар-гэбши «Истории монастыря Эрдэни Души “Синяя книга”» позволил очертить системно изложенные его представления о буддийском монахе в сопоставлении с другими исследовательскими работами.

Результаты исследования и их обсуждение. Основным источником о жизни и деятельности Чахар-гэбши, помимо

сумбума, является сочинение его ученика Лубсансамдубнимы «Кратко изложенная обычная биография спасительного высшего ламы, несравненного почтенного гэгэна Суматишилабдры, называемая “Солнечный свет, раскрывающий лотос веры и освещающий высшие ступени”» (*getülgegči degedü blam-a adalidqal-ügei açitu boyda sumati šiila (širi) badr-a-yin gegen-ü yerüngkei-yin jokiyal namtar-i tobči-yin tedüi ügüleksen sūsüg-ün lingqu-a-yi möšiyelgegči naran-u gerel degedü mör-i geyigülün üiledügči kemekü oruşıba*) [11]. Данный намтар – биография, составлен спустя семь лет со дня смерти Чахар-гэбши на тибетском языке в 1817 г. и переведён в 1818 г. на монгольский язык. Монгольская версия биографии была вырезана на ксилографических досках в печатне монастыря Цаган-ула. Намтар, состоящий из семи глав, содержит сведения о месте рождении, семье, детстве, годах обучения и проповеднической деятельности Чахар-гэбши. Он включает много поэтических работ как автора биографии, так и цитат из сочинений Чахар-гэбши. Всю творческую деятельность своего учителя Лубсансамдубнима изложил в хронологическом порядке, по описывая годам подробно его жизнедеятельность. Данный порядок позволяет датировать написание того или иного сочинения Чахар-гэбши, а также проследить историю буддизма во Внутренней Монголии: возведение и освящение храмов, проведение обрядов, приглашение учителей и т. п.

Перу Чахар-гэбши принадлежит обширная литература по разным отраслям буддийского знания. Этико-дидактические и сочинения уставного характера занимают отдельное место в его творчестве. Ему принадлежат широко известные сочинения «Украшение из чинтамани», «Поучения, сказанные Агван-Ринчину», переводы «Субхашит», «Капли рашияны, питающей людей». В данных сочинениях моральные сентенции обращены как к мирянам, так и к духовным лицам. Тибетоязычное сочинение «Драгоценные чётки упражнения ума», основанное на индийских притчах, содержит 14 повествований со стихотворными резюме, иллюстрирующих модели нравственного поведения. «В резюме он приводит и буддийские, и житейские нравоучения: необходимость действовать согласно религии на деле, а не на словах, быть милосердным, не унижать других, не учинять раздоров, быть дружными, не обманывать

других» [6, с. 77, 79]. А. Д. Цендина, отмечая большую популярность среди монголов дидактической литературы, подчеркнула, что значительная её часть носит религиозно-этический характер.

Как пишет биограф Чахар-гэбши, в возрасте 65 лет учитель составил подробную опись почитаемых предметов в монастыре Цаган-ула, предварив перечень описанием истории распространения религии Победоносного в чахарских землях, основания монастыря, также подробно были расписаны должности в монастыре и их обязанности, установлен календарь проведения хуральных чтений и порядок почитания божеств [12, с. 195–196]. Подробные предписания и наказания монашеству содержатся в «Истории монастыря Эрдэни Души “Синяя книга”» [13]. Строительство монастыря Эрдэни Души относится к 1794 г., когда Чахар-гэбши исполнилось 55 лет. В этот год хошунная администрация вместе с залану занги обратилась к маньчжурскому императору за разрешением основать новый монастырь, который был назван Эрдэни Души. «Синяя книга» состоит из 14 тетрадей, посвящённых разным темам: истории возникновения и распространения религии в Индии, Тибете и Монголии, краткому описанию предписаний для хувараков, истории строительства монастыря, описанию казны и монастырского имущества, правилам проведения религиозных обрядов и осуществления уборки в храмах, обязанностям дамала и др.

Концепция монастырского уклада и образа праведного монаха изложена Чахар-гэбши в первой и второй тетрадях. После изложения истории возникновения и распространения религии Чахар-гэбши разъясняет суть учения Будды, опираясь на сочинение «Винайн эши». Проповеданное учение он излагает в трёх пунктах: не совершать греховных деяний, накапливать благодеяния, умиротворять свои мысли. Подробно останавливаясь на каждом пункте, Чахар-гэбши поясняет, что первый пункт означает несовершенство грехов, перечисляет 3 греха тела, 4 греха языка, 3 греха мысли – что считается 10 чёрными грехами. Завершая описания греховных деяний, Лубсанцультим пишет, что «Совершение этих 10 чёрных грехов не только вредит во многих делах этой жизни, но и влияет на дальнейшие перерождения. Более того, они приносят вред всем находящимся рядом близким, а потому хувараки должны

воздерживаться от их совершения» [13, с. 52–58].

Второй пункт о накоплении заслуг означает, что следует приносить пользу другим людям согласно трём колёсам. Первое колесо называется колесом слушания и размышления, обретения знаний. Если в Древней Индии было 18 наук для изучения, то в гелукпинском учении автор называет пять отделов знаний, которые в свою очередь разбивает на 8 групп. В каждой перечисляются необходимые для изучения молитвы, знания, например, первая группа включает общие монастырские чтения, гурумы, тибетское и монгольское письмо, во второй приведены магталы-восхваления, юролы-благопожелания, в третьей повествуется о том, как следует изучать большие чтения, посвящённые Ямантаке, докшитскому отделу, Гунрику. Знания касательно обетов убаша и гелонга, монашеских одеяний относятся к 5 группе.

Второе колесо называется колесом созерцания и медитации. Чахар-гэбши ссылается на сочинение Панчен-богдо, согласно которому следует читать молитвы ранним утром, перед обедом, во время обеда, после обеда, вечером, ночью и между этими отрезками времени. Что составляет на протяжении одних суток 7 разных чтений молитв. Третье колесо совершаемых деяний означает изготовление божеств, строительство храмов, чтение молитв, установление хуралов, наставление новых учеников и др. При этом есть много вещей, которые следует знать и соблюдать. Во-первых, хуваракам следует находиться в монастыре и заниматься чтением сутр, во-вторых, следует поддерживать чистоту в храмах, в-третьих, правильно прибирать и почитать божества, в-четвёртых, необходимо уметь обновлять балины и подношения, в-пятых, знать музыкальное сопровождение. Следует помнить о внутренних и внешних работах при монастырях. Данное знание Чахар-гэбши также подразделил на три раздела: первый – обязанности да-ламы, дэмчи, гескуя, аймачных да-лам, нирбы; второй – раздел, разъясняющий запреты; третий – ведение книг учёта монастырской казны.

В третьем пункте об умиротворении мыслей автор предписывает усмирять свой нрав и очищать тело. Чахар-гэбши подчёркивает, что становление монахом не делает человека лучшим, потому следует приводить себя к чистоте согласно высшему учению. Здесь же описывается «закон о

трех типах людей» – исправление мыслей низких, средних и высших людей.

Широко известны предъявляемые духовным лицам моральные принципы. Отметим, что в буддийской иерархии духовного совершенствования существует несколько ступеней, разнящихся числом принимаемых и соблюдаемых обетов [14, с. 114–149]. Чахар-гэбши также останавливается на данном вопросе. Ставших учениками Будды он делит на три группы: банди принимает 7 обетов, гецул соблюдает 36, а гелон – 253 обета. При этом тех, кто не принимает обетов, нельзя считать хувараками.

Важность принятия обетов проанализирована Д. В. Аюшеевой и А. М. Донцом: «Буддийская этика немыслима без системы обетования. Так, например, даже само становление буддисты осуществляют путём ритуального принятия обета прибегать к “трём драгоценностям” (Будде, Учению, Общине), вплоть до Просветления. Анализ приводит к заключению о том, что функционирование системы обетования в буддизме опирается на следующие идеи: 1) ритуальное принятие обета очищает от грехов и порождает заслуги; 2) последующее соблюдение обета накапливает собрание заслуг; 3) совершение благого деяния в соответствии с обетом порождает значительно больше заслуг, чем аналогичное его совершение без предшествующего принятия обета; 4) наличие обетов чисто психологически содействует воздержанию от дурного и осуществлению хорошего нравственно; 5) ритуальное принятие обета наделяет особой силой, благодаря которой резко возрастает способность реализовывать добродетели. Таким образом, система обетования нацелена на интенсивное культивирование нравственно достойного и достижение сотериологических целей» [15, с. 67]. С. П. Нестеркин отмечает, что иерархическая система духовенства по полноте принятых обетов сложилась ещё во времена Будды и была тесно связана с правом наставничества, в зависимости от стажа и соблюдения монашеских обетов [16, с. 339].

По словам Чахар-гэбши, перед принятием обетов следует пройти три очищения: имени, внешних признаков (знаков), мыслей. Первое очищение означает принятие буддийского имени (Лубсан, Агван и др.). Второе очищение – это знаки тела, т. е. удаление волос с головы, бритьё бороды и усов; знаки одеяний – смена мирских

одежд на духовные. Очищение мыслей означает отречение от мирских забот и следование наставления лам-учителей, усердие в изучении сутр. Следует помнить о запретах касательно питья и еды, т. е. не принимать опьяняющих веществ и отказаться от мясного. Здесь Чахар-гэбши подробно перечисляет, что относится к мясной пище: от волков, собак, птиц до змей и ящериц. В том числе под запретом и яйца.

В этом плане следует отметить наставление для мирян и духовенства о запрещении проводить мясные свадьбы. В своём письме, включённом в биографию, Чахар-гэбши обратился к верующим со словами о том, что при проведении свадеб готовится обильное мясное угощение, для чего убивают много овец и коров. Что, безусловно, греховно, потому следует на свадьбах делать подношения мучными продуктами и крупами, т. е. подношения безгрешной едой, по возможности сокращая количество мяса, что будет уменьшением греха и хорошим поступком для будущих рождений. Уместно заметить, что сочинения подобного содержания также имелись и среди этико-дидактических трудов бурятского учёного ламы, просветителя Л. Данжинова.

В биографии Чахар-гэбши неоднократно упоминается необходимость соблюдения всех принятых обетов и польза от их принятия. Например, в 1770 г. Чахар-гэбши пожаловал обеты гелонга своему ученику старику Яринпилу, который незадолго до этого стал тойном (монахом) и принял духовное имя – Соднамбалжор. Мотивация принятия Яринпилом обетов гелонга заключалась в том, что он был болен, но соблюдение в строгости всех обетов на протяжении 21 дня не помогло ему избавиться от болезни. Учитель, комментируя смерть Яринпила, сказал, что из жизни ушёл чистый монах, который, зная о своей скорой смерти, принял обеты гелонга и строго их соблюдал, что благоприятно для последующих рождений.

Сам Чахар-гэбши строго соблюдал монашеские обеты. Ещё в годы ученичества в Юнхегуне, куда он последовал по рекомендации учителя для продолжения обучения по цанниду, Чахар-гэбши стал известен как строгий блюститель обетов. За что его почтительно называли Чахар-гелон. В биографии также процитированы письма халхаского Джебдзундамба-хутух-

ты (1774–1814), в которых он обращается к Чахар-гэбши со словами «драгоценный Чахар-гэбши, предрежающий драгоценную сокровищницу трёх учений о нравственности» (шагшаабад гурван суртлын чандманийн санг баригч Цахар гэбши эрдэнэ). Это ещё раз подчёркивает благочестивый образ Лубсанцультима. Его жизнь и деятельность, подробно описанные биографом Лубсансамдубнимой, посвящены постоянному радению на благо религии и живых существ. В этом сочинении Чахар-гэбши показан как высоконравственный монах, соблюдающий принятые обеты и наставляющий на праведный путь как монашество, так и мирян, в том числе личным примером.

Заключение. К концу XVIII – началу XIX в. влияние буддизма распространилось практически на все области общественно-культурной жизни монгольского общества. Наряду с закреплением светских государственных законов по религиозному укладу имеют место уставные сочинения и предписания духовных лиц, направленные на поддержание буддийского учения и монашеского статуса. Среди них особое место занимают сочинения Чахар-гэбши Лубсанцультима, широко известного своими этико-дидактическими сочинениями. Описанная им концепция праведного монаха кратко излагает основные постулаты буддийского учения. Как следует из рассмотренных примеров, соблюдение принятых обетов и монашеской дисциплины являются основополагающими принципами в сохранении чистоты учения. Не меньшее значение имеет авторитет учителя и его личный пример, о чём свидетельствует «Биография Чахар-гэбши», написанная его ближайшим учеником.

Составленная Чахар-гэбши «Синяя книга» наряду с его биографией являются ценными источниками по истории буддизма во Внутренней Монголии, позволяющим реконструировать монашескую среду и влияние буддизма на духовную жизнь монгольского общества. В то же время рассмотренные источники отражают общебуддийские моральные требования и следуют опыту этико-дидактических сочинений буддийской традиции Внутренней Азии. Обращение к данному опыту позволит подчеркнуть региональные особенности и развитие общих тенденций в религиозной системе монгольского буддизма.

Список литературы

1. Puu shan, Qasgerel. Čing ulus-un üy-e-yin mongyol keblel-ün soyul sudulul. Liyuuning, 2013. 560 qu.
2. Пурбуйева Ц. П. «Биография Нейджи-тойна» – источник по истории буддизма в Монголии. Новосибирск: Наука, 1984. 112 с.
3. Бира Ш. Монгольская тибетоязычная историческая литература (XVII–XIX вв.). Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн хэрэг эрхлэх хороо, 1960. 82 с.
4. Цэрэнсодном Д. Творчество Чахар-гэбши Лубсан-Чултима (1740–1810) // Цэндийн Дамдинсүрэн. К столетию со дня рождения. М.: Вост. лит. РАН, 2008. С. 295–301.
5. Čeringsodnam D. Mongyol-un burqan-u šašin-u uran jokiyal. Kökeqota: öbür mongyol-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 2001. 595 qu.
6. Цендина А. Д. О дидактической литературе монголов (XIII – середина XX вв.) // Mongolica. 2013. Т. 11. С. 73–84.
7. Отгонбаатар Р., Цендина А. Д. Халхаские переводы тибетских песен Чахар-гэбши Лубсанчулти-ма // Культура Центральной Азии: письменные источники. Улан-Удэ, 2014. Вып. 8. С. 102–111.
8. Дэмчигмаа О. «Субашид»-ын монгол орчуулгуудын галиг, үгсийн хэлхээ. Улаанбаатар, 2013а. 722 х.
9. Дэмчигмаа О. «Субашид»-ын монгол орчуулгуудын үгийн сангийн онцлог. Улаанбаатар, 2013б. 207 х.
10. Oči. Čaqar gebši lubsangčültüm. Qayilar: öbür mongyol-un soyol-un keblel-ün qoriy-a, 1996. 328 qu.
11. Аюшеева М. В. Биография Чахар-гэбши Лубсанчултима как источник по истории буддизма // Гуманитарный вектор. 2017. № 12. С. 97–104. DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-5-97-104.
12. Лувсансамдунням. Чахар гэвшийн намтар. Улаанбаатар: Бэмби сан ХХК, 2010. 638 с.
13. Čaqar gebši lubsangčültüm. Erdeni dosi-yin süm-e-yin köke debter / Šejener Jigmidčirin tayilburilan emkidkebe. Kökeqota: öbür mongyol-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 2012. 469 qu.
14. Позднеев А. М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 512 с.
15. Донец А. М., Аюшеева Д. В. Этика в тибетском буддизме // Власть. 2008. № 11. С. 66–69.
16. Нестеркин С. П. Социальная организация буддийского сообщества центрально-азиатского буддизма: формирование традиционной модели и её современная трансформация // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2006. № 11–2. С. 338–342.

Статья поступила в редакцию 08.10.2020; принята к публикации 05.11.2020

Сведения об авторе

Аюшеева Марина Васильевна, кандидат исторических наук, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; 670047, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; e-mail: ayagma@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3760-9867>.

Источники финансирования статьи

Статья подготовлена в рамках государственного задания, проект № 121031000263-3 «Письменные традиции народов Байкальского региона в контексте историко-культурного наследия России и Внутренней Азии».

Библиографическое описание статьи

Аюшеева М. В. Концепция Чахар-гэбши о благочестивом монахе // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 3. С. 184–190. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-184-190.

References

1. Puu shan, Khasgerel. Culture of Mongolian book publishing in Qing period. Liyuuning, 2013. (In Mong.)
2. Purbueva, Ts. P. «Biography of Neydzhitoina» – a source on the history of Buddhism in Mongolia. Novosibirsk: Nauka, 1984. (In Rus.)
3. Bira, Sh. Mongolian historical literature in the Tibetan language (17–19th centuries). Ulaanbaatar: Ulsyn khvleliin khereg erkhlekh khoroo, 1960. (In Rus.)
4. Tserensodnom, D. The work of Chakhar-gebshi Lubsan-Chultim (1740–1810). Tsendiin Damdinsuren. By the centenary of birth. M: Vostochnaya literatura RAN, 2008: 295–301. (In Rus.)
5. Tserinsodnam, D. Mongolian Buddhist literature. Kokeqota: ubur mongol-un arad-un keblel-un qoriy-a, 2001. (In Mong.)
6. Tsendina, A. D. About didactic literature of Mongols (XIII – middle of the 20th centuries). Mongolica, no. 11, pp. 73–84, 2013. (In Rus.)

7. Otgonbaatar, R., Tsendina, A. D. The Khalkha translations of Tibetan songs of Chakhar-gebshi Lubsanchultim. Culture of Central Asia: written sources. Vol. 8. Ulan-Ude, 2014: 102–111. (In Rus.)
8. Demchigmaa, O. The transliteration of mongolian translations and Index of “Subashid”. Ulaanbaatar, 2013a. (In Mong.)
9. Demchigmaa, O. The lexical features of mongolian translations of “Subashid”. Ulaanbaatar, 2013b. (In Mong.)
10. Ochi. Chakhar gebshi Lubsanchultim. Qayilar: ubur mongol-un soyol-un keblel-un qoriy-a, 1996. (In Mong.)
11. Ayusheeva, M. V. Biography of Chakhar-gebshi Lubsantsultim as a Source on the History of Buddhism. Humanitarian vector, no. 12, pp. 97–104, 2017. DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-5-97-104 (In Rus.)
12. Luvsansamduvnyam. The Biography of Chakhar gebshi. Ulaanbaatar: Bembi san KhKhK, 2010. (In Mong.)
13. Chakhar gebshi Lubsanchultim. The Blue Book of Erdeni Doshi Monastery / Ed. by Shezhener Zhigmidchirin. Kokeqota: ubur mongol-un arad-un keblel-un qoriy-a, 2012. (In Mong.)
14. Pozdneev, A. M. Essays on the Life of Buddhist Monasteries and Buddhist Clergy of Mongolia. Elista: Kalm. Kn. izd-vo, 1993. (In Rus.)
15. Donets, A. M., Ayusheeva, D. V. Ethics in Tibetan Buddhism. The Authority, no. 11, pp. 66–69, 2008. (In Rus.)
16. Nesterkin, S. P. The social organization of the Buddhist society of Central Asian Buddhism: the formation of the traditional model and its modern transformation. International journal of applied and fundamental research, no. 11–2, pp. 338–342, 2006. (In Rus.)

Received: October 8, 2020; accepted for publication November 5, 2020

Information about author

Ayusheeva Marina V., Candidate of History, Institute for Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences; 6 Sakhyanovoi st., Ulan-Ude, 670041, Russia; e-mail: ayagma@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3760-9867>.

Sources of article funding

The research was carried out within the state assignment, project No. 121031000263-3 “The Writing Traditions of the Peoples of the Baikal Region in the Context of Historical and Cultural Heritage of Russia and Inner Asia”.

Reference to the article

Ayusheeva M. V. Chakhar-Gebshi's Concept of a Pious Monk // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 3. PP. 184–190. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-184-190.

УДК 294.3 (94)

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-191-199

Андрей Александрович Базаров,*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН**(г. Улан-Удэ, Россия),**e-mail: bazarow_andr@mail.ru**https://orcid.org/0000-0002-6837-7280***Баир Луданович Тушинов,***Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН**(г. Улан-Удэ, Россия),**e-mail: nurushi@mail.ru**https://orcid.org/0000-0002-6029-160X*

Сочинение Чахар-геше «Большое жизнеописание Чже Цонкапы»: развитие буддизма на Северо-Западе Китая в XIV веке

Статья посвящена анализу развития тибетского буддизма на территории Северо-Западного Китая в XIV в. и роли Дондуб Ринчена в биографии реформатора Чже Цонкапы. Материалом для исследования послужил трактат монгольского учёного Чахар-геше (тиб. cha har dge bshes blo bzang tshul khrims, 1740–1810) «Источник всего благого и счастья: жизнеописание великого всеведущего Чже Цонкапы, изложенное лёгким для понимания образом» (тиб. rje thams cad mkhyen pa'i tsong kha pa chen po'i nam thar go sla bar brjod pa bde legs kun gyi 'byung gnas). Данная работа – пример буддийской исторической мысли XVIII–XIX вв., обладает ярко выраженной спецификой изложения, определяемой как личностью автора, так и историко-культурными обстоятельствами. Исследуемый фрагмент данного сочинения, связанный с историей взаимоотношений реформатора тибетского буддизма с его учителем Дондуб Ринченом, послужил фундаментальным историческим свидетельством о важных религиозных и культурных процессах, имевших место на обширных территориях Северо-Западного Китая в период XIV в. Для сравнительно-исторического анализа привлечены методы конкретного изучения биографических данных в контексте исторических событий. Специфика развития Северо-Западного Китая в исследуемом произведении рассмотрена в качестве сложного этносоциального и религиозного процесса, имевшего место в XVI в. Авторы пришли к выводу, что формирование новых социальных объединений тибетцев и монголов в имперских условиях династии Юань во многом определялось буддийским фактором в качестве фундамента происходящих изменений. В биографии Чже Цонкапы данная социально-историческая обстановка изложена на основе взаимоотношений учителя и ученика. Масштаб достижений учёного и реформатора тибето-монгольского буддизма Чже Цонкапы отражён в некоторых фрагментах первоначального периода его жизненного пути.

Ключевые слова: буддизм, Тибет, Северо-Западный Китай, XIV век, жизнеописание Чже Цонкапа, Дондуб Ринчен

Andrey A. Bazarov,*Institute for Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology, Siberian Branch,**Russian Academy of Sciences**(Ulan-Ude, Russia),**e-mail: bazarow_andr@mail.ru**https://orcid.org/0000-0002-6837-7280***Bair L. Tushinov,***Institute for Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology, Siberian Branch,**Russian Academy of Sciences**(Ulan-Ude, Russia),**e-mail: nurushi@mail.ru**https://orcid.org/0000-0002-6029-160X*

“The Great Biography of Je Tsongkhapa” by Chahar Geshe: The Development of Buddhism in Northwest China in the 14th Century

The article is devoted to the analysis of the development of Buddhism in Northwest China in the 14th century. This process was described in the treatise of the Mongol scholar Chahar Geshe [Tib. cha har dge bshes blo bzang tshul khrims, 1740–1810] “The source of goodness and happiness: the biography of the Great Omniscient Rje Tsong kha pa, presented in an easy-to-understand manner.” [Tib. rje thams cad mkhyen pa'i]

© Базаров А. А., Тушинов Б. Л., 2021

tsong kha pa chen po'i nam thar go sla bar brjod pa bde legs kun gyi 'byung gnas]. This work is an example of Buddhist historical thought, which was developed in the traditional culture of the Tibetans and Mongols in the 18th-19th centuries. The authors of the article claim that the "The biography of the Great Omniscient Rje Tsong kha pa" has a specificity of presentation, determined by the author's personality, historical and cultural circumstances. This specificity is related to the post-classical period of the history of Tibetan scholasticism, within which the work was written. Chahar Geshe tried to understand the results of the most important stages of the Buddhist history in the vast region based on the works of previous generations. The treatise can be described as a scholastic work and Chahar Geshe as an outstanding scholar and theorist of his time. The fragment of the relationship of the great reformer of Tibetan Buddhism with his teacher Dondub Rinchen from the work is fundamental historical evidence of the most important religious and cultural processes that took place in the vast territories of Northwestern China during the 14th century.

Keywords: Buddhism, Tibet, Northwest China, 14th century, biography of Je Tsongkhapa, Dondub Rinchen

Введение. Несмотря на значимость в истории Тибета личности выдающегося реформатора Чже Цонкапы (*тиб.* Rje Tsong kha pa blo bzang grags pa, 1357–1419), в современной науке до сих пор немного исследований, посвящённых подробному изучению его биографии [1; 2]. Жизнь Чже Цонкапы можно разделить на несколько периодов, одним из наиболее интересных является этап его биографии, условно называемый «ранний», или «амдоский». В это время на судьбу будущего великого реформатора и мыслителя оказали влияние несколько человек. Из них наибольший научный интерес вызывает известный буддийский монах Дондуб Ринчен (*тиб.* chos rje don grub rin chen, 1309–1385).

Низкая степень разработанности в современной науке оригинальных тибетских источников, рассматривающих развитие буддизма в Северо-Западном Китае в XIV в., не позволяет не только по достоинству оценить роль этого человека в судьбе великого реформатора, но и понять глобальные изменения в религиозной жизни, происходившие в регионе в данный период. Один из актуальных замыслов исследования состоит в том, чтобы ввести в научный оборот ряд неизвестных фактов из истории тибетского буддизма в XIV в. на основе обращения к сочинению «Источник всего благого и счастья: жизнеописание великого всеведущего Чже Цонкапы, изложенное лёгким для понимания образом» (*тиб.* rje thams cad mkhyen pa'i tsong kha pa chen po'i nam thar go sla bar brjod pa bde legs kun gyi 'byung gnas), известного монгольского учёного Чахар-геше (*тиб.* cha har dge bshes blo bzang tshul khribs, 1740–1810), представляющее классическое тибетское литературное направление – исторические биографии (намтар)¹.

¹ Жанр исторических биографий (намтар) в тибето-монгольской буддийской культуре послужил источником изучения разных авторов [3–6].

Основной целью представленной работы является рассмотрение специфики развития тибетского буддизма в Северо-Западном Китае в XIV в. на базе анализа конкретного примера – взаимоотношений Чже Цонкапы с его учителем Дондуб Ринченем.

Методология и методы исследования. Исследование базируется на методологии типологического научно-исторического анализа, разработанного классиками отечественной источниковедческой школы в области буддологии – Ф. И. Щербатским и О. О. Розенбергом. Данный подход соотносится с соответствующими положениями Программы трансрегионального изучения буддизма, разработанного В. И. Рудым при участии Е. П. Островской и Е. Д. Торчинова. Обращение к определённому разделу оригинального тибетского сочинения продиктовано прежде всего той исторической ролью, которую сыграл Дондуб Ринчен в судьбе великого реформатора. Монгольский учёный XVIII в. Чахар-геше в своём жизнеописании Чже Цонкапы не мог оставить без исследовательского внимания столь важный историко-биографический факт. Для сравнительно-исторического анализа привлечены методы конкретного изучения биографических данных в контексте исторических преобразований, происходивших на северо-западе Китая в XIV в. В исследовании учитывается методология изучения так называемой микроистории (биографии), с её антропологическими и социологическими аспектами [7].

Результаты исследования и их обсуждение. Впервые имя Дондуб Ринчена упоминается в сочинении, когда излагается эпизод, связанный с рождением Чже Цонкапы². В год рождения будущего реформа-

² «Живший в той местности один монах, искусный в учении сутр и тантр, обладающий большими достоинствами, обретший сиддхи Ямантаки, по имени Соржо Дондуб Ринчен, обращаясь к отцу и матери (Цонкапы) прежде всего наставлял: "Поскольку у вас родится хороший мальчик, усердствуйте в строгой

тора (1357) Дондуб Ринчен был 48-летним настоятелем монастыря Джакхьюнг текчен йонтен даргье линг (тиб. *bya khyung theg chen yon tan dar rgyas gling*), находящимся недалеко от места события¹. Большое значение для нашего исследования имеет историческая география событий. Дондуб Ринчен был родом из местности Шадранг [тиб. *sha sbrang*] округа Ребконг (тиб. *reb gong*) тибетской провинции Амдо (тиб. *A mdo*)². Необходимо обратить внимание на тот факт, что оба буддийских деятеля происходят из одной провинции, находящейся на северо-востоке Тибета (Северо-Запад Китая). Если географическое происхождение у них практически одинаковое, то родоклановое, что очень важно в тибетском обществе того времени, разное. Дондуб Ринчен был младшим из троих детей своего отца Се Торньин Дондуб Гьелцен (тиб. *bse tor nyin don grub rgyal mtshan*) и матери Шадранг За Ринчен Цо (тиб. *sha sbrang bza 'rin chen mtsho*). Предки по отцу происходили из знатного рода Се (тиб. *bse*), который в свою очередь был частью рода Ду (тиб. *'bru*) из провинции Нгари (тиб.

чистоте», — также дал и другие указания. Тем ранним утром, когда родился Чже, ради установления благоприятного знака «взаимозависимости» в будущем, он передал через одного своего близкого ученика, обладавшего чистой нравственностью, письмо (родителям) с наказом о необходимости содержать маленького ребёнка в чистоте, (а также) сделал подарок. Для защиты маленького ребёнка от загрязнений (он) отправил пилюли, смешанные с амритой. Для того чтобы ум был ясным, а мудрость запредельной (он отправляет) пилюли Манджушри. Для защиты от вредоносного воздействия злых духов и других (плохих существ, он отправляет) верёвочку с благословляющей мантрой. Для того чтобы в будущем не было препятствий в деяниях и скитаниях во благо Учения (он отправляет) изображение Ямантаки. Тот лама ведал о тех (будущих событиях) благодаря ясновидению» [8, 6v].

¹ На данном месте сейчас находится монастырь Гумбум (тиб. *sku 'bum byams pa gling*). Это место стало объектом поклонения в виде ступы ещё при жизни великого реформатора буддизма в Тибете, монастырь образовался позднее. Традиционно говорится, что в 1576 году туметский Алтан-хан (1507–1583) пригласил буддийского монаха Соднома Жамсо (тиб. *bsod nams rgya mtsho*, 1543–1588) — будущего третьего Далай-ламы для распространения буддизма в Монголии. Когда миссия только начиналась, по пути в Монголию монах остановился у озера Цинхай (около дерева, отмечающего место рождения Чже Цонкапы) для медитации. После успешного завершения миссии Алтан-хан становится инициатором строительства на этом месте крупного монастыря. Монастырь был полностью построен в 1583 г. и получил название «Гумбум», что означает «100 000 просветляющих тел Будды». Он назван в честь 100 000 изображений, проявляющихся на листьях дерева. Согласно легенде, это дерево произошло из капель родовой крови Чже Цонкапы.

² Провинции Цинхай и Гяньсу современного Китая.

mga' ris) (Северо-Запад Тибета), имели родственные связи с королевской семьёй в Ладаке. Другая часть его предков принадлежала царскому роду Кхон (тиб. *'khon*) из центрального Тибета. Отметим, что происхождение Дондуб Ринчена было связано с процессом освоения тибетской элитой из центральных и западных районов Тибета южной части провинции Амдо в XII–XIV вв.

Что касается Чже Цонкапы, то упоминаний о его клане Мал (тиб. *mal*) практически нет. Существует всего лишь краткая заметка о том, что данный род был создан на основе буддийского учения [10, 309], т. е. члены клана были объединены не на основе кровнородственных отношений, а исключительно на фундаменте религиозно-конфессиональных представлений. В условиях тотальных монгольских войн в XIII в. на Северо-Западе Китая, массового переселения монголов в этот регион и одновременного усиления буддийского идеологического влияния данное историческое явление могло иметь место. Несмотря на разницу в родо-вом происхождении исследуемых лиц, факт особого отношения одного из них к рождению другого демонстрирует не только высокий статус в сословном обществе отца Цонкапы (вероятно, монгола по происхождению и руководителя округа и клана), показывает формирование новой элиты в регионе, объединяемой в основном за счёт буддизма и новых властных структур. Необходимо обратить внимание на наставление Дондуб Ринчена родителям Чже Цонкапы: «Содержать маленького ребёнка в чистоте». Речь, скорее всего, идёт не только о физической, но и о духовной, религиозной чистоте. Исходя из этого, можно предположить, что территория региона была ещё плохо освоена буддийской идеологией [11–13].

Следующий эпизод связан с вступлением Чже Цонкапы в буддийскую общину³. Середина XIV в. — сложный и важный период в развитии буддизма во Внутренней Азии. Тибетский буддизм является де-факто центральной религией в империи во время правления монгольской династии Юань (1271–1368) и благодаря поддержке императорской власти получает

³ «В том году, когда отец Чже пригласил Соржо Дондуб Ринчена домой, Соржо лама, подарив отцу и матери лошадей, коров, овец и других домашних животных, шелка и другие ценные вещи... бесчисленное множество различных даров, попросил: «Поднесите этого ребёнка мне». Поскольку отец и мать обладали верой, основанной на уважении Учителей и большим желанием совершать благодеяния, они с радостью и вдохновением отдали сына в ученики» [8, 11v].

возможность для своего широкого распространения по всей стране. Тем не менее, основное направление его развития – Северо-Западный Китай, территория «фронта» тибетской и монгольской культур. В этих социально-политических условиях дети местной элиты очень рано приобщаются к буддизму, вступая в буддийские монашеские общины. Согласно источнику, Чже Цонкапа был отдан в ученики Дондуб Ринчену в возрасте четырёх лет.

Чтобы ответить на вопрос, чему учился Чже Цонкапа у Дондуб Ринчена, необходимо рассмотреть проблему буддийского образования в регионе в XIV в. Необходимо подчеркнуть, что процесс формирования буддийской образовательной системы в провинции Амдо к этому времени не был завершён. Это можно проследить на примере самого Дондуб Ринчена. Он по достижении определённого возраста уехал учиться в центральный район Тибета Уйцзан (*тиб. dbus tsang*). Его учёба проходила в крупнейших образовательных центрах того времени: монастыре Дэвачен (*тиб. bde ba can*), позже названном Рато (*тиб. rwa stod*), монастыре Жалу (*тиб. zhwa lu dgon*), монастыре Нартанг (*тиб. snar thang dgon*).

Помимо знаний в «пяти книгах» Дондуб Ринчен получил обширные посвящения, передачи и наставления по наивысшей тантре, включая Ямантаку, Гухьясамаджу, Чакрасамвару и др. Вероятно, он был выдающимся схластом своего времени, за что ему дали почётное прозвище «Воин рассуждений» (*тиб. rigs pa'i dra 'bo*). После завершения обучения он возвращается в провинцию Амдо для преподавательской деятельности в монастыре Пакпа шингун десар (*тиб. 'phags pa shing kun sde gsar*), позже известном как Шингун ганден чопел линг (*тиб. shing kun dga' ldan chos 'phel gling*).

В биографии Дондуба Ринчена есть интересный эпизод: его неожиданно пригласили руководить монастырём Дэвачен в Центральном Тибете. Он принял решение покинуть Амдо, взяв с собой большой груз провизии для обеспечения указанного монастыря. Однако назначение настоятелем так и не состоялось. Возможно, действующий настоятель не оставил свой пост, или новый настоятель был назначен до его прибытия. В результате он окончательно возвращается в Амдо. В сочинении Чахар геше это решение рассматривается

в качестве следования предсказанию Чим Лобсан Дакпа (*тиб. chims blo bzang grags pa*, 1299–1375), который был учителем Дондуб Ринчена и двенадцатым настоятелем Нартанга, о его будущей встрече со своим знаменитым учеником¹. В этом предсказании было наставление и о создании двух новых монастырей в районе озера Кукунор.

После своего второго возвращения на родину Дондуб Ринчен основал два монастыря: Шадранг пунцок чолинг (*тиб. sha sbrang phun tshogs chos gling*) в 1346 г., и Джакхьюнг текчен йонтен даргье линг (*тиб. bya khyung theg chen yon tan dar rgyas gling*) в 1349 г. Первоначально он пытался преподавать курсы по Праджняпарамите, Прамане, Хеваджра-тантре и Бодхичарьяаватара. Неудовлетворённый результатом своей преподавательской деятельности, он оставляет монастырь Шадранг Пунцок Чолинг и перебирается в монастырь Джакхьюнг, который впоследствии стал его основной резиденцией. Именно в монастырь Джакхьюнг в 1363 г. в возрасте 6 лет² приходит молодой ученик Кунга Ньингпо (*тиб. kun dga' snying po*), который впоследствии стал известен как Чже Цонкапа Лобсан Дакпа.

В тибетской культуре, как свидетельствует Б. Барадийн, существовало два основных типа монастырей. Первый имел по своему назначению образовательно-школьный характер. Второй тип являл собой место уединения и предназначался для совершенствования в созерцательной практике [14]. Джакхьюнг относился ко второму типу монастырей. Хотя Северо-Запад Китая был давно знаком с буддизмом, тем не менее, ряд фактов из отношений Дондуб Ринчена и Чже Цонкапы указывает на то, что в XIV в. здесь в основном развивается система монастырей отшельнического типа, которые предназначались как для одиночной, так и для групповой монашеской жизни.

Дондуб Ринчен создал высшую монастырскую школу с преподаванием классического цикла буддийских образовательных

¹ «Место твоей помощи живым существам и Учению – область Амдо. Ты отправляйся туда и в двух местностях Джакхьюнг и Шадранг построй монастыри... В это время у тебя появится много хороших учеников (в качестве) мудрецов и сиддхов. Но один из них будет наиболее выдающимся, ни с кем несравнимый, когда он станет послушником, дай ему мое имя – Лобсан Дакпа» [8, 15v].

² В сочинении Чахар геше указывается возраст 4 лет, однако другие источники указывают на возраст 7 лет (6 и один год внутриутробный).

дисциплин. Однако данное направление деятельности по развитию монастырской системы было ограничено реалиями региональной культуры. В этот период в местном буддизме преобладают ритуалы и созерцательные практики, что накладывает определённый отпечаток на тип синхронной монастырской организации. Особенность этно-социального ландшафта в развитии буддизма в регионе определилась в первую очередь тем, что местные монастыри складывались в русле уже существующих социальных отношений, точнее, в структуре имперских и родо-клановых взаимодействий. Незрелость монастырской образовательной системы указывает на ранний период развития буддизма в регионе в XIV в. [13].

Следующие записи в источнике касаются обучения Чже Цонкапой в монастыре. В молодом ученике рано проявились способности к образованию¹. В ходе десятилетней учёбы Дондуб Ринчен даёт ему посвящения в учения Чакрасамвары, Хеваджры, Ваджрапани и других божеств по системе линии Дильвупы. Ученик изучает монашеские обеты и обязательства, обучается ритуалам². Он становится монахом. Ему преподаются тантры нижних и высших классов³. В результате он строит шалаш и занимается там отшельнической созерцательной практикой⁴. Несмотря на успешную

¹ «Как только он там оказался, лишь немного понаблюдав за тем, как многие ученики читают слова сутр, познав в подробностях печатные и скорописные буквы, он стал способен беспрепятственно читать, поэтому специально обучать его азбуке нужды не возникло» [8, 11v].

² «Соржо лама, введя его в мандалы, даёт посвящения Чакрасамвары, Хеваджры, Ваджрапани и многих других идамов по системе линии Дильвупы, также даёт тайное имя Амогхаваджра. После этого, выслушав в совершенной полноте все обеты и обязательства мантры, храня их в чистоте как зеницу ока, (он) сохраняет в уме ритуалы мандал Чакрасамвары, Хеваджры, Вайрочаны, Ямантаки и многих других идамов» [Там же, 12r].

³ Именно Соржо лама (Дондуб Ринчен) преподавал ему тантры нижних трех классов множества божеств, таких как владыка Ваджрадхату, Цемо, Пэлчо, владыка речи Ваджрадхату, Цуггу, Акшобхья, Панчаракша; (также) коренные сутры, сочиненные индийскими учителями, и множество других ритуалов и наставлений относительно посвящений в мандалу (различных) божеств, которые Чже поместил в (свое) сердце. Чже выслушал от Соржо ламы (Дондуб Ринчен) множество видов разделов учения наивысшей тантры – три раздела Ямантаки: Черный Ямантака, Красный Ямантака, Ваджрабхайрава; три цикла Чакрасамвары, идущие по линии трех учителей: Луипы, Нагпопы и Дильвупы; Махачакра Ваджрапани и другие; должным образом постигнув весь их смысл [Там же, 12v].

⁴ Чже Цонкапа для совершения ретрита (уединения) по сближению с божеством построил некий сплетенный из травы шалаш и, сидя в нем, много

религиозную практику, в его учебных курсах отсутствуют базовые схоластические предметы тибетского буддизма: прамана, праджняпарамита, мадхьямака, абхидхарма и виная [15]. В источнике говорится о том, каким образом он принимает решение о переезде в Уйцзан для продолжения учёбы – Цонкапа часто размышлял об этом⁵.

Чахар-геше далее пишет: «После этого, когда Чже ринпоче отправился в школу на коне, Соржо лама (Дондуб Ринчен) вышел на улицу и долго смотрел ему вслед, однако Чже Цонкапа уехал, не оглянувшись назад. Тогда Соржо лама сказал, приняв гневный вид, словно обеспокоившись (разрывом): “То, что Лобсан Дакпа уехал, не посмотрев назад, означает, что он не помнит мою доброту. Раз он не помнит доброту своего старого учителя, сбросьте его шалаш в пропасть горы” [8, 18r]. Это событие произошло в 1372–1373 гг., когда в возрасте 15–16 лет Чже Цонкапа покидает Амдо и переезжает в Центральный Тибет для продолжения учёбы. В исторической литературе Тибета взаимоотношение учителя и ученика, Дондуб Ринчена и Чже Цонкапы, рассматриваются в качестве идеальных. В подтверждение этой точки зрения рассматриваются факты из жизни реформатора. Чже Цонкапа в своей блестящей и политически сложной жизни всегда хранил в памяти образ своего учителя. Общаясь со своими многочисленными учениками, он очень часто приводил пример своего учителя. Дондуб Ринчен оставался основным духовным наставником для Чже Цонкапы на всех этапах его жизни. Его знаменитое

практиковал сближение и достижение [Там же, 18r]. Постоянно усердствовал в созерцании божеств идамов, начитывании мантр и т.п. В один такой период в течение долгого времени каждую ночь во сне он стал видеть двурогого гневного Ваджрапани, в особенности (часто) возникали знаки непрерывного благоговения Великого Джово Палдэн Атиши, приходившего во снах каждую ночь [Там же, 12r].

⁵ «Как желающие найти Драгоценность, исполняющую желания, могут найти её в океане, где пребывает обладающий огромными заслугами Царь нагов, а в мелких лужах её не найти; желающие стать мудрыми в святой Дхарме, смогут обучаться лишь с опорой на великие собрания монастырей, где пребывает много святых Гуру, а в местах, где нет Учителей и школ, достоинства не обрести. В Тибете первой землёй, где была зажжена свеча драгоценного Учения, был Уйцзан, сегодня поток Учения сохраняется в этом превосходном районе, поэтому я пойду учиться в Уйцзан! – такое особое намерение постоянно рождалось у Чже. Затем, когда наступила тень шестнадцати лет, Соржо лама сказал Цонкапе, что пора отправляться в школу. Чже и сам, поскольку ждал этого, с большой радостью это воспринял, и Соржо лама подготовил всё необходимое для обучения и провиант в дорогу» [9, 2r].

руководство, написанное в стихах перед отъездом ученика, содержит хорошо продуманную программу религиозного образования и практики. Хотя Чже Цонкапа потерял листок с этими наставлениями по прибытии в Уйцзан, многие из стихов он помнил наизусть. В последние годы своей жизни он передал его содержание своему ученику и биографу Кедруб Чже Гелек Палзанг (*тиб. mkhas grub rje dge legs dpal bzang*, 1385–1438). Чахар геше воспроизводит данное руководство в своём произведении¹.

Ещё одно подтверждение преданности Чже Цонкапы своему учителю связано с его ориентирами в формировании религиозной практики, созданной им школы гелук – самой крупной школы тибето-монгольского буддизма. Как адепт, практикующий Ваджрабхайраву, Дондуб Ринчен посоветовал юному Чже Цонкапе принять Ваджрабхайраву и Махакалу в качестве своих главных божеств. Впоследствии Чже Цонкапа объявляет Ваджрабхайраву одним из тантрических божеств школы гелук, двумя другими были Гухьясамаджа и Чакрасамвара, и принимает Махакалу в качестве божества-хранителя данной школьной традиции.

Рассмотрение развития буддизма в Северо-Западном Китае (провинции Цинхай и Гяньсу) через историю отношений между

Чже Цонкапой и его учителем Дондуб Ринченом, изложенную в трактате Чахар-геше «Источник всего благого и счастья: жизнеописание великого всеведущего Чже Цонкапы» обнажает специфику историко-биографического исследования знаменитого монгольского автора. Для научного анализа данного произведения необходимо прежде всего считаться со спецификой периода (в развитии тибетоязычной литературы), внутри которого осуществилось написание исследуемой работы. В этот период (рубеж XVIII–XIX вв.) тибето-монгольская историческая мысль пыталась переосмыслить результаты важнейших этапов собственного изучения буддийской истории. Исходя из этого, становится понятным компилятивный характер данного произведения. В ходе изучения заинтересовавшего нас фрагмента был выявлен факт того, что упор в работе делался не на расширение исторического знания, а на его специфическую подачу в традициях тибето-буддийской схоластики, что проявилось прежде всего в особенностях авторского структурирования текста.

Анализ содержания произведения показал, что развитие тибетского буддизма во многих областях Северо-Запада Китая в XIV в. находилось на начальном этапе. Здесь, несмотря на императорскую поддержку, буддийская монастырская система была в процессе формирования. Тем не менее, крупные миграционные процессы, создание новых властных структур, динамичное полиэтничное (тибето-монгольское) население формировали благоприятные условия для развития буддизма в данном регионе и его дальнейшего продвижения в Монголию [16].

Чтобы оценить роль региональных процессов в формировании мировоззрения будущего великого реформатора, необходимо ещё раз обратиться к сути его реформ. Исторически тибетский буддизм в своей магистральной тенденции принимает форму государственной религиозной доктрины, опирающейся на отчётливо иерархизированную, широкоразветвлённую сеть буддийских монастырей. Типологическая особенность генезиса тибетской теократии заключалась в постепенном сращивании государственного и религиозно-монастырского системных факторов. В этом процессе монастырские структуры подменяли собой институты светские (родоклановые) в области государственного строительства и определяли через буддийские страте-

¹ «Мой юный Лобсан Дакпа, силой заслуг, обретённых тобой в прошлых перерождениях, ты поистине был наделён способностью поглощать нектар Благого Учения! Сначала ты должен с усердием изучить «Абхисамаяаламкару», которая названа украшением «Трёх матерей» (большой, средней и малой «Празднпарамиты»). Если ты будешь хорошо знать этот текст, ты сможешь овладеть и всеми другими книгами. Всегда помни этот совет. Затем, ради понимания подробностей, следует хорошо изучать «Махаяна-сутра-аламкару», раскрывающую Путь и Деяния Бодхисаттв, шастру «Дхармадхармата-вибханга», в которой проповедуется «Срединный путь», не имеющий начала и конца, и книгу «Махаяна-уттаратантра», в которой объясняется, что «Чистая природа ума» присутствует во всех существах, и эта природа называется Татхагатагарбха. Ты должен сделать эти пять текстов Майтрейи своими Доспехами Знаний. Потом ты должен изучить три шастры, подобные телу – большую шастру «Праманаварттику», среднюю шастру «Праманавинишчая» и малую шастру «Ньяябинду», а также, трактаты, называемые конечностями тела – «Хету-бинду», «Самбандхапарикша-пракарана», «Сантанантарасиддхи-нама-пракарана», «Ваданья-нама-пракарана». Эти семь текстов по логике Дхармакирти – свет Учения Будды в Джамбудвипе, и они прославлены, как солнце и луна. Этому обучайся», – так сказал мой Гуру и некоторые последующие строфы я забыл. Следующее из того, что помню: «Мой сын, обладающий благим умом, ты должен особо почитать теорию отсутствия крайностей. Ты должен изучать Шесть трактатов мадхьямака, написанные Арья Нагарджуной, и тексты, основанные на них» [9, 3v].

мы ход социального развития тибетского, а затем и монгольского общества. Наиболее важный момент данного процесса связан с реформами Чже Цонкапы.

Суть реформы Цонкапы нашла свою адекватную реализацию в стремлении универсализировать буддийскую государственно-монашескую и религиозно-философскую системы. Доктрина Чже Цонкапы резко возвышала роль монашества: монашеский статус объявляется самой важной ступенью на пути религиозного преобразования личности адепта. Индивидуальная созерцательная практика – пратьекабуддство – рассматривается всего лишь как один из аспектов всеобъемлющей монашеской жизни. Поэтому тантрические практики, статус которых всегда считался высшим, ставятся в определённую зависимость от процесса осуществления монашеской дисциплины и необходимости постижения схоластического знания. С реформой Чже Цонкапы также связан процесс универсализации всего тибетобуддийского школьного пространства. Этот же исторический момент знаменуется созданием единой иерархической государственно-монашеской структуры для всего Тибета. Основное ядро этой структуры – великие тибетские монастыри-университеты, созданные после реформы Чже Цонкапы. Именно они и становятся стержнем всего буддизма Внутренней Азии, их значение в тибетской и монгольской культуре до сих пор не утрачено. Фрагменты жизнеописания, связанные с историей отношений Чже Цонкапы и Дондуб Ринчена, показывают, что реалии развития буддизма на Северо-Западе Китая в XIV в. не только формируют основные интенции великого реформатора, но и предопределяют его будущие реформы.

Отметим, что в ходе исследования выявлен интересный исторический: крупнейший учёный-схоласт Внутренней Азии (в его собрание сочинение входит около 160 произведений по всем областям буддийских дисциплин [17]) до 15–16 лет прак-

тически не получал буддийского схоластического образования. Вследствие этого теоретико-философские достижения Чже Цонкапы выглядят ещё более впечатляющими и свидетельствуют о его незаурядных личных качествах.

Заключение. Таким образом, взаимоотношения учителя и ученика, Дондуб Ринчена и Чже Цонкапы, в работе выдающегося монгольского учёного Чахар-геше «Источник всего благого и счастья: жизнеописание великого всеведущего Чже Цонкапы» – фундаментальное историческое свидетельство важнейших религиозных и культурных процессов, имевших место на обширных территориях Северо-Западного Китая в период XIV в. и повлиявших на развитие буддизма всей Внутренней Азии.

Специфика развития Северо-Западного Китая в исследуемом произведении рассматривается в качестве сложного этно-социального процесса, имевшего место в XVI в. Формирование новых социальных объединений тибетцев и монголов в имперских условиях династии Юань во многом определялось буддийским фактором в качестве фундамента происходящих изменений. В биографии Чже Цонкапы данная социально-историческая обстановка излагается на основе взаимоотношений учителя и ученика.

Масштаб достижений выдающегося учёного и реформатора тибето-монгольского буддизма Чже Цонкапы в определённой степени отражается в первоначальном периоде его жизненного пути.

Источниковедческий анализ исследуемого тибетоязычного произведения даст толчок к дальнейшим исследованиям специфики своеобразных интерпретаций исторических событий в среде тибето-монгольских авторов. Перевод на русский язык малоизученной биографии Чже Цонкапы, её ввод в научный оборот создадут фундаментальный материал для современных тибетологов и буддологов, заинтересованных в изучении истории буддизма XVI в. в Северо-Западном Китае.

Список литературы

1. Краткое жизнеописание Чже Цонкапы // Чже Цонкапа. Большое руководство к этапам Пути Пробуждения / пер. с тибет. А. Кугявичуса. СПб.: Наптанг, 1994. Т. 1. 446 с.
2. Thurman R. Life and Teachings of Tsong Khapa. Boston: Wisdom Publications, 2018. 289 p.
3. Ванчикова Ц. П. Жизнь и деятельность второго перерожденца Нейджи-тойна: источниковедческий анализ намтара // Oriental Studies. 2020. No. 13. Pp. 173–182.
4. Востриков А. М. Тибетская историческая литература. М.: Изд-во Вост. лит., 1962. 425 с.

5. Гончог-Чжигмэд-Ванбо. Повествование о жизни Всеведущего Чжамьян-Шадбий-Дорчже, могущественного учёного и сиддха, называемое «Брод, ведущий к удивительно благому уделу» / пер., коммент. Н. В. Цыремпилова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. 312 с.
6. Tibetan Literature: Studies in Genre / ed. by Jose Ignacio Cabezon and Roger R. Jackson. Ithaca. New York: Snow Lion, 1996. 551 p.
7. Орлов И. Б. Образ Крупской в контексте исторического времени: рецензия на книгу В. Э. Багдасаряна «Крупская и педагогическая эпоха». М.: МГОУ, 2019. 180 с.
8. Cha har dge bshes blo bzang tshul khriims. Tsong kha pa chen po'i nam thar go sla bar brjod pa bde legs kun gyi 'byung gnas. Gsung 'bum, Blo bzang tshul khriims, Sku 'bum byams pa gling, Vol. 2 (Kha pa), Part 2 (Cha pa). Ff. 1r-66v. (Тибетский фонд ЦВРК ИМБТ СО РАН).
9. Cha har dge bshes blo bzang tshul khriims. Tsong kha pa chen po'i nam thar go sla bar brjod pa bde legs kun gyi 'byung gnas. Gsung 'bum, Blo bzang tshul khriims, Vol. 2 (Kha pa). Part 3 (Ja pa). Ff. 1r-41r. (Тибетский фонд ЦВРК ИМБТ СО РАН).
10. Samuels Jonathan. Are We Legend? Reconsidering Clan in Tibet // Revue d'Etudes Tibétaines. 2016. No. 37. Pp. 293–314.
11. Гой-лоцава Шоннупэл. Синяя летопись. История буддизма в Тибете, VI–XV вв. / пер. с тибет. Ю. Н. Рериха; пер. с англ. О. В. Альбедилы и Б. Ю. Харьковской. СПб.: Евразия, 2001. 768 с.
12. Парсам-джонсан: история и хронология Тибета / пер. с тибет. Пубаева Р. Е. Новосибирск: Наука, 1991. 264 с.
13. Сумба-Хамбо. История Кукунора, называемая «Прекрасные ноты из песни Брахмы» / пер. с тибет., примеч. Б. Д. Дандарона. М.: Наука, 1972. 166 с.
14. Барадийн Б. Б. Буддийские монастыри. Краткий очерк // Orient: альманах. 1992. Вып. 1. С. 61–116.
15. Dreyfus G. The sound of two hands clapping: the education of a Tibetan Buddhist monk. Berkley, Los Angeles; London: University of California Press, 2003. 460 p.
16. Барадийн Б. Б. Жизнь в Тангутском монастыре Лавран: Дневник буддийского паломника (1906–1907 гг.) / предисл. и коммент. Ц. П. Ванчиковой. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2002. 256 с.
17. A Catalogue of the Tohoku University Collection of Tibetan Works on Buddhism. Edited by Yensho Kanakura, Ryujo Yamada, Tokan Tada, Hakuyu Hadano. Sendai: The Seminary of Indology: Tohoku University, 1953. 531 p.

Статья поступила в редакцию 21.03.2021; принята к публикации 25.04.2021

Сведения об авторах

Базаров Андрей Александрович, доктор философских наук, доцент, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; 670047, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; e-mail: bazarow_andr@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6837-7280>.

Тушинов Баир Луданович, младший научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; 670047, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; e-mail: nurushi@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6029-160X>.

Вклад авторов в статью

А. А. Базаров – основной автор, формулировал концепцию исследования, собирал и обрабатывал материал.

Б. Л. Тушинов – сбор и обработка материала.

Источники финансирования статьи

Статья подготовлена в рамках двух государственных заданий: проект № 121031000263-3 «Письменные традиции народов Байкальского региона в контексте историко-культурного наследия России и Внутренней Азии», проект № 121031000302-9 «Памятники письменности народов России и Внутренней Азии на восточных языках и архивные документы XVIII – начала XXI в. в контексте межкультурного взаимодействия».

Библиографическое описание статьи

Базаров А. А., Тушинов Д. Л. Сочинение Чахар-геше «Большое жизнеописание Чже Цонкапы»: развитие буддизма на Северо-Западе Китая в XIV веке // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 3. С. 191–199. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-191-199.

References

1. Brief biography of Zhe Tsongkhapa. Zhe Tsongkhapa. A great guide to the stages of the Path of Awakening. V. 1. Saint Petersburg: Izd. Nartang, 1994. (In Rus.)
2. Thurman, R. Life and Teachings of Tsong Khapa. Boston: Wisdom Publications, 2018. (In Engl.)

3. Vanchikova, T. P. Life and Activities of the 2nd Neiji Toyin: A Historiographic Analysis of His Namtar. *Oriental Studies*, no. 13, pp. 173–182, 2020. (In Rus.)
4. Vostrikov, A. M. Tibetan historical literature. M: Izd. Vostochnoy literatury 1962. (In Rus.)
5. Gonchog-Chzhigmed-Vanbo. A story about the life of the Omniscient Chjamyan-Shadbi-Dorje, a powerful scientist and siddha, called "A Ford Leading to a Surprisingly Good Destiny". Ulan-Ude: Izd. BNTS SO RAN, 2008. (In Rus.)
6. Tibetan Literature: Studies in Genre. Ed. by Jose Ignacio Cabezon and Roger R. Jackson. Ithaca, New York: Snow Lion, 1996. (In Engl.)
7. Orlov, I. B. The image of Krupskaya in the context of historical time: a review of the book by V. E. Baghdasaryan "Krupskaya and Pedagogical Era". *Bulletin of the Moscow State Regional University*, no. 2, pp. 237–241, 2019. (In Rus.)
8. Cha har dge bshes blo bzang tshul khirms. Tsong kha pa chen po'i nram thar go sla bar brjod pa bde legs kun gyi 'byung gnas. Gsung 'bum, Blo bzang tshul khirms, Sku 'bum byams pa gling, Vol. 2 (Kha pa), Part 2 (Cha pa). Ff. 1r-66v. Tibetan fund, Center of Oriental Manuscripts and Xylographs Siberian Branch, Russian Academy of Sciences. (In Tibetan)
9. Cha har dge bshes blo bzang tshul khirms. Tsong kha pa chen po'i nram thar go sla bar brjod pa bde legs kun gyi 'byung gnas. Gsung 'bum, Blo bzang tshul khirms, Vol. 2 (Kha pa). Part 3 (Ja pa). Ff. 1r-41r. Tibetan fund, Center of Oriental Manuscripts and Xylographs Siberian Branch, Russian Academy of Sciences. (In Tibetan)
10. Samuels, Jonathan. Are We Legend? Reconsidering Clan in Tibet. *Revue d'Etudes Tibétaines*, no. 37, pp. 293–314, 2016. (In Engl.)
11. Goy-lotsava Shonnupel. Blue Chronicle. History of Buddhism in Tibet, VI–XV centuries. Saint Petersburg: Izd. Yevraziya, 2001. (In Rus.)
12. Pagsam-dzhonsan. History and chronology of Tibet. Novosibirsk: Nauka, 1991. (In Rus.)
13. Sumba-Khambo. The story of Kukunor called "Beautiful Notes from the Song of Brahma". M: Nauka, 1972. (In Rus.)
14. Baradin, B. B. Buddhist monasteries. A short sketch. Almanac "Orient", vol. 1, pp. 61–116, 1992. (In Rus.)
15. Dreyfus, G. The sound of two hands clapping: the education of a Tibetan Buddhist monk. Berkley, Los Angeles, London: University of California Press, 2003. (In Engl.)
16. Baradin, B. B. Life in the Tangut Monastery Lavran: Diary of a Buddhist Pilgrim (1906–1907). Ulan-Ude: BNTS SO RAN, 2002. (In Rus.)
17. A Catalogue of the Tohoku University Collection of Tibetan Works on Buddhism. Edited by Yensho Kanakura, Ryujo Yamada, Tokan Tada, Hakuyu Hadano. Sendai: The Seminary of Indology, Tohoku University, 1953. (In Japanese)

Received: March 21, 2021; accepted for publication April 25, 2021

Information about author

Bazarov Andrey A., Doctor of Philosophy, Associate Professor, Institute for Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences; 6 Sakhyanovoy st., Ulan-Ude, 670047, Russia; e-mail: bazarow_andr@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6837-7280>.

Tushinov Bair L., Junior Researcher, Institute for Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences; 6 Sakhyanovoy st., Ulan-Ude, 670047, Russia; e-mail: nurushi@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6029-160X>.

Contribution of authors to the article

A. A. Bazarov – the main author, formulation of the research concept, collection and processing of material.

B. L. Tushinov – collection and processing of material.

Sources of article funding

The research was carried out within the state assignment: project No. 121031000263-3 "The Writing Traditions of the Peoples of the Baikal Region in the Context of Historical and Cultural Heritage of Russia and Inner Asia", project No. 121031000302-9 "The Oriental Languages and Archival Documents of the Peoples of Russia and Inner Asia in the Context of Inter-Civilization Interaction, 18th – Early 21st Centuries".

Reference to the article

Bazarov A. A., Tushinov B. L. The Great Biography of Je Tsongkhapa" by Chahar Geshe: The Development of Buddhism in Northwest China in the 14th Century // *Humanitarian Vector*. 2021. Vol. 16, No. 3. PP. 191–199. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-191-199.

НАУКА И ЖИЗНЬ

SCIENCE AND LIFE

УДК 37:001.32-057.4

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-200-205

Алексей Иванович Батура,

Забайкальский государственный университет

(г. Чита, Россия),

e-mail: darasun17@mail.ru

https://orcid.org/0000-0002-1593-7395

Татьяна Гавриловна Васильева,

Забайкальский государственный университет

(г. Чита, Россия),

e-mail: tvzabspu@yandex.ru

https://orcid.org/0000-0002-0822-9761

Историк и педагог: к 70-летию Людмилы Георгиевны Романовой

Статья посвящена педагогу, кандидату исторических наук, доценту Людмиле Георгиевне Романовой. 2021 год является юбилейным в жизни педагога – в октябре ей исполняется 70 лет. В статье приведены отдельные факты из биографии Людмилы Георгиевны, дан краткий обзор её научной и педагогической деятельности, приложен список основных трудов. Представлена организационная деятельность Л. Г. Романовой на факультете Института социально-политических систем и кафедре истории, показаны различные грани её педагогического таланта. Отмечена тесная связь её научных интересов с общественными запросами г. Читы и Забайкальского края. Несомненен вклад юбиляра в развитие исторической науки и общеобразовательных дисциплин Читинского политехнического института (в настоящее время – Забайкальский государственный университет).

Ключевые слова: Читинский политехнический институт, исторический факультет ИГУ, педагог, учёный, Забайкальский край

Aleksey I. Batura,

Transbaikalsk State University

(Chita, Russia),

e-mail: darasun17@mail.ru

https://orcid.org/0000-0002-1593-7395

Tatyana G. Vasilieva,

Transbaikalsk State University

(Chita, Russia),

e-mail: tvzabspu@yandex.ru

https://orcid.org/0000-0002-0822-9761

Historian and Teacher: to the 70th Anniversary of Lyudmila G. Romanova

The article is devoted to the life of the teacher, candidate of historical sciences, associate professor Lyudmila G. Romanova. 2021 is anniversary year – Lyudmila G. Romanova will be 70-year-old in October. Some facts from the biography of Lyudmila G. are written in the article, the brief information of scientific and pedagogical activities, the list of main articles attached. The article shows the organizational activities of Romanova at the faculty Institute of social political systems and Department of History, her pedagogical talent. The article shows Lyudmila G. Romanova's scientific interests with public demands of Chita city and Transbaikalsk region.

© Батура А. И., Васильева Т. Г., 2021

Romanova made a significant contribution to the development of historical science and general educational disciplines of Chita Polytechnical Institute (Transbaikal state university).

Keywords: Chita Polytechnical Institute, Historical Faculty of ISU, teacher, scientist, Transbaikal region

Людмила Георгиевна Романова

Ludmila G. Romanova

Выпускники Читинского политехнического института (в настоящее время – Забайкальский государственный университет) относятся с огромным уважением к Л. Г. Романовой как к требовательному декану, заведующему кафедрой и преподавателю, а также как к человеку с высоким уровнем образования и культуры, способным увлечь за собой. Если у студентов-гуманитариев изучение истории не вызывает проблем, то будущим инженерам горного дела, строительства или электроснабжения не очень понятно, зачем изучать историю. Своими увлекательными экскурсами в прошлое, добросовестным анализом исторических фактов Людмила Георгиевна доказала, что история не только является обязательным для изучения предметом, но и развивает духовный мир человека.

Л. Г. Романова родилась 9 октября 1951 г. в городе Кемерово. Вскоре семья переехала на родину отца, Георгия Александровича, в город Нижнеудинск Иркутской области. Людмила была старшей из троих

детей, росла ответственной и целеустремлённой. Училась на «хорошо» и «отлично». Любимыми предметами в школе были история и литература. Историю преподавал директор школы Н. И. Смирнов, именно он посоветовал выпускнице поступить в Иркутский государственный университет. Родители, мечтавшие дать детям высшее образование, поддержали дочь, особенно мама, Татьяна Трофимовна. С 1969 по 1974 г. Людмила Романова – студентка Иркутского государственного университета (ИГУ).

Исторический факультет ИГУ по праву гордился своими талантливыми учёными, историками-педагогами, способными воспитать будущих исследователей [2, с. 119]. В их числе были М. А. Бендер, С. Ф. Коваль, Г. И. Медведев, В. П. Олтаржевский, Л. А. Петров, В. Г. Тюкавкин, П. П. Хороших, С. В. Шостакович и Б. С. Шостакович.

Доцент кафедры всеобщей истории, создатель школы лекторов-международников М. А. Бендер запомнился студентам как блестящий пропагандист исторических и политических знаний. Лекции по истории Средневековья читал доцент В. П. Олтаржевский. Доцент кафедры истории СССР С. Ф. Коваль преподавал курс истории XIX в., вёл спецсеминар «Декабристы в Сибири» и спецкурс «Общественно-политическое движение в России 30–40-х гг. XIX в.». Семён Фёдорович руководил историко-этнографической экспедицией в Иркутской области, в том числе на территории Кругобайкальской железной дороги. Летом 1971 г. Л. Г. Романова участвовала в этой экспедиции, собирала материал устных воспоминаний старожилов Восточной Сибири.

Таким образом, целенаправленная специализация и высокий уровень профессионализма преподавателей ИГУ способствовали быстрому академическому росту студентов. Многие выпускники становились преподавателями вузов и продолжали обучение в аспирантуре.

В 1978 г. Людмила Георгиевна поступила в очную аспирантуру МГУ им. М. В. Ломоносова на кафедру истории КПСС. По рекомендации научного руководителя С. И. Сидорова было определено историческое пространство исследования: Мо-

сква и Московская область. Такой шаг был оправдан тем, что он позволял дать исторический анализ социально-экономическому развитию региона в близкий к современности период и вывести из этого общую для страны закономерность на большем материале, следовательно, с большей объективностью. В достаточно короткий срок Л. Г. Романова написала тексты научных статей и подготовила в 1982 г. диссертацию к защите. Диссертация и автореферат «Деятельность КПСС по осуществлению курса на повышение материального благосостояния трудящихся в период между XXIII и XXIV съездами партии (на материалах партийных организаций промышленных предприятий Москвы и Московской области)» хранятся в Российской государственной библиотеке [6].

Л. Г. Романова всегда стремилась расширить кругозор, что помогало в личностном развитии, активно участвовала в научных конференциях разного уровня (Москва, Минск, Свердловск, Челябинск, Томск, Иркутск, Чита). С проблемами персонификации исторического процесса выступала на конференциях об исследователе В. И. Вернадском [8], о русском князе, революционере и учёном П. А. Кропоткине [5; 7]. Она исследовала причины появления фашизма и экстремизма в XX в. как следствие экономических, политических и социальных кризисов в обществе [9]. Автором опубликованы статьи по вопросам реформирования высшего гуманитарного образования [11; 12]. Анализируя документы переписи населения России, Людмила Георгиевна не только изучала демографические проблемы, но и определяла роль государства в увеличении численности населения, «существенно улучшая качество жизни» [3, с. 108]. В общественно-политической активности женщин в XX – начале XXI в. Л. Г. Романова отмечала вопросы духовного, социального освобождения женщин и проблемы преодоления ярко выраженных патриархальных традиций российской демократии [4]. В сфере её научных интересов были и проблемы экономического, научно-технического, культурного развития Забайкалья [10; 11]. Всего подготовлено к публикации более 40 научных статей.

В Читинском политехническом институте работала с 1974 по 2016 г. Преподавала на кафедре истории КПСС ассистентом, старшим преподавателем и доцентом. Высокий престиж технического образования,

творческая атмосфера вуза того времени определённо имели инновационный характер, т. к. обучение на всех специальностях способствовало решению конкретных социально-экономических проблем региона и страны в целом. В коллективе, где начинала работать Л. Г. Романова, трудились молодые специалисты. В разные годы заведовали кафедрой истории КПСС (в последующем – истории) А. С. Дружинин, Л. М. Красных, Л. Г. Романова, Э. В. Карнаухова, А. И. Батура, П. В. Мороз.

В октябре 1986 г. в составе делегации Читинской области Людмила Георгиевна принимала участие во Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук вузов. Пленарные заседания проходили в Большом Кремлёвском дворце. На фотографии в Георгиевском зале участники совещания, среди них Л. Г. Романова, В. В. Куликов, Л. В. Смирнова, А. А. Подопригора – заведующие кафедрами читинских вузов. Начиналась перестройка, все были воодушевлены грядущими переменами в экономической и общественно-политической жизни страны.

В период перестройки Людмила Георгиевна и преподавательский состав кафедры не увлекались историко-либеральной теорией, пришедшей на смену историко-материалистической. Подобный соблазн не избежали многие другие обществоведы. В результате одна «история» механически заменялась другой, ещё в большей степени предвзятой. Со временем кафедра стала ориентироваться на теоретическое изучение истории, что позволило изменить базовые курсы истории, ввести дополнительные спецкурсы. Заведующая кафедрой, Л. Г. Романова стремилась организовать и сплотить коллектив, старалась дать глубокие знания по истории, вместе с тем воспитать настоящих граждан советской страны. С открытием новых специальностей в вузе на кафедре разрабатывались дополнительные исторические дисциплины: «История международных отношений и внешней политики России», «История социальной работы в России», «История государственного управления России» и др.

С большим уважением Людмила Георгиевна вспоминает коллег, с которыми работала на кафедре. Это преподаватели истории Т. Ф. Казанова, В. И. Малыгина, Л. Д. Макушева, Н. Н. Константинова, В. И. Мерцалов, А. А. Подопригора,

Ю. Н. Крюков, Е. Ю. Крюков, А. И. Батура, Д. Н. Беспалько, а также преподаватели

русского языка и культуры речи Т. А. Сутурин, Т. М. Павлова, Л. Н. Глушкова и др.

Преподаватели кафедры истории, 1996. Л. Г. Романова – 1-я слева в первом ряду
Teachers of the Department of History, 1996. Ludmila G. Romanova in the first row, first on the left

Людмила Георгиевна читала лекции студентам на всех факультетах Читинского политехнического института. Она помнит многих выпускников, которые работают в разных регионах и отраслях, в том числе преподавателями и сотрудниками нашего вуза, среди них: С. А. Иванов, ректор; А. Г. Рубцов, заведующий кафедрой транспортных и технологических систем [1, с. 80]; А. В. Лесков, декан факультета технологии, транспорта и связи [Там же, с. 41]; М. П. Семенюк и А. А. Солодухин, сотрудники кафедры техносферной безопасности [Там же, с. 152]; М. В. Лизункин, доцент кафедры разработки месторождений полезных ископаемых [Там же, с. 199]; И. И. Петухова, заведующая кафедрой обогащения полезных ископаемых [Там же, с. 230]; А. Ф. Чебунин, И. В. Федоткин, А. Н. Костяков – доценты кафедры транспортных и технологических систем [Там же, с. 80–83].

Студенты под руководством Л. Г. Романовой участвовали в вузовских и региональных научно-практических конференциях. Их работы отмечались грамотами и дипломами. Так, в 1984 г. студенты А. Голобоков и Ю. Епифанцев были среди победителей 10-го Всесоюзного конкурса по общественным наукам. В ежегодной научно-практической конференции «Молодёжная научная весна» студенты выступили с докладами на секции «История», а в сборниках региональной конференции «Забайкалье исто-

рическое» опубликованы статьи студентов (научный руководитель – Л. Г. Романова).

Развитие социально-психологического факультета в составе Института социально-политических систем, эффективность его работы – это заслуга всего коллектива преподавателей, возглавляемого деканом. С 2004 по 2009 г. Л. Г. Романова – декан социально-психологического факультета. Умения и навыки выпускники факультета, будущие социальные работники и психологи, приобретали не только в учебных аудиториях, но и работая летом в оздоровительных лагерях Забайкалья и в отряде «Смайл». Организатором студенческого отряда «Смайл» была Людмила Георгиевна. Её доброта, человечность, желание прийти на помощь людям вызывали глубокое уважение как у преподавателей, так и у студентов. Людмила Георгиевна способствовала развитию сотрудничества деканата с кафедрами и факультетами Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета. На историческом факультете была утверждена председателем государственной экзаменационной комиссии (ГЭК).

На кафедре истории в должности профессора читала лекции и разработала учебные курсы, программы и учебно-методические пособия по дисциплинам «Отечественная история», «История социальной работы в России», «История политических партий и общественных организаций в Рос-

сии». Л. Г. Романова – автор 10 учебно-методических пособий, которые использовались студентами и преподавателями.

Людмила Георгиевна не только автор публикаций, но и участник редакционной коллегии институтской многотиражной газеты «Прогресс». Читала публичные лекции в обществе «Знание» по социально-политическим, экономическим и культурным проблемам. По линии общества её приглашали для участия в семинарах, которые проходили в Москве, Горьком, Пензе, Алма-Ате, Хабаровске, Новосибирске. Участники семинаров обменивались практическим опытом, читали лекции на предприятиях и в различных учреждениях. Для Людмилы Георгиевны это было привычным делом – в городе и районах области она читала до 200 лекций год. В личном архиве хранится грамота на монгольском языке и фотография делегации из Читы в Хэнтэйском аймаке МНР (1986). Среди лекторов Л. Г. Романова и В. И. Василевский, до-

цент кафедры КПСС Читинского филиала Новосибирского института советской кооперативной торговли.

В политехническом институте Л. Г. Романова была членом партийного бюро кафедр общественных наук, а в студенческие годы – комсоргом группы. Ещё одним примером общественной работы на благо г. Читы и Забайкальского края может служить участие Людмилы Георгиевны независимым экспертом аттестационной комиссии Министерства социальной защиты и других конкурсных комиссий министерств и департаментов Забайкальского края.

Многолетний добросовестный труд Л. Г. Романовой отмечен наградами, грамотами и благодарностями. Людмила Георгиевна награждена знаком «Почётный работник высшего профессионального образования РФ» (2001). В 2006 г. преподавателю присвоено почётное звание «Ветеран труда» и «Заслуженный работник высшей школы Читинской области».

Список литературы

1. Забайкальский государственный университет. История и современность высшего инженерного образования / гл. ред. С. А. Иванов. Чита: ЗабГУ, 2017. 452 с.
2. Кальянова Т. П. Исторический факультет ИГУ: образование и жизнь в 1970-е гг. // Известия Иркутского государственного университета. 2016. Т. 18. С. 118–133.
3. Романова Л. Г. Демографическая история в перепилях населения России // Вестник Читинского государственного университета. 2003. № 32. С. 103–108.
4. Романова Л. Г. Социально-политическая активность женщин: компаративный анализ // Российский парламентаризм: история и современность: к 100-летию Государственной думы России: сб. ст. науч. конф. Чита: ЗабГГПУ, 2006. С. 136–139.
5. Романова Л. Г., Васильева Т. Г. Кропоткин П. А. об освоении Забайкалья и Приамурья // Записки Забайкальского отделения Русского географического общества. 2014. № 133. С. 201–208.
6. Шамонина Л. Г. (Романова). Деятельность КПСС по осуществлению курса на повышение материального благосостояния трудящихся в период между XXIII и XXIV съездами партии (на материалах партийных организаций промышленных предприятий Москвы и Московской обл.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.01. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1982. 25 с.
7. Шамонина Л. Г. (Романова). П. А. Кропоткин – учёный и революционер // Личность в политической истории Отечества: материалы междунар. конф.: в 2 ч. Ч. 2. М., 1993. С. 84–86.
8. Шамонина Л. Г. (Романова). Идеи единства и равенства в учении В. И. Вернадского // Проблемы комплексного изучения человека. Человек в условиях Забайкалья: материалы регион. науч.-практ. конф. Чита: ЧПИ, 1994. С. 66–68.
9. Шамонина Л. Г. (Романова). Экономика и фашизм // 50-летие Великой Победы над фашизмом: история и современность: материалы междунар. науч. конф. М.: Смядынь, 1995. С. 283–285.
10. Шамонина Л. Г. (Романова). К вопросу о современном экономическом и культурном развитии области // Региональные проблемы развития экономики: материалы науч.-практ. конф. Чита, 1997. С. 92–95.
11. Шамонина Л. Г. (Романова). Гуманитарное образование в вузах Забайкалья и региональная характеристика области // Историческая наука на рубеже веков: материалы Всерос. конф., посв. 120-летию ТГУ: в 3 т. Т. 3. Томск: Изд-во ТГУ, 1999. С. 200–205.
12. Шамонина Л. Г. (Романова). К вопросу о реформировании образования // Наука и образование на рубеже тысячелетий: материалы междунар. конф.: в 2 ч. Ч. 2. Чита: ЧитГТУ, 1999. С. 153–155.

Статья поступила в редакцию 19.03.2021; принята к публикации 15.04.2021

Сведения об авторах

Батура Алексей Иванович, кандидат исторических наук, доцент, Забайкальский государственный университет; 672039, Россия, г. Чита, ул. Александрово-Заводская, 30; e-mail: darasun17@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1593-7395>.

Васильева Татьяна Гавриловна, кандидат исторических наук, доцент, Забайкальский государственный университет; 672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30; e-mail: tvzabspu@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0822-9761>.

Вклад авторов в статью

А. И. Батура – основной автор, подготовил сведения, работал с источниками.
Т. Г. Васильева систематизировала материал, оформляла статью.

Библиографическое описание статьи

Батура А. И., Васильева Т. Г. Историк и педагог: к 70-летию Людмилы Георгиевны Романовой // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 3. С. 200–205. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-200-205.

References

1. Transbaikal State University. History and modernity of higher engineering education. ZabGU: Chita, 2017. (In Rus.)
2. Kalyanova T. P. Historical Faculty of Irkutsk State University: education and academic routine in 1970-s. *Izvestia ISU*, vol. 18, pp. 118–133, 2016. (In Rus.)
3. Romanova, L. G. Demographic history in population censuses of Russia. *Vestnik of Chita State University*, vol. 32, pp. 103–108, 2003. (In Rus.)
4. Romanova, L. G. Social and political activity of women a comparative analysis. *Proceedings of the Scientific Conference. "Russian parliamentarism: history and modernity": to the 100th anniversary of the State Duma of Russia*. Chita, 2006: 136–139. (In Rus.)
5. Romanova, L. G., Vasileva, T. G. Kropotkin P. A. In the development of Transbaikal and Amur region. *Notes of the Transbaikal Branch of the Russian Geographical Society*, no. 133, 201–208, 2014. (In Rus.)
6. Shamonina, L. G. (Romanova). The activities of the CPSU in the implementation of the course to improve the material well-being of the working people. *Cand. sci. diss. abstr.* M, 1982. (In Rus.)
7. Shamonina, L. G. (Romanova). P. A. Kropotkin is a scientist and a revolutionary. *Personality in the political history of the Country. Proceedings of the International Conference*. M, 1993: 84–86. (In Rus.)
8. Shamonina, L. G. (Romanova). The ideas of unity and equality in the teachings of V. I. Vernadsky. *Problems of the complex study of Human. Human in the conditions of Transbaikal: Proceedings of the Regional Scientific Conference*. Chita, 1994: 66–68. (In Rus.)
9. Shamonina, L. G. (Romanova). Economy and fascism. 50th anniversary of the Great Victory over fascism: history and modernity. *Proceedings of the International Scientific Conference*. M: Publishing house of Smolensk, 1995: 283–285. (In Rus.)
10. Shamonina, L. G. (Romanova). To the question of the modern economic and cultural development of the region. *Proceedings of the Scientific and Practical Conference Chita*, 1997: 92–95. (In Rus.)
11. Shamonina, L. G. (Romanova). Humanities education in the universities of Transbaikal and regional characteristic of the region. *Historical science at the turn of the centuries: Proceedings of the All-Russian Conference devoted to the 120th anniversary of Tomsk State University*. Tomsk, 1999: 200–205. (In Rus.)
12. Shamonina, L. G. (Romanova). To the question of education reforms. *Science and education at the turn of the centuries. Proceedings of the International Conference Chita*, 1999: 153–155. (In Rus.)

Received: March 19, 2021; accepted for publication April 15, 2021

Information about author

Batura Aleksey I., Candidate of History, Associate Professor, Transbaikal State University; 30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia; e-mail: darasun17@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1593-7395>.

Vasilyeva Tatyana G., Candidate of History, Associate Professor, Transbaikal State University; 30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia; e-mail: tvzabspu@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0822-9761>.

Contribution of authors to the article

А. И. Батура – the main author, preparation of information and work with sources.
Т. Г. Васильева – systematization of materials, design of the article.

Reference to the article

Batura A. I., Vasilyeva T. G. Historian and Teacher: to the 70th Anniversary of Lyudmila G. Romanova // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 3. PP. 200–205. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-200-205.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

Редакция принимает **не опубликованные ранее** материалы объемом до 1 п. л. (40 000 знаков с пробелами), выполненные в следующих жанрах:

<i>Жанр</i>	<i>Минимальный объем</i>
Статья (теоретического и эмпирического характера, содержащая основные научные результаты, полученные автором)	0, 5 п. л. (20 000 знаков)
Научные сообщения, доклады	0, 3 п. л. (12 000 знаков)
Научные обзоры, рецензии	0,2 п. л. (8 000 знаков)

В редакцию НЕОБХОДИМО ПРЕДСТАВИТЬ:

1. Электронный вариант статьи. В имени файла указываются фамилия автора(-ов) и название статьи.
2. Электронный вариант заполненного лицензионного договора.
3. Личную карточку автора – сведения об авторе(-ах).

СТРУКТУРА СТАТЬИ, ПРЕДСТАВЛЯЕМОЙ В РЕДКОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА

Отрасль науки. Название рубрики журнала.

Код: УДК, ORCID.

Имя, отчество, фамилия автора приводятся на русском и английском языках. Количество соавторов в статье может быть не более 5. При наличии соавторов первым указывается ответственный/основной автор. На русском и английском языках дается описание вклада в исследование каждого автора (по 1 предложению).

Город, страна – на русском и английском языках.

Место работы (постоянное и при наличии – место выполнения научного проекта) – на русском и английском языках.

Почтовый адрес – на русском и английском языках.

Источники финансирования статьи (при их наличии) – на русском и английском языках.

Название статьи – **на русском языке** строчными буквами (не заглавными), **на английском языке** – с заглавной буквы пишутся все слова названия, кроме артиклей: a, an, the; союзов: and, but, nor, or, предлогов короче пяти букв, частицы to перед инфинитивом.

Аннотация: 200–250 слов на русском и английском языках. Текст аннотации должен включать основные результаты статьи: актуальность, методы, выводы исследования. Аннотация не должна содержать каких-либо ссылок.

Ключевые слова или словосочетания (5–7 терминов/понятий) отделяются друг от друга запятой. Приводятся на русском и английском языках.

Основной текст статьи, содержащий следующие блоки: введение, методология и методы исследования, результаты исследования и их обсуждение, заключение. **Название блоков выделяется полужирным шрифтом.**

Статья должна иметь внутритекстовые ссылки на цитируемые источники. Ссылки приводятся в квадратных скобках с указанием порядкового номера в списке литературы и страницы, например [1, с. 25]. Несколько источников отделяются друг от друга точкой с запятой, например [1; 3; 4].

Список литературы указывается по мере цитирования и должен включать не менее 15 источников, в том числе не менее 5 зарубежных источников.

Учебные пособия, публицистика, архивы, справочные, словарные и законодательные материалы являются источниками, не входят в список литературы и выносятся в текст статьи в виде подстрочных ссылок (сноски внизу страницы). Маркер сноски – арабская цифра, нумерация – постраничная.

Список литературы оформляется согласно ГОСТ Р 7.0.5-2008. Для каждого источника обязательно указываются издательство, общее количество страниц.

Необходимо повторить русскоязычный список литературы также на английском языке, оформить References согласно следующим требованиям:

- автор/ы (транслитерация в формате BSI, BGN);
- название работы/источника (перевод на английский язык);
- выходные данные: город, издательство, год, том, диапазон страниц (транслитерация);
- указание на язык источника (In Rus.)

Самоцитирование допускается в объеме не более 20 % от общего количества источников в списке литературы.

Объем цитирования в статье должен составлять не более 30 % от общего объема статьи.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ СТАТЬИ

Рабочие языки: русский, английский, китайский.

Общие требования: формат – A4, ориентация – книжная.

Параметры страницы: верхнее и нижнее поля – 2 см; левое и правое поля – 2,5 см. Шрифт – Arial, кегль – 14, интервал – 1,5 строки. Отступ первой строки – 1,25 см. Текст – без переносов, выравнивание – по ширине.

При использовании дополнительных шрифтов при наборе статьи следует представить их в редакцию.

При наличии в статье других языков необходимо дублировать статью в формате PDF.

На последней странице статьи указывается, что «статья публикуется впервые», ставятся дата и ФИО автора(-ов).

Особенности набора слов, цифр, формул, единиц измерения.

Единицы измерения отделяются от символов и цифр, к которым они относятся.

Следует различать: О (буква) и 0 (ноль), 1 (единица) и I (римская единица или буква «и») и т. д. Необходимо отличать дефис (-) и тире (–).

Не следует заменять букву «ё» на «е».

Таблицы оформляются в формате Word, должны быть озаглавлены и иметь сквозную нумерацию в пределах статьи, обозначаемую арабскими цифрами, например, *таблица 1*, в тексте ссылки нужно писать сокращённо, например, *табл. 1*. Содержание таблиц не должно дублировать текст. Слова в таблицах следует писать полностью, переносы должны быть расставлены верно. В ячейке таблицы в конце предложения точка не ставится.

Рисунки оформляются только в чёрно-белом варианте (графики, диаграммы – формат Excel, схемы, карты, фотографии), приводятся со сквозной нумерацией (арабскими цифрами) и везде обозначаются сокращённо, например, *рис. 1*. Представляются в формате jpg (разрешение – не менее 300 т/д) отдельными файлами с указанием его порядкового номера, фамилии автора(-ов) и названия статьи. Размер рисунка – 170×240 мм. Все детали рисунка при его уменьшении должны хорошо различаться. Все **подписи на русском и английском языках** прилагаются отдельным списком в конце статьи.

Объем рисунков не должен превышать ¼ объема статьи.

Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются.

Авторы несут полную ответственность за ссылочный аппарат, подбор и изложение фактов, представленных в статье.

Почтовые расходы по пересылке авторского экземпляра журнала составляют 200 р.

Пакет документов, необходимый для опубликования материалов, отсылается по электронной почте: zab-nauka@mail.ru.

Адрес редакции

672007, Россия, Забайкальский край, г. Чита, ул. Бабушкина, 129
Забайкальский государственный университет
Редакция научных журналов (каб. 126).

Ответственный секретарь

Седина Елена Витальевна

e-mail: zab-nauka@mail.ru

Тел. +7(3022) 35-24-79

SUBMISSION GUIDELINES

The Editorial Board accepts manuscripts which **haven't been previously published**. Manuscripts prepared should not exceed 40,000 characters with spaces.

Genre	Minimum length
Research article (theoretical or empirical articles that contain the main results obtained by the author)	0.5 printer's sheet (20,000 characters)
Scientific reports and papers	0.3 printer's sheet (12,000 characters)
Reviews	0.2 printer's sheet (8,000 characters)

SUBMISSION PACKAGE

Authors should enclose the following documents in the package:

1. Electronic copy of the article. The name of the file should contain the author's surname and the title of the article.
2. Electronic version of publishing agreement.
3. Information about the author.

THE STRUCTURE OF THE PAPER SUBMITTED TO THE EDITORIAL BOARD

Branch of science (journal section).

Code: UDK, ORCID

Author's name, patronymic (middle name), surname (in Russian and English). The number of co-authors should not exceed 5 persons. If there is more than one author, the name of the main author should be given first. There should be information on the author's contribution in Russian and English (one sentence long).

City, country (in Russian and English).

Affiliation (permanent place of work or place of a research project) in Russian and English.

Mail address (in Russian and English).

Sources of financing (if there are any) in Russian and English.

Title of the paper in **Russian** (lowercase letters only) and **English** (in title capitalization the first and last words and all nouns, pronouns, adjectives, verbs, adverbs, verbs, and subordinate conjunctions (*if, as, that*, etc. – when fewer than 5 letters are capitalized).

Abstract (200 to 250 words) in Russian and English. The abstract should reflect the main outcomes of research and should include background, aims, methods, results, and conclusion but should not contain any references.

Keywords or word combinations (5–7) are separated by a comma (in Russian and English).

The body text of the paper should include the parts: Introduction, Methods, Results, Discussion, Conclusion. **The names of the parts should be in bold type.**

The paper should include in-text references to the works cited. References are given in square brackets, indicating the source number and the page number, e.g. [1, p. 25]. Several sources are separated by a semicolon [1; 3; 4].

The reference list is indicated as cited and should include at least 15 sources including no less than 5 foreign sources.

Textbooks, social and political essays, archives, reference, dictionary and legislative materials are mentioned after "References" in the section "**Sources**", they are continuously numbered or are given in the text of the paper as footnotes (in the bottom of the page). A footnote marker is the Arab figure, per page numbering.

The list of references is made out according to state standard specification (GOST) P. 7.0.5-2008. For each source the publishing house, total of pages are surely specified.

References in Russian should be translated into English and meet the following requirements:

- author (s) (transliteration in BSI, BGN formats);
- title of the work/source (English translation);
- imprint: city, publishing house, year of publishing, volume/issue, pages (transliteration);
- source language (in Rus.).

Selfcitations should not exceed 20 %.

Citations should not exceed 30 %.

ARTICLE FORMAT REQUIREMENTS

Languages of publications: Russian, English, China.

General requirements: Margins of the A4-size page (book orientation) should be: top and bottom –2 cm, left and right –2.5 cm. The main text should be Arial 14 pt with 1.5 spacing. First line indent – 1.25. The text should not include automatic hyphenation; it should be centered on the width.

If using additional fonts, consult the editor.

If using additional languages in a manuscript, a PDF copy should be submitted.

The last page of the manuscript should contain the note “The article is published for the first time”, the date and the author’s (authors’) names.

Words, figures, formulas, measurements

Units of measurement are repulsed from characters and numbers to which they relate.

A clear distinction should be made about o (letter) and 0 (zero), 1 (one) and I (Roman unit or the letter “I”), a hyphen (-) and a dash (–).

Don’t use letter “e” instead of “ë”.

All **tables** must be created in Word, be titled and marked with Arabic numbers (e.g. Table 1). Within the body of the text, references to tables should be abbreviated (e.g. tab. 1). The content of the table should not duplicate the text. The words in the tables should be written in full with correct hyphenation. The table cell should not include a dot at the end of the sentence.

Black-and-white drawings (graphs, diagrams – Excel format, charts, maps, photos) should have Arabic numbers, the word “figure” should be always abbreviated (e.g. fig. 1). Illustrations are submitted in jpg format (with a minimum 300 dpi resolution or higher) as separate files, indicating their number, author’s name/authors’ names and the title of the article. Image size 170×240 mm. When reducing, all details of the image should be distinguished. **All captions in Russian and English** should be attached as a separate list to the article.

Figures must not exceed 1/4 length of the text.

Papers that do not meet the above mentioned requirements will not be accepted.

The authors are fully responsible for the accuracy of quotations and references.

Payment for the author’s copy postage

An amount of 200 rubles is paid for postage.

The complete package should be sent to zab-nauka@mail.ru

Address of the Editorial Board

129 Babushkina st., Chita, 672007, Transbaikal Territory, Russia
Transbaikal State University, The Editorial Board (Room 126)

Executive Secretary

Sedina Elena V.

e-mail: zab-nauka@mail.ru

Tel. +7(3022) 35-24-79